

БѢЛОЕ ДѢЛО

ЛѢТОПИСЬ БѢЛОЙ БОРЬБЫ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
А. А. фонъ-Лампе

VII

К-ВО „МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ“

Книга эта отпечатана въ
Маѣ 1933 г. въ г. Берлинѣ
въ типографіи Шпееръ и
Шмидтъ, въ количествѣ
одной тысячи экземпля-
ровъ.

Перепечатка, обработка и переводы допускаются лишь съ разрѣшенія
автора «Записокъ Добровольца».

Содержаніе ранѣе вышедшихъ книгъ Лѣтописи:

КНИГА I.

Бѣлая Идея. (Вмѣсто предисловія). И. А. Ильинъ. СѢВЕРЪ РОССИИ: Годъ на Сѣверѣ. (Часть I — 1918 годъ). В. В. Марушевскій. ЮЖНЫЙ ФРОНТЪ: Мартъ 1920 года. П. Н. Врангель. — Документъ: Письмо генерала Алексѣева къ генералу Дидерихсу. ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТЪ: Симбирская операція. А. П. Степановъ. — Первое порученіе адмирала Колчака. М. А. Иностранцевъ. ЗАПАДНАЯ ОКРАИНА: Начало Сѣверо-Западной арміи. К. К. Смирновъ. ФРОНТЪ ВНУТРЕННЕЙ БОРЬБЫ: Контрабандисты. (Отрывки изъ впечатлѣній). В. В. Шульгинъ. ПРИЛОЖЕНІЕ: Сравнительная хронологическая таблица борьбы на бѣлыхъ фронтахъ.

КНИГА II.

Быховскій альбомъ. С. Р. СѢВЕРЪ РОССИИ: Годъ на Сѣверѣ. (Часть II — 1919 годъ). В. В. Марушевскій. ЮЖНЫЙ ФРОНТЪ: Кубанцы (1917—1918 г.г.). А. П. Филимоновъ. — Убійство генерала Романовскаго. В. П. Агапѣевъ. ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТЪ: Уральское казачье войско въ борьбѣ съ большевиками. И. Г. Акулиничъ. — Документъ: Обстоятельства, сопровождавшія выдачу адмирала Колчака революціонному правительству въ Иркутскъ. ЗАПАДНАЯ ОКРАИНА: Даниловы. Л. Ф. Зуровъ. — Документъ: Справка о балтійскомъ ландесверѣ. Сообщеніе офицера Сѣв.-Зап. арміи о бояхъ подъ Петроградомъ. ФРОНТЪ ВНУТРЕННЕЙ БОРЬБЫ: На службѣ у большевиковъ. Е. М. Гаугъ.

КНИГА III.

СѢВЕРЪ РОССИИ: Образованіе Сѣверной области. С. Н. Городецкій. — Годъ на Сѣверѣ. (Часть III — окончаніе). В. В. Марушевскій. — Документъ: Рѣчь генерала Айронсайда 12 ноября 1918 года. Вестѣда съ посланникомъ Линдлеемъ. ЮЖНЫЙ ФРОНТЪ: Смѣшное въ странномъ. А. П. Брагинъ. — Съ Корниловымъ. С. М. Пауль. — Бредовскій походъ. В. А. Штейфонъ. — Документъ: Румыны — рапортъ офицера, командированнаго 23 февраля 1920 года изъ Константинополя въ Бутазъ. ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТЪ: Два возстанія. А. Я. Гутманъ (Анатолій Ганъ). — Письмо въ редакцію, объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ выдачу адмирала Колчака. ЗАПАДНАЯ ОКРАИНА: Въ Южной Прибалтикѣ (1919 г.). Свѣтл. князь А. П. Ливенъ. — Передъ занятіемъ Риги. Д. Н. Потоцкій. ФРОНТЪ ВНУТРЕННЕЙ БОРЬБЫ: Взрывъ порохового погреба. Г. Н. де-Тиллотъ. — Въ пасти Че-Ка. Атаманъ Дергачъ.

КНИГА IV.

СѢВЕРЪ РОССИИ: Борьба за Россію на Сѣверѣ. Е. К. Миллеръ. — Два переворота на Сѣверѣ. Г. Е. Чаплинъ. — Документъ: Объявленія Верховнаго управленія Сѣверной области. ЮЖНЫЙ ФРОНТЪ: Въ дни Каледина. Н. Бѣлогорскій. — На Дону. Д. Н. Потоцкій. — Воспоминанія добровольца. Е. Емельяновъ. — Документъ: Памятная записка о Крымской эвакуаціи. ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТЪ: Послѣдняя Россія. Н. А. Андрушкевичъ. ЗАПАДНАЯ ОКРАИНА: Крестоносцы. И. С. Конопляинъ-Горный. — Корпусъ генерала Довборъ-Мусницкаго. В. П. Агапѣевъ. ФРОНТЪ ВНУТРЕННЕЙ БОРЬБЫ: Заговоры въ Петроградѣ. Н. Д. Нелидовъ. — Документъ: Переходъ Семеновскаго полка. ПРИЛОЖЕНІЕ: Указатель книгъ и статей напечатанныхъ на бѣлой сторонѣ, въ которыхъ имѣется матеріалъ по исторіи Бѣлой Борьбы.

КНИГА V.

ЮЖНЫЙ ФРОНТЪ. Записки. (Ноябрь 1916 г. — Ноябрь 1920 г.). Часть первая: глава I — Смута и развалъ арміи; II — Освобожденіе Сѣвернаго Кавказа; глава III — На Москву; IV — Крамола на Кубани; глава V — Развалъ. Генералъ П. Н. Врангель.

КНИГА VI.

ЮЖНЫЙ ФРОНТЪ. Записки. (Ноябрь 1916 г. — Ноябрь 1920 г.). Часть вторая. Послѣдняя пядь родной земли; глава I — Смѣна власти; глава II — Первые дни; глава III — Приказъ о землѣ и волостномъ земствѣ; глава IV — Передъ наступленіемъ; глава V — Впередъ; глава VI — Въ Сѣверной Тавриѣ; глава VII — На Кубань; глава VIII — Все на Врангеля; глава IX — За Дибиромъ; глава X — Послѣдняя ставка. Генералъ П. Н. Врангель.

Содержаніе.

Отъ редакціи:	5
-------------------------	---

Южный фронтъ:

Записки добровольца (1919—1920 г.).
Леонтій Мечовъ.

Глава I-я. У красныхъ	8
Глава II-я. Освобожденіе	37
Глава III-я. Въ Бѣлой арміи	59
Глава IV-я. Катастрофа	85
Глава V-я. Въ Крыму	114
Глава VI-я. Боевыя дѣйствія	132
Глава VII-я. Великій исходъ	167
Приложенія	199
Письмо въ редакцію	203
Указатель именъ	205
Указатель иллюстрацій	206

В. Мещеряков
А. Вранский

Замокъ Сееонъ, июль 1926 г.

Отъ редакціи.

Содержаніе седьмого тома нѣсколько отходить отъ плана, по которому составлены томы 1, 2, 3 и 4 Лѣтописи и потому я считаю необходимымъ дать этому краткое поясненіе.

Печатаемая впервые фотографія Генерала П. Н. Врангеля и Герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго, посвящена памяти тѣхъ, кто принималъ участіе въ созданіи Лѣтописи и теперь, волею Божьей, ушелъ отъ насъ. Снимокъ этотъ былъ сдѣланъ въ замкѣ Сееонъ въ іюлѣ 1926 года, въ тѣ дни, когда окончательно рѣшено было изданіе Лѣтописи и утвержденъ ея планъ. Въ тѣ же дни въ замкѣ состоялось свиданіе, которое могло стать историческимъ. Но изъ тѣхъ, кто встрѣтился тогда въ Сееонѣ почти все ушло изъ жизни: 8-го іюля 1927 года скончался германскій генераль М. Гоффманъ, пріѣзжавшій на свиданіе въ замокъ изъ близлежащаго курорта, 25-го апрѣля 1928 года русскіе люди лишились генерала Врангеля, а 9-го августа 1929 года за ними послѣдовалъ и гостепріимный хозяинъ Сееона — Герцогъ Лейхтенбергскій и въ живыхъ остался только пишущій настоящія строки, быть можетъ для того, чтобы своими слабыми силами сдѣлать попытку помочь направить русское дѣло по путямъ, намѣчавшимся во время этого свиданія. . .

Весь текстъ седьмого тома посвященъ только одному Южному фронту и только одной работѣ: «Записки добровольца».

Въ отличіе отъ первыхъ шести томовъ Лѣтописи, въ которыхъ часто приводились труды лицъ руководившихъ Вѣлымъ Движеніемъ, редакция на этотъ разъ предоставила возможность полностью высказаться рядовому участнику борьбы. Авторъ «Записокъ», какъ и многіе русскіе люди, использовалъ службу совѣтамъ, какъ мостъ для перехода на сторону ихъ противниковъ. Перейдя на Вѣлую сторону онъ не поддавался соблазнамъ манившаго столь многихъ добровольческаго тыла. Напротивъ, не будучи никогда военнымъ и имѣя юридическую возможность легко уйти отъ опасностей фронта — онъ увлекся національ-

ной идеей, которая вела добровольцевъ по пути освобожденія Россіи и мужественно стала рядовымъ тусаромъ въ строй бѣлыхъ и раздѣлила съ арміею ея судьбу до самаго послѣдняго момента ея пребыванія на родной землѣ. Желаніе дать читателямъ Лѣтописи возможность ознакомиться съ тѣми настроеніями, которыя царили среди лучшей части добровольцевъ и которыя освящали путь бѣлыхъ въ Россіи и исповѣдуются ими и по сей часъ на чужбинѣ, побудило редакцію предоставить автору «Записокъ» всю книгу.

Наличіе псевдонимовъ (начиная съ авторскаго), не удивить читателей Лѣтописи, въ большинствѣ случаевъ знакомыхъ съ совѣтской дѣйствительностью. Настоящія имена и названія редакціи конечно извѣстны.

А. фонъ-Лампе.

ЮЖНЫЙ ФРОНТЪ.

Записки добровольца.

(1919—1920 гг.)

Леонтій Мечовъ.

(2 схемы).

Леонтій Мечовъ (псевдонимъ) — едва закончивъ свое университетское образованіе, въ надеждѣ бѣжать изъ большевической Москвы, поступилъ на советскую службу въ районъ Харькова и при первой возможности перешелъ въ районъ, занятый арміями ген. Деникина, въ составъ которыхъ онъ вступилъ рядовымъ бойцомъ и остался на своемъ мѣстѣ, уже будучи произведеннымъ въ офицеры, до эвакуаціи Русской Арміи изъ Крыма.

Отъ автора.

Настоящія записки являются только личными воспоминаніями рядового русскаго человѣка, которому волею судьбы дано было сперва присмотрѣться къ советскимъ порядкамъ въ красномъ тылу, затѣмъ бѣжать отъ большевиковъ и послѣ добровольнаго зачисленія въ Бѣлую армію, лично изжить до конца на Югѣ Россіи страдный путь добровольческой войны.

Характерная черта описываемой эпохи заключается въ томъ, что часть русскаго общества, для которой большевизмъ оказался непріемлемымъ, раздѣлилась передъ лицомъ советскаго засилія на двѣ большія группы. Одна, въ силу необходимости, осталась въ советской Россіи, переживая всѣ ужасы большевизма, стараясь такъ или иначе сохранить свою жизнь, другая, уйдя на окраины страны, взялась съ оружіемъ въ рукахъ за открытую борьбу съ советской властью.

Трагизмъ эпохи заключается въ томъ, что между этими двумя группами людей не оказалось должнаго взаимнаго пониманія. Оставшіеся въ Россіи не отнеслись съ достаточнымъ довѣріемъ къ начинаніямъ добровольцевъ. Добровольцы же могутъ быть слишкомъ непримиримо отнеслись ко всѣмъ тѣмъ, кто, хотя бы и по принужденію, пошелъ на советскую службу. Теперь уже давно чаянія и тѣхъ, и другихъ разлетѣлись во прахъ. Одни, — если избѣжали разстрѣла, — влачатъ теперь жалкое существованіе въ советской Россіи, — другіе находятся въ эмиграціи. Но если разсчета однихъ на неминуемое внутреннее изжитіе большевизма оказались преждевременными, если, съ другой стороны, освободительное движеніе закончилось неудачею, то я все же глубоко убѣжденъ въ томъ, что страданія и муки и тѣхъ, и другихъ служатъ вѣрнымъ залогомъ будущаго возрожденія Россіи.

I. У красныхъ.

Омутъ.

Года полтора прошло послѣ того, какъ въ октябрѣ 1917 г. *) у власти появились большевики. Темное, кошмарное и лихорадочное время пережили мы. Оно началось уже тогда, когда въ періодъ, предшествовавшій установленію большевицкой диктатуры, революціонный дурманъ охватилъ Россію, когда русская общественность, потерявъ разумъ и совѣсть, свергла власть, данную ей Богомъ, и народная масса, руководимая бездарнымъ правительствомъ и безотвѣтственными людьми, произвела на свѣтъ урода, — такъ называемое Учредительное Собраніе. Тогда никто изъ насъ не зналъ, до какой бездны доведетъ страну всеобщій круговоротъ, охватившій Россію, но каждый изъ насъ чувствовалъ, что онъ является невольнымъ и безпомощнымъ свидѣтелемъ какой-то ужасной драмы.

Въ Москвѣ, послѣ трехдневной перестрѣлки, во время которой весь городъ гудѣлъ и трещалъ отъ ружейной и пулеметной палыбы, отъ разрыва снарядовъ, отъ грохота проносящихся броневиковъ, на слѣдующій же день послѣ позорной капитуляціи командующаго войсками московскаго военнаго округа, полковника Рябцева, на улицахъ, изрытыхъ окопами, появились красногвардейцы-рабочіе въ штатскихъ пальто и съ винтовками въ рукахъ. Многіе изъ нихъ удивленно смотрѣли на робко пробиравшихся мимо нихъ обывателей, не вѣря еще должно быть тому, что побѣда осталась за ними. Но въ тотъ же день появилась листовка, въ которой объявлялось, что власть какъ въ Петроградѣ, такъ и въ Москвѣ, перешла въ руки совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Командующимъ войсками московскаго военнаго округа назначался какой-то солдатъ Мураловъ. Странно сочетались призывы къ населенію Москвы о соблюденіи порядка и спокойствія и долетѣвшіе слухи о кровавыхъ событіяхъ, происшедшихъ въ Кронштадтѣ и Петроградѣ... И новая власть стала устанавливать свои порядки; население стало желѣзной рукой вводиться въ колею совѣтской жизни, скручиваться голодомъ и страхомъ Лубянки.

Въ началѣ впрочемъ насъ не оставляла надежда. Многіе полагали тогда, что процессъ разложенія, за которымъ мы съ такимъ ужасомъ слѣдили и который привелъ къ октябрьскимъ событіямъ, достигъ того крайняго предѣла, за которымъ онъ въ силу необходимости долженъ былъ приостановиться? Заключенъ былъ позорнѣйшій Брестъ-Литовскій миръ; и съ краской стыда, — стыда за Россію, — мы невольно шептали: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». А казалось, что хуже и быть не могло, и по какому-то странному иллюгизму предвидѣли мы скорое паденіе большевиковъ и замѣну ихъ такою властью, которая смететъ всю нечисть съ лица Россіи. Казалось, что кровавые ужасы, происшедшіе во флотѣ и въ дѣйствующей арміи, уже давно миновали, и не хотѣлось думать о той неизвѣстной, которую представляло возвращеніе съ фронта деморализованныхъ и озлобленныхъ солдатскихъ массъ. Въ самой Москвѣ наступило нѣкоторое затишье, и не только по сравненію съ октябрьскими днями, но даже и съ тѣмъ, что происходило въ ней въ концѣ лѣта 1917 года, когда городская милиція стала настолько несостоятельной, что обыватели должны были сами принимать мѣры само-

*) Всѣ даты по старому стилю.

защиты противъ участвовавшихъ уличныхъ грабежей и палетовъ на частные дома. Тогда между сосѣдями, въ особенности же въ наиболѣе зажиточныхъ кварталахъ, стали организовываться поочередныя ночныя дежурства, между домами устанавливалась особая система сигнализаций для предупрежденія возможнаго набѣга грабителей. Такіе порядки хотя и продолжали существовать еще нѣкоторое время послѣ захвата власти большевиками, но мѣры, принятые новыми правителями противъ своихъ же собственныхъ собратій, — мелкихъ грабителей, — оказались настолько состоятельными, что вскорѣ уже не было необходимости прибѣгать къ частной оборонѣ. Хотя бы въ этомъ отношеніи только намъ стало легче дышать. Покончивъ съ частными грабежами, большевики уже сами стали исподволь готовиться къ всеобщему и организованному ограбленію.

Въ то время я, студентъ 4-го курса филологическаго факультета, пріѣхалъ въ городъ въ началѣ войны изъ-за границы, гдѣ находился послѣ перенесенной тяжелой операціи, вслѣдствіе которой меня въ 1915-мъ году освободили отъ зачисленія въ армію. Во время войны я по довѣренности управлялъ отцовскимъ имѣніемъ и свободное время проводилъ на постройкѣ новаго крахмального завода, а затѣмъ, когда заводъ былъ пущенъ въ ходъ, сталъ руководить и производствомъ на немъ. Послѣ мартовской революціи, видя, что при сложившихся условіяхъ производительной работы въ деревнѣ быть не можетъ, я вернулся въ Москву и сталъ продолжать университетскія занятія. Въ послѣдній разъ въ жизни побывалъ я въ имѣніи въ концѣ ноября 1917 года. Тогда какъ разъ происходила демобилизація арміи. Если въ Москвѣ установилось сравнительное, по крайней мѣрѣ хотя бы внѣшнее спокойствіе, то въ провинціи и въ деревняхъ только что еще начинался мятежъ. Жутко было въ то время путешествовать по желѣзнымъ дорогамъ. Вагоны всѣхъ классовъ, съ перебитыми окнами, загрязненные до неузнаваемости, были переполнены возвращающимися съ фронта разнузданными и озлобленными солдатами. Поезда останавливались по пути и направлялись по тому или другому направленію по ихъ требованію, и желѣзнодорожные служащіе, опасаясь за свою жизнь, не смѣли имъ возражать. Небезопасно было болѣе или менѣе прилично одѣтому человѣку очутиться въ вагонѣ, переполненномъ дикой вооруженной толпой, и онъ рисковалъ, за какое-нибудь неосторожное слово или даже просто безъ всякой причины, быть выброшеннымъ на ходу изъ вагона черезъ выбитое окно. Прибытіе на мѣста этихъ озвѣрѣвшихъ людей, пробывшихъ столько времени въ окопахъ, развращенныхъ большевизской пропагандой и уже пролившихъ братскую кровь, вскорѣ дало себя знать. По всей средне-черноземной полосѣ Россіи прокатилась волна погромовъ помѣщичьихъ усадебъ. Уже во время моего послѣдняго посѣщенія имѣнія, со дня на день ожидалось прибытіе погромщиковъ изъ отдаленныхъ и сосѣднихъ деревень; мѣстный сельскій комитетъ уже нѣсколько разъ производилъ обыскъ въ усадьбѣ и на дому подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы у насъ имѣлись пулеметы; темной ночью доносились до насъ крики и пѣсни пьяной толпы, грабившей сосѣдній винный складъ... Пробывъ нѣсколько дней въ имѣніи, я вернулся въ Москву. А въ концѣ декабря наши усадьба и заводы были разгромлены и сожжены до тла.

Къ этому времени, если не ошибаюсь, въ Москвѣ уже были опубликованы декреты о введеніи новыхъ домовыхъ комитетовъ взамѣнъ тѣхъ, которые были учреждены еще

при Временномъ Правительствѣ. Въ эти комитеты, снабженные административными полномочіями, привлекалась «бѣдота» или, за неимѣніемъ ея, — дворники и прислуга. Доносы, иногда самые неожиданные стали обычнымъ явленіемъ. Особняки и большія квартиры реквизировались подъ совѣтскія учрежденія, а болѣе скромныя «буржуазныя» квартиры «уплотнялись» новыми жильцами. Для того, чтобы избѣжать насильственного вселенія къ себѣ нежелательныхъ лицъ, домовладѣльцы и квартиранты старались сами подыскать знакомыхъ людей, предоставляя имъ, понятно бесплатно, свободныя комнаты, вплоть до гостиной и столовой; иногда, оставляя въ своемъ распоряженіи одну или двѣ комнаты, они сами отдавали свои помѣщенія подъ такія учрежденія, во главѣ которыхъ не стояли настоящіе большевики. Благодаря такимъ ухищреніямъ удавалось, хотя бы на нѣкоторое время, сохранить въ цѣлости отъ потока и разграбленія непрощенныхъ гостей цѣнную мебель, картины и библіотеки. Тогда все еще думалось, что большевики долго не продержатся и что скоро откуда нибудь придетъ избавленіе...

Освобожденія же отъ большевиковъ ожидали отовсюду; однѣ надежды смѣнялись другими. Ожидали занятія Москвы германской арміей, надѣялись на англичанъ, высадившихся въ Архангельскѣ и помогавшихъ Сѣверной бѣлой арміи; на союзниковъ, орудовавшихъ на Югѣ Россіи и въ Кіевѣ, на «чехословаковъ», на Маннергейма, — финляндскаго генерала... И не вѣря въ то, что спасеніе можетъ придти отъ самихъ же русскихъ, полагались главнымъ образомъ на иностранцевъ, посмѣивались надъ Скоропадскимъ, возмущались Петлюрой и жалѣли тѣхъ «бѣдныхъ мальчиковъ» — юнкеровъ, которые, собираясь въ отряды гдѣ-то на югѣ, шли на вѣрную смерть въ неравной борьбѣ съ большевиками! Но за каждой надеждой слѣдовало разочарованіе. Вооруженная борьба на окраинахъ Россіи какъ будто бы застыла; иностраннымъ державамъ было повидимому не до русскихъ дѣлъ; большевики продолжали одерживать одну побѣду за другой надъ русскими ополченіями. Правда, одно время загорѣлась была новая надежда, югда адмиралъ Колчакъ, продвигаясь изъ Сибири со своей арміей, достигъ приволжскихъ губерній, но и она не оправдалась, и скорѣе и она замѣнилась тоской и уныніемъ...

А тѣмъ временемъ совѣтскія газеты, которыя, за неимѣніемъ другихъ, поневолѣ приходилось читать, продолжали поработать умы москвичей, сообщая имъ искаженные извѣстія о томъ, что происходило внѣ совѣтской Россіи, внушая сознаніе силы совѣтской власти и ничтожности всѣхъ попытокъ свергнуть ее. Издаваемые ежедневно все новые и новые декреты, съ которыми приходилось знакомиться по газетамъ, чтобы не попасть впросакъ, съ бумаги постепенно переходили въ жизнь. Лозунги: «кто не трудится, да не ѣсть», «миръ хижинамъ, война дворцамъ», «смерть буржуямъ», — проводились въ жизнь посредствомъ декретовъ о выдачѣ продовольственныхъ карточекъ и о предоставленіи права на жилое помѣщеніе однимъ только рабочимъ и тѣмъ, кто состоялъ на службѣ въ совѣтскихъ учрежденіяхъ. Было время, когда, правда за большія деньги и въ особыхъ поѣздахъ, съ отбѣзжающими миссіями или съ украинскими «людданными», можно было еще выѣхать изъ совѣтской Россіи на Украину. Но время это миновало; покинуть совѣтскую территорію стало уже почти невозможнымъ; да и тѣ извѣстія, которыя изрѣдка доходили отъ лицъ, уѣхавшихъ въ Кіевъ или дальше, были настолько неутѣшительными, что казалось лучше перене-

сидеть въ бѣдствіи у себя дома, чѣмъ шускаться на авантюру, заранѣе обреченную на неудачу. Многіе изъ тѣхъ, кто попытался уѣхать, такъ и исчезли безслѣдно, нигде не доѣхавъ; другіе вернулись обратно въ Москву, переживъ кошмарныя приключенія на границѣ и потерявъ все то, что захватили съ собой. На виѣшній міръ мало было надежды, и приходилось полагаться исключительно на свои собственные силы для того, чтобы хоть какъ-нибудь просуществовать. Банки и другія кредитныя учрежденія были закрыты. Частная торговля была запрещена, наиболѣе крупныя заводы и фабрики — объявлены національнымъ достояніемъ. Тѣ, у кого имѣлись раньше капиталы, сбереженія, недвижимое имущество, торговля или служба въ учрежденіяхъ, закрытыхъ большевиками, лишились всего. Кто изъ зажиточныхъ классовъ сохранилъ еще кое-какія драгоценности, — мебель, картины, старинныя вещи, — тотъ продавалъ ихъ или закладывалъ въ комиссіонныхъ магазинахъ, нелегально во множествѣ пооткрывавшихся въ Москвѣ. Денегъ вырученныхъ отъ продажи вещей, понятно не могло хватить надолго, и москвичамъ приходилось изыскивать другія средства, чтобы не умереть съ голода. «Бывшіе люди» съ разрѣшенія властей стали открывать частныя мастерскія, — сапожныя, столярныя и всевозможныхъ кустарныхъ издѣлій; многіе занялись комиссіонерствомъ (подъ страхомъ попасть на Лубянку по обвиненію въ спекуляціи). Но огромное большинство москвичей, разоренныхъ революціей, стало, послѣ болѣе или менѣе долгихъ колебаній, поступать на службу въ совѣтскія учрежденія. Большевикамъ необходимы были опытные люди, и такихъ людей они могли найти только среди тѣхъ классовъ, которые ими же самими были разорены. Поэтому поступать въ совѣтскія учрежденія, къ тому же требовавшія обычно большихъ штатовъ, не представляло особаго затрудненія.

Тому, кто лично не пережилъ этого времени въ совѣтской Россіи, должно быть необычайно трудно составить себѣ точное представленіе о переживаніяхъ людей, что пошли на службу къ своимъ же собственнымъ врагамъ, которымъ по всему своему міросозерцанію они не могли сочувствовать. Среди тѣхъ, кто пошелъ на совѣтскую службу, должно было, понятно, оказаться множество оппортунистовъ, корыстолюбцевъ и всякихъ темныхъ личностей. Но среди поступившихъ, безъ сомнѣнія, было и много честныхъ людей, оставшихся, несмотря на все, преданными Россіи и продолжавшихъ горячо любить ее! Надо было зарабатывать себѣ хлѣбъ, а другой службы, кромѣ большевицкой не существовало. И среди нихъ, какъ это и ни странно, было немало и тѣхъ, кто принималъ болѣе ответственныя должности и вникалъ въ свою работу. Въ силу какой-то сложной внутренней работы, создавалась у мыслящихъ людей своеобразная, характерная для этого времени идеологія. Трудно, почти невозможно въ нѣсколькихъ словахъ описать хотя бы приблизительную картину этихъ сложныхъ и часто такихъ различныхъ переживаній, подвести ихъ подъ одну общую формулу, но мнѣ кажется, что большинство въ то время руководилось сознаніемъ, болѣе или менѣе ясно выраженнымъ, что всякому, кто чувствуетъ себя носителемъ идеи порядка и кто способенъ къ практическому строителству, не слѣдуетъ оставаться бездѣятельнымъ или пассивнымъ, но что нужно лично принять участіе въ той жизни, которая, казалось, начинала органически складываться помимо большевиковъ и обычно вопреки коммунистическимъ идеямъ. Жива еще была какая-то мнимая надежда на то, что если коммунизмъ естественнымъ путемъ изживетъ себя, то вмѣстѣ

съ нимъ исчезнуть и большевики. И если вмѣстѣ съ коммунистами приходилось такъ или иначе способствовать разрушенію прежнихъ основъ, то это казалось путемъ къ скорѣйшему обнаруженію несостоятельности ихъ теорій и замѣнѣ ихъ старыми принципами, испытанными на дѣлѣ. Часто это была личная отважная борьба отдѣльныхъ лицъ, временно прикрывавшихся личиною вѣрности совѣтскому строю, — за возстановленіе могущества и независимости Россіи. Въ то же время создавалась и особая этика въ выборѣ должностей. Старались идти въ такія учрежденія, въ правленіяхъ которыхъ не числилось коммунистовъ, или въ такіе отдѣлы, во главѣ которыхъ стояли свои же люди, въ глубинѣ души оставшіеся врагами большевизма. Поэтому въ моральномъ отношеніи хуже всего приходилось русскому офицерству. Вспоминаю тѣ дни, когда бывшіе офицеры были впервые приняты на учетъ и должны были явиться для регистраціи въ Александровское военное училище; какъ тогда многіе изъ нихъ прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы избѣжать позорной записи въ Красную армію...

Но русскіе люди, такъ или иначе очутившіеся на службѣ у большевиковъ, должны были рано или поздно убѣдиться въ томъ, что они попали въ безвыходное положеніе. Они въ концѣ концовъ должны были осознать, вопреки своимъ прежнимъ надеждамъ, что отдавая свои знанія, свои силы, свое здоровье новой службѣ, они не только не способствуютъ возстановленію родной страны, но являясь простымъ орудіемъ въ рукахъ большевиковъ, невольно помогаютъ имъ укрѣпиться.

За мое кратковременное пребываніе на совѣтской службѣ, положившей начало моимъ странствованіямъ, мнѣ довелось воочію убѣдиться въ томъ, къ какимъ парадоксамъ и въ какой моральный тупикъ можетъ привести практическая работа на совѣтской службѣ. Попалъ я на нее послѣ окончанія университета, въ которомъ въ теченіе еще двухъ семестровъ послѣ революціи, продолжались занятія на прежнихъ основаніяхъ. Сдавъ государственные экзамены, но уже по большей части на частныхъ квартирахъ у профессоровъ, я сталъ изыскивать способы къ тому, чтобы выбраться изъ подневольнаго, гнетущаго положенія. Оставаться бездѣятельнымъ было то же, что подписать самому себѣ смертный приговоръ, и я чувствовалъ необходимость испытать свои силы на дѣлѣ и присмотрѣться къ новымъ условіямъ жизни, которая только еще начиналась для меня. Такъ или иначе надо было выбраться изъ московскаго омута. Но такъ какъ путешествовать по желѣзнымъ дорогамъ безъ дѣла и на частномъ положеніи было тогда почти что невозможно, то лучшимъ способомъ привести мое намѣреніе въ исполненіе было получить служебную командировку отъ какого-нибудь совѣтскаго учрежденія на одну изъ окраинъ страны, гдѣ, кстати сказать, всегда могъ представиться и удобный случай для побѣга изъ совѣтской Россіи. Поэтому, когда явилась для меня возможность поступить, въ качествѣ прикомандированнаго для разъѣздовъ, въ Главный комитетъ по крахмально-латочнымъ дѣламъ, то я не задумываясь принялъ эту должность. Нѣсколько мѣсяцевъ пришлось мнѣ пробыть на службѣ безъ опредѣленныхъ занятій и только въ концѣ зимы 1919 года начались для меня мои приключенія.

Отъѣздъ изъ Москвы.

Придя однажды на службу въ «Главкрахмаль», я неожиданно получаю уведомленіе, что назначаюсь въ срочную командировку на югъ, а именно въ Н-скій уѣздъ

Курской губернии, недавно эвакуированный иѣмцами и гайдамаками. Справляюсь на картѣ Россіи и не безъ труда нахожу, наконецъ, на самомъ югѣ губерніи кружокъ съ надписью Н-скѣ. Несмотря на то, что въ тѣ времена считалось счастьемъ получить командировку на югъ и получить возможность привезти своимъ въ голодную Москву продуктовъ, меня все же смущало одно обстоятельство. Я предпочелъ бы поѣхать въ одну изъ сѣверныхъ приволжскихъ губерній, къ которымъ вновь продвигаются съ Урала бѣлыя ополченія адмирала Колчака. Навѣдываясь за послѣднее время въ «Главкрахмалъ», я всякій разъ невольно взглядывалъ на эту самую стѣнную карту съ затаенной мечтой получить командировку на Волгу, изъ-за которой вставала, казалось, новая жизнь. О возможности новаго наступленія арміи адм. Колчака, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ зашедшаго было далеко вглубь Россіи, говорили тогда рѣшительно все: — кто съ плохо скрываемой радостью, кто съ опасеніемъ и страхомъ. Но судьба, видимо, рѣшила по своему, и я волей-неволей бѣгу въ правленіе за распоряженіями. Тамъ мнѣ подтверждаютъ то, что я уже слышалъ, и поручаютъ мнѣ принять на учетъ заводы, находящіеся въ Н-скомъ уѣздѣ, опредѣлить наличность сырыхъ и готовыхъ продуктовъ и привезти докладъ. Даютъ мнѣ и какія-то приблизительныя свѣдѣнія о количествѣ заводовъ, имѣвшихся тамъ въ прежнее время, и приказываютъ ѣхать немедленно.

Все дѣло теперь въ томъ, чтобы достать желѣзно-дорожный билетъ, а дѣло это далеко не простое. Въ тѣ времена свободно разѣзжаться по желѣзнымъ дорогамъ могли одни только коммунисты, и, не говоря уже о простыхъ обывателяхъ, даже и совѣтскому служащему, хотя бы и ѣдущему въ срочную командировку, приходилось проходить черезъ всякія мытарства. Получивъ командировочное свидѣтельство изъ «Главкрахмала», я долженъ былъ первымъ дѣломъ отправиться въ Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства, помѣщавшійся въ томъ зданіи по Златоустинскому переулку, гдѣ во время войны находилось Главное Управленіе Всероссійскаго Земскаго Союза. Здѣсь, пройдя по лабиринту нескончаемыхъ коридоровъ, среди толкотни спующихъ служащихъ и ожидающей публики, нахожу за какой-то дощатой перегородкой комнату, въ которой выдаются пропуска въ Кремль для полученія отъ ЦИКа разрѣшенія на выѣздъ изъ Москвы. Несмотря на длинную очередь людей, которымъ кто-то въ чемъ-то отказываетъ, пробираюсь рѣшительно впередъ со своимъ «экстреннымъ» свидѣтельствомъ. Замѣчаю, что и здѣсь, какъ и при всѣхъ вообще обстоятельствахъ совѣтской жизни, рѣшительный тонъ и категорическое требованіе, выраженное громко и твердо, дѣйствуютъ на коммунистовъ магическимъ образомъ. Пропускъ мнѣ выдаютъ, и я сиѣшу въ Кремль. Но увы! Присутственные часы уже кончились, и въ Кремль больше никого не пропускаютъ.

Однако на слѣдующій день, у Троицкихъ воротъ, мой пропускъ оказался дѣйствительнымъ, и часовой, взглянувъ на круглую печать ВСНХ, пропустилъ меня и при этомъ приложилъ даже руку къ козырьку. Со страннымъ чувствомъ входилъ я въ Кремль, въ которомъ мнѣ ни разу не пришлось побывать со времени октябрьской революціи. Площади были пустыни, и мои шаги гулко раздавались по мостовой. Изрѣдка только пробирались мимо какіе-то люди съ портфелями въ рукахъ, но ихъ присутствіе въ Кремлѣ казалось мнѣ переальнымъ и вызваннымъ какимъ-то недоразумѣніемъ. Кремль неизбежно стоялъ во всемъ своемъ величіи, продолжая воплощать

въ себѣ вѣковую идею русскаго могущества и благочестія, и, проникая въ него, я чувствовалъ теперь, что вступаю на родную почву, что приобщаюсь къ тому, что онъ таинственно хранитъ въ себѣ.

У зданія Судебныхъ Установленій народа оказалось больше. Семитическія бритыя лица, френчи, щеголеватые сапоги, сновавшихъ здѣсь людей, свидѣтельствовали о томъ, что близко совдепъ. Двери зданія, въ которомъ помѣщался ВЦИК, безпрестанно открывались и закрывались, пропуская вереницы спѣшащихъ людей. Послѣ очередной волокиты я получилъ здѣсь требуемое удостовѣреніе, а также и право на вѣд. очередной билетъ. Остается только теперь отправиться на Курскій вокзалъ.

На вокзалѣ надо было предварительно зарегистрироваться въ желѣзно-дорожной «чрезвычайкѣ», что впрочемъ для тѣхъ, у кого имѣлся пропускъ отъ ЦИК'а представляло только формальность и дѣлалось быстро. Зато у кассы предварительной продажи билетовъ всегда безъ перерыва стояла огромная очередь. Несмотря на свой пропускъ, я не безъ труда добрался до кассы и записался на билетъ, который, однако, долженъ былъ получить только въ день отъѣзда.

Слѣдуя инстинкту, бѣшено несусь вечеромъ, въ день отъѣзда, по перрону Курскаго вокзала. Выбираясь изъ людской массы, натыкаясь на спины, нагруженные мѣшками, путаясь въ сѣрыхъ шинеляхъ бѣгущихъ людей, пробиваю себѣ путь къ «делегатскому» вагону и, наконецъ взбираюсь въ него. За мною поспѣваетъ, тяжело дыша, носильщикъ съ портъ-пледомъ. Получивъ на чай, онъ говоритъ: «покорно благодарю, ваше благородіе», — совсѣмъ какъ въ прежнее время говорили старорежимные носильщики. Относилось ли это «благородіе» къ совѣтскому делегату, подводилъ ли носильщикъ подъ это понятіе всѣхъ тѣхъ, кто хорошо давалъ ему на чай, или же внушила ему это слово моя помѣщичья поддевка и, хотя и поношенный, но приличный портъ-пледъ, — этотъ вопросъ и по настоящее время остается для меня загадкой.

Хотя у меня и имѣлась плацкарта, но надо было изъ предосторожности заблаговременно занять мѣсто. Устраиваюсь на верхней койкѣ. Въ вагонѣ людей къ счастью мало. Прислушиваюсь къ шуму людской массы на перронѣ; по крышѣ вагона кто-то ходитъ: стоняютъ съ крышъ мѣщечниковъ, слышны ругань и крики.

Какъ бы тамъ ни было, но я ѣхалъ, облеченный властью и широкими полномочіями, имѣлъ право не только разговаривать съ самими коммунистами, но и при случаѣ направить ихъ на должный путь, указанный совѣтскими декретами! Мнѣ начинала нравиться эта авантюра, и я чувствовалъ непоколебимую увѣренность въ томъ, что сумѣю заговорить зубы любому курскому или н-скому коммунисту и себя не выдамъ. Ёхалъ же я сперва въ Курскъ, чтобы тамъ войти въ «контактъ» съ губернскимъ совнархозомъ.

Курскъ.

На мягкой койкѣ спалось хорошо, и досадно было рано утромъ, съ разсвѣтомъ, выходить изъ вагона. Стояло сѣрое довольно холодное, мартовское утро. Вокзалъ въ Курскѣ находится довольно далеко отъ города, расположеннаго на горѣ. У вокзала

стояли извозчики, но я предпочелъ идти пѣшкомъ. По безконечной мостовой, проходящей сперва по какимъ-то пустырямъ, а затѣмъ поднимающейся по откосу въ гору, тянулись рѣдкія крестьянскія подводы. Пріятно дышалось на просторѣ послѣ московской суетни. Взойдя на гору, я вышелъ на широкую улицу незнакомаго мнѣ города. Невысокіе дома выстроились ровно; кое-гдѣ бѣлѣли казенныя зданія.

Выйдя на Соборную площадь, я отыскалъ гостинницу съ намѣреніемъ взять номеръ, чтобы умыться и дожидаться въ немъ часа открытія присутственныхъ мѣстъ. Однако моему желанію не суждено было осуществиться. Заспанный половой, такой же, какъ и бывало въ прежнее время, но значительно болѣе распущенный и грязный, объявилъ мнѣ, что не только въ этой гостинницѣ, но и во всемъ городѣ, не имѣется свободнаго номера, и что слѣдуетъ предварительно обратиться въ жилищный отдѣлъ. Послѣ долгихъ переговоровъ мнѣ все-таки удалось омыть лицо холодной водой изъ-подъ крана и получить стаканъ жидкаго кофе безъ молока, но съ небольшимъ кусочкомъ сахара, — послѣ чего я отправился бродить по городу. День былъ базарнымъ; во всякомъ случаѣ, на базарной площади стояли распряженные телѣги съ сѣномъ, котораго было больше разбросано на мостовой, чѣмъ находилось на самихъ подводахъ. Бабы торговали молокомъ, яйцами, бубликами, саломъ, запрашивая за все невѣроятныя цѣны. Чайная, въ которую я зашелъ, была переполнена мужиками-возчиками. Пили чай, но почти безъ хлѣба; видно было, что и здѣсь совѣтскій насосъ откачалъ все то, что въ этомъ городѣ раньше имѣлось въ изобиліи.

Когда я вышелъ изъ чайной, на улицахъ оказалось уже больше народу: одни спѣшили на службу, другіе на базаръ. Открытыхъ, торгующихъ лавокъ и магазиновъ, какъ мнѣ показалось, было очень мало. Изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя я получилъ отъ заспаннаго полового, можно было заключить, что городъ густо заселенъ, но вялая торговля, озабоченный и унылый видъ прохожихъ создавали впечатлѣніе какой-то пустоты; я догадывался, что имя этой пустотѣ — голодъ. Это первое впечатлѣніе всецѣло подтвердилось за то короткое время, которое я провелъ в Курскѣ. Уже не помню было ли губернскимъ совнаркомомъ, или губпродкомомъ, то учрежденіе, въ которое я явился за справками объ Н-скихъ заводахъ, но какое же это было убогое учрежденіе! Въ нижнемъ этажѣ каменнаго дома помѣщалась канцелярія. Въ ней было накурено, полъ былъ грязный; за деревянной перегородкой служащіе составляли какія-то вѣдомости, стучали на пишущихъ машинкахъ; вдоль стѣнъ, на лавкахъ, расположились просители изъ крестьянъ. Завѣдующимъ этимъ учрежденіемъ оказался необыкновенно юркій юноша лѣтъ семнадцати. Къ нему то и дѣло подходили разныя личности съ какими-то бумагами вродѣ ордеровъ или нарядовъ, которыя онъ подписывалъ на ходу, почти не присаживаясь и отдавая распоряженія быстро, отчетливо и видимо съ большою увѣренностью въ себѣ. На просителей никто, понятно, не обращалъ вниманія. Однако, «московская» бумага, которую я предъявилъ молодому коммунисту, произвела, повидимому, на него нѣкоторое впечатлѣніе: — впрочемъ всего только на секунду, такъ какъ, тотчасъ же принявъ непринужденный видъ, онъ заявилъ мнѣ: «Вы собственно, товарищъ, чего желаете? — Получить свѣдѣнія о крахмальныхъ заводахъ? Такъ вотъ, — намъ ничего не извѣстно. Да это меня лично и не касается, обратитесь вотъ въ эту комнату, — вамъ товарищъ такой-то разъяснитъ!» Въ указанной комнатѣ товарищъ такой-то «разъяснилъ» мнѣ, что крахмальной про-

мышленностью вѣдаетъ отдѣлъ, находящійся по такой-то улицѣ, и далъ мнѣ указанія, какъ туда пройти, выразивъ при этомъ сомнѣніе, чтобы мнѣ удалось получить тамъ какія-нибудь точныя свѣдѣнія. Проходя черезъ канцелярію, я засталъ въ ней какого-то человѣка, должно быть завѣдующаго складомъ, который смиренно улыбаясь докладывалъ, что изъ автомобильнаго парка полученъ запросъ о выдачѣ спирта. «Опять пристали!» вспылилъ юный коммунистъ: «я же имъ говорилъ, что у меня нѣтъ спирта!» — «На этотъ разъ прислали отъ коменданта», услышалъ я отвѣтъ: «говорить будетъ жаловаться» — «Ну чортъ съ ними, въ послѣдній разъ выдайте, — вотъ ордеръ...»

Тотъ отдѣлъ въ который меня направили, оказался болѣе споснымъ. Помѣщался онъ въ чистенькомъ одноэтажномъ домѣ на небольшомъ переулкѣ. Въ комнатахъ было довольно опрятно, на стѣнахъ висѣли діаграммы. Единственный служащій, по вышнему виду агрономъ или бывший мелкій чиновникъ, объяснилъ мнѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ южная часть Курской губерніи была присоединена къ совѣтской Россіи, въ Н-скомъ уѣздѣ крахмально-паточная промышленность перешла въ вѣдѣніе тамошняго уѣзднаго совнархоза, который съ самаго же начала сталъ держать себя независимо и до сихъ поръ неизмѣнно уклонялся отъ подчиненія губернскимъ властямъ. Изъ Курска туда посылали уполномоченнаго, чтобы обслѣдовать дѣло, но онъ вернулся ни съ чѣмъ.

«Отлично, что вы туда ѣдете» говорилъ мнѣ мой собесѣдникъ: «приберете ихъ тамъ къ рукамъ. Мы ихъ всѣхъ прекрасно знаемъ, и намъ извѣстно, что крахмалъ сбывается на сторону, невѣдомо куда, тогда какъ губернія нуждается въ продовольствіи. Въ одномъ Н-скомъ уѣздѣ имѣется около пятнадцати заводовъ, среди нихъ есть и крупныя, и между прочимъ даже одинъ паточный заводъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ производится сушка крахмала.»

«А въ другихъ уѣздахъ», спрашиваю я: «какъ обстоитъ дѣло съ крахмальной промышленностью?»

«Въ Н-скомъ уѣздѣ главный центръ крахмального производства; въ другихъ уѣздахъ крахмальныхъ заводовъ мало, или почти совсѣмъ не имѣется. Вамъ надо поѣхать въ самый Н-скъ.»

«А какъ туда поѣхать? Сообщеніе, говорятъ, скверное?»

«Ну относительно сообщенія, дѣла дѣйствительно обстоятъ неважно... Поѣзжайте лучше всего въ Харьковъ, тамъ вамъ можетъ быть посчастливится попасть на поѣздъ, идущій на Сумы, но только, по скольку мнѣ извѣстно, поѣзда изъ Харькова отправляются не каждый день, а только раза два въ недѣлю...»

«Вы думаете, плацкарту до Харькова я достану?»

«Попробуйте на вокзалѣ. Но едва ли получите: всѣ мѣста обычно бываютъ расписаны заранее.»

«Ну, какъ-нибудь доѣду.»

«Н-скъ — хорошій городокъ, — стоитъ туда съѣздить; и въ продовольственномъ отношеніи тамъ не то, что въ Курскѣ. На обратномъ пути заѣзжайте къ намъ; интересно, что вамъ удастся тамъ сдѣлать. А въ вашъ Главкрахмалъ мы обратимся съ просьбой выслать намъ оттуда нѣсколько вагоновъ картофельной муки.»

За разпросами время прошло быстро, и, чувствуя, что проголодался, я спросилъ чиновника, не имѣется ли въ Курскѣ столовой, гдѣ можно пообѣдать. Получивъ записку на имя завѣдующаго общественной столовой для служащихъ, я поспѣшилъ по данному мнѣ адресу. Оказалось, однако, что курскихъ совѣтскихъ служащихъ кормить впроголодь. Въ этой столовой выдавалась вмѣсто супа какая-то грязноватая жидкость съ плавающими въ ней рѣдкими сухими кореньями, каша «шрапнель», и все это безъ хлѣба, котораго я не догадался захватить съ собой. Но все же я былъ радъ, что удалось хоть чѣмъ-нибудь закусить, такъ какъ никакихъ частныхъ ресторановъ въ Курскѣ не было.

На улицахъ теперь было оживленно, то-есть, вѣрнѣе сказать, онѣ были полны множествомъ людей, идущихъ «на своихъ, на двоихъ». Проходя черезъ красивый городской садъ, я вспомнилъ, что наступаетъ весна: начинали зеленѣть деревья и трава; здѣсь было уже значительно теплѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Хотѣлось бы посидѣть здѣсь, приглядѣться къ толпѣ, но надо было спѣшить на станцію.

Харьковъ.

Прибыль я въ Харьковъ на слѣдующее утро, но высадился изъ вагона помятымъ, грязнымъ и отъ усталости не чувствуя подъ собою ногъ. Въ Курскѣ мнѣ не только не удалось получить плацкарты, но и въ вагонѣ, биткомъ набитый пассажирами, я взобрался съ большимъ трудомъ. До самаго Харькова мнѣ пришлось простоять на площадкѣ вагона, стиснутымъ со всѣхъ сторонъ попутчиками и не имѣя даже возможности присѣсть на свой злополучный портъ-пледъ, который вызывалъ нареканія со стороны пассажировъ и скоро подъ ихъ ногами превратился въ какую-то безформенную массу. Покачиваясь среди толпы окружавшихъ меня людей, я присматривался къ сосѣдямъ. Вхали по большей части крестьяне съ мѣшками и узелками. Однако, рядомъ со мной какой-то пожилой господинъ, довольно интеллигентнаго вида, разговаривалъ съ молодымъ техникомъ. Техникъ возвращался домой, въ Бѣлгородъ. Тамъ, по его словамъ, недавно объявилась эпидемія возвратнаго тифа. О существованіи различныхъ эпидемій я, понятно много слышалъ и раньше: были случаи сапа въ Нижегородской губерніи; сыпной тифъ, противъ котораго у меня на шеѣ висѣла ладонка съ камфарой, получилъ уже повсемѣстное распространеніе... Техникъ ѣздилъ для покупки какихъ-то котловъ въ Тулу. Отвѣчая на разпросы пожилого господина, — а мнѣ казалось, что при этомъ его глаза загадочно глядѣли куда-то вдаль, а губы сжимались въ тонкую улыбку, — онъ рассказывалъ, что въ Тулѣ ему съ трудомъ удалось достать два подержанныхъ котла, такъ какъ всѣ заводы были завалены военными заказами. Настроеніе въ военныхъ кругахъ было неважное; замѣтно было, что у нихъ что-то не ладится.

«Гдѣ собственно теперь фронтъ?» спросилъ старикъ.

— «Говорятъ, гдѣ-то около Славянска...»

При этихъ словахъ, я насторожился, но тутъ, къ сожалѣнію поѣздъ остановился, и техникъ, попрощавшись со старикомъ, сошелъ на станцію: это былъ Бѣлгородъ.

Такъ доѣхалъ я до Харькова. Выйдя изъ вагона, я первымъ дѣломъ справился о поѣздахъ, идущихъ на Сумы. Оказалось, что отходятъ они съ другого вокзала, и

что придется дожидаться слѣдующаго утра, такъ какъ единственный поѣздъ, который недавно сталъ ходить ежедневно, отправляется рано утромъ.

Сдавъ вещи на храненіе, я вошелъ въ общій залъ, и сразу пораженъ былъ неожиданнымъ эрблищемъ. Я уже привыкъ видѣть вокзалы, заполненными лежащими повсюду въ перемежку людьми — здѣсь же пассажиры, расположившись за большими столами, пили чай, закусывали, читали газеты. Въ глубинѣ зала находился, какъ въ прежнія времена, буфетъ, на прилавкѣ котораго, подъ стеклянными колпаками, виднѣлась всякая снѣдь. Бросались въ глаза огромныя надписи на стѣнахъ на «украинской мовѣ». Желая провѣрить, дѣйствительно ли я вижу все это на яву, я спросилъ себя стаканъ чаю, купилъ бѣлую булочку, отъ которой пришелъ въ восторгъ, и присѣлъ къ общему столу. Послѣ ночи «пережитой» на площадкѣ вагона, мнѣ показалось верхомъ блаженства очутиться въ этой неожиданной обстановкѣ. Глядя на нѣжный и великолѣпный хлѣбецъ съ тонкой хрустящей корочкой, я не могъ придти въ себя отъ удивленія. Такіе хлѣбцы въ прежнія времена назывались въ Москвѣ «жуликами», а теперь москвичи, знакомясь съ другого сорта жуликами, съ трудомъ добывали себя по карточкамъ пачекъ сквернаго чернаго хлѣба. Но мнѣ не терпѣлось провѣрить свое первое впечатлѣніе. Причудливыя, непонятныя мнѣ, но все же забавныя украинскія надписи, украшавшія стѣны, свидѣтельствовали о недавней попыткѣ украинизаціи города «гайдамаками», а также и о томъ, что большевики, — эти заядлые централизаторы, — не успѣли еще, какъ слѣдуетъ, навести здѣсь своихъ порядковъ. «Не могло быть, однако, сомнѣнія въ томъ, что и здѣсь, въ этомъ богатомъ краю, сохранившемъ еще относительное благоденствіе, по сравненію съ болѣе сѣверными областями, не сказалась уже разрушительная дѣятельность совѣтскихъ властей. Меня тянуло поскорѣе побывать въ городѣ, и поэтому, еще не успѣвъ какъ слѣдуетъ отдохнуть, я покинулъ вокзалъ и, выйдя на широкую Екатеринославскую улицу, направился къ центру.

Не успѣлъ я дойти до нарядной Николаевской площади, окруженной величественными зданіями бывшихъ банковъ и большихъ гостиницъ, не успѣлъ я приглядѣться къ многолюдной толпѣ, снующей вокругъ меня по тротуарамъ, какъ мнѣ пришлось убѣдиться въ томъ, что Харьковъ въ значительной мѣрѣ уже раздѣлилъ участь всѣхъ совѣтскихъ городовъ. Зайдя въ попавшуюся мнѣ по пути скромную гостиницу, я съ первыхъ же словъ понялъ, что и здѣсь всѣ жилия помѣщенія взяты на учетъ и что распредѣленіемъ ихъ вѣдаетъ жилищный отдѣлъ. Волей-неволей пришлось цѣлый день пробыть на ногахъ; но зато, объѣздивъ городъ вдоль и поперекъ, я подъ конецъ хорошо сталъ въ немъ ориентироваться.

Изъ жилищнаго отдѣла, въ которомъ я, понятно, ничего не добился, я отправился на Сумской вокзалъ, находящійся на юго-западной окраинѣ города. Здѣсь я узналъ, что поѣздъ мой долженъ отойти часа въ четыре утра. Запастись здѣсь билетомъ мнѣ не удалось, такъ какъ касса предварительной продажи билетовъ оказалась не на станціи, а въ городѣ. Когда же я возвратился въ центръ, то нашелъ эту кассу закрытой: она открывалась только утромъ, въ опредѣленные часы, къ которымъ я опоздалъ. Ничего другого не оставалось, какъ попытаться достать билетъ передъ отходомъ поѣзда. Для полученія билета надо было еще, какъ и въ Москвѣ, зарегистрироваться въ чрезвычайкѣ. Нашелъ я ее въ низенькомъ, сѣромъ зданіи бывшей биржи,

пріютившемся среди рядовъ высокихъ зданій замершей коммерческой части города, которая, какъ и торговыя зданія и большія гостиницы на Николаевской площади, находившейся по сосѣдству, занята была подъ всевозможныя совѣтскія учрежденія. Внутри этого зданія, подъ наблюдениемъ милиціонера, выстроилась большая очередь просителей. Прождавъ здѣсь около часа, я отъ «чрезвычайнаго» еврейтика, носившаго почему-то студенческую фуражку (коммунисты не считаютъ нужнымъ снимать шапокъ въ своихъ же собственныхъ присутственныхъ мѣстахъ), получилъ необходимый мнѣ пропускъ въ видѣ надписи на моемъ командировочномъ свидѣтельствѣ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, я пошелъ бродить по городу, а въ концѣ дня случайно узналъ, что въ одной гостиницѣ только что освободился номеръ. Проштурмовавъ еще разъ жилищный отдѣлъ, я не безъ труда раздобылъ разрѣшеніе и, перевезя свои вещи съ главнаго вокзала, получилъ, наконецъ, возможность прилечь до ночи, хотя, несмотря на усталость, такъ и тянуло убѣжать изъ темнаго и грязнаго номера на свѣжій воздухъ.

Невзирая на всѣ эти мытарства и на всѣ признаки совѣтскаго порабоженія, Харьковъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Во первыхъ, онъ поражалъ своимъ контрастомъ съ Москвой. Пережившая уличные бои, голодная, ограбленная и переполненная вновь набѣжавшими въ нее людьми, Москва превратилась въ сплошное совѣтское учрежденіе, окончательно подчинившее себѣ всѣ частныя интересы. Въ Харьковѣ же, недавно только занятомъ большевиками, несмотря на вводимыя новыя порядки и пріѣзжій элементъ, сохранились еще всетаки проявленія самостоятельной жизни. Хотя, всѣ крупныя торговыя предпріятія и прекратили свое существованіе, но тѣмъ не менѣе значительная часть мелкихъ магазиновъ и лавокъ избѣжала еще совѣтской реквизиціи и продолжала торговать; и, хотя, наполовину «пустѣвшія» витрины ихъ и свидѣтельствовали о томъ, что въ нихъ распродалось послѣдніе остатки прежнихъ товаровъ, но все же тутъ возможно было безъ всякихъ карточекъ пріобрѣтать предметы первой необходимости, что въ Москвѣ стало уже для обывателей недоступнымъ. Самый уличный темпъ казался здѣсь бодрѣе и оживленнѣй, чѣмъ въ Москвѣ или въ Курскѣ. Наверху высокой каменной лѣстницы, спускающейся изъ бывшей коммерческой части города въ нижнюю часть его, къ базарной площади, образовалось нѣчто вродѣ мелкаго, но оживленнаго базара. Здѣсь, въ крытыхъ деревянныхъ стойкахъ, продавали всякую всячину: ситецъ, галантерею, всякую мелочь. Оглушительно кричали мальчишки, скороговоркой предлагая леденцы и кусочки сахара. *) На лѣстницѣ и въ рядахъ въ большомъ количествѣ продавали цвѣты. Въ особомъ ряду торговали яйцами, бубликами, колбасой, малороссійскимъ саломъ, бѣлыми хлѣбцами. На каждомъ углу оживленныхъ улицъ, бойкіе чистильщики сапогъ зазывали прохожихъ, и около каждаго изъ нихъ обычно составлялась очередь въ три или четыре человѣка. Все это благоденствіе было, конечно, только относительнымъ и поражало только по сравненію съ Москвой.

Однако, стоило только приглядѣться къ разношерстной, но характерной, толпѣ многочисленныхъ прохожихъ, заполнявшихъ улицы, площади, сады и базары, чтобы отъ мысли о старыхъ временахъ, о проблескахъ еще не окончательно замершей тор-

*) Въ Москвѣ сахаръ тогда уже давно сталъ рѣдкостью.

говой жизни, сразу перейти къ сознанію суровой дѣйствительности. Среди просто-народья и коренного городского населенія, сохранившаго мало интеллигентныхъ лицъ, выдѣлялось повсюду три главныхъ типа прохожихъ: еврей-спекулянты, совѣтскіе служащіе, щеголявшіе модными тогда черными кожанными куртками и красноармейцы. Не знаю, много ли въ прежнія времена было евреевъ въ Харьковѣ, но теперь они встрѣчались на каждомъ шагу, — отъ комиссаровъ до мелкихъ комиссіонеровъ. Сѣрой, невзрачной и не внушающей ничего добраго была эта чисто совѣтская толпа. И если въ Москвѣ подобная же толпа, но менѣе еврейская и болѣе старо-чиновническая, занята была почти исключительно раздобываніемъ насущнаго пайка, если и въ Курскѣ, казалось, главной заботой ея былъ пустой желудокъ, то здѣсь, гдѣ жизнь была даже легче, эта неприглядная толпа принимала какой-то плотоядный, низменно-удовлетворенный, хищническій обликъ.

Прибытіе въ Н-скъ.

Еще до разсвѣта прибылъ я на станцію, ближайшую къ Н-ску. Ночь пришлось опять провести на ногахъ, сперва въ очереди за билетомъ въ Харьковѣ, затѣмъ въ переполненномъ вагонѣ четвертаго класса. Однако, когда я высадился, то свѣжій утренній воздухъ сразу заставилъ меня позабыть неудобства этого путешествія. До Н-ска надо было ѣхать нѣсколько верстъ на лошадахъ. Среди отъѣжающихъ подводъ я отыскалъ одну, менѣе нагруженную; на ней расположились уже какія-то двѣ женщины, подостлавъ подъ собою на сѣнѣ большое одѣяло. Устроился и я сбоку на этой подводѣ. Солнце еще не взошло, но когда, проѣхавъ черезъ поселокъ, мы выѣхали въ открытое поле, то уже зардѣлся горизонтъ на востокъ. Мои спутницы ѣхали молча, и только возчикъ, шедшій рядомъ съ подводой, нрѣдка понукалъ свою лошаденку. Безконечныя поля раскинулись вокругъ насъ: сѣрыя и неопредѣленные подъ сводомъ свѣтлолазурнаго неба, въ которомъ еще помигивали звѣзды, и буротемныя на востокъ, гдѣ подымалась зари. Но вотъ на горизонтѣ заискрилась огненная полоска; брызнули изъ-за нея первые золотистые лучи, и медленно выплылъ пылающій полудискъ восходящаго солнца. Еще одно мгновенье, и, отдѣляясь отъ земли, запылало оно всѣми своими лучами. Озарились дальнія деревни и хуторки, еще утопавшіе въ дымкѣ утренняго тумана, зазеленѣли, проснулись поля, посылая намъ запахъ свѣжей травы и щебетаніе птицъ. Мы ѣхали медленно по мягкому грунту широкой дороги, поросшей по сторонамъ протеренной дорожки короткой и рѣдкой травой. Мнѣ казалось, что все здѣсь вокругъ было роднымъ, давно знакомымъ, хотя и давно позабытымъ. Подобный этому, Екатерининскій большакъ, тянулся и по полямъ моей родной губерніи. И эти поля, правда болѣе широкія и ровныя чѣмъ тѣ, къ которымъ я привыкъ, правда совсѣмъ не испещренные овражками и перелѣсками, какъ у насъ, не черноземомъ нахнуція, а ароматомъ степей, — развѣ они не родными были мнѣ въ это весеннее утро? При видѣ ихъ, казалось, что все пережитое за эти послѣдніе годы — страшный сонъ, развѣянный теперь утреннимъ свѣтомъ. То, что уже давно, казалось, умерло, возрождалось теперь вновь передо мною, — моя родная земля, не разрушима, широкая, привольная Русь!

Но впереди зазеленѣли деревья, подъ нами затарахтѣлъ шаткій деревянный мос-

тикъ, и выѣхавъ въ усадьбу, мы миновали какой-то большой заводъ. Высокая труба его не дымилась, ворота были закрыты. «Какой это заводъ?» спросилъ я у возчика. — «Сахарный заводъ бывшій князя Юсупова» — «Работаетъ?» — «Зимой работалъ», неохотно отвѣчалъ мнѣ возчикъ. Далѣе, выѣхавъ опять въ поле, обогнули мы другую усадьбу, окруженную каменной оградой. За оградой стоялъ барскій домъ, виднѣлись службы, садъ; но все въ пустующей усадьбѣ замерло. А поля тянувшіяся вокругъ, въ безконечную даль, досказывали печальную повѣсть.

Спутницы мои уже давно переговаривались вполголоса между собою. Принявъ ихъ за Н-скихъ обывательницъ, я спросилъ ихъ, далеко ли до города. «Вотъ и Н-скъ..» отвѣчала одна изъ нихъ, указывая на раскинувшееся вдали и утопавшее въ садахъ селеніе, о которомъ издали было трудно судить городъ ли это, или большое село. Можетъ быть, благодаря тому восторженственному возгласу, которымъ я встрѣтилъ первые лучи восходящаго солнца, да и всему моему довольно скромному облику, спутницы, отнеслись ко мнѣ довѣрчиво, и мы разговорились. На мои вопросы отвѣчала собственно одна изъ нихъ, — та, которая была постарше.

«Въ городѣ вы свободно найдете помѣщеніе,» говорила она: рѣдко кто теперь заѣзжаетъ въ Н-скъ. Добраться до него стало не такъ легко. Есть въ немъ и гостиница. — хотя и маленькая, но чистая.»

«Вы тоже ѣдете въ Н-скъ?» спросилъ я.

«Да, но я только проѣздомъ, хотя все здѣсь родное мнѣ. Былъ у насъ раньше заводъ, было имѣнье...»

«Ну а теперь, вашъ заводъ... Какой собственно былъ у васъ заводъ?»

«Одинъ изъ самыхъ крупныхъ крахмальныхъ заводовъ въ уѣздѣ...»

Мнѣ сразу стало недовко. Что это, — простая ли случайность, подумалъ я, что я съ самаго момента прибытія очутился лицомъ къ лицу съ бывшей помѣщицей, заводомъ которой я долженъ былъ распорядиться, — или же предостереженіе, даваемое мнѣ свыше?

Сѣрые, умные глаза моей собесѣдницы спокойно смотрѣли на меня изъ-подъ мѣховой шапочки, накрытой большимъ шерстянымъ платкомъ. Одѣта была она просто, — по-деревенски; вся она дышала здоровьемъ и силой. И думалось мнѣ, что была она, должно быть, въ свое время хорошей хозяйкой, одной изъ тѣхъ русскихъ женщинъ, которыя выросли въ деревнѣ, умѣли понимать и любить сельскій бытъ и были когда-то солью русской земли. Какъ не боялась она возвращаться въ Н-скъ, гдѣ проѣздъ ея не могъ остаться незамѣченнымъ и гдѣ жили тѣ самые люди, которыя ограбили ее? Что если бы она знала, по какимъ дѣламъ я ѣду въ Н-скъ?

Чувствуя необходимость перемѣнить разговоръ, я сталъ разспрашивать ее, какъ раньше жилось въ Н-скѣ. И такъ незамѣтно доѣхали мы до города.

Широкая улица, на которую мы выѣхали и которая составляла продолженіе большой дороги, была немощеной, и мы за собою подымали клубы бѣлой пыли. Бѣленькія и чистыя малороссійскія хаты, находившіяся на окраинѣ города, замѣнились низкими одноэтажными домами. Проѣхавъ мимо большого бѣлокаменнаго собора и выѣхавъ на просторную площадь, мы остановились передъ небольшою, опрятнаго вида гостиницей. Тутъ я распрощался со своими спутницами, которые поѣхали дальше.

Какъ далеко я былъ тогда отъ мысли, что именно въ этомъ городкѣ, мнѣ придется пережить такія событія, которыя навсегда вѣдутся въ мою память!

В гостиницѣ всѣ номера оказались свободными, и мнѣ отвели на второмъ этажѣ угловую комнату, просторную и свѣтлую. Несмотря на крайнюю простоту убранства, — въ комнатѣ находились сосновый столъ, желѣзная кровать и два стула, — я былъ пріятно пораженъ чистотой, какъ отведенной мнѣ комнаты, такъ и всей гостиницы. На окнахъ висѣли чистыя занавѣски изъ суроваго полотна; мытый дощатый полъ пріятно поскрипывалъ подъ ногами, а небольшія квадратныя окна выходили въ садъ. Раскрывъ окно, я съ наслажденіемъ ощутилъ всю тишину уѣзднаго малороссійскаго городка, затерявшагося среди необъятныхъ полей. Однако, прислуживавшая дѣвушка, которая отвела мнѣ номеръ, осторожно предупредила меня, что желательно было бы, чтобы я досталъ ордеръ на номеръ изъ жилищнаго отдѣла, котораго, оказалось, и Н-скъ не избѣжалъ. Та же дѣвица взялась доставить мнѣ на базарѣ крынку молока, яицъ, масла и хлѣба, такъ какъ вопросъ о питаніи посѣтителей въ гостиницѣ вовсе не былъ предусмотренъ. Съ великимъ удовольствіемъ умылся я подъ краномъ холодной водой, переѣхалъ бѣлье и, заваривъ въ своемъ же собственномъ чайникѣ ячменнаго кафе, привезеннаго изъ Москвы, отвѣдалъ доставленныхъ мнѣ деревенскихъ продуктовъ. Однако, надо было идти входить въ «контактъ» съ уѣздными законами.

На площади первымъ дѣломъ бросилось мнѣ въ глаза высокое для уѣзднаго города зданіе, находившееся рядомъ съ моей гостиницей. Фасадъ этого дома, затѣливой архитектуры, былъ облицованъ желтыми изразцами, во второмъ этажѣ находился большой балконъ изъ темнаго дерева, а высокая крыша была выложена красной черепицей. Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ домъ принадлежалъ раньше богатому мѣстному купцу и былъ отведенъ теперь подъ уѣздный исполкомъ. Съ одной стороны немощеной площади тянулись низкія деревянныя зданія, занятые подъ лавки; за ними находилась базарная площадь.

Оглядевъ площадь, я направился по указанной мнѣ улицѣ въ уѣздный совнархозъ. Помѣщался онъ неподалеку, въ двухэтажномъ кирпичномъ зданіи бывшей земской управы. Широкія входныя двери открывались въ просторный вестибюль, изъ котораго каменная лѣстница вела на второй этажъ. Въ большой комнатѣ, заполненной служащими, приняли меня двое завѣдующихъ. Одинъ изъ нихъ оказался председателемъ коллегіи совнархоза, товарищемъ Громовымъ. Небольшого роста, блондинъ, онъ одѣтъ былъ въ синюю суконную куртку и въ шевровые щеголеватые сапоги, перетянутые ремешками на голенищахъ. Сколько я его впослѣдствіи ни встрѣчалъ, онъ неизмѣнно носилъ эту синюю косоворотку, которую должно быть считалъ наиболѣе подходящей къ цвѣту своихъ голубыхъ глазъ и большихъ, торчащихъ врозь, выхлеченныхъ русскихъ усовъ. Въ его обликѣ коммунистическаго было всего только наглый взглядъ и развязныя манеры, но по всему остальному его можно было принять за мелкаго торговца или мѣщанина захолустнаго уѣзднаго городка. Его помощникъ, завѣдующій канцеляріей совнархоза, товарищъ Семеновъ, молодой человекъ, одѣтый въ штатское платье, съ подстриженными усиками и вкрадчивыми манерами, нисколько не походилъ на Громова. Впослѣдствіи я узналъ, что все что было сдѣлано положительнаго для оборудованія заводовъ, было дѣломъ его рукъ, Громовъ

же, пользуясь свободнымъ временемъ, могъ обдѣлывать свои темныя дѣлишки и спекулировать за свой счетъ продуктами, которыми вѣдалъ совнархозъ. Отъ этихъ личностей мнѣ предстояло теперь, вывѣдать подробности о веденіи крахмального дѣла въ уѣздѣ.

Предложивъ мнѣ стулъ, Семеновъ сталъ объяснять мнѣ, что они получили увѣдомленіе отъ Главкрахмала относительно моего приѣзда. Все крахмальное дѣло въ уѣздѣ, по его словамъ, лежало на совнархозѣ, и ему съ Грозовымъ пришлось приложить немало усилій къ тому, чтобы въ концѣ концовъ наладить производство на заводахъ. Однако тутъ въ разговоръ вмѣшался Громовъ.

«У васъ тамъ въ Москвѣ, все только бумаги пишутъ, а мы здѣсь, на мѣстѣ, не жалѣя времени за васъ работаемъ.»

«Это очень цѣнно, товарищъ,» отвѣчалъ я: «что крахмальное дѣло попало въ такія надежныя руки, и въ Москвѣ это несомнѣнно оцѣнять.»

«Если въ Москвѣ думаютъ, что мы будемъ поставлять крахмалъ, куда имъ угодно, — то они ошибаются!»

«Вы, какъ настоящій коммунистъ», продолжалъ я: «должны знать, что продовольствіе распределяется центромъ по всей странѣ и посылается туда, гдѣ въ немъ наиболѣе нуждаются. Только общими усиліями и возможно добиться хорошихъ результатовъ.»

«Знаемъ мы вашъ Главкрахмалъ, — въ немъ нѣтъ ни одного настоящаго коммуниста, а сидятъ тамъ одни только бывшіе заводчики да контръ-революціонеры!»

«А вы въ Москвѣ бывали?» спросилъ я разгорячившагося Громова. Семеновъ сталъ его успокаивать.

«Товарищъ Громовъ понапрасну горячится,» обратился онъ ко мнѣ: «можетъ быть при Главкрахмалѣ и имѣются въ качествѣ специалистовъ двое-трое бывшихъ заводчиковъ, но вѣдь и здѣсь мы оставили нѣкоторыхъ молодыхъ заводчиковъ управляющими на ихъ бывшихъ заводахъ. И они работаютъ, и безъ нихъ мы бы не справились, — надо только умѣть взять ихъ въ руки.»

«Мнѣ поручено Главкрахмаломъ», заявилъ я Громову, показывая ему свое командировочное свидѣтельство: «получить точныя свѣдѣнія о наличности сырого и сухаго крахмала и ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ заводовъ въ уѣздѣ. Можете ли вы дать мнѣ всѣ эти свѣдѣнія?»

«Какъ же, все это, понятно возможно,» отвѣчалъ Семеновъ: «всѣ свѣдѣнія мы вамъ представимъ. Но только по книгамъ вы все равно ничего не увидите, а надо вамъ съѣздить на заводы и лично посмотреть, что тамъ нами сдѣлано. Первымъ дѣломъ, побѣжайте на заводъ Пономарева, у насъ тамъ происходитъ сушка крахмала. Надѣемся скоро пустить въ ходъ сушилку и на другомъ заводѣ, бывшемъ Старченко. Только проѣхать туда вамъ, пожалуй будетъ далеко.»

Хотя въ этотъ день, я мало чего добился въ совнархозѣ, но все же мнѣ удалось получить точный списокъ заводовъ, карту уѣзда и разрѣшеніе пользоваться лошадейю и бричкой съ развѣднаго пункта, имѣвшагося при совнархозѣ. Кромѣ того, пользуясь тѣмъ, что жилищный отдѣлъ находится тутъ же, въ зданіи совнархоза, я обратился къ подошедшему къ намъ члену коллегіи, товарищу Терешниченко, съ прось-

бой выдать мнѣ ордеръ на помѣщеніе и на обѣдъ въ мѣстной столовой, что онъ тотчасъ же и исполнилъ.

При прощаніи Семеновъ сказалъ мнѣ: «Вы на Громова не обращайте вниманія, — онъ сперва на всѣхъ накричитъ, а затѣмъ, если съ нимъ обойтись спокойно, становится гладкимъ и сговорчивымъ.» Однако, какъ разъ въ эту минуту изъ сосѣдней комнаты, въ которую только что вышелъ Громовъ, донесся его голосъ. Онъ кого-то разносилъ, — должно быть служащихъ, — и до нашего слуха долетѣла площадная ругань.

Возвратясь, Громовъ взялся меня проводить. Когда мы спускались по лѣстницѣ, онъ вытащилъ изъ кармана большой револьверъ-наганъ и заявилъ мнѣ: «Вотъ эта штука у меня для тѣхъ, кто вздумаетъ здѣсь контръ-революцію разводить!»

«Эка невидаль, товарищъ,» отвѣчала я ему: «во-первыхъ онъ у васъ даже не заряженъ, а во-вторыхъ, сами подумайте, какая тамъ можетъ быть рѣчь о контръ-революціи, когда намъ надо подумать о серьезной работѣ.»

Съ этого момента наши отношенія съ нимъ стали вполне мирными, и онъ, въ обращеніи со мною, оставилъ свои грубые выходки.

Крахмальные Заводы. Баронъ Н.

Продуктъ, добываемый на картофельно-крахмальныхъ заводахъ, — это картофельная мука, общезвѣстная по клейстеру для наклейки обоевъ и по всевозможнымъ киселямъ, которые изъ нея готовятъ. Однако, не каждому, должно быть, извѣстно, что картофельная мука въ нормальное время находила сбытъ главнымъ образомъ на ситце-набивныя и бумаготкацкія мануфактуры, на колбасные заводы и кондитерскія фабрики. Въ эпоху міровой войны, спросъ на этотъ продуктъ увеличился вслѣдствіе заготовокъ на армію, что позволило использовать излишекъ картофеля, получившійся послѣ закрытія винокуренныхъ заводовъ. Съ наступленіемъ же революціи и голода, картофельная мука стала продуктомъ первой необходимости, такъ какъ могла быть использована для продовольствія; ее въ большомъ количествѣ стали примѣшивать къ мукѣ для изготовленія хлѣба.

Самый процессъ добыванія крахмала изъ картофеля крайне простъ, но большіе заводы вырабатывающіе продуктъ высшаго качества, требуютъ болѣе или менѣе усовершенствованныхъ техническихъ приспособленій. Въ общихъ чертахъ производство на среднемъ заводѣ заключается въ слѣдующемъ. Подвезенный къ заводу картофель направляется тѣмъ или инымъ способомъ, — напримѣръ при помощи воды или же посредствомъ вращающагося металлическаго червяка, — въ особый аппаратъ, въ которомъ быстро вертящійся барабанъ съ набранными на немъ шипами превращаетъ его въ зеленоватую измельченную массу. Эта масса, смѣшанная съ водой, проходитъ далѣе черезъ рядъ мѣдныхъ ситъ, въ которыхъ она промывается при помощи механически вращающихся щетокъ. Отдѣленный такимъ способомъ изъ этой массы крахмалъ поступаетъ въ промывное отдѣленіе и отстаивается въ рядѣ деревянныхъ или цементныхъ чановъ. Наиболѣе тяжелыя частицы, — второй и третій сортъ, — собираются наверху и могутъ быть легко удалены.

На болѣе усовершенствованныхъ заводахъ жидкій крахмалъ съ промывныхъ ситъ поступаетъ сразу въ особыя центрофуги, которыя, отдѣляя первый сортъ крахмала отъ низшихъ сортовъ, въ то же время вытѣсняютъ изъ него извѣстный процентъ влаги.

Добытый такимъ образомъ крахмалъ долженъ быть еще высушенъ. Наиболѣе распространенный способъ сушенія его заключается въ томъ, что измельченный сырой крахмалъ накладывается на полотнища, натянутыя на деревянныя рамки, и эти рамки ставятся одна надъ другою въ особое помѣщеніе, гдѣ крахмалъ сушится горячимъ воздухомъ. На крупныхъ заводахъ существуютъ механическія духовыя сушилки, изъ которыхъ картофельная мука уже въ готовомъ видѣ и промолотая ссыпается въ мѣшки для продажи.

Производство сырого крахмала происходитъ обычно осенью, еще до наступленія сильныхъ холодовъ; сушка же его можетъ производиться зимой и даже весной.

По прибытіи въ Н-скъ, я засталъ на заводахъ большое количество сырого крахмала, выработаннаго еще до прихода большевиковъ бывшими заводчиками, и къ сушкѣ котораго теперь пытался приступить мѣстный совнархозъ. Оказалось впрочемъ, что въ уѣздѣ имѣется всего только два крупныхъ завода, — Пономарева и Старченко; остальные же заводы оказались крестьянскими, съ кустарнымъ или полукустарнымъ производствомъ. Сушилокъ имѣлось только двѣ, на обоихъ крупныхъ заводахъ, и изъ нихъ работала теперь только одна. Запасы же сырого крахмала имѣлись на всѣхъ заводахъ.

Попавъ въ командировку, я долженъ былъ такъ или иначе посѣтить хотя бы главнѣйшіе заводы. Поэтому изучивъ карту уѣзда и получивъ на разъѣздномъ пунктѣ лошадей съ довольно сносными дрожками, я сталъ ежедневно съ ранняго утра посѣщать намѣченные пункты. Въ первую очередь я посѣтилъ заводъ Пономарева, на которомъ происходила сушка. Этотъ заводъ находился въ большомъ селѣ, неподалеку отъ Н-ска. Онъ принадлежалъ мѣстному купцу, который вмѣстѣ съ гайдамаками покинулъ уѣздъ при появленіи большевиковъ. На заводѣ остался его сынъ, котораго совнархозъ, за неимѣніемъ другого специалиста по крахмальному дѣлу, назначилъ завѣдующимъ. Заново отремонтированный еще старикомъ Пономаревымъ, заводъ оказался въ прекрасномъ состояніи. Новые цементные чаны съ механическими мѣшалками, хорошій нефтяной двигатель; рационально подобранныя, хотя и простыя, машины, — все свидѣтельствовало о томъ, что бывшій владѣлецъ былъ хозяйственнымъ человѣкомъ и понималъ свое дѣло.

При заводѣ имѣлась просторная и хорошо оборудованная сушилка, а неподалеку отъ нея, въ ямахъ, выложенныхъ цементомъ, хранился внушительный запасъ сырого крахмала. Однако, хотя и было видно, что сушилка еще недавно работала, но я ни въ ней, ни на всемъ заводѣ не нашелъ ни пуда сухой муки. Оказалось, что за послѣднее время, по приказанію совнархоза, нѣсколько вагоновъ ея было вывезено съ завода на станцію и въ городъ, но по какому назначенію, — этого мнѣ такъ никогда и не удалось выяснять.

Крахмальное дѣло — сезонное, и поэтому изъ постоянныхъ рабочихъ я засталъ на заводѣ только слесаря-машиниста, сторожа, да конюха; для сушки же крахмала

нанимались поденщицы. Самъ управляющій и рабочіе состояли на жалованьи при совнархозѣ, который въ то же время бралъ на себя и расплату съ поденщиками и доставку топлива на сушилку. Ясно было, однако, что молодой Пономаревъ, скрѣпя сердца жертвуя продуктами, выработанными его же отцомъ, потому только принялъ должность завѣдующаго заводомъ, чтобы своимъ присутствіемъ сохранить отъ разрушенія и порчи какъ самый заводъ, такъ и находившіяся въ немъ машины.

На заводъ Старченко я попалъ нѣсколько позже. На немъ также имѣлся значительный запасъ сырого крахмала, но прекрасная механическая сушилка его бездѣйствовала за недостаткомъ топлива, котораго требовалось на нее въ большомъ количествѣ.

Другіе, болѣе мелкіе заводы, находились, по большей части при отдаленныхъ крестьянскихъ хуторахъ. Оборудование ихъ было часто самодѣльнымъ, и помѣщались они въ простыхъ дощатыхъ сараяхъ. Во время производства, промывка происходила ручнымъ способомъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ эти заводы приводились въ движеніе посредствомъ конной тяги. Всѣ они въ то время бездѣйствовали, и къ сушкѣ второсортнаго крахмала, имѣвагося на нихъ, никто еще не приступалъ.

Отправляясь рано утромъ на дрожкахъ черезъ поля и деревни, я гдѣ-нибудь верстахъ въ 10—15-ти отъ города отыскивалъ хуторокъ, при которомъ имѣлся крахмальный заводъ. Въ то время я еще не отдавалъ себѣ отчета въ опасности подобныхъ поѣздокъ въ одиночествѣ на дальніе хутора, и, чувствуя только, что онѣ рѣшительно никому вреда принести не могутъ, безпечно предавался наблюденіямъ.

Возвращался я въ Н-скъ обычно къ полудню и обѣдалъ въ небольшой и единственной въ городѣ столовой, въ которой разъ въ день можно было получить горячую пищу. Въ томъ же помѣщеніи находилась чайная, въ которой всегда было много народа; въ самой же столовой, довольно опрятной и свѣтлой, имѣлись всегда свободныя мѣста. За скромную плату здѣсь можно было пообѣдать сравнительно прилично и сытно. Устраивался я за отдѣльнымъ столикомъ у окна и старался не обращать вниманія на мало дружелюбные и скорѣе подозрительные взгляды коммунистовъ, изрѣдка заходившихъ сюда и устраивавшихся за большимъ столомъ въ своей компаніи.

Днемъ я заходилъ въ совнархозъ или же отъ нечего дѣлать лежалъ у себя на кровати.

Однажды я услышалъ въ сосѣдней комнатѣ, до сихъ поръ никѣмъ не занятой, чьи-то голоса и стукъ вносимыхъ въ нее чемодановъ. Кто-то мягкимъ и пріятнымъ баритономъ отдавалъ приказанія, и меня сразу поразили интонаціи этого голоса. Онѣ показались мнѣ одновременно и знакомыми и необычными для Н-ска. Немного погодя изъ сосѣдней комнаты постучались ко мнѣ въ дверь, и въ комнату вошелъ худощавый человѣкъ, высокаго роста, съ рыжеватыми бакенами и бритыми усами, одѣтый въ военный френчъ и высокіе сапоги.

«Я слышалъ, что вы тоже недавно прибыли изъ Москвы», обратился ко мнѣ незнакомецъ: «и по сосѣдству зашелъ къ вамъ справиться, какимъ образомъ возможно здѣсь болѣе или менѣе сносно устроиться. Моя фамилія — К...; (онъ называлъ

известную фамилію, въ которой напрашивался баронскій титулъ) я — районный уполномоченный по дѣламъ совхоза.» *)

Въ свою очередь представаясь ему и сказавъ, что радъ буду оказать ему посильную помощь, я вслѣдъ за нимъ очутился у него въ комнатѣ. Здѣсь молодой человѣкъ, въ знакомой мнѣ формѣ Московской сельско-хозяйственной школы, (прадѣдъ мой былъ однимъ изъ основателей этой школы), занятъ былъ развязываніемъ чемодановъ.

«Мы съ нимъ только что проѣхали тридцать верстъ на лошадахъ со станціи Х.», говорилъ мнѣ К.: «этотъ молодой человѣкъ только сопровождаетъ меня и поѣдетъ въ одно имѣніе, куда я его устроилъ на службу. Я же остаюсь здѣсь и буду искать помѣщеніе подъ мое районное управленіе.»

Оказалось, что онъ былъ присланъ въ Н-скъ изъ Москвы для управленія бывшими помѣщичьими имѣніями, которыя, въ силу ленинскаго декрета, перешли въ собственность совѣтскаго государства.

Въ тотъ же вечеръ мы съ К. разговорились, и съ тѣхъ поръ между нами установились дружескія отношенія. Сперва К. называлъ себя агрономомъ, но мнѣ не стоило большого труда опредѣлить, что онъ подъ этимъ названіемъ скрываетъ свое настоящее происхожденіе. Есть неизъяснимые оттѣнки въ манерѣ говорить, въ подборѣ выраженій и особомъ акцентѣ такъ называемыхъ свѣтскихъ людей, въ особенности же высшаго петербургскаго общества. И хотя онъ энергично и смѣло описывалъ мнѣ картину своей будущей дѣятельности въ Н-скомъ районѣ, я былъ увѣренъ, что онъ, такъ же какъ и я, ничего общаго съ коммунизмомъ не имѣетъ. Во время разговора я замѣтилъ ему, что существуетъ известная баронская фамилія К., что заставило его съ недоумѣніемъ посмотреть на меня. Тогда, рѣшаясь первымъ пойти на откровенность, я сказалъ ему, что мой отецъ былъ помѣщикомъ; объяснилъ, почему я принялъ должность въ Главкрахмалѣ и далъ понять, что ничего общаго съ большевиками не имѣю. Въ концѣ концовъ К. сознался, что онъ дѣйствительно баронъ К. и что до войны управлялъ большимъ имѣніемъ одного изъ своихъ родственниковъ въ Прибалтійскомъ краю. Впослѣдствіи же я узналъ отъ него, что онъ былъ когда-то гусарскимъ офицеромъ, въ 1905-мъ году принималъ личное участіе въ подавленіи революціи, а во время германской войны состоялъ при Ставкѣ Великаго Князя Николая Николаевича. У насъ съ нимъ оказалось много общихъ знакомыхъ, онъ много путешествовалъ за-границей, и встрѣча съ нимъ наложила особый отпечатокъ на мое пребываніе въ Н-скѣ. Поставленные въ одинаковыя условія и въ необходимость имѣть дѣло съ мѣстными коммунистами, мы поневолѣ стали соучастниками одной, казалось, и общей намъ авантюры, не лишенной нѣкоторой оригинальности. Впослѣдствіи же смѣлое поведеніе этого человѣка повліяло отчасти и на мою судьбу.

Квадратура круга.

Тѣмъ временемъ моя командировка приближалась къ концу. Мнѣ оставалось еще только съѣздить на заводъ Старченко, и я сталъ уже подумывать о возвращеніи въ

*) «Совхозъ» — управленіе совѣтскими хозяйствами, бывшими частно-владѣльческими имѣніями.

Москву. Но тутъ совершенно неожиданно мнѣ пришлось отказаться отъ этого намѣренія.

Какъ-то разъ днемъ меня вызвали въ совнархозъ, гдѣ вручили мнѣ телеграмму отъ Главкрахмала, согласно которой я назначался не болѣе, не менѣе, какъ районнымъ уполномоченнымъ по крахмальнымъ дѣламъ Н-скаго уѣзда. Въ телеграммѣ добавлялось, что всѣ крахмальные заводы въ уѣздѣ переходятъ изъ рукъ уѣзднаго совнархоза въ вѣдѣніе вновь учреждаемаго районнаго комитета, въ составъ котораго я, по своему усмотрѣнію, долженъ пригласить трехъ членовъ.

Что было дѣлать? Мысль остаться надолго въ Н-скѣ меня нисколько не страшилась, — здѣсь жилось относительно хорошо, — но приняться за практическую работу на совѣтскихъ началахъ мнѣ, понятно, вовсе не улыбалось. Тѣмъ не менѣе это была своего рода авантюра. Не въ высшей ли степени своеобразнымъ, чтобы не сказать болѣе, было то, что по приказанію центральной власти я долженъ былъ отобрать заводы изъ вѣдѣнія мѣстныхъ коммунистовъ и распорядиться ими по своему усмотрѣнію? Однако, примѣръ барона К., очутившагося въ такомъ же положеніи, какъ я, придавъ мнѣ извѣстную бодрость; и, не видя возможности отказаться отъ новаго назначенія, я принялъ его. Организовать комитетъ, думалось мнѣ, было дѣломъ не такимъ уже страшнымъ, а о дальнейшей работѣ оставалось еще время подумать.

Первымъ дѣломъ, я рѣшилъ окружить себя такими людьми, которые согласятся войти въ комитетъ, впоследствии не слишкомъ вмѣшивались бы въ мои дѣла и намѣренія. Однако, въ незнакомомъ городѣ завербовать себѣ такихъ людей, не раскрывая своихъ картъ, оказалось дѣломъ не простымъ. И только послѣ цѣлаго ряда безплодныхъ попытокъ, мнѣ, наконецъ, посчастливилось напасть на нѣкоего германскаго подданнаго, Фогелькампа, бывшаго управляющаго на одномъ изъ многочисленныхъ хуторовъ имѣнія князя Юсупова, и со времени прихода большевиковъ проживавшаго въ Н-скѣ безъ опредѣленныхъ занятій. Несмотря на свое происхожденіе и на то, что въ молодости онъ отбывалъ воинскую повинность въ какомъ-то германскомъ гвардейскомъ полку, онъ уже давно обрусѣлъ и, женившись на мѣстной обывательницѣ, сталъ въ Н-скѣ своимъ человѣкомъ. Разсчитывая найти въ немъ нужнаго мнѣ человѣка, я тотчасъ же предложилъ ему должность въ своемъ комитетѣ. Однако отношенія этого бравата усача къ большевикамъ оказались вполне опредѣленными: съ первыхъ же словъ, онъ отвѣчалъ мнѣ рѣшительнымъ отказомъ. Пришлось убѣдить его въ томъ, что я не большевикъ и что, оказавъ мнѣ услугу по организациі управленія, онъ впоследствии будетъ только для соблюденія формальности числиться членомъ районнаго комитета... Въ концѣ концовъ онъ все-таки сдался на мои доводы. На первыхъ же порахъ этотъ человѣкъ оказалъ мнѣ существенную помощь. Во-первыхъ, онъ досталъ мнѣ втораго члена, молодого студента-технолога. Во-вторыхъ, онъ помогъ найти мнѣ помѣщеніе подъ контору у мѣстнаго купца, домъ котораго былъ взятъ на учетъ жилищнымъ отдѣломъ. Когда же впоследствии понадобились мнѣ служащіе, то и служащихъ раздобылъ мнѣ онъ. Этимъ, впрочемъ, и ограничилась его дѣятельность.

Затѣмъ, для отвода глазъ и для огражденія себя отъ подозрѣній со стороны коммунистовъ, я пригласилъ на должность третьяго члена одного изъ коммунистовъ, товарища Терешинченко, глуповатаго и незначительнаго человѣка, который до самаго конца такъ и остался въ сторонѣ отъ дѣлъ управленія.

Покончивъ съ организаціей районнаго комитета, я очутился передъ непріятной проблемой. Такъ или иначе, до выясненія своего будущаго поведения, мнѣ нужно было, хотя бы для видимости, прикрыться какой-нибудь работой. Къ счастью, тутъ выручила меня вся неразрѣшимость совѣтской экономической политики.

Ближайшая практическая задача, возложенная на меня, должна была бы заключаться въ томъ, чтобы выслать въ центръ, изъ богатаго, еще нетронутаго края, возможно большее количество реквизированныхъ продуктовъ. Однако, выполнить этого немедленно не имѣлось возможности. Для того, чтобы вывезти крахмалъ, надо было его еще предварительно высушить, а запасы сырого крахмала были разбросаны по всему уѣзду и, за рѣдкими исключеніями, не находились въ непосредственной близости отъ единственной пригодной сушилки. Этотъ крахмалъ возможно было бы, какъ я уже отмѣтилъ, использовать только при условіи добровольнаго участія въ поставкѣ самихъ заводчиковъ-кустарей, которые взялись бы вторично промыть его и затѣмъ высушить обычнымъ и наипростѣйшимъ опособомъ, то-есть попросту на солнцѣ. Но до «нэпа» большевики еще тогда не додумались, и главнымъ орудіемъ ихъ была принудительная реквизиція. Въ данномъ же случаѣ, если теоретически и мыслима была перевозка сырья на крестьянскихъ подводахъ на сушилку Пономарева, то на самомъ дѣлѣ подобныя мѣры потребовали бы помощи значительной вооруженной силы.

Казалось, можно было бы, при желаніи, теперь же заняться сушкой крахмала, находящагося уже при сушилкѣ, но и это оказалось невыполнимымъ. Затрудненіе заключалось въ недостаткѣ топлива и мѣшковъ. Дѣло въ томъ, что до перехода заводовъ въ вѣдѣніе районнаго комитета, поставкой топлива и всего необходимаго вѣдалъ совнархозъ. Теперь же приходилось или сговориться съ нимъ, или же закупить значительную партію мѣшковъ и дровъ въ Харьковѣ, на что, понятно, потребовались бы крупныя денежныя средства.

Другой частью возложенной на меня задачи, должно было бы явиться составленіе плана будущаго осенняго производства. Въ этомъ отношеніи, большую неизвѣстную представляла собою посѣвная площадь картофеля. Крестьяне, несмотря на воззванія, посылаемыя изъ Москвы, и объявленія твердыхъ цѣнъ на картофель, справедливо опасались будущихъ реквизицій и предпочитали не сажать картофеля на своихъ поляхъ.

И вотъ, за неимѣніемъ другого дѣла я, по примѣру барона К., занялся составленіемъ смѣты будущихъ расходовъ своего районнаго управленія. Попутно пришла мнѣ въ голову мысль, что собственно не такъ ужъ глупо было бы при случаѣ, на средства Главкрахмала, и на самомъ дѣлѣ отремонтировать нѣкоторые заводы. Отправка же крахмала въ центръ, при существующихъ условіяхъ, отпадала сама собою.

Единственнымъ практическимъ распоряженіемъ съ моей стороны было запрещеніе вывоза съ заводовъ безъ моего разрѣшенія какъ сырого, такъ и готоваго товара, что, казалось мнѣ, должно было положить предѣлъ хищеніямъ совнархоза и, хотя бы на время, сохранить крахмалъ въ цѣлости.

Работа по организаціи комитета и составленію доклада, который я намѣренъ былъ, со смѣтой, лично отвезти въ Главкрахмалъ, потребовала цѣлаго мѣсяца. Тѣмъ временемъ наступили Пасхальныя праздники. На Страстной недѣлѣ я побывалъ на ве-

ликопостныхъ служеніяхъ въ соборѣ. Къ Пасхальной заутрени мы отіравились вмѣстѣ съ барономъ К., съ которымъ затѣмъ скромно разговѣлись въ своихъ номерахъ, при свѣтѣ тусклой свѣчи и распивая «чай», бурый и безвкусный напитокъ, приготовленный изъ какого-то суррогата.

Поближе приглядѣться къ совѣтской дѣйствительности мнѣ довелось за время поѣздки на заводъ Старченко, передъ отъѣздомъ въ Москву. Отправились мы туда вмѣстѣ съ К., который долженъ былъ посѣтить усадьбу по дѣламъ совхоза. Въ то время, наряду съ совѣтскими хозяйствами, возникли въ нѣкоторыхъ бывшихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ такъ называемыя «коммунистическія хозяйства». Въ «коммуну» записывались обычно пришлые люди съ неизвѣстнымъ прошлымъ и неимѣвшія ни малѣйшаго понятія о сельскомъ хозяйствѣ. Такая именно «коммуна» существовала въ имѣніи Старченко. Въ то же время, въ усадьбѣ жилъ и бывший управляющій заводчика Старченко, которому совнархозъ, еще до моего прибытія, поручилъ наблюденіе надъ крахмальнымъ заводомъ. По слухамъ, дошедшимъ до меня въ Н-скѣ, между этимъ управляющимъ, честнымъ человѣкомъ, оставшимся преданнымъ своимъ бывшимъ хозяевамъ, и членами коммуны происходила глухая борьба. За время своего пребыванія въ имѣніи Старченко, я смогъ убѣдиться въ какое критическое положеніе попалъ этотъ несчастный старикъ. Приѣхали мы въ усадьбу часамъ къ десяти утра. Но несмотря на то, что полевые работы были въ полномъ разгарѣ, мы застали коммунистовъ еще спящими въ барскихъ покояхъ. И только послѣ того, какъ мы прождали довольно долго въ столовой, стали появляться новые «господа». Первымъ вышелъ здоровенный малый, на ходу вытирая полотенцемъ разжирѣвшую морду. Это былъ типъ настоящаго каторжника. Вскорѣ появились и остальные члены коммуны, не менѣе типичные, и, привѣтствовавъ насъ, пригласили пить чай. На столѣ появилась фарфоровая посуда и серебро, а вмѣсто утренняго чая намъ подали чуть ли не цѣлый обѣдъ. Коммунисты очевидно ни въ чемъ себѣ не отказывали. Были здѣсь и сдобный хлѣбъ, и пироги, творогъ, масло и варенье; и все это они принялись поглощать съ неимовѣрнымъ аппетитомъ, не обращая на насъ вниманія. Одинъ изъ нихъ, выйдя изъ-за стола, вскорѣ вернулся съ какимъ-то небольшимъ металлическимъ предметомъ, который, по его словамъ, онъ исправилъ. Я было принялъ этотъ предметъ за какую-нибудь частицу сельско-хозяйственной машины, но онъ оказался просто-напросто частицей граммофона, который онъ тотчасъ же и завелъ...

Скрѣпя сердце, сидѣли мы за столомъ среди этой компаніи. На разспросы К. о ходѣ сельско-хозяйственныхъ работъ, члены коммуны отвѣчали уклончиво, и по всему было видно, что вопросъ этотъ мало ихъ интересуетъ и что они чувствуютъ себя еще надолго обезпеченными тѣми запасами, которые прежніе хозяева оставили послѣ себя въ имѣніи.

Оставивъ К. съ коммунистами, которые повели его осматривать усадьбу, я направился къ небольшому домику, въ которомъ жилъ бывший управляющій Старченко. Старикъ встрѣтилъ меня холодно. На мою просьбу показать мнѣ заводъ, онъ молча повелъ меня въ просторное каменное зданіе и, предоставивъ мнѣ самому осмотрѣть оборудованіе завода, остановился поодаль, мрачно глядя куда-то вдаль своими черными, впалыми глазами. Когда я его спросилъ, возможно ли будетъ осенью пустить заводъ, онъ не задумываясь отвѣчалъ, что покуда въ имѣніи будетъ находится бан-

да разбойниковъ, то ни о какомъ производствѣ и рѣчи быть не можетъ. Оказалось, что они уже не разъ пытались пробраться на заводъ, отобрали у старика послѣднюю лошадедку и того и гляди выселять его изъ дома или убьютъ, какъ уже неоднократно угрожали. Жаль былъ бѣднаго старика. Хотѣлось бы посовѣтовать ему бросить заводъ и бѣжать изъ этого коммунистическаго гнѣзда, но я чувствовалъ, что совѣты мои останутся тщетными. Ясно было, что этотъ храбрый и преданный человѣкъ, никогда не согласится покинуть постъ, принятый имъ отъ прежнихъ хозяевъ.

Объщая ему поговорить съ членами коммуны, я немедленно отправился къ нимъ. На мое требованіе оставить старика въ покоѣ и не вмѣшиваться въ заводскія дѣла, они сперва отвѣтили мнѣ молчаніемъ. Затѣмъ «предсѣдатель» коммуны, — малый съ лицомъ уголовного преступника, который первымъ встрѣтилъ насъ поутру, — заявилъ мнѣ, что они считаютъ управляющаго контръ-революціонеромъ и что, по ихъ мнѣнію, не жаль было бы «пустить его въ расходъ». Ни уговоры, ни угрозы мои не переубѣдили его.

Съ тяжелымъ чувствомъ уѣхалъ я изъ этой проклятой усадьбы. А черезъ мѣсяцъ я узналъ, что бывшій управляющій Старченко былъ убитъ на заводѣ «при загадочныхъ обстоятельствахъ».

Закончивъ свой докладъ, я сталъ собираться въ Москву. Хотѣлось мнѣ навѣстить своихъ и, вдали отъ Н-ска, разобраться немного въ пережитыхъ впечатлѣніяхъ. И закупивъ на базарѣ всякаго продовольствія, я, наконецъ, собрался въ путь.

Въ Харьковѣ пришлось провести ночь на вокзалѣ, въ ожиданіи утренняго поѣзда. Здѣсь я оказался свидѣтелемъ своеобразной сцены. Часамъ къ одиннадцати залъ былъ очищенъ отъ публики, и въ немъ появились какія-то женщины фантастическаго вида, накрашенные и босоногія, съ ведрами и щетками въ рукахъ. Оказалось, что для чистки и уборки вокзаловъ, большевики придумали мобилизовать городскихъ проститутокъ!

Въ Главкѣ.

Высшему Совѣту Народнаго Хозяйства подчинялись многочисленныя коллегіальныя учрежденія, вѣдавшія отдѣльными отраслями промышленности. Это были такъ называемыя «Главки», или иначе — Главные комитеты по дѣламъ народнаго хозяйства, права и обязанности которыхъ точно опредѣлялись совѣтскими декретами. Правленія этихъ комитетовъ помѣщались обычно въ просторныхъ особнякахъ, реквизируемыхъ для нихъ въ Москвѣ. Сокращенно они назывались: Главкожъ, Главсахаръ, Главлѣсъ, Главспичка... и такъ далѣе. Въ предѣлахъ той или иной отрасли хозяйства, районныя комитеты, (подчиненныя Главкамъ), сѣтъ которыхъ раскинулась по всей совѣтской Россіи, вѣдали сборомъ и обработкой сырья, управленіемъ націонализированными и еще ненаціонализированными заводами и отправкой готовыхъ продуктовъ по планамъ, установленнымъ Главнымъ комитетомъ. Каждый Главкъ долженъ былъ вести свою отчетность и производить сводку отчетовъ, получаемыхъ отъ районныхъ комитетовъ. Эта работа требовала, понятно, многочисленныхъ штатовъ служащихъ, занятыхъ главнымъ образомъ въ отдѣлахъ бухгалтеріи и статистики. Здѣсь воочию сказывалась вся несостоятельность и абсурдность бюрократическаго управленія про-

мышленностью цѣлой страны. Бухгалтерскіе отдѣлы, насчитывавшіе иногда свыше сотни служащихъ, положительно заваливались кипами оправдательныхъ документовъ, квитанцій и счетовъ, присылаемыхъ ежемѣсячно изъ районовъ, и не только не въ состояніи были сколько нибудь точно провѣрить, но даже и поверхностно разобраться въ нихъ. А на основаніи этого матеріала долженъ былъ составляться отчетъ для ВСНХ! При такихъ условіяхъ, настоящаго контроля быть не могло, и передъ районными комитетами раскрывались широкія возможности для злоупотребленій, которыя и стали процвѣтать повсюду, несмотря на частыя ревизіи, производимыя центромъ на мѣстахъ.

Впрочемъ, Главкрахмалъ, возникшій, кажется, нѣсколько позже другихъ подобныхъ учреждений, представлялъ собою среди Главковъ нѣкоторое исключеніе. И по вишнему виду онъ былъ нѣсколько приличнѣе, и работа, производившаяся въ немъ, на первый взглядъ казалась менѣе сумбурной.

Помѣщался онъ на Малой Дмитровкѣ, въ прекрасномъ особнякѣ графини Ш. Немногочисленный штатъ служащихъ, состоящій видимо изъ достаточно культурныхъ людей, способствовалъ тому, что помѣщеніе сохранило довольно опрятный видъ. Внизу, въ передней у параднаго входа, служащихъ и рѣдкихъ посѣтителей встрѣчалъ благообразный старикъ-швейцаръ, служившій раньше у прежнихъ владѣльцевъ особняка и сохранившій еще свою форменную ливрею съ золотыми пуговицами. Во второмъ этажѣ, въ просторныхъ комнатахъ помѣщались бухгалтерскій отдѣлъ, дѣлопроизводство и отдѣлъ машинистокъ. Большой, почти всегда пустующій залъ служилъ пріемной, а изъ него позолоченныя двери вели въ кабинетъ правленія. Наверху помѣщались транспортный и техническій отдѣлы, а внизу, въ первомъ этажѣ нѣсколько комнатъ были заняты еще бывшимъ Комитетомъ крахмально-паточныхъ заводчиковъ, учрежденнымъ при Временномъ Правительствѣ и находившимся теперь въ ликвидаци. Работа во всѣхъ отдѣлахъ производилась чинно и спокойно; не замѣтно было здѣсь, въ отличіе отъ другихъ Главковъ, ни лихорадочной спѣшки, ни вороха бумагъ и документовъ.

Причина такой неожиданной организованности заключалась, должно быть, въ томъ, что Главкрахмалъ воспринялъ уже готовый аппаратъ контроля надъ крахмальной промышленностью изъ рукъ другого учрежденія, существовавшаго до него, а именно — только что упомянутого комитета заводчиковъ. До возникновенія Главка этотъ комитетъ, при которомъ когда-то состоялъ чиновникъ особыхъ порученій Министерства Торговли и Промышленности, занимался уже назначеніемъ твердыхъ цѣнъ на продукты, выдачей нарядовъ для перевозки ихъ по желѣзнымъ дорогамъ и распределеніемъ ихъ по всей странѣ. Главкрахмалу оставалось только продолжать уже начатое дѣло, что онъ и сдѣлалъ внеся только одну существенную поправку, — поднявъ твердыя цѣны на продукты, онъ сталъ продавать ихъ уже не отъ имени заводчиковъ, а отъ имени государства. Къ тому же націонализациа заводовъ еще не прошла повсемѣстно, и бюрократизмъ управленія еще не успѣлъ, какъ слѣдуетъ, расцвѣсть.

Когда я явился въ правленіе со своимъ докладомъ, то меня принялъ недавно назначенный новый предсѣдатель. Въ роскошномъ кабинетѣ сидѣлъ небольшой, невзрачнаго вида человѣчекъ, похожій на рабочаго-коммуниста. Покоячивъ съ какими-то бумагами, онъ попросилъ меня прочесть ему вѣдухъ принесенный докладъ.

«Чего же вы собственно желаете?» спросилъ онъ, выслушавъ чтеніе и внимательно посмотрѣлъ на меня.

«Я вамъ изложилъ свою смѣту», отвѣчалъ я: «а теперь мнѣ нужны средства для дальнѣйшей работы.»

«Ну что же,» отвѣчалъ онъ, подумавъ: «я съ вами отпущу артельщика съ деньгами. Но многого я вамъ дать не могу, и вамъ придется какъ нибудь своими средствами обернуться. Относительно топлива, сговоритесь съ уѣзднымъ совнархозомъ. Главное, постарайтесь поскорѣ наладить отправку товара. Вы получите наряды для отправки его въ разныя губерніи. Что же касается мѣшковъ... Я пожалуй поручу вамъ принять въ Харьковѣ партію въ нѣсколько миллионъ мѣшковъ, только что закупленныхъ тамъ, и изъ нихъ вы сможете взять то, что вамъ потребуется.»

Едва вышелъ я изъ правленія, какъ въ коридорѣ попался мнѣ навстрѣчу молодой еврей, одѣтый въ безукоризненный сюртучокъ. Онъ оказался тѣмъ самымъ коммисіонеромъ, который продалъ Главкрахмалу партію мѣшковъ, упомянутую председателемъ правленія. Ему уже было извѣстно, что мѣшки буду принимать я, и онъ тотчасъ же пригласилъ меня побывать у него въ Харьковѣ. То, что услышалъ я въ правленіи, меня озадачило. Сумма общающаяся мнѣ председателемъ, была настолько незначительна, что ея могло хватить развѣ только на одинъ мѣсяцъ для уплаты жалованья служащимъ и на мелкіе расходы. Въ то же время Главкрахмаль затрачивалъ десятки миллионъ рублей на покупку мѣшковъ. Какой, однако, контрастъ! Кромѣ того, что долженъ былъ означать совѣтъ, «устраиваться на мѣстѣ своими средствами?»

Въ транспортномъ отдѣлѣ мнѣ выдали внушительную пачку нарядовъ и желѣзно-дорожныхъ накладныхъ для отправки крахмала по разнымъ адресамъ. Моя задача должна была, впрочемъ, ограничиться доставкой готового товара на станцію, ближайшую отъ Н-ска, и погрузкой его въ вагоны; денежными же расчетами съ покупателями занимался самъ Главкрахмаль. Попутно получилъ я партію всякихъ канцелярскихъ принадлежностей, печать Н-скаго районнаго комитета и удостовѣреніе на посылку внѣочередныхъ такъ называемыхъ «военныхъ» телеграммъ.

Въ Москвѣ я узналъ такія новости, которыя тотчасъ же захватили меня. Носились упорные слухи о продвиженіи бѣлыхъ къ Харькову. Газеты подтверждали ихъ успѣхи на фронтѣ и упоминали также о крестьянскихъ возстаніяхъ въ ближайшемъ красномъ тылу. Все это необходимо было провѣрить на мѣстѣ и передо мною, какъ будто бы, раскрывались неожиданныя перспективы. Забравъ съ собою артельщика, канцелярскія принадлежности и пишущую машинку, купленную по случаю, я уже съ болѣе легкимъ сердцемъ отправился въ обратный путь. Повинуясь какому-то смутному предчувствію, захватилъ я съ собою въ большомъ чемоданѣ и все, что только могъ, изъ личныхъ вещей.

Портреты и наблюденія.

Возвратясь въ Н-скъ, я нашелъ уже готовымъ помещеніе, отведенное подъ районный комитетъ. Изъ жилищнаго отдѣла доставили столы и стулья для канцеляріи, а также скромную обстановку для той комнаты, въ которой я лично намѣренъ былъ поселиться. Желѣзная кровать, жестяной умывальникъ и столикъ, — вотъ все, что

составляло убранство этой каморки; — но здѣсь я уже больше ни отъ кого не зависѣлъ т. к. артельщикъ прїѣхавшій со мной, занялъ номеръ въ гостиницѣ.

При отсутствіи достаточныхъ средствъ, ни о какой работѣ, даже и при желаніи, рѣчи быть не могло; къ тому же въ Харьковѣ, по моимъ расчетамъ, ѣхать было еще преждевременнымъ, и дни стали проходить довольно однообразно. Меня немало тяготило то нравственное одиночество, въ которомъ я волей-неволей очутился. Въ Н-скѣ не было ни одного человѣка, съ которымъ я могъ бы поговорить по душѣ. Старикъ-артельщикъ былъ, правда, милѣйшимъ человѣкомъ. Коренной москвичъ, настоящій типъ стариннаго московскаго артельщика, честный, аккуратный и религіозный, онъ и въ совѣтскомъ быту сохранилъ свой чисто русскій нравственный обликъ. Но разговоры онъ чуждался, и наши отношенія съ нимъ ограничивались денежными счетами и, за чаепитіемъ, безобидными бесѣдами о мелочахъ дня. На первыхъ порахъ, чаще всего встрѣчался я съ Фогелькампомъ. Въ обычное время, не дуракъ, должно быть, выпить въ компаніи, сыграть партію въ желѣзку и рассказать забавный анекдотъ, онъ наряду съ чисто нѣмецкой хозяйственностью, обладалъ большимъ знаніемъ мѣстныхъ условій жизни и особымъ пониманіемъ малороссійскаго быта. Въ немъ я всегда находилъ неисчерпаемый источникъ здраваго смысла и жизненнаго опыта. Но и онъ, покончивъ со своими хозяйственными обязанностями по организаціи канцеляріи, сталъ теперь рѣже заглядывать ко мнѣ. Что же касается барона К., то хотя мы и находились съ нимъ въ одинаковыхъ условіяхъ, но вскорѣ же послѣ нашего перваго знакомства, мы, слѣдуя какой-то интуиціи, перестали дѣлиться вслухъ своими намѣреніями и впечатлѣніями, и ограничивались только взаимнымъ «молчаливымъ пониманіемъ», — никакія предосторожности не могли быть излишними.

Н-скихъ жителей я подраздѣлялъ на двѣ категоріи. Къ одной изъ нихъ я относилъ всѣхъ коренныхъ обывателей города Н-ска, ничего общаго не имѣвшихъ съ коммунистами. Съ ними, въ силу своего служебнаго положенія, я не рѣшался входить въ непосредственныя отношенія; да, впрочемъ, и они сами, несмотря на хорошіе отзывы обо мнѣ Фогелькампа, чуждались меня.

Во вторую категорію входили мѣстные коммунисты и всѣ ихъ прислѣшники. Съ этими людьми я могъ быть только въ чисто официальныхъ отношеніяхъ и при нихъ долженъ былъ, понятно, вести себя крайне осторожно. Впрочемъ, съ Громовымъ у насъ установились, послѣ перваго знакомства, вполне мирныя отношенія. Не стоило большого труда заставить этого человѣка повѣрить въ мою, якобы преданность совѣтской власти. Въ коммунистическихъ теоріяхъ онъ не разбирался и всякія разсужденія принималъ за законъ. Однако, онъ не былъ лишенъ нѣкоторой практической сметки и, благодаря врожденной хитрости, сумѣлъ использовать въ свою выгоду выпавшее на его долю положеніе. Въ Н-скѣ онъ еще до революціи имѣлъ свое собственное хозяйство, въ которомъ разводилъ свиней, а ставъ комиссаромъ по народному хозяйству, получилъ возможность обдѣлывать личныя дѣла въ такомъ масштабѣ, о которомъ ему раньше и во снѣ не снилось.

Остальные коммунисты были личностями крайне мрачными, въ чемъ отличались отъ жизнерадостнаго товарища Громова. Предсѣдателемъ мѣстнаго исполкома былъ тов. Ступа, — высокаго роста, сухой, надменный и молчаливый человѣкъ. Бритая голова, черные пронзительные глаза, темная клинообразная бородка на загорѣломъ ли-

цѣ, рѣзкія движенія, — все въ немъ напоминало не то Стеньку Разина, не то одного изъ Жюль-Вернскихъ разбойниковъ. Внѣшнему облику соответствовала и біографія его. До революціи, будучи почтовымъ чиновникомъ въ Н-скѣ, онъ ухитрился дважды ограбить кассу своего почтового отдѣленія, за что и былъ сосланъ въ Сибирь. Въ Н-скѣ это было, понятно, общеизвѣстнымъ фактомъ, но, должно быть въ силу именно этихъ своихъ заслугъ, онъ пользовался большимъ авторитетомъ среди мѣстныхъ коммунистовъ, а обывателямъ внушалъ не малый страхъ.

Другимъ членомъ исполкома была человекъ типа настоящего ломбровскаго каргожника, съ выдающейся впередъ челюстью, покатымъ лбомъ, съ такой же бритой головой какъ у тов. Ступы, и такой же, какъ и онъ, молчаливый и озлобленный. Дѣлопроизводителемъ же исполкома былъ хитрый и умный латышъ, едва ли не самый умный изъ всѣхъ Н-скихъ коммунистовъ.

Членъ коллегіи уѣзднаго совнархоза, тов. Терешниченко, котораго я пригласилъ въ составъ своего районнаго комитета, былъ скромнымъ и на видъ безопаснымъ человекомъ. Его ввидѣ затычки, назначали, обычно, на разныя второстепенныя должности, хотя и «охвищальныя», какъ онъ самъ выражался.

Комиссаромъ труда былъ молодой парень лѣтъ семнадцати, щеголявшій въ свѣтло-сѣрой тужуркѣ гимназическаго образца.

По возвращенію въ Н-скъ изъ Москвы, засталъ я и новое лицо, прибывшее по дѣламъ моего районнаго комитета. Это былъ пріемщикъ какой-то крупной мануфактуры Владимірской губерніи, которой полагалось отпустить вагонъ картофельной муки. Среди документовъ, полученныхъ въ Главкрахмалѣ, я дѣйствительно нашелъ нарядъ и на эту фабрику, и мнѣ ничего не оставалось другого, какъ принять мѣры къ выполненію его. Однако, пріемщику, — рабочему-коммунисту, — пришлось дожидаться около мѣсяца погрузки товара. За недостаткомъ топлива и мѣшковъ, сушка на заводѣ Пономарева шла вяло; и я немало удивлялся тому терпѣнію, которое проявилъ владимірскій коммунистъ.

Подъ предлогомъ закупки мѣшковъ и топлива, я, наконецъ, недѣли черезъ двѣ по прибытію въ Н-скъ отправился въ Харьковъ. Въ Н-скѣ, какъ это ни странно, о фронтѣ ничего слышно не было, а мнѣ не терѣлось провѣрить слухи, которыми была полна Москва. И дѣйствительно, побывавъ тамъ, я понялъ, что надвигаются важныя событія.

Въ Харьковѣ я засталъ все то же оживленіе, все ту же снующую толпу, но на улицахъ теперь замѣтно было гораздо больше военныхъ, чѣмъ раньше. Проходили съ пѣніемъ, очевидно отправляясь на фронтъ, воинскія части въ полномъ вооруженіи; громыхали по мостовой одиночныя артиллерійскія орудія.

Кое-какія свѣдѣнія о фронтѣ я получилъ совершенно случайно, зайдя по поводу заказа машинныхъ частей къ комиссіонеру-еврею. Занималъ этотъ господинъ богато обставленную квартиру въ большомъ новомъ домѣ на одной изъ главныхъ улицъ. Такъ какъ мой заказъ могъ оказаться интереснымъ, то старикъ принялъ меня радушно и настоялъ на томъ, чтобы я остался у него къ чаю. Въ столовой, за богато убранымъ столомъ, собралось все многолюдное семейство. Хозяева непринужденно разговаривали на разныя «буржуазныя» темы, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что я въ ихъ глазахъ долженъ былъ все-таки быть представителемъ совѣтскаго учрежденія.

Создавалось впечатлѣніе, что они остались какъ бы внѣ коммунизма, поразившаго страну, но пощадившаго ихъ. Почувствовавъ, что можетъ быть отъ этихъ людей, сохранившихъ свободу сужденій и хорошо освѣдомленныхъ, мнѣ удастся разузнать кое-что о положеніи на фронтѣ, я навелъ разговоръ на эту тему. Одинъ изъ сыновей, студентъ-технологъ, тотчасъ же досталъ большую карту и сталъ добродушно объяснять мнѣ, гдѣ происходить бои. Оказалось, что бѣлыя войска находятся уже верстахъ въ ста отъ Харькова и продолжаютъ наступать на сѣверъ, вдоль желѣзной дороги Ростовъ — Харьковъ.

«Вы думаете — это неорганизованныя банды?» проговорился онъ, наконецъ: «А я вамъ говорю, — черезъ три недѣли Харьковъ будетъ взятъ бѣлыми!»

По его словамъ, самъ Троцкій недавно побывалъ въ городѣ и выѣзжалъ на фронтъ, но тѣмъ не менѣе красныя войска продолжали отступать по всему фронту и не въ состояніи были задержать натиска бѣлыхъ, которые безспорно обладали тактическимъ превосходствомъ надъ ними и снабжены были союзниками въ изобиліи танками, орудіями и пулеметами.

Послѣдствія всѣхъ этихъ слуховъ сказались и въ томъ, что другой еврей-комиссіонеръ, продавшій партію мѣшковъ Главкрахмалу, отложилъ поставку этихъ мѣшковъ на неопредѣленное время, заявивъ, что у него еще не набралось достаточнаго количества матеріала.

Случайно довелось мнѣ узнать, что въ Харьковъ прибылъ и тов. Громовъ. Мнѣ потребовалась отъ него какая-то справка, и я зашелъ къ нему въ гостиницу. Въ коридорѣ, около его номера, расхаживали какія-то личности, въ которыхъ нетрудно было узнать мелкихъ комиссіонеровъ. Въ номерѣ я засталъ тов. Громова, оживленно бесѣдовавшаго съ человѣкомъ такого же типа, какъ и тѣ, которые дожидались въ коридорѣ. У тов. Громова былъ пріемъ и, судя по оживленію, съ какимъ велись переговоры, можно было заключить, что здѣсь спѣшно обдѣлывались какія-то крупныя дѣла.

Передъ отъѣздомъ изъ Харькова заглянулъ я изъ любопытства и въ городской театръ. Въ Москвѣ въ тѣ времена кое-какіе театры еще сохранили свои традиціи, и въ нихъ можно было видѣть прежнія хорошія пьесы, и почти что въ такомъ же исполненіи, какъ и раньше. Но здѣсь я попалъ на грубую и пошлую пьесу, имѣвшую цѣлью антирелигіозную пропаганду, которая, кстати сказать, еще только-только начала открыто распространяться въ совѣтской Россіи. На сценѣ выступали католическіе монахи, священники и прелаты, въ церковныхъ облаченіяхъ, съ кадилами и священными сосудами въ рукахъ. Якобы въ пьяномъ видѣ распѣвали они на церковные мотивы пѣсни гнуснаго содержанія. Со сцены процессія спускалась въ зрительный залъ и обходила театръ. Публики было много, но чувствовалось, что она смущена и недоумѣваетъ. Не выдержавъ испытанія, я послѣ перваго же акта съ отвращеніемъ покинулъ театръ.

Наканунъ прихода бѣлыхъ, Харьковъ продолжалъ жить темной и лихорадочной совѣтской жизнью...

II. Освобожденіе.

Въ ожиданіи бѣлыхъ.

Тревожное настроеніе, замѣтное въ Харьковѣ въ связи съ успѣшнымъ наступленіемъ бѣлой арміи, начинало сказываться и въ Н-скѣ. Хотя городъ и сохранялъ внѣшнѣе свой обычный видъ, однако по разнымъ признакамъ чувствовалось, что въ настроеніи обывателей произошла какая-то перемѣна. Чаше стали они появляться на улицахъ, по вечерамъ видѣлись группы изъ двухъ-трехъ обывателей, сидящихъ на скамейкахъ передъ своими домами; и не разъ улавливалъ я многозначительные взгляды, которыми провожали случайно проходившаго мимо коммуниста.

Одинъ изъ красивѣйшихъ уголковъ Н-ска находился на сѣверной окраинѣ города. Прямая немощенная улица заканчивалась здѣсь площадкой, за которой опускался крутой обрывъ. Отсюда открывался чудный видъ на дальнія равнины, и создавалось впечатлѣніе, что городъ расположенъ на горѣ. Внизу, подъ обрывомъ, протекала небольшая извилистая рѣчка; за ней тянулись широкіе зеленые луга; а тамъ, далеко, — до самаго горизонта, — раскинулась равнина, съ безконечными полями, прорѣзанymi убѣгающей полоской Екатерининскаго шляха. Съ площадки можно было спуститься по извилистой тропинкѣ къ рѣчкѣ и перейти на ту сторону ея по живописному деревянному мостику. Здѣсь, среди рощи столѣтнихъ липъ и дубовъ, находился прудъ. По обѣимъ сторонамъ липовой аллеи, въ густой травѣ было много полевыхъ цвѣтковъ; а по вечерамъ, неумолчное днемъ стрекотаніе сверчковъ смѣнялось оглушительнымъ крикомъ лягушекъ. Здѣсь было обычное мѣсто прогулокъ и свиданій горожанъ. Сюда я любилъ заходить и часто бродилъ я здѣсь въ одиночествѣ по тѣнистымъ аллеямъ, обдумывая свое положеніе. Насколько мнѣ было извѣстно по разнымъ намекамъ, въ городѣ только и было разговоровъ, какъ о неминуемомъ прибытіи «кадетовъ», какъ называли здѣсь бѣлые ополченія, и о возвращеніи вмѣстѣ съ ними обывателей, покинувшихъ городъ передъ приходомъ большевиковъ. Я лично тоже не сомнѣвался въ томъ, что вскорѣ произойдутъ важныя событія. Къ тому же сами коммунисты стали проявлять признаки безпокойства. Часто можно было видѣть въ городѣ товарища Ступу, спѣшно шагающаго куда-то съ портфелемъ подъ мышкой. Ежедневно издавались приказы и воззванія къ населенію. По слухамъ, въ сосѣднюю деревню недавно прибылъ карательный отрядъ. Упорно говорили о крестьянскихъ возстаніяхъ, вспыхивавшихъ то здѣсь, то тамъ. Недовольство населенія возросло въ связи съ реквизиціями и недостаткомъ предметовъ первой необходимости. Товарищъ Громовъ все чаще навѣщалъ Харьковъ и очевидно спѣшилъ покончить со своими дѣлами. И постепенно сталъ созрѣвать у меня планъ побѣга изъ совѣтской Россіи.

Но само собою разумѣется, до поры до времени приходилось держаться крайне осторожно, чтобы не навлечь на себя подозрѣній. Какъ разъ въ это время я получилъ анонимное сообщеніе, предостерегавшее меня отъ дружбы съ К. Въ Н-скѣ ходили уже будто бы слухи, что онъ — бывший баронъ и крупный помѣщикъ, что въ разговорахъ онъ не скрываетъ своихъ монархическихъ убѣжденій, и что все это не можетъ не дойти до свѣдѣнія Н-скихъ коммунистовъ. Но зналъ ли неизвѣстный авторъ этого письма, что баронъ К. дѣйствительно затѣялъ опасное дѣло? Одной изъ задачъ, возложенныхъ на совхозы, было приведеніе въ исполненіе ленинскаго декрета объ отоб-

раніи у крестьянъ живого и мертвѣго инвентаря, разобраннаго ими въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и передаваемого теперь въ совѣтскія хозяйства. Декретъ этотъ предписывалъ не останавливаться и передъ примѣненіемъ вооруженной силы. Баронъ К. не побоялся воспользоваться имъ, какъ орудіемъ воздействия на настроеніе крестьянскихъ массъ. Онъ часто выѣзжалъ на мѣста и на сельскихъ собраніяхъ, лично прочитывалъ этотъ декретъ. И, по всей вѣроятности, мѣры, принятія имъ при помощи уѣздныхъ властей, немало способствовали возмущенію среди крестьянъ и тѣмъ частичнымъ возстаніямъ, которыя стали вспыхивать въ уѣздѣ.

Однажды мнѣ сообщили, что въ сосѣдней деревнѣ крестьяне захватили складъ сухого крахмала, находившійся при опечатанномъ совнархозомъ небольшомъ заводѣ, хозяинъ котораго находился въ бѣгахъ. Зная, что К. имѣетъ опытъ въ подобныхъ дѣлахъ, я попросилъ его свѣдѣть со мной въ эту деревню. Оказалось, что и у него имѣлось тамъ какое-то дѣло, и мы поѣхали туда съ нимъ вдвоемъ на дрожкахъ. Уже при выѣздѣ въ селеніе я замѣтилъ слѣды картофельной муки на дорогѣ, а передъ сельской потребиловкой мы застали и подводы, нагруженныя ею. К. тотчасъ же созвалъ сельскій сходъ и, поговоривъ объ арендѣ какихъ-то полевыхъ участковъ, прилегавшихъ къ мѣстному совѣтскому помѣстью, передалъ мнѣ слово. Но какъ только я, въ свою очередь, выступилъ и спросилъ, на какомъ основаніи безъ вѣдома районнаго комитета былъ вскрытъ складъ крахмала, то вокругъ поднялся гамъ, и мужики не дали мнѣ говорить.

«Крахмадь — нашъ, крестьянскій,» кричали изъ толпы: «изъ нашего добра, изъ нашей картошки сработанъ. Кто намъ за картофель заплатилъ?»

«Вамъ за картофель заплатятъ», старался я вставить слово: «а зачѣмъ же безъ спроса растаскивать товаръ?»

«Чѣмъ же вы будете платить?» спросилъ старикъ, выступившій впередъ изъ толпы: «бумажками? Ихъ намъ не надо. Отпустите намъ товаровъ для потребиловки, тогда мы и поговоримъ.»

«Правильно!» загалдѣли мужики: «пусть сами дадутъ, чего у насъ нѣту: соли, спичекъ, кожи...»

«Раньше мы на помѣщиковъ работали,» кричали другіе: «а теперь — на товарищей! При помѣщикахъ-то только всего было вдоволь, а теперь что, — разумнѣе ходимъ... Довольно! Нечего больше зубы-то заговаривать. Крахмала мы все равно не отдадимъ, а товарищей мы не боимся!...»

Не дожидаясь заключительныхъ словъ или дѣйствій со стороны возбужденнаго схода, я поспѣшилъ къ дрожкамъ, на которыхъ меня ожидалъ К. И сопровождаемые насмѣшливыми возгласами, мы погнали лошаденку крупной рысью...

Свѣдѣнія о фронтѣ были довольно скудными. Насколько помню, газеты въ Н-скѣ были рѣдкимъ явленіемъ, да и изъ нихъ нельзя было узнать ничего. Приходилось довольствоваться слухами; а по нимъ, бѣлый фронтъ съ каждымъ днемъ приближался къ Харькову. Однажды, встрѣтивъ тов. Терешниченко и принявъ невинный видъ, я спросилъ его, въ чемъ дѣло и кто собственно такіе эти «бѣлогвардейцы», о которыхъ такъ много стало слышно. — «Царскіе охвигеры да енералы», печально, но съ убѣжденіемъ отвѣчалъ онъ... По правдѣ сказать, я и на самомъ дѣлѣ имѣлъ еще довольно смутное представленіе о добровольцахъ. Въ дни октябрьской революціи, на

улицахъ Москвы противъ большевиковъ сражались юнкера подъ начальствомъ офицеровъ. Затѣмъ я зналъ, что впоследствии, гдѣ-то на Дону или вообще на югѣ, собралось добровольческое ополченіе, составленное главнымъ образомъ изъ молодежи. Въ Москвѣ мало говорили объ этомъ движеніи, а совѣтскія газеты старались умалчивать о томъ, что происходило на югѣ. Поэтому свѣдѣнія о томъ, что добровольческое движеніе какимъ-то чудомъ разрослось, и что вглубь Россіи повели наступленіе уже настоящія крѣпкія боевыя части, организованныя русскимъ офицерствомъ и поддержанныя союзниками, являлось для меня новымъ и неожиданнымъ факторомъ. Тѣмъ не менѣе ясно было, что подъ Харьковомъ дѣла приняли серьезный для большевиковъ оборотъ. Въ этомъ отчасти я смогъ убѣдиться и самъ, когда мнѣ пришлось отправиться на станцію для погрузки вагона крахмала во Владимірскую губернію. Мимо станціи проходили многочисленные воинскіе поѣзда съ частями, слѣдовавшими на фронтъ, а изъ Харькова отъ времени до времени прибывали санитарные поѣзда съ ранеными. Здѣсь же маленькое обстоятельство подсказало мнѣ, что и въ моральномъ отношеніи въ красной арміи далеко не все обстояло благополучно. Случайно проходилъ я мимо только что прибывшаго поѣзда, шедшаго въ направленіи на Харьковъ и вниманіе мое было привлечено пьяными возгласами, раздававшимися изъ одного класснаго вагона. Заглянувъ въ окно, я увидѣлъ черномазыхъ военныхъ комиссаровъ, расположившихся передъ бутылками въ компаніи пьяныхъ и полутолыхъ женщинъ. На вагонѣ я прочелъ надпись: «...ая прифронтовая чрезвычайная комиссія.»

Тѣмъ не менѣе Н-скіе большевики старались не показывать вида, что падаютъ духомъ. На Соборной площади ежедневно происходило обученіе комсомольцевъ военному строю. Однажды имъ устроили какой-то смотръ. Съ балкона исполкома выступали ораторы и провозглашали, что приближается міровая революція, что «гидра русской контръ-революціи» скоро будетъ побѣждена, а бѣлые отряды снесены съ лица земли. «И настанетъ послѣдній и рѣшительный бой...», гремѣлъ послѣ каждой рѣчи Интернаціональ. Когда же одинъ изъ ораторовъ провозгласилъ «ура» за совѣтскую армію, то изъ довольно жидкой толпы, собравшейся передъ исполкомомъ, раздались только отдѣльные рѣдкіе возгласы, и люди стали молчаливо расходиться по домамъ.

Подготовка къ побѣдѣ.

Наконецъ, армія генерала Деникина заняла Харьковъ, *) и наступленіе ея стало стремительно развиваться за предѣлы его, на сѣверъ. Бѣлые отряды наступали вдоль линіи желѣзнодорожной Харьковъ — Сумы, и до насъ стали уже доноситься звуки орудіейной стрѣльбы.

Н-скъ былъ объявленъ на военномъ положеніи; коммунисты мобилизовали партію и парадировали по городу въ военныхъ доспѣхахъ.

Изъ Москвы былъ полученъ приказъ, всѣмъ командированнымъ изъ нея въ области, ставшія теперь прифронтовыми, немедленно возвратиться въ Москву.

Сидя передъ копіей этого приказа въ своей канцеляріи, я въ послѣдній разъ обдумалъ положеніе. Ясно было, что теперь настало время дѣйствовать. Въ томъ, что

*) 12 іюня (ст. стиля) 1919 г.

бѣлые, наступая отъ Харькова, подойдутъ къ Н-ску и займутъ его, я не сомнѣвался. Во-первыхъ Н-скъ лежалъ по пути къ Сумамъ, важному желѣзно-дорожному узлу, и на защиту города еще не прибыло красныхъ частей; во-вторыхъ, если бы даже бѣлые принуждены были временно приостановить свое наступленіе, что было мало вѣроятнымъ, судя по ихъ стремительному движенію впередъ, то Н-скъ, по своему топографическому положенію, могъ какъ разъ оказаться для нихъ прекрасной позиціей, недоступной съ сѣвера и открытой съ юга. Къ тому же въ передовыхъ отрядахъ бѣлыхъ несомнѣнно имѣлись бѣжавшіе къ нимъ раніе Н-цы, которымъ, по всей вѣроятности, не терпѣлось поскорѣе освободить родной городъ отъ большевиковъ. Во всякомъ случаѣ, у меня теперь уже имѣлся готовый планъ. Принявъ въ принципѣ рѣшеніе бѣжать при удобномъ случаѣ, я заранѣе сговорился съ однимъ полякомъ — бѣженцемъ, снимавшимъ дачу въ Н-скѣ, и онъ согласился укрыть меня у себя до прихода бѣлыхъ. Оставалось только выбрать подходящий моментъ и объявить мѣстнымъ властямъ, что я уѣзжаю въ Москву.

Въ моментъ когда съ часу на часъ могла начаться эвакуація города, и когда уже настало время привести составленный планъ въ исполненіе, я почувствовалъ себя на грани двухъ міровъ, двухъ совершенно различныхъ существованій. И передъ неизвѣстностью, въ которую стояло только мнѣ сдѣлать шагъ, чтобы разъ навсегда порвать связь съ міромъ, въ которомъ я еще находился, — тѣ доводы, которые привели меня къ рѣшенію бѣжать, вновь со всюю отчетливостью представились моему воображенію. Для того, чтобы провѣрить ихъ, мнѣ надо было еще разъ мысленно обернуться назадъ ко всему тому, что я оставлялъ въ Москвѣ и что мнѣ было дорого. Я чувствовалъ еще глубокую связь съ той жизнью, которая сложилась для меня и для моихъ близкихъ за послѣдніе тяжелые годы. Мнѣ больно было такъ внезапно и безъ предупрежденія покинуть своихъ и къ тому же я зналъ, что они едва ли одобрили бы мое намѣреніе. Въ Москвѣ уже давно извѣрились въ томъ, что спасеніе придетъ отъ бѣлой арміи. Опытъ предыдущихъ кампаній уже въ достаточной мѣрѣ доказалъ всю тщетность и несбыточность надеждъ на нее. Еще жива была память о печальныхъ дѣяніяхъ Временнаго Правительства, и при наличіи такого стихійнаго процесса, какъ большевизмъ, всякія частныя политическія начинанія могли показаться только источникомъ дальнѣйшихъ бѣдствій и условіемъ еще большаго ослабленія и расчлененія и безъ того ужъ истерзанной Россіи. Повинуясь незыблемому историческому процессу, примѣняясь такъ или иначе къ искаженнымъ условіямъ совѣтскаго быта, многія и многія русскія люди предпочитали «авантюръ» ежедневныя физическія и нравственныя страданія, хотя и непомѣрно тяжелыя, но по глубинѣ своей и правдивости ставшія истиннымъ національнымъ удѣломъ. И сколько неизвѣстныхъ, скромныхъ мучениковъ въ совѣтской Россіи шло по тернистому пути, живя одной только вѣрою въ неистощимость національнаго духа, вѣрою въ то, что несмотря на искаженность и уродливость быта, которому временно приходится отдавать дань, въ концѣ концовъ возсіяетъ свѣтъ, — тѣмъ болѣе яркій и истинный, что возродится онъ естественнымъ путемъ: черезъ всенародное страданіе и безъ внѣшней помощи. Но сколько терпѣнія, сколько самоотверженности, какую силу и цѣльность личности нужно было имѣть, чтобы изо дня въ день, прикрываясь личиною вѣрности совѣтской власти, идти впередъ къ такой еще далекой цѣли! Такую борьбу могъ выдержать толь-

ко человѣкъ уже извѣстнаго возраста, уже имѣвшій за собою годы счастливаго существованія, закаленный и завершившій свое нравственное развитіе. Но человѣкъ молодой, еще мало испытавшій настоящую жизнь, могъ въ этихъ условіяхъ легко потерять всякое понятіе совѣсти и чести. Я лично не имѣлъ никакихъ данныхъ къ тому, чтобы разсчитывать на скорую и конечную побѣду ополченій ген. Деникина надъ большевиками и на полное освобожденіе и возстановленіе ими Россіи въ ближайшемъ будущемъ. Но что же ожидало бы меня, если бы я теперь возвратился въ Москву? Терпѣливое и жалкое существованіе подневольнаго раба было мнѣ не подъ силу. Разрѣшать квадратуру круга совѣтской экономической политики было бы полнѣйшей нелѣпостью. Воспользоваться же своимъ служебнымъ положеніемъ для разныхъ спекуляцій, широкое поле для которыхъ открывалось повсюду, значило, по просту говоря, — стать жуликомъ и проходимцемъ. Къ довершенію всего было бы безуміемъ подвергать себя риску зачисленія въ красную армію по мобилизаци, что оказалось бы неминуемымъ при успѣшномъ продвиженіи бѣлыхъ ополченій вглубь Россіи.

Съ другой стороны, передо мною былъ непреложный фактъ. Добровольческая армія, какую бы силу она собою ни представляла, отвоевала уже значительную часть русской территоріи и находилась вблизи Н-ска. Тамъ люди правдиво, открыто, безо всякихъ компромиссовъ, шли къ свѣтлой цѣли впередъ. Оттуда, съ юга, казалось мнѣ, вставала новая жизнь, тамъ было нежданное и близкое освобожденіе отъ совѣтскихъ путъ, тамъ возрождалась уже давно позабытая прежняя до-революціонная свобода, и туда, уже помимо всякихъ разсужденій, рвалась моя душа. А если когда-нибудь впослѣдствіи бѣлая армія освободила бы Москву, — то какимъ счастьемъ было бы сопутствовать ей! И изъ всѣхъ этихъ соображеній, всѣхъ этихъ чувствъ, складывалась одна равнодѣйствующая, — воспользоваться случаемъ и бѣжать изъ совѣтской Россіи.

Все это уже было продумано и взвѣшено, и теперь только промелькнуло въ моемъ воображеніи. Рѣшеніе я уже принялъ безповоротнo, и въ тотъ же день принялся за выполненіе того плана дѣйствій, который самъ собою напрашивался.

Первымъ дѣломъ я отправился въ совнархозъ, гдѣ заявилъ, что ввиду тревожныхъ событій и приказа, полученнаго изъ Москвы, я буду держать себя наготовѣ, на случай возможной эвакуаціи города и съ этой цѣлью заблаговременно погружу казенное имущество на подводы. Громова, я тамъ не засталъ. Семеновъ былъ за нѣсколько дней до того арестованъ по приказу Громова, пожелавшаго избавиться отъ него, какъ отъ излишняго соперника, а Терешниченко, котораго я засталъ въ канцеляріи, оказался въ такомъ подавленномъ настроеніи, что, не слушая даже меня согласился на присылку моихъ подводъ въ совнархозъ. Къ тому же и въ самомъ совнархозѣ, повидимому, уже приготовились къ эвакуаціи. Имущество его уже было уложено; на дворѣ стояли приготовленные къ отѣзду подводы, а въ канцеляріяхъ было сорно, пусто и безлюдно. Въ одной только пріемной царилъ нѣкоторое оживленіе. Здѣсь толпились мужики, требуя выдачи денегъ, недоплаченныхъ имъ за разныя поставки и работы. Терешниченко видимо потерялъ голову и, стараясь ихъ успокоить, беспомощно твердилъ что, все будетъ сдѣлано въ должное время. Оставивъ его среди неумиравшихся просителей, я отправился дальше.

Въ исполкомѣ, въ который я теперь впервые заходилъ, чувствовалось еще болѣе напряженное настроеніе. Въ вестибюлѣ и по лѣстницѣ сновали коммунисты, одѣтые въ походную форму и вооруженные револьверами. Въ коридорахъ сложены были груды винтовокъ, а у входа и на второмъ этажѣ стояли пулеметы. Въ этомъ коммунистическомъ гѣздѣ меня принялъ въ своемъ кабинетѣ секретарь исполкома. Здѣсь, подѣ произительнымъ и слегка насмѣшливымъ взглядомъ всеильнаго латыша, я почувствовалъ, что рѣшается моя судьба. Но, внимательно выслушавъ меня, онъ сверхъ моего ожиданія, тотчасъ же охотно выдалъ мнѣ пропускъ и разрѣшеніе на выѣздъ изъ Н-ска. Пользуясь этимъ я попытался было выпросить у него револьверъ, будто бы для самозащиты въ пути, если придется ѣхать на лошадаяхъ; однако продѣлка эта мнѣ не удалась, — въ револьверѣ онъ мнѣ отказалъ подѣ тѣмъ предлогомъ, что оружіе было уже все разобрано членами партіи.

Удоволѣреніе отъ исполкома потребовалось мнѣ только для отвода глазъ, но мнѣ нужно было еще получить ордеръ на подводы. Запись на нихъ производилась въ какомъ-то учрежденіи, въ которомъ я засталъ невообразимую суматоху, шумъ, гамъ и толкотню людей, ожидавшихъ очереди. Здѣсь, воспользовавшись въ послѣдній разъ своимъ положеніемъ уполномоченнаго, я, хотя и не безъ труда, пробрался черезъ толпу, получилъ ордеръ и зарегистрировался въ числѣ отѣзжающихъ.

На слѣдующее утро, по моему приказанію, было уложено имущество районнаго комитета: пишущая машинка, канцелярскія принадлежности, книги, отчетность и всевозможныя папки; все это было погружено на подводы и отправлено въ совнархозъ.

Теперь уже и на улицахъ происходила суматоха. Повсюду двигались отѣзжающіе обозы; на базарной площади стояли многочисленныя нагруженныя подводы: носились слухи, что бѣлые подходятъ къ самому городу. Покуда Громовъ и другіе въ послѣднюю минуту не спохватились обо мнѣ, надо было начать дѣйствовать.

Въ тотъ же вечеръ, надѣвъ дорожное платье, я вышелъ изъ помѣщенія районнаго комитета и направился по пустыннымъ боковымъ улочкамъ къ тому мѣсту, которое должно было стать моимъ убѣжищемъ до занятія города добровольцами.

Съ этого момента всякая связь съ совѣтскимъ міромъ была для меня порвана, и я съ трепетомъ шелъ по направленію къ той новой жизни, о приближеніи которой свидѣтельствовали глухіе взрывы тяжелыхъ снарядовъ, которыми бѣлый бронепоездъ обстрѣливалъ желѣзно-дорожную станцію, находившуюся въ сторонѣ, верстахъ въ десяти отъ города.

Наше убѣжище. Подѣ обстрѣломъ.

Н-скъ тихій и мирный малороссійскій городокъ, становился театромъ военныхъ операцій. О численности бѣлыхъ отрядовъ, наступающихъ на городъ, объ ихъ намѣреніяхъ, какъ и вообще о положеніи на фронтѣ, намъ тогда мало что было извѣстно. Мы могли только предположить, что къ городу подходитъ часть тѣхъ отрядовъ, которыми только что занятъ былъ Харьковъ. На самомъ же дѣлѣ, армія ген. Деникина, развивая наступленіе вглубь Россіи, занимала тогда широкій фронтъ, который, начинаясь отъ Царицына на Волгѣ, изогнулся дугой черезъ Область Войска Донскаго,

Воронежскую, югъ Курской, Харьковскую, Екатеринославскую, Полтавскую и Херсонскую губернии, до устьевъ Днѣпра, подѣ самымъ Херсономъ. Центръ тяжести военныхъ операцій находился несомнѣнно въ харьковскомъ районѣ, откуда, какъ я узналъ впоследствии, наступленіе должно было развиваться на сѣверъ въ направленіи на Москву, черезъ Курскъ и Орелъ. Занятіе Сумъ необходимо было для обезпеченія Вѣлгорода, связаннаго съ этимъ городомъ желѣзно-дорожной вѣткой. Задача эта, если не ошибаюсь, выполнялась второстепенными отрядами, двигающимися изъ Харькова. А такъ какъ Н-скъ находился на ихъ пути, то, при условіи дальнѣйшаго движенія арміи ген. Деникина, занятіе Н-ска становилось неминуемымъ. Самый городъ, какъ я уже отмѣтилъ, представлялъ отличную позицію для наступающихъ, если бы они временно должны были здѣсь задержаться. Южная и западная окраина его граничили съ ровными полями, и отсюда нетрудно было его занять; а съ сѣвера и сѣверо-востока, онъ защищенъ былъ крутымъ обрывомъ и болотистой мѣстностью, по которой протекала извилистая рѣчка. Такимъ образомъ, мои расчеты на скорое занятіе Н-ска бѣлыми и на самомъ дѣлѣ оказывались исполнѣ правдоподобными. Однако случайности и непредвидѣнныя обстоятельства на всякомъ фронтѣ — явленіе обычное, и мнѣ вскорѣ уже пришлось убѣдиться въ томъ, насколько и самые вѣрные расчеты могутъ оказаться шаткими.

Мое убѣжище, то-есть та хата, въ которой я рассчитывалъ найти пріютъ до прихода бѣлыхъ, находилось на самой южной окраинѣ города. Черезъ одинъ-два дома уже начинались поля, за которыми гдѣ-то поблизости, въ сторону Харькова, долженъ былъ находиться фронтъ. Возможно было, конечно, предположить, что какъ разъ на этой окраинѣ, передъ занятіемъ города, произойдутъ бои, но зато здѣсь, между бѣлыхъ и чистенькихъ хатъ, крытыхъ соломой, имѣлось столько обширныхъ и укромныхъ садовъ, что тутъ, казалось, легче всего было укрыться отъ возможныхъ встрѣчъ съ Н-скими большевиками.

Когда я безпрепятственно добрался до этихъ мѣстъ, то меня на крыльцѣ опрятнаго домика встрѣтилъ высокаго роста, худощавый старикъ, — мой новый квартирохозяинъ. Почему и какимъ образомъ этотъ галиційскій бѣженецъ со времени русско-германской войны попалъ со своей семьей именно въ Н-скъ, — это было мнѣ неизвѣстно, но зато я зналъ, что онъ уже неоднократно пытался получить отъ большевиковъ разрѣшеніе на обратный выѣздъ на родину, въ чемъ ему всякій разъ отказывали, и что онъ съ нетерпѣніемъ дожидался теперь прихода бѣлыхъ.

Сандокъ, — такъ звали моего хозяина, — тотчасъ же провелъ меня въ домъ и показалъ мнѣ небольшую комнату, въ которой стояли двѣ желѣзныя кровати. Оказалось, что эту комнату я долженъ былъ раздѣлить съ такимъ же, какъ и я, бѣглецомъ, ожидавшимъ прихода бѣлыхъ. Это непредвидѣнное обстоятельство озадачило было меня, но Сандокъ такъ горячо сталъ ручаться за своего квартиранта, бывшаго офицера, избѣжавшаго призыва въ красную армію, что я, наконецъ, сдался на его доводы. Затѣмъ, заглянувъ въ другія комнаты, мы вмѣстѣ съ нимъ вышли въ садъ. Чудный лѣтній день подходилъ къ концу; на ярко-зеленой травѣ отчетливо обрисовывались тѣни, а сквозь листья деревьевъ золотились послѣдніе лучи заходящаго солнца. Садикъ оказался маленькимъ, но я не обратилъ на это особаго вниманія, —

такъ тихо и мирно было вокругъ, такимъ отчужденнымъ казался этотъ уголокъ отъ всего, что происходило въ центрѣ города.

Окунева, моего случайнаго сожителя, мы нашли въ глубинѣ сада. Онъ оказался человѣкомъ среднихъ лѣтъ, съ открытымъ взглядомъ и добродушной улыбкой. При видѣ его мои сомнѣнія тотчасъ же разсѣялись. Бываютъ случаи, когда послѣ перваго же рукопожатія между людьми устанавливается обоюдное довѣріе; — такъ и теперь, въ эти минуты, торжественныя въ своей простотѣ, мы безъ лишнихъ словъ усѣлись, по приглашенію хозяина, на стульяхъ, принесенныхъ сюда изъ дома, и невольно стали прислушиваться къ дальнимъ разрывамъ снарядовъ, которыми бѣлые продолжали обстрѣливать ближайшую станцію. Каждый изъ насъ чувствовалъ, должно быть, что вскорѣ должна будетъ рѣшиться наша судьба. Молчаніе первымъ прервалъ наиболѣе экспансивный изъ насъ, — Сандокъ. Онъ уже мечталъ вслухъ о томъ, какъ послѣ прихода бѣлыхъ, отправится въ Харьковъ, займется тамъ какими-нибудь дѣломъ и, заработавъ денегъ на дорогу, вернется на родину, гдѣ у него имѣлось небольшое помѣстье. Окуневъ соглашался съ нимъ, молча предаваясь своимъ собственнымъ думамъ. Я уже, хотя еще и не отдавая себѣ полного отчета въ томъ, что предприму въ будущемъ, чувствовалъ, что передо мною открываются двери къ новому, хорошему и свободному существованію. Мы всѣ трое были совершенно увѣрены, что черезъ день или два бѣлые займутъ городъ. И съ каждымъ глухимъ взрывомъ, доносившимся до насъ, укрѣплялась наша надежда.

Напрягая слухъ, я даже иногда различалъ въ глубокой тишинѣ дальнее невнятное постукиваніе пулеметовъ. Можетъ быть это было только самообманомъ, но присутствіе фронта было такою реальностью для насъ, мы такъ вѣрили въ скорое освобожденіе, что воображеніе дополняло то, что еще только въ будущемъ должно было сбыться. Мечтая вслухъ, мы, трое-заговорщиковъ, находились внѣ времени и пространства. Уже одно то, что мы сбросили личину, въ которую привыкли облачаться въ присутствіи большевиковъ, создавало въ насъ особое настроеніе, подобное тому, которое испытываютъ люди въ великій праздникъ, когда выглядятъ они добрѣ чѣмъ обычно, когда на время забываются обиды, заботы и горести повседневной жизни. Мнѣ кажется, что въ эти минуты я совершенно позабылъ о существованіи большевиковъ. Память о пережитомъ съ начала революціи, съ каждымъ звукомъ доносившемся съ фронта, все дальше и дальше оттѣснялась изъ сознанія, и въ воображеніи все ярче вырисовывалась новая грядущая дѣйствительность, о которой я уже давно отвыкъ даже и мечтать. Теперь, нравственно освободясь отъ всѣхъ путъ, связывавшихъ меня съ совѣтскимъ міромъ, я уже готовъ былъ вѣрить, что близко то чудо, благодаря которому Россія будетъ спасена. Душа преисполнялась неизъяснимымъ блаженствомъ; все въ будущемъ казалось такимъ простымъ, радостнымъ и возможнымъ!

Вскорѣ, однако, съ наступленіемъ темноты замолкъ дальній гулъ орудій, и когда послѣ нашего перваго ужина у гостепріимнаго Сандока я опять вышелъ въ садъ, то уже никакіе боевые отголоски не нарушали мирной тишины прекрасной лѣтней ночи. Изъ-за вѣтвей деревьевъ, на глубокомъ небѣ привѣтливо помигивали звѣзды; мѣсяцъ серебрилъ бѣлыя хаты, выдѣляя ихъ на темномъ фонѣ садовъ. Откуда-то доносилась пѣсня, властная, заунывная, выводимая прекраснымъ теноромъ съ тѣмъ проникновеннымъ чувствомъ, съ какимъ умѣютъ пѣть одни только малороссы. Ни опасностей,

ни большевиковъ, ни даже фронта какъ будто бы и не бывало, никакія предчувствія не тревожили меня, и я безмятежно провелъ эту ночь подъ кровомъ мирнаго домика. пріютившаго меня.

Прошло два дня въ ожиданіи событій. За это время мы съ Окуневымъ успѣли примѣниться къ своему положенію. Хотя по моимъ расчетамъ Н-скіе большевики едва-ли успѣли догадаться о моемъ бѣгствѣ, а о присутствіи Окунева, пріѣхавшаго изъ другого города, едва ли кто-нибудь зналъ, — но все же благоразуміе было соблюдать нѣкоторыя предосторожности. Поэтому мы рѣшили возможно меньше оставаться въ комнатахъ и съ ранняго утра отправлялись въ садъ, гдѣ въ самомъ дальнемъ углу его просиживали до вечера на разостланной буркѣ, возвращаясь домой только къ обѣду и ужину. Съ улицы насъ никто не могъ замѣтить черезъ высокіе кустарники, тянувшіеся вдоль изгородки; отъ сосѣдняго сада насъ также отдѣляли густыя заросли; мы же изъ своего прикрытія могли наблюдать за всѣмъ, что происходило вокругъ. Неподалеку отъ дома находился глубокой погребокъ, въ которомъ въ случаѣ тревоги намъ возможно было бы укрыться; въ случаѣ же появленія въ домѣ непрошенныхъ гостей съ обыскомъ мы всегда могли перебраться черезъ изгородь въ сосѣдній садъ и оттуда, если бы потребовалось, — бѣжать дальше, черезъ другіе сады.

Но никто насъ не тревожилъ. Наоборотъ, — все въ Н-скѣ и въ его окрестностяхъ, казалось, замерло. Стояла жаркая солнечная погода. На фронтѣ, къ нашему удивленію, не происходило ничего новаго. Только изрѣдка, и какъ бы случайно, взрывались тамъ гдѣ-то вдали отдѣльные снаряды, но ни ружейной, ни пулеметной стрѣльбы не было слышно. Казалось, что подъ палящими солнечными лучами и въ духотѣ лѣтняго дня заснулъ весь міръ и изсякла энергія наступающихъ. Одни только сверчки продолжали проявлять свою неугомонную жизнь, да пчелки, перелетая съ цвѣтка на цвѣтокъ, бережно уносили свою добычу къ сосѣднимъ ульямъ.

Однако, мы твердо продолжали вѣрить, что бѣлые находятся неподалеку отъ города. И полумежа на буркѣ и раскуривая трубки, мы съ Окуневымъ по цѣлымъ днямъ вели мирныя бесѣды и строили планы на будущее. Съ Окуневымъ мы скоро подружились. Оказалось, что онъ, такъ же какъ и я, недавно покинулъ свой родной домъ въ надеждѣ бѣжать изъ совѣтской Россіи. Но у него имѣлась опредѣленная цѣль: онъ рассчитывалъ встрѣтить у добровольцевъ своихъ однополчанъ и вмѣстѣ съ ними принять участіе въ въ противобольшевицкой кампаніи. Попутно и у меня также созрѣлъ планъ; я рѣшилъ по приведенію въ порядокъ своихъ документовъ, отправиться въ Харьковъ, а затѣмъ и на Кавказъ, гдѣ по моимъ расчетамъ должны были находиться мои родственники, уѣхавшіе туда въ началѣ революціи.

Наконецъ, на третій день нашего сидѣнія въ саду произошли событія, подтвердившія намъ, что мы не ошиблись въ своихъ предположеніяхъ о близости бѣлыхъ.

Только что мы собрались было вернуться домой къ дневному чаю, какъ совсѣмъ неподалеку неожиданно раздались ружейные выстрѣлы, и не успѣли мы опомниться, какъ подъ самымъ городомъ затрещала оживленная перестрѣлка. Гдѣ-то въ полѣ за-

ревѣлъ одинъ пулеметъ, другой, третій; и имъ издалека заворили, мѣрно постукивая, другіе, — должно быть со стороны бѣлыхъ. Пронеслось гдѣ-то вдали и замерло торжествующее «ура», и двѣ-три пульки просвиставъ доказали намъ, что бѣлые по-лошли къ городку. Когда свистъ пуль участился, и одна изъ нихъ ударила съ побли-зости въ яблоню, мы поспѣшно сложили бурку и направились къ дому.

Сандокъ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ и провелъ въ комнаты. Перестрѣлка въ окрестностяхъ города не прекращалась, и шальные пульки разыгрывали надъ нашимъ домомъ свою странную мелодію, то съ журчаніемъ и пѣніемъ слѣдуя одна за другой, то со злобнымъ свистомъ разрывая воздухъ подобно ударамъ бича. Въ виду возможности отступленія красныхъ войскъ и занятія ими нашей окраины, намъ небезопасно было оставаться въ домѣ, и поэтому Сандокъ провелъ насъ въ погребокъ, уже намѣченный нами. Только что мы съ Окуневымъ принялись здѣсь отъ нечего дѣлать, и съ согласія хозяина, за приготовленіе мороженнаго изъ имѣвшихся тутъ припасовъ, какъ надъ нами раздавался мягкій шелестящій звукъ, и первый снарядъ пролетѣвъ разорвался гдѣ-то въ городѣ.

Мнѣ, хотя еще и не бывавшему на войнѣ, уже разъ пришлось испытать артил-лерійскій обстрѣлъ. Это было въ дни октябрьской революціи, когда съ Ходынки боль-шевики стрѣляли изъ орудій по Москвѣ. Но тогда разрывы на улицахъ раздавались особенно гулко и подхватываемые тысячекратнымъ эхо, создавали впечатлѣніе, что рушится весь городъ. Теперь же все было проще и казалось гораздо менѣе жуткимъ. И хотя съ непривычки и сжималось сердце всякій разъ, какъ надъ нами пролеталъ снарядъ, но тотчасъ же становилось весело и радостно на душѣ, — можетъ быть впро-чемъ оттого, что уже не большевики обстрѣливали насъ, а по нимъ стрѣляла бѣлая артиллерія. Однако на этотъ разъ бѣлые выпустили всего только нѣсколько снаря-довъ, которые разорвались на городской площади и никому вреда не причинили. Вскорѣ стала затихать и ружейная перестрѣлка. Одиночные выстрѣлы, продолжавшіе доноситься съ фронта, свидѣтельствовали о томъ, что большевики удержали позицію. Но для насъ уже было важно то, что бѣлые наконецъ дали о себѣ знать. И когда къ вечеру настало полное затишье, то уже въ этой тишинѣ намъ почувствовалось несом-нѣнное присутствіе тѣхъ людей, въ рукахъ которыхъ находилась наша судьба; чув-ствовалось, что въ наступившей мглѣ готовятся новыя событія.

На разсвѣтъ мы были разбужены грохотомъ какихъ-то повозокъ, проѣзжавшихъ мимо дома. Оказалось, что большевики подвезли орудіе и поставили его за сосѣднимъ садомъ. Немного погодя, когда мы съ хозяиномъ собрались въ столовую пить чай, раздавался первый оглушительный выстрѣлъ изъ этой пушки, заставившій насъ подско-чить отъ неожиданности. До самаго полудня это орудіе посылало черезъ ровные про-межутки времени свои снаряды по невидимой цѣли. Со стороны бѣлыхъ отвѣта не было. Вскорѣ большевики поставили еще вторую пушку подъ прикрытіемъ сараевъ, за которыми начиналось поле. Къ выстрѣламъ изъ этого орудія мы скоро приспособи-лись, такъ какъ передъ каждымъ изъ нихъ раздавалась команда, и мы такимъ образомъ заранѣе знали, когда послѣдуетъ ударъ.

Къ полудню эти орудія замолкли и были сняты съ позиціи; а часа черезъ два начался обстрѣлъ со стороны бѣлыхъ. На этотъ разъ бѣлые стрѣляли не только по городской площади, но и по нашей окраинѣ, и ихъ снаряды стали рваться непода-

леку отъ насъ. Послѣ перваго же близкаго разрыва, Сандокъ, собравъ дѣтей, побѣжалъ съ ними къ городской больницѣ, находившейся на сосѣдней улицѣ черезъ одинъ-два квартала и въ сводчатыхъ подвалахъ которой безопаснѣе было укрываться отъ обстрѣла. Окуневъ уже съ обѣда исчезъ куда-то, и я остался одинъ въ домѣ. Когда на улицѣ, около нашего сада, разорвалась трехдюймовая граната, то сознаюсь, — я почувствовалъ себя не особенно бодрымъ. Какъ на бѣду, мнѣ представилось, что если бѣлые поведутъ атаку на городъ и на окраинѣ произойдетъ уличный бой, то въ такомъ случаѣ бессмысленно будетъ оставаться въ домѣ или въ саду. И тогда не долго думая, я вышелъ на пустынную улицу, и убѣдился въ томъ, что за мною никто не наблюдаетъ, быстрыми шагами въ свою очередь отправился въ больницу. Это конечно было неосторожнымъ поступкомъ съ моей стороны, но зато этотъ опытъ научилъ меня быть впослѣдствіи болѣе благоразумнымъ. Хотя до больницы я дошелъ безпрепятственно и хотя въ подвалахъ ея, уже переполненныхъ народомъ, я никого изъ знакомыхъ, кромѣ Снадока, не встрѣтилъ, но когда мы съ нимъ вмѣстѣ возвратились домой, то онъ сообщилъ мнѣ, что по дорогѣ въ больницу повстрѣчался съ Громовымъ. Я понималъ, чему я чуть было не подвергся, и тутъ же далъ себѣ слово, ни при какихъ обстоятельствахъ уже болѣе не покидать своего убѣжища.

На слѣдующій день бѣлые съ утра возобновили обстрѣлъ нашей окраины. Съ удивительной точностью нацупали они позиціи красныхъ орудій, стрѣлявшихъ по нимъ накупунѣ, и били какъ разъ по тѣмъ мѣстамъ, на которыхъ они тогда стояли. Сандокъ предпочелъ опять укрыться съ дѣтьми въ больничный подвалъ, но на этотъ разъ мы съ Окуневымъ выдержали обстрѣлъ и остались дома.

Призракъ облавъ по садамъ.

Какъ ни удачно было начало, но вслѣдствіи непонятной медлительности бѣлыхъ, продолжавшихъ стоять подъ городомъ, не дѣлая попытокъ занять его, наше положеніе стало изо дня въ день измѣняться къ худшему. Насколько можно было судить по разнымъ признакамъ и слухамъ, большевики дѣятельно готовились къ оборонѣ. Въ уѣздѣ объявлена была мобилизація населенія въ красную армію; Сандокъ, побывавъ въ городѣ, сообщилъ намъ, что ожидается прибытіе подкрѣпленій на Н-скій участокъ фронта; наша окраина, до этого времени такая глухая и тихая, теперь неожиданно оживилась: по нашей и по сосѣдней улицамъ установилась связь между городомъ и передовыми позиціями, и по нимъ то и дѣло проносились конные красноармейцы съ донесеніями или приказаніями, сновали солдаты и даже изрѣдко проходили городскіе коммунисты, знакомившіеся съ положеніемъ дѣла на мѣстахъ. Красныя батареи, облюбовавшія нашу окраину, ежедневно мѣняли позиціи, и артиллеристы занимали то одинъ, то другой дворъ.

При такихъ обстоятельствахъ, наше присутствіе въ саду могло быть съ часу на часъ обнаружено. Въ домъ заходить стало опаснымъ, вслѣдствіи возможности случайныхъ встрѣчъ съ непрошенными посѣтителями. Насколько такія встрѣчи были возможны и могли оказаться роковыми для насъ, наглядно показало намъ одно происшествіе, само по себѣ правда незначительное, но все же послужившее предостереженіемъ для насъ. Однимъ изъ вечеровъ, послѣдовавшихъ за первымъ обстрѣломъ

города бѣлыми. сидѣли мы въ столовой за часомъ, какъ вдругъ въ сѣняхъ послышались шаги, и въ дверяхъ появился красноармеецъ съ винтовкой. Мы мгновенно замолкли, и я невольно оглянулся на окна, снаружи наглухо закрытыя ставнями. Если бы это былъ обыскъ, или если бы вошедшій могъ насъ узнать, то бѣжать намъ было бы некуда. Къ счастью на этотъ разъ тревога оказалась ложной. Красноармеецъ, случайно зашедшій на огонекъ, попросилъ у хозяина молока, и покуда Сандокъ хлопоталъ съ его котелкомъ, мирно поставилъ винтовку въ уголъ. Но случай этотъ заставилъ насъ серьезно призадуматься надъ создавшимся положеніемъ. Къ тому же вскорѣ дошли до насъ слухи, что мобилизація, объявленная въ уѣздѣ проходитъ вяло, и что такъ какъ многіе призывные уклоняются отъ мобилизаціи, то большевики готовятся произвести облавы многочисленныхъ дезертировъ, скрывающихся въ деревняхъ и на окраинахъ Н-ска. Это извѣстіе, какъ и вообще перемѣна положенія на нашей окраинѣ, внушило намъ мысль выработать новую тактику. Окуневъ подолгу что-то обдумывалъ и уже раза два побывалъ въ какихъ-то таинственныхъ ночныхъ рекогносцировкахъ. Вскорѣ онъ заявилъ мнѣ, что у него имѣется готовый планъ, обдуманный во всѣхъ подробностяхъ. Его предложеніе заключалось въ томъ, чтобы временно покинуть наше убѣжище, укрываться въ сосѣднихъ садахъ, болѣе обширныхъ и укромныхъ, чѣмъ маленький садикъ Сандока. Хотя этотъ планъ, вслѣдствіи своей неопредѣленности, не особенно улыбался мнѣ, но когда мы узнали, что въ одномъ изъ домовъ сосѣдняго квартала произведешь былъ обыскъ, то я сдался на его доводы и рѣшилъ послѣдовать за нимъ. Впрочемъ этого требовала не только предосторожность, но и просто извѣстная деликатность по отношенію къ нашему хозяину, уже и безъ того не на шутку перепуганному.

Сады раскинувшіеся вокругъ и на самомъ дѣлѣ открывали передъ нами широкія возможности. Я это понялъ послѣ первой же развѣдки, произведенной подъ предводительствомъ Окунева, который, къ моему удивленію, проявилъ настоящія бушменскія способности. Онъ успѣлъ уже обзавестись десяткомъ укромныхъ уголковъ и тѣнистыхъ убѣжищъ, разбросанныхъ по окраинѣ, и изучилъ способы сообщенія съ ними. Повсюду онъ находилъ лазейки и потайные ходы и безошибочно пользовался ими: чтобы пройти изъ одного убѣжища въ другое надо было проползти черезъ густой малинникъ или отверстіе, устроенное имъ въ изгороди, нагибаясь пробѣжать черезъ небольшую лужайку до ближайшихъ зарослей, пробраться вдоль забора или между грядами, поросшими высокой ботвой... Тактика Окунева заключалась въ томъ, чтобы, разъ попавъ въ намѣченное убѣжище, возможно дольше оставаться въ немъ и уходить изъ него черезъ ближайшій потайной ходъ только въ случаѣ тревоги, появления хозяевъ или же въ условленные часы, когда дѣти Сандока должны были приносить намъ горячую пищу въ назначенное мѣсто.

Для насъ продолжало оставаться загадкой, почему бѣлые медлятъ съ занятіемъ города, и намъ оставалось только предположить, что подъ Н-скомъ находятся одни малочисленные отряды ихъ и что на фронтѣ не произошло еще необходимыхъ перегруппировокъ послѣ занятія Харькова. Тѣмъ не менѣе мы продолжали твердо вѣрить, что часъ нашего освобожденія близокъ.

Нашимъ излюбленнымъ убѣжищемъ былъ тѣнистый уголокъ, образованный изгородями трехъ смежныхъ садовъ и окруженный со всѣхъ сторонъ кустами и заросля-

ми. Небольшая канавка, проходившая подъ изгородью и углубленная нами, служила намъ проходомъ въ сосѣдніе сады. Никому изъ сосѣднихъ хозяевъ не было никакой надобности заглядывать сюда, и мы могли, разговаривая вполголоса и раскуривая спокойно пролеживать здѣсь по цѣлымъ днямъ. Когда становилось особенно жарко, то мы забирались поглубже въ тѣнь и предавались дремотѣ. Но спали мы по очереди, и всегда одинъ изъ насъ изъ предосторожности бодрствовалъ, наблюдая, не появится ли кто случайно по близости. Когда Окуневъ спалъ, то убѣждаюсь, что никого нѣтъ вокругъ, я даже иногда выходилъ изъ нашей засады. Въ саду поспѣли ягоды, созрѣла черешня, и ихъ было такъ много подъ рукой, что даже я, не особенный охотникъ до фруктовъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти наслаждался этими теплыми отъ солнца плодами. Отъ нечего дѣлать я также любилъ наблюдать за кипучею дѣятельностью пчелъ, во множествѣ летавшихъ вокругъ. Но именно пчелы доставляли намъ иногда беспокойство. Случалось, что цѣлый рой ихъ, улетѣвшій вслѣдъ за молодой маткой изъ одного изъ сосѣднихъ пчельниковъ, собирался поблизости на какомъ нибудь деревѣ. Тогда мы знали, что намъ слѣдуетъ укрыться: почти всегда черезъ нѣкоторое время появляется съ ситомъ, прикрѣпленнымъ къ длинной палкѣ, владѣлецъ улетѣвшаго роя и, отыскавъ его, стряхивалъ въ сито клубокъ пчелъ, повисшихъ на вѣткѣ.

Иногда эти мирныя развлеченія внезапно прерывались стрѣльбой, возобновлявшейся на фронтѣ. Тогда надъ нами начинали посвистывать пульки; но мы уже давно убѣдились, что лежа на травѣ мы защищены отъ нихъ деревьями и сосѣдними домами, и вскорѣ привыкли не обращать на нихъ вниманія. Труднѣе было привыкнуть къ артиллерійскому обстрѣлу. Легкія трехдюймовыя гранаты разрывались иногда на сосѣдней улицѣ, и осколки ихъ долетали и до насъ, нанося раны молодымъ деревцамъ. Мысль погибнуть отъ случайнаго разрыва нисколько намъ не улыбалась, но приходилось выдерживать и это испытаніе.

Съ внѣшнимъ міромъ мы никакого сношенія не имѣли. Съ Сандокомъ мы — встрѣчались рѣдко, избѣгая заходить къ нему, и только изрѣдка черезъ дѣтей узнавали кое-какія новости. Однако слухъ о томъ, что большевики дѣятельно разыскиваютъ дезертировъ по садамъ, дошелъ и до насъ. Однажды Окуневъ, иногда отправлявшійся въ какія-то дальнія развѣдки, повстрѣчался съ двумя бѣглецами, которые рассказали ему, что они чуть было не попались въ облаву, устроенную на сосѣдней окраинѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что многіе изъ укрывавшихся по садамъ были пойманы большевиками и разстрѣляны.

Ввиду возможности ночныхъ облавъ и на нашей окраинѣ, я предпочиталъ не оставаться на ночь въ саду и облюбовалъ для ночлега сосѣдній сѣнной сарай, въ который съ наступленіемъ темноты легко было незамѣтно пробраться. Этотъ сарай былъ расположенъ вдоль улицы, и черезъ дощатую стѣну его можно было слышать и даже видѣть все, что на ней происходило. Въ случаѣ тревоги, думалось мнѣ, лучше всего было бы забраться поглубже въ сѣно и не шевелиться. Здѣсь въ обычное время ночевать было бы даже пріятно; но намъ приходилось волей-неволей такъ много спать днемъ, что уже ночью мнѣ не спалось. Въ ночной тишинѣ былъ слышенъ всякій шорохъ, малѣйшій стукъ, а ими полна была каждая ночь. Иногда были они близкими и непонятными; тогда мнѣ начинало казаться, что кто-то крадется вдоль сарая; я старался не пошевелиться и напрягалъ слухъ; но оказывалось, что это пробѣжала

собака или подъ стѣною рылся какой-нибудь звѣрекъ. Потомъ на концѣ улицы раздавался конскій топотъ, и мимо сарая проносились на рысяхъ всадники. Какіе-то неопредѣленные звуки доносились изрѣдка и съ фронта; похожіе на вздохъ, они, казались то отголосками отдѣльных дальнихъ выстрѣловъ, то короткимъ и заглушеннымъ стукомъ мотора. Вслѣдъ за этими едва слышными звуками всегда немедленно слѣдовали глухіе, но уже болѣе внятные двойные удары: «та — такъ...», затѣмъ еще другой разъ и третій. Я зналъ, что это выѣзжалъ бѣлый броневикъ и обстрѣливалъ позиціи красныхъ. Большевики тотчасъ же подымали отвѣтную ружейную трескотню; начиналъ работать пулеметъ; бѣлые отвѣчали, и мимо моего сарая со свистомъ проносились шальные пульки. Но перестрѣлка продолжалась обычно всего нѣсколько минутъ, и затѣмъ наступала опять полная тишина. Съ первыми же проблесками разсвѣта я вновь отправлялся въ садъ.

Въ такомъ томительномъ ожиданіи прошло недѣли двѣ. Мы успѣли уже настолько примѣниться къ новымъ условіямъ существованія, что, если бы не призракъ возможныхъ облавъ, намъ жилось бы сравнительно недурно. Но мысль объ этихъ облавахъ постоянно преслѣдовала насъ, хотя, по здравому разсужденію, большевикамъ, вслѣдствіе близости фронта и постоянного присутствія здѣсь артиллеристовъ, едва ли могло придти въ голову произвести облаву на нашей окраинѣ, по крайней мѣрѣ — днемъ. Вслѣдствіе этихъ опасеній, нервы наши были постоянно взвинчены, и однажды съ нами произошелъ курьезный случай. Какъ-то разъ днемъ, покуда мы, какъ обычно, сидѣли въ своемъ убѣжищѣ на лужайкѣ, прибѣжалъ къ намъ впопыхахъ сынъ Сандока и, сильно волнуясь, сообщилъ, что на сосѣдней улицѣ поставили какихъ-то солдатъ, должно быть для облавы. Почти одновременно увидѣли мы на противоположномъ концѣ сада группу солдатъ, направлявшихся, казалось, въ нашу сторону. Все это произошло такъ быстро и неожиданно, что мы окончательно растерялись. Куда было бѣжать? Согласно плану, выработанному Окуневымъ, мы должны были бы, бѣжать какъ разъ черезъ тотъ участокъ сада, въ которомъ только что появились красноармейцы; это теперь оказывалось невозможнымъ. Ничто не мѣшало намъ, правда, пробраться въ сосѣдній садъ, но дальше намъ пришлось бы пробѣжать черезъ открытое пространство подъ рискомъ быть замѣченными съ улицы, на которой, по словамъ маленькаго Сандока, поставлены были караульные. Все это я хотѣлъ было высказать Окуневу, но тотъ, недолго думая и не пользуясь даже лазейкой, устроенной нами подъ изгородью, перескочилъ черезъ заборъ и скрылся въ сосѣднемъ саду... Тогда, слѣдуя какому-то инстинкту, я бросился впередъ и поползъ въ густыя заросли, находившіяся поблизости. Вскорѣ я очутился въ самомъ дальнемъ углу канавки подъ сплошнымъ шокровомъ кустовъ, бурьяна и высокой травы. Лицо и руки мои были обожжены крапивой и разодраны въ кровь колючими кустарниками, но я не обращалъ на это вниманія. Затаивъ дыханіе, я сталъ прислушиваться къ тому, что происходило въ саду. Положеніе было настолько нелѣпнымъ и все произошло такъ неожиданно, что мои нервы, напряженные до крайности сыграли надомной странную шутку. Я вдругъ услышалъ поблизости шаги и голоса. Кто-то приближался къ лужайкѣ, на которой мы только что лежали, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня мужской голосъ спросилъ: — «А это что такое, почему здѣсь трава помята?» — «Да, здѣсь кто-то лежалъ», отвѣчалъ кто-то другой: «пойдемъ искать дальше...»

Затѣмъ я услышалъ явственно, какъ удаляясь, они пробирались черезъ кусты. Не знаю, долго ли я пролежалъ въ полусознательномъ состояніи въ заросляхъ, но когда, наконецъ, пришелъ въ себя, то вновь услышалъ голосъ, — но на этотъ разъ — Окунева, звавшего меня. Когда я выбрался опять на Божій свѣтъ, то долго не могъ повѣрить тому, что со мною произошла чисто слуховая галлюцинація. Оказалось, что никто не заглядывалъ на нашу лужайку, и все это мнѣ только представилось. Солдаты же, появившіеся въ саду, и тѣ, которые были поставлены на улицѣ, оказались просто-напросто артиллеристами, поставившими поблизости орудіе. Такимъ образомъ, это происшествіе принимало комическій оборотъ. Но оно показало намъ, что въ случаѣ дѣйствительной облавы, мы и на самомъ дѣлѣ оказались бы въ критическомъ положеніи.

Вслѣдъ за этимъ я сталъ подумывать о томъ, какъ бы предпринять какой-нибудь рѣшительный шагъ, чтобы выйти изъ мышеловки, въ которую мы попали. Бѣлые могли еще долго оставаться подъ городомъ, не занимая его, или могли даже отступить. Съ каждымъ днемъ увеличивалась возможность того, что большевики подвезутъ свѣжія подкрѣпленія, что въ концѣ концовъ они установятъ болѣе тщательное наблюденіе за прифронтовой полосой.

Намъ съ Окуневымъ пришлось въ голову, попытаться перебѣжать черезъ фронтъ. Намъ было извѣстно, что большевики съ нѣкоторыхъ поръ стали разрѣшать мѣстнымъ крестьянамъ и обывателямъ за личный страхъ выходить за линію красныхъ позицій для полевыхъ работъ. Въ такихъ случаяхъ, по молчаливому уговору, перестрѣлка между бѣлыми и красными прекращалась. Окуневъ ручался, что черезъ Сандока достанетъ себѣ и мнѣ крестьянскую одежду, и доказывалъ, что легко будетъ, не привлекая подозрѣній, наняться рабочими къ кому-нибудь изъ сосѣдей, чтобы вмѣстѣ съ ними отправиться на полевые работы. Очутясь же за линіей красныхъ позицій, мы могли съ наступленіемъ темноты перебѣжать къ бѣлымъ. Оставалась, понятно, опасность встрѣчи по дорогѣ на фронтъ съ кѣмъ-нибудь изъ городскихъ коммунистовъ; смущало меня и мое полное незнакомство малороссійскаго говора, что могло навлечь подозрѣніе; трудно было предугадать, какъ встрѣтятъ насъ бѣлые и повѣрятъ ли, что мы на самомъ дѣлѣ бѣжали отъ большевиковъ, и что мы не развѣдчики; но все же мнѣ казалось, что лучше пройти черезъ все это, чѣмъ продолжать оставаться въ бездѣйствіи.

Нашимъ планамъ, однако, не суждено было осуществиться.

Сомнѣнія.

Въ концѣ третьей недѣли нашего сидѣнія произошли событія, которыя, казалось, лишали насъ надежды на освобожденіе. Въ городъ прислали изъ Москвы сильныя подкрѣпленія. По слухамъ, прибыла цѣлая пѣхотная дивизія при тяжелыхъ орудіяхъ. Вновь прибывавшія части немедленно отправлялись на фронтъ и неоднократно пытались атаковать бѣлыхъ. Наша окраина еще болѣе оживилась. По сосѣдству съ нами были поставлены подъ прикрытіемъ два шестидюймовыхъ орудія. Красные артиллеристы, не жалѣли снарядовъ, и оглушительный ревъ этихъ орудій отвратительно дѣйствовалъ на наши нервы. Кромѣ того, надъ нами безпрестанно съ завываніемъ проно-

сились тяжелые снаряды, выпускаемые орудіями, стоявшими должно быть въ противоположной части города. Съ тоской прислушивались мы къ дальнимъ разрывамъ только что пролетѣвшихъ снарядовъ; съ каждымъ изъ нихъ все болѣе и болѣе разрушались наши надежды, и намъ начинало казаться, что бѣлые не выдержатъ обстрѣла и подъ натискомъ свѣжихъ силъ противника въ концѣ концовъ отступятъ.

Въ наши руки попадалъ иногда прифронтный листокъ, издаваемый въ Н-скѣ. Хотя мы и знали, что не слѣдуетъ вѣрить тому, что пишется въ красныхъ газетахъ, а въ особенности въ прифронтныхъ листкахъ, но невольно прочитывая сообщенія о томъ, что красныя войска по всему фронту перешли въ наступленіе, что ими будто бы взята обратно Полтава, что Харьковъ спѣшно эвакуируется бѣлыми и что въ ближайшемъ будущемъ они будутъ окончательно и безповоротно разбиты, мы стали поддаваться тяжелому настроенію.

Однажды мы узнали, что въ городѣ объявлена всеобщая регистрація обывателей. Въ приказѣ, опубликованномъ Н-скимъ исполкомомъ, объявлялось, что подлежитъ разстрѣлу каждый кто въ назначенный срокъ не обзаведется регистраціонной карточкой, выдаваемой чрезвычайкой. Такимъ образомъ, мы уже безповоротно становились «смертниками».

О побѣгѣ черезъ линію фронта намъ уже нечего было и думать. Большевики никого не пропускали за передовыя позиціи; полевые работы временно прекратились. Оставалась, понятно, надежда, что, если бѣлые еще удержатся подъ городомъ, то черезъ нѣкоторое время военныя дѣйствія вновь приостановятся для уборки хлѣбовъ. Но это было послѣдней и слабой надеждой. А пока что, шестидюймовыя орудія продолжали по цѣлымъ днямъ оглушать насъ своимъ ревомъ.

Окуневъ уже потерялъ свою прежнюю бодрость и оптимизмъ и казался сильно удрученнымъ. Онъ иногда отлучался по цѣлымъ днямъ; возвращался мрачнымъ и неразговорчивымъ и, наконецъ, въ одинъ прекрасный день совсѣмъ исчезъ куда-то. Дѣла мои стали принимать совсѣмъ плохой оборотъ. Предоставленный самому себѣ, я въ одиночествѣ сталъ предаваться мрачнымъ размышленіямъ. Бѣгство, предпринятое мною недѣли три тому назадъ при такихъ счастливыхъ условіяхъ стало казаться мнѣ сплошнымъ безуміемъ. Незамѣтнымъ образомъ, въ душу стало вкрадываться сомнѣніе въ дальнѣйшихъ успѣхахъ бѣлой арміи. Ихъ попытка наступленія вглубь Россію должна была, думалось мнѣ, закончиться такъ же неудачно, какъ и воѣ остальные попытки бѣлыхъ, — на сѣверѣ и на востокѣ Россіи. Дальнѣйшее скитаніе по садамъ обрекало меня на вѣрную гибель. Возможно было, конечно, дожидаться начала уборки хлѣбовъ и попытаться тогда бѣжать черезъ фронтъ, но все это казалось мнѣ тогда безумнымъ и невыполнимымъ. Невольно мысли мои стали обращаться къ Москвѣ, и какой-то демонъ сталъ нашептывать мнѣ невѣроятный и нелѣпый планъ. Н-скіе коммунисты, — винушалъ мнѣ этотъ вкрадчивый голосъ, — едва ли могли предположить, что я скрываюсь въ самомъ городѣ или на окраинѣ его, и послѣ моего исчезновенія они, должно быть, сочли, что я возвратился въ Москву. Поэтому, если бы я теперь вновь появился въ Н-скѣ, то они пожалуй повѣрили бы, что я только временно, слѣдуя приказу изъ Москвы, покинулъ городъ и что съ улучшеніемъ дѣлъ на фронтѣ вернулся къ своей работѣ. Возможно я бы имъ объяснилъ, что все это время находился гдѣ-нибудь въ Сумахъ или въ Курскѣ. Но на такой шагъ я могъ рѣ-

шиться только въ крайности. Поэтому я продолжалъ отсиживаться въ саду, стараясь по возможности не поддаваться отчаянію.

Однако, на четвертой недѣлѣ моего сидѣнія нервы мои не выдержали. По садамъ началась уборка ягодъ и фруктовъ; днемъ они оживлялись присутствіемъ хозяевъ, а по ночамъ — солдатъ-мародеровъ. Прятаться стало немислимымъ, и мнѣ пришлось возвратиться къ Сандоку. Но онъ былъ настроенъ панически. Газетные листки подтверждали занятіе красной арміей не только Полтавы, но и Донецкаго каменноугольнаго района. Наступленіе на Харьковъ, паденіе котораго ожидалось со дня на день, развивалось, будто бы, съ запада, то-есть въ тылъ бѣлымъ частямъ, стоявшимъ подъ Н-скомъ. На самомъ дѣлѣ все это, конечно, было ложью, но провѣрить этихъ свѣдѣній я конечно не могъ, — тѣмъ болѣе, что, какъ я узналъ впоследствии, нѣкоторые сообщенія, какъ напримѣръ извѣстіе о разгромѣ на востокъ арміи адм. Колчака, къ сожалѣнію оказались правильными. Къ довершенію всѣхъ бѣдствій, присутствіе мое въ саду у Сандока было обнаружено сосѣдями, а такъ какъ кто-нибудь изъ нихъ могъ проговориться, то со дня на день можно было ожидать обыска у насъ на дому. Сандокъ раздѣлялъ мои сомнѣнія, и мнѣ ничего не оставалось другого, какъ покинуть его.

Въ концѣ четвертой недѣли къ вечеру я вышелъ изъ дома съ дорожной сумочкой въ рукѣ и направился въ городъ. Куда я шелъ, зачѣмъ и что намѣренъ былъ предпринять, — я должно быть и самъ не зналъ въ точности. Мнѣ кажется, что я тогда дѣйствовалъ въ состояніи какого-то полусна. И если я вышелъ цѣлымъ изъ этого приключенія, то обязанъ этому только помощи провидѣнія.

Обойдя центръ города боковыми улочками, я, благодаря какой-то счастливой случайности, ни съ кѣмъ не повстрѣчался; улицы были безлюдны и тихи. Тогда совершилось чудо. Проходя быстрыми шагами черезъ пустынный кварталъ, я вдругъ услышалъ позади знакомый короткій свистъ, и, невольно оглянувшись, увидѣлъ, что изъ за ограды мнѣ дѣлаютъ знаки никто другой, какъ добрый Окуневъ! Почему я забрелъ именно въ эту глухую улочку, до этого времени мнѣ даже не извѣстную, какимъ образомъ Окуневъ замѣтилъ меня и почему находился онъ здѣсь какъ разъ въ эту самую минуту, — все это навѣки останется для меня тайной. Но тогда некогда было объ этомъ раздумывать. Убѣдясь, что на улицѣ никого нѣтъ, я перескочилъ черезъ изгородь и очутился лицомъ къ лицу съ моимъ другомъ.

Окуневъ смотрѣлъ на меня съ изумленіемъ.

«Что это значитъ?» быстро проговорилъ онъ: «куда это ты направлялся?»

«Тамъ больше оставаться нельзя было», смущенно отвѣчалъ я: — «я шелъ ночевать въ районный комитетъ, а завтра думалъ...»

Но Окуневъ, не дослушавъ моихъ объясненій, схватилъ меня за рукавъ и потащилъ сквозь кусты. Въ наступившихъ сумеркахъ я не могъ различить, куда мы идемъ и вскорѣ я очутился передъ какой-то ветхой дверью; Окуневъ оттолкнулъ ее ногой и ввелъ меня въ темную каморку. Затѣмъ, черкнувъ спичкой, онъ зажегъ свѣчу и жестомъ пригласилъ меня присѣсть на кованный сундучокъ. Каморка оказалась крошечнымъ дощатымъ чуланомъ, который, судя по нагроможденнымъ въ немъ сундукамъ, ящикамъ и разнымъ хозяйственнымъ принадлежностямъ, служилъ кому-то кладовой.

«Если ты увѣренъ, что тебя никто по дорогѣ не замѣтилъ,» сказалъ мнѣ Окуневъ: «то оставайся здѣсь до утра, а тамъ посмотримъ. Неужели же ты и на самомъ дѣлѣ намѣревался открыто появиться въ городѣ? Вѣдь это безуміе!»

Тогда въ нѣсколькихъ словахъ я объяснилъ ему, въ какомъ положеніи очутился послѣ его исчезновенія, и повѣдалъ ему свои сомнѣнія. Онъ въ свою очередь разсказалъ мнѣ, какъ, бродя по садамъ, случайно повстрѣчался съ молодымъ призывнымъ, который такъ же, какъ и мы, находился въ бѣгахъ. Этотъ молодой человѣкъ, намѣреваясь самъ укрыться въ сосѣдней деревнѣ, устроилъ его въ этой каморкѣ и даже обезпечилъ продовольствіемъ. Далѣе, изъ разсказа Окунева я узналъ, что съ прибытіемъ въ Н-скъ особаго комиссара, начальника прифронтовой чрезвычайки, въ городѣ установился терроръ. По улицамъ и днемъ, и ночью, расхаживали патрули, которые останавливали рѣдкихъ прохожихъ и требовали отъ нихъ предъявленія документовъ. Если прохожіе почему-либо казались имъ подозрительными, то ихъ немедленно отводили въ особую комиссію, откуда они уже обычно больше не возвращались. На обывателей «буржуазныхъ» классовъ была наложена особая повинность. Ихъ ежедневно, группами въ нѣсколько смѣнъ, отправляли въ сопровожденіи красноармейцевъ на линію фронта, гдѣ, часто подъ обстрѣломъ, ихъ заставляли рыть окопы. По домамъ производились многочисленные обыски и аресты, и изъ среды обывателей было взято десятка два заложниковъ, между прочимъ нѣсколько купцовъ и священниковъ. Эти заложники, помѣщенные въ уздную тюрьму, предназначены были къ разстрѣлу на тотъ случай, если бы между жителями Н-ска и бѣлыми установилась какая-нибудь связь. Этого разсказа достаточно было, чтобы убѣдить меня, что, случайно повстрѣчавъ Окунева, я избѣжалъ вѣрной смерти.

«Будь увѣренъ,» говорилъ Окуневъ: «что не позже, какъ черезъ недѣлю, добровольцы займутъ Н-скъ. Слухъ объ эвакуаціи Харькова ложенъ; Бѣлгородъ давно занятъ бѣлыми; дѣла ихъ отличны, и они продвигаются впередъ по всему фронту... Если они остановились подъ Н-скомъ, то, настолько я понимаю, этому были двѣ причины: сперва они выжидали подкрѣпленій, а теперь имъ мѣшаетъ предстоящая уборка хлѣбовъ. Какъ только они получатъ возможность обойти городъ стороною, то они безъ труда возьмутъ его.»

«Въ такомъ случаѣ, что же мнѣ дѣлать?» спросилъ я.

— «Пока что, оставайся здѣсь; мѣста намъ на двоихъ хватитъ, а продовольствіе будемъ дѣлить поровну. Если немного поголодаемъ, то не бѣда.»

Въ этомъ чуланчикѣ я провелъ въ обществѣ Окунева съ недѣлю. Это было настоящимъ тюремнымъ заключеніемъ, хотя и добровольно принятымъ. Выходить можно было только при соблюденіи крайнихъ предосторожностей, и мы старались избѣгать этого. Днемъ желѣзная крыша сильно разогрѣвалась солнечными лучами; въ каморкѣ становилось невыносимо душно; тусклый свѣтъ поступалъ въ нее только черезъ крошечное окошко, продѣланное въ верхней части стѣны. Но несмотря на царившій въ ней полумракъ, въ ней днемъ все-таки возможно было читать. Въ одномъ изъ ящиковъ мы нашли запасъ старыхъ журналовъ и книгъ. Чтеніе спасло насъ, а то бы мы не выдержали. Другимъ нашимъ развлеченіемъ было прислушиваться къ дальнимъ разрывамъ бѣлыхъ снарядовъ, которые нетрудно было отличить отъ гула выстрѣ-

ловъ красныхъ орудій; по звукамъ, мы старались угадать и калибры ихъ, и дальность разстоянія. За послѣднее время, они, казалось, сильно участились, и какъ раскаты ихъ, такъ и оптимизмъ моего друга, постепенно возрождали во мнѣ угасшія было надежды.

Но по разнымъ причинамъ, намъ нельзя было дольше оставаться въ чуланчикѣ. Къ тому же продовольствіе наше было на исходѣ. Я рѣшилъ уйти первымъ и вновь пробраться къ Сандоку. Воспользовавшись тѣмъ, что однажды съ утра зарядилъ мелкій дождикъ, я, надвинувъ на глаза широкополую шляпу, подвязавъ щеку носовымъ платкомъ, какъ бы отъ флюса, и открывъ старый зонтъ, найденный въ кладовой, отправился въ обратный путь. На этотъ разъ не обошлось безъ встрѣчи. Я, правда, счастливо избѣжалъ патрулей, о которыхъ упоминалъ Окуневъ, но зато по дорогѣ повстрѣчался мнѣ на прекрасной верховой лошади хорошо извѣстный мнѣ разъѣздной совнархоза, бывший драгунскій унтеръ-офицеръ; онъ, должно быть, подавалъ лошадь какому-нибудь красному командиру. Моя странная фигура тотчасъ же привлекла его вниманіе, и я уже думалъ, что онъ меня узналъ. Однако, онъ проѣхалъ мимо, и когда я съ опаской обернулся, то увидѣлъ, что онъ тронулъ лошадь рысью и не обращаетъ на меня вниманія. Облегченно вздохнувъ, я ускорилъ шагъ и уже до самого дома Сандока больше ни съ кѣмъ, къ счастью, не повстрѣчался. Сандокъ, хотя и безъ особой охоты, но все же принялъ меня обратно къ себѣ, обѣщавъ сказать сосѣдямъ, что я — его родственникъ.

Погода опять разгулялась, и можно было бы опять по цѣлымъ суткамъ лежать въ саду. Нервы мои теперь уже настолько притупились, что я сталъ ко всему равнодушнымъ, даже и къ возможности всякихъ встрѣчъ, обысковъ и облавъ. Поэтому я предпочелъ, не скрываясь, почевать дома и помогать Сандоку по хозяйству и въ саду, — однимъ словомъ, вести себя такъ, какъ будто бы ничего подозрительнаго не было.

Освобожденіе.

Наконецъ, послѣ шести недѣль, въ первыхъ числахъ августа суждено было совершиться тому событію, которое такъ долго заставило себя ждать. Хорошо помню, что въ этотъ день было воскресенье. Стояла великолѣпная ясная погода. Когда утромъ, я по обыкновенію занятъ былъ какой-то работой въ саду, до моего слуха донеслось вдругъ какое-то непривычное мѣрное жужжаніе. Долго я не понималъ, въ чемъ дѣло, покуда на фронтѣ не затрещала беспорядочная ружейная стрѣльба и на безоблачномъ небѣ не показался аэропланъ, быстро несущійся со стороны бѣлыхъ. Летѣлъ онъ низко и вскорѣ оказался надъ самымъ городомъ. Вслѣдъ за нимъ показалось еще два самолета, при чемъ явственно было слышно какъ на нихъ постукиваютъ пулеметы. Первый, описавъ широкій кругъ надъ городомъ, полетѣлъ обратно; остальные же, забравъ высоту скрылись по направленію къ сѣверу. Судя по стрѣльбѣ, которую они вызвали со стороны большевиковъ, это были несомнѣнно бѣлые аэропланы.

Хотя это неожиданное событіе и преисполнило меня радостью, и надежды мои возгорѣлись, но я еще былъ далекъ отъ мысли, что бѣлые перешли въ наступленіе. Однако, и наступленіе ихъ, и освобожденіе наше, совершились именно въ этотъ день.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ появленія аэроплановъ, бѣлые начали артиллерійскій обстрѣлъ красныхъ позицій и окраинъ Н-ска. Хотя на нашей окраинѣ продолжали рваться одни только трехдюймовые снаряды, но судя по сильнымъ взрывамъ, доносившимся съ восточной стороны города, у нихъ, должно быть, теперь появились и тяжелыя орудія. Одновременно затрещала вдали и ружейная перестрѣлка.

Съ начала обстрѣла мы съ Сандокомъ и его дѣтьми, какъ и въ самый первый разъ, укрылись въ погребкѣ. Черезъ нѣкоторое время ружейная стрѣльба стала раздаться въ непосредственной близости отъ насъ; на нашей улицѣ грянуло нѣсколько выстрѣловъ; пріоткрывъ дверь погребка я прислушался: перестрѣлка перенеслась теперь повидимому въ сторону, — на западъ. Черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ, что черезъ нашъ садъ бѣжитъ какой-то матросъ, съ трудомъ таща за собою пулеметъ. Когда онъ выбѣжалъ на улицу, то раздался чей-то насмѣшливый женскій голосъ: «что же, ужели бѣжите, товарищъ?» — «Мѣняемъ позицію», пробурчалъ матросъ и скрылся изъ виду. На нашей окраинѣ во всякомъ случаѣ происходило что-то необычное...

Прошло всего какихъ-нибудь полчаса и стрѣльба замолкла. Кое-гдѣ вдали еще постукивалъ пулеметъ, но вскорѣ настала полная тишина. И тогда мы услышали, какъ дѣтскій голосокъ закричалъ на улицѣ: «Кадеты въ городъ, — бѣлые городъ заняли!» Я тотчасъ же выбѣжалъ на улицу и оглядѣлся. Ничего не было видно, — только нѣсколько обывателей куда-то бѣжало. Послѣдовавъ за ними, я очутился на соседней улицѣ и тутъ увидѣлъ, что въ концѣ ея, въ направленіи къ центру города, у ближайшей церкви стоятъ какіе-то солдаты при повозкахъ, похожихъ на артиллерию. Я различалъ, что солдаты были одѣты въ защитный цвѣтъ, но издали невозможно было опредѣлить, бѣлые ли это или красные.

И только когда съ того конца улицы, который выходилъ въ поле, полнымъ ходомъ выскочила подвода, и я различилъ золотые погоны офицера, прилепшаго на ней съ винтовкой въ рукахъ, — только тогда сомнѣнія мои исчезли, и я, наконецъ, понималъ, что желаемое событіе совершилось!

Солдатъ, правившій взмыленной деревенской лошадежкой, остановилъ подводу, и офицеръ торопливо спросилъ насъ, какъ проѣхать на городскую площадь. Его молодое энергичное лицо еще горѣло пыломъ сраженія; гимнастерка его была вся въ пыли, и какъ только онъ получилъ отъ насъ требуемые свѣдѣнія, помчался дальше, завернувъ въ боковую улочку. «Что, — городъ взяли?» закричали мы ему вслѣдъ. «Взяли!...», отвѣчалъ онъ издали.

Не помня себя отъ счастья, я возвратился домой, куда вскорѣ прибѣжалъ и Окуневъ. На мои тревожные вопросы, насколько прочно занять городъ и не могутъ ли большевики вернуться обратно, Окуневъ отвѣчалъ, что большевики бѣжали безъ оглядки и что наступленіе бѣлыхъ развивается уже за городъ, въ направленіи на Сумы.

Теперь мы могли дать волю нашему ликованію. Спасеніе наше, наконецъ, совершилось; мы могли свободно и безъ опасеній выйти на Божій свѣтъ. Какъ по волшебству, исчезли и фронтъ, и большевики, и опасности, — все то, что въ теченіе шести недѣль создавало кошмаръ нашего существованія. Мы, правда, еще только пробуждались отъ сна; трудно было намъ разобраться, что сонъ, что явь; все вокругъ ка-

залось новымъ, преобразившимся: и предметы, и окрестности, и люди, присутствіе и значеніе которыхъ мы привыкли оцѣнивать по своему, — въ зависимости отъ угрозы или помощи, которыя отъ нихъ ожидались; странно было сознавать, что они вновь приняли свой естественный безобидный видъ. Постепенно возвращалась увѣренность въ себя и торжествующая радость уничтожала послѣднія наши сомнѣнія.

Первымъ дѣломъ мы пошли осматривать нашу окраину, всего еще только нѣсколько часовъ тому назадъ таившую для насъ столько опасныхъ случайностей. Сады порядочно пострадали отъ артиллерійскаго обстрѣла: нѣсколько деревьевъ было срублено снарядами; поломаны были заборы; повсюду видѣлись воронки и валялись осколки гранатъ. Но всѣ дома остались цѣлы, и во всемъ кварталѣ оказалась одна только жертва, — бѣлый гусакъ, которому на серединѣ улицы оторвало голову осколкомъ...

Однако, какъ ни радостны были первыя переживанія, мнѣ надо было серьезно подумать о томъ, какъ бы подготовить свое появленіе въ городѣ. Кто могъ оказать мнѣ услугу въ этомъ отношеніи? На Сандока и Окунева я рассчитывать не могъ, такъ какъ сами они только случайно попали въ Н-скъ. Изъ мѣстныхъ же жителей я зналъ хорошо одного только Фогелькампа. Поэтому я рѣшился обратиться къ его помощи, и въ тотъ же день отправилъ ему записку.

Въ своихъ расчетахъ на Фогелькампа я не ошибся: черезъ сутки онъ лично явился ко мнѣ. Въ отвѣтъ на его удивленные разспросы, мнѣ пришлось рассказать ему вкратцѣ нашу авантюру. Затѣмъ онъ, въ свою очередь, повѣдалъ намъ подробности занятія города. Когда утромъ появились бѣлые самолеты, то мѣстные коммунисты, засѣдавшіе въ исполкомѣ, съ перепуга выбѣжали на балконъ и стали палить по нимъ изъ револьверовъ! Когда же начался артиллерійскій обстрѣлъ, и имъ должно было сообщиться, что бѣлые перешли въ наступленіе, то размѣстись на орудіяхъ, стоявшихъ въ городѣ, они поспѣшно бѣжали вслѣдъ за уходившими уже обозами. Наступленіе бѣлыхъ произошло неожиданно и молниеносно. Съ ранняго утра, правый флангъ ихъ незамѣтнымъ образомъ занялъ болотистую мѣстность, прилегающую къ рѣчкѣ, и послѣ артиллерійской подготовки они ворвались въ городъ съ востока, то есть какъ разъ съ той стороны, откуда ихъ менѣе всего ожидали. Красныя части, находившіяся въ окопахъ передъ южной окраиной Н-ска, оказались обойденными съ тыла и въ беспорядкѣ бѣжали на западъ. Въ какихъ-нибудь полчаса городъ былъ взятъ. Такимъ образомъ, сбылось пророчество Окунева.

Дня черезъ два, послѣ того какъ я попрощался съ Окуневымъ, уѣхавшимъ въ Харьковъ, Фогелькампъ сообщилъ мнѣ, что я могу явиться въ городъ для полученія документовъ. Странно было мнѣ опять открыто появиться на улицахъ. Недѣли двѣ тому назадъ, я въ какомъ-то полуснѣ и потерявъ всякую надежду на спасеніе, брелъ по пустыннымъ кварталамъ Н-ска... Теперь же, городъ, казалось, совершенно преобразился. По улицамъ тянулись нескончаемые обозы, на базарѣ былолюдно и оживленно.

Зайдя сперва къ Фогелькампу, я затѣмъ отправился въ уѣздное полицейское управленіе. Размѣстилось оно уже въ томъ самомъ домѣ, который оно занимало до прихода большевиковъ. Когда я вошелъ въ просторную и свѣтлую комнату, служившую приемной при канцеляріи исправника, моимъ взоромъ представилась давно поза-

бытая картина стараго до-революціоннаго времени. Въ отгороженной части комнаты сидѣли такіе же, какъ бывало, писаря, дѣловито поскрипывавшіе перьями, находившіяся точно такой же, какъ прежде, полицейскій чиновникъ при погонахъ, отдававшій какія-то распоряженія и опрашивавшій посѣтителей, ожидавшихъ очереди. Исправникъ, вскорѣ вышелъ въ пріемную. Онъ оказался добродушнымъ пожилымъ толстякомъ, одѣтымъ въ походную форму. Когда очередь дошла до меня я ему подробно объяснилъ свое положеніе и безъ затрудненія получилъ требуемое удостовѣреніе личности.

На бумагахъ выданной мнѣ, четкимъ почеркомъ выведено было мое имя и званіе, и я почувствовалъ себя возстановленнымъ во всѣхъ правахъ руссійскаго гражданина. Радостный я вышелъ на улицу. Неподалеку находился соборъ. Я зашелъ въ него и передъ святыми иконами помолился Господу Богу, благодаря Его за оказанную мнѣ милость и прося Его даровать спасеніе и всѣмъ русскимъ людямъ, находившимся еще подъ большевицкимъ игомъ.

Въ ожиданіи прибытія военнаго коменданта, отъ котораго я долженъ былъ получить пропускъ на выѣздъ изъ города, я еще съ недѣлю прожилъ въ Н-скѣ.

Послѣ всего пережитаго за послѣднее время начала сказываться усталость и, несмотря на всѣ новыя впечатлѣнія я предавался полному отдыху и бездѣйствію. Я зналъ, что вокругъ налаживалась новая жизнь, что въ уѣздѣ возстанавливалась частная собственность, оживала свободная торговля, опредѣлялись между людьми новыя взаимоотношенія. Но разговорамъ и хожденіямъ по городу, я предпочиталъ уединеніе. Даже самыя острые и неожиданныя впечатлѣнія не въ состояніи были нарушить моего благодушнаго настроенія. При другихъ обстоятельствахъ первая встрѣча съ бѣлыми отрядами, конечно, сильно взволновала бы меня: тѣ части, которыя дня черезъ четыре послѣ занятія Н-ска прослѣдовали на сѣверъ, нисколько не соответствовали понятію, которое я себѣ составилъ о добровольцахъ. Это былъ пѣхотный полкъ, переброшенный, должно быть, съ другого участка фронта, и, по слухамъ, потерявшій въ бояхъ болѣе половины своего состава. На крестьянскихъ подводахъ проѣзжали солдаты, почти всѣ молодые, съ исхудалыми, изможденными лицами, въ рваныхъ сапогахъ, въ поношенной англійской обмундировкѣ. Рядомъ съ подводами, нѣсколько офицеровъ, по типу лица похожихъ на кавказцевъ, ѣхали верхомъ на тощихъ и несѣдланыхъ лошадяхъ. Весь этотъ «полкъ» насчитывалъ всего человѣкъ полтораста-двѣсти. Впослѣдствіи, за всю свою бытность въ Добровольческой арміи, я ни разу больше не встрѣчалъ такой невзрачной части. Къ счастью, вѣра моя въ стойкость и организованность Добровольческой арміи уже настолько окрѣпла, что я не поддался этому первому и невѣрному впечатлѣнію: вѣдь эти отряды могли быть вызваны на пополненіе другихъ частей или для охраны тыла.

Ничего другого, кромѣ чувства жалости, не вызвала во мнѣ и встрѣча на улицѣ съ какимъ-то скрюченнымъ и съ трудомъ передвигающимъ ноги человѣкомъ, который видимо сторонился прохожихъ и старался не обращать вниманія на нихъ насмѣшки. Это былъ одинъ изъ тѣхъ твухъ-трехъ обывателей Н-ска, которые, явно

скомпрометировать себя при большевикахъ, съ прибытіемъ въ городъ бѣлыхъ гражданскихъ властей отвѣдали «шомполовъ». Ни о какомъ настоящемъ «бѣломъ террорѣ» въ Н-скѣ и помину не было. Въ первые дни арестовано было, правда, нѣсколько человѣкъ, обвиненныхъ въ симпатіяхъ къ большевикамъ, но всѣ они, послѣ короткаго допроса, были освобождены. Пойманъ и, если не ошибаюсь, разстрѣлянъ былъ какой-то незначительный коммунистъ, не успѣвшій бѣжать изъ Н-ска, но ничего удивительнаго не было въ томъ, что бѣлыми принимались кое-какія мѣры для очистки тыла отъ случайно оставшихся большевиковъ. Не волновали меня и слухи о положеніи на фронтѣ, которыми приходилось довольствоваться за неимѣніемъ газетъ. Послѣ занятія Н-ска, добровольцы перешли въ наступленіе по всему ближайшему фронту и безостановочно продвинулись до линіи Сумы-Бѣлгородъ. Подъ Сумами большевики, будто-бы, перешли въ контръ-атаку и нанесли бѣлымъ пораженіе. Этому послѣднему извѣстію мы не придавали особаго значенія, считая, что паническіе слухи распространяются оставшимися, должно быть, въ городѣ большевицкими шпіонами. И это тѣмъ болѣе, что, по другимъ слухамъ, командованіе Добровольческой арміи дожидалось только завершенія перегруппировки на фронтѣ, чтобы перейти въ рѣшительное наступленіе на Курскъ, и что въ Харьковѣ будто бы уже назначенъ былъ и Курскій губернаторъ.

Мнѣ стало извѣстно, что страхи и опасенія, пережитыя нами во время осады города, были вполне обоснованными. Оказалось, что въ день моего бѣгства, черезъ нѣсколько часовъ послѣ моего ухода изъ районнаго комитета, явились за мной Громовъ съ Терешниченко. Узнавъ отъ сторожа, что я куда-то уѣхалъ, Громовъ уже и тогда пришелъ въ ярость. Впослѣдствіи же онъ должно быть догадался, что я сбѣжалъ къ бѣлымъ, потому что онъ затѣмъ неоднократно заявлялъ въ городѣ, что, если бы онъ меня, «деникинскаго наймита», только бы гдѣ-нибудь встрѣтилъ, то лично и съ удовольствіемъ пустилъ бы мнѣ пулю въ лобъ. Слухи объ облавахъ и обыскахъ, арестахъ и разстрѣлахъ, оказались точными; заложники, содержавшіеся въ уѣздной тюрьмѣ, только потому избѣжали разстрѣла при взятіи города, что атака бѣлыхъ произошла быстро и неожиданно.

III. Въ Бѣлой арміи.

Новыя впечатлѣнія.

Когда въ городъ прибылъ военный комендантъ и вмѣстѣ съ нимъ, если не ошибаюсь, и уѣздный воинскій начальникъ, то въ уѣздѣ была объявлена мобилизація въ Добровольческую армію, и вскорѣ во дворѣ комендантскаго управленія, занявшаго домъ, въ которомъ при большевикахъ находился исполкомъ, стали ежедневно толпиться призывные. Я немедленно явился къ коменданту, молодому поручику съ черными усами, и попросилъ его выдать мнѣ пропускъ для выѣзда на Кавказъ для свиданія съ моей теткой и ея мужемъ, ген.-майоромъ графомъ И. Получилъ пропускъ и простясь съ Фогелькампомъ, я на слѣдующій же день безъ всякаго сожалѣнія покинулъ Н-скъ.

Такъ какъ по линіи Харьковъ-Сумы движеніе пассажирскихъ поѣздовъ еще не

возстановилось, то мнѣ пришлось проѣхать на лошадахъ верстъ тридцать до той станціи, отъ которой шель поѣздъ на Харьковъ. Проѣхавъ волнистыми полями, по буграмъ которыхъ еще такъ недавно развивалось наступленіе на Н-скъ долгожданныхъ бѣлыхъ отрядовъ, я безъ приключенія прибылъ со своимъ чемоданомъ на станцію какъ разъ къ отправленію поѣзда. Здѣсь, на запасныхъ путяхъ стояло еще два воинскихъ поѣзда и бронепоѣздъ. Молодые солдаты, загорѣвшіе, краснощекіе, одѣтые въ прекрасное новенькое англійское обмундированіе, занимали вагоны-платформы, нагруженные пулеметами и орудіями, покрытыми чехлами, толпились въ открытыхъ дверяхъ товарныхъ вагоновъ, сновали по перрону. Со всѣхъ сторонъ раздавались пѣсни и шутки, и я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что, какъ и въ былыя времена, солдаты при встрѣчѣ съ офицерами отчетливо отдавали имъ честь. Повсюду замѣтна была настоящая воинская выправка и спокойная, дѣловитая, нисколько не натянутая дисциплина. Какъ мало похожи были эти жизнерадостныя, бодрыя люди на тѣхъ изможденныхъ воиновъ, которыхъ я видѣлъ въ Н-скѣ! При видѣ ихъ, невольно думалось, что если армія составлена изъ такихъ дисциплинированныхъ и бодрыхъ духомъ частей, то она не можетъ не побѣдить большевиковъ.

Новыя впечатлѣнія должны были еще съ большей силой захватить меня по прибытіи въ Харьковъ. Тотъ самый городъ, который я недавно видѣлъ при большевикахъ, измѣнился теперь до неузнаваемости. Уже тогда, при большевикахъ, онъ поразилъ меня своимъ контрастомъ съ нашими сѣверными городами; уже тогда, несмотря на гнетущую совѣтскую дѣйствительность, я предугадывалъ его настоящій и оживленный темпъ жизни. Теперь же то, что я раньше только предугадывалъ, было передо мною на яву. Населеніе, отпраздновавъ свое освобожденіе, спѣшило теперь, казалось, наверстать потерянное время, залечить раны, нанесенныя ему большевизмомъ. Харьковъ принарядился, почистился, вновь принялъ видъ европейскаго города. Попавъ въ центръ, я даже растерялся, — настолько я отвыкъ отъ всего того, что до революціи было такъ обычно для всякаго горожанина. На Николаевской площади, рядомъ со зданіемъ государственнаго банка, принявшимъ подобавшій ему почтенный видъ, большія витрины дорогихъ магазиновъ нестрѣли заграничными издѣліями, предметами роскоши: прекрасными матеріями, парфюмеріей, дамскими шляпками, тонкимъ бѣльемъ, спортивными принадлежностями.. Всѣ большія зданія, очищенные отъ совѣтскихъ канцелярій, отъ сора, надписей, плакатовъ и очередей, вернулись къ своему назначенію: многоэтажные торговые дома наполнились товарами, большіе рестораны заблестали бѣлоснѣжными скатертями, хрусталемъ и чернобѣлыми силуэтами прислуги. На главныхъ улицахъ непрерывной вереницей слѣдовали одни за другими магазины и лавки, переполненные разнообразными товарами. На широкихъ тротуарахъ располагались столики и плетеные стулья многочисленныхъ кафе. Въ торговой части неподалеку отъ биржи, по бокамъ узкихъ улочекъ, въ оптовыхъ складахъ высокихъ домовъ кипѣла работа. Но болѣе всего поражала меня публика. Сѣрая, невзрачная и неопрятная толпа, заполнявшая улицу при большевикахъ, смѣнилась теперь массой оживленно снующихъ, по большей части опрятно одѣтыхъ, веселыхъ и бодрыхъ людей. Приходилось удивляться, какъ за такой сравнительно короткій срокъ, — менѣе двухъ мѣсяцовъ съ занятія Харькова добровольцами, — въ городѣ наладилась жизнь во всѣхъ своихъ проявленіяхъ.

Однако, во всѣхъ этихъ, хотя и живыхъ, но поневолѣ поверхностныхъ впечатлѣніяхъ, было много недосказаннаго. Изъ совокупности ихъ я, правда, почерпнулъ несомнѣнную увѣренность, что не только въ моей личной жизни, но и въ судьбахъ Россіи произошелъ громадный переломъ. Подобно тому, какъ послѣ октябрьскаго переворота въ 1917-омъ году, безъ слѣда, казалось, исчезли тѣ основы жизни, которыя сложились въ теченіе вѣковъ, и исчезнуть были замѣнены новыми условіями, — порожденными сатанинской силой, — такъ и теперь, происшедшія перемѣны казались настолько значительными, что темнымъ силамъ нанесенъ рѣшительный ударъ. По крайней мѣрѣ, — этому хотѣлось вѣрить. Но, впервые соприкасаясь съ новыми порядками, я нуждался въ подкрѣпленіи этой вѣры, этого желанія вѣрить. Гдѣ слѣдовало искать этого подтвержденія? Въ чемъ заключалось то **настоящее**, правдивое и достойное довѣріе, что могло бы послужить залогомъ прочнаго будущаго?

Въ совершавшемся процессѣ главную роль, несомнѣнно, играла Добровольческая армія. Поэтому взоры мои невольно обращались къ представителямъ ея. Если и на самомъ дѣлѣ возрождалась теперь прежняя великая Россія, то вмѣстѣ съ нею должно было возродиться и то, что составляло ея главный оплотъ, старая русская армія: и я инстинктивно среди военныхъ искалъ признаковъ ея возстановленія. Къ сожалѣнію, и тутъ приходилось на первыхъ порахъ, судить поверхностно, довольствоваться мелочами и случайными наблюденіями, хотя, правда, военныхъ въ Харьковѣ было много, и присутствіе ихъ придавало особый характерный отпечатокъ уличной толпѣ. Вполнѣ естественно, что вниманіе мое привлекалось не столько солдатами, — молодежью, но всей вѣроятности случайно набранной въ освобожденныхъ областяхъ, — сколько офицерами, изъ которыхъ вѣдь многіе должны были быть кадровыми офицерами русской арміи. На фонѣ анонимнаго походнаго обмундированія, — русскаго или англійскаго образца, — я старался найти отличительные признаки старыхъ полковъ. Вскорѣ я замѣтилъ, что многіе изъ нихъ сохранились: знакомые вензеля и приборы погонъ, цвѣтныя форменныя фуражки кавалеристовъ, полковые значки, форменныя пуговицы и канты. Но этихъ наблюденій было еще недостаточно, чтобы судить, возродились ли старыя полковыя образованія, или же просто нѣкоторые офицеры, входя въ составъ новыхъ единицъ, продолжали носить свою прежнюю форму. Съ другой стороны, я встрѣчалъ много новаго и совершенно незнакомаго мнѣ: цвѣтные, — алые, малиновые или бѣлые верхи фуражекъ пѣхотныхъ офицеровъ; особая нашивка на рукавахъ, — бѣлый черепъ надъ скрещенными мечами, или трехцвѣтная полоска изъ національныхъ цвѣтовъ. Одно случайное обстоятельство до нѣкоторой степени удовлетворило мое любопытство. Какъ-то разъ на улицѣ я повстрѣчался съ ротмистромъ Харьковскаго уланскаго полка той старой 4-ой кавалерійской дивизіи, въ гусарскомъ полку которой служили мои двоюродные братья. Подойдя къ нему, я спросилъ его, не встрѣчался ли онъ съ ними въ Добровольческой арміи. Оказалось, что онъ ихъ хорошо знаетъ, и что они въ настоящее время находятся при своемъ старомъ полку, формирующемся заново будто бы въ Ростовѣ на Дону. Разъ мои двоюродные братья, кадровые кавалерійскіе офицеры, преданные старымъ традиціямъ, вмѣстѣ со своимъ полкомъ принимаютъ участіе въ добровольческомъ движеніи, то несомнѣнно существуетъ нѣкоторая преемственность между Добровольческой и старой Русской арміями, и я тутъ же рѣшилъ проѣздомъ черезъ Ростовъ, навѣстить ихъ и распро-

силь ихъ обо всемъ происходящемъ на Югѣ Россіи. Но все-же что-то подсказывало мнѣ, что старая армія еще далеко не возродилась и что въ настоящемъ движеніи главную роль играютъ молодыя силы. Правда, насколько я могъ судить по виду частей, проходящихъ черезъ городъ, а въ особенности по смотру, произведенному какъ-то разъ на Соборной площади ротѣ «корниловцевъ», прославившихся своею доблестью, — эти молодыя образованія производили наилучшее впечатлѣніе. Но Добровольческой арміи предстояла громадная задача. Окрѣпшіи и организовавшіися за послѣдніе годы большевизмъ могъ быть побѣжденъ только при томъ условіи, если ему могла быть противопоставлена лучшая организованность. Въ случаѣ отсутствія старыхъ испытанныхъ силъ, успѣхъ арміи зависѣлъ уже исключительно отъ крѣпости духа молодыхъ участниковъ ея, отъ спаянности ихъ одной общей вѣрой въ великую Россію, отъ самоотверженности ихъ и готовности отдать свои личные интересы въ жертву великому подвигу.

Впрочемъ не только въ этихъ наблюденіяхъ и соображеніяхъ, относящихся къ арміи, но и во всемъ томъ, что въ условіяхъ новой для меня дѣйствительности представлялось моему вниманію, я находилъ ту же смѣсь старыхъ и новыхъ вѣяній, знакомаго и непонятнаго, радостнаго и тревожнаго, существеннаго и поверхностнаго...

Несмотря на всѣ эти контрасты, радость почувствовать себя на свободѣ и очутиться въ условіяхъ цивилизованной жизни всецѣло захватывала меня. Радость эта была настолько велика, что даже мысли о тѣхъ, кого я оставилъ въ совѣтской Россіи не омрачали ея, и даже наоборотъ заставляли меня горѣть желаніемъ поскорѣе перенести ее въ дальнюю Москву. Если разумъ и не всегда находилъ удовлетвореніе во впечатлѣніяхъ отъ окружающаго, то это чувство и эти мысли, помимо даже воли моей, возбуждали и ласкали во мнѣ надежду. Несмотря на всякія минутныя сомнѣнія, невольно вѣрилось, что повсюду стихійно возрождается прежняя жизнь, что молодыя, новыя силы, продвигающіяся вглубь Россіи и поддержанныя старыми, освободившимися изъ застѣнковъ, въ скоромъ будущемъ услышатъ торжественный благовѣстъ московскихъ церквей, встрѣчающей освободителей. Хотѣлось вѣрить, что всѣ эти «Осваги», — (почему между прочимъ это названіе такъ напоминаетъ большевицкую терминологию?) — всѣ жуткія картины недавнихъ ужасовъ, эти тревожные флажки на выставленной въ витринѣ «Освага» картѣ Россіи; наконецъ, даже и случайные спектакли московскихъ артистовъ, оторванныхъ отъ своей сцены, — что все это въ недалекомъ будущемъ отойдетъ въ область преданія и замѣнится радостной и болѣе близкой къ сердцу дѣйствительностью въ центрѣ освобожденной Россіи! И даже вся эта преждевременная и неумѣстная роскошь, развертывающаяся напоказъ въ недавно еще только освобожденномъ Харьковѣ: скачки на городскомъ ипподромѣ, кутежи и обиліе шампанскаго въ переполненныхъ ресторанахъ, дорогіе магазины и биржевыя спекуляціи, — все это, хотѣлось вѣрить, находило естественное оправданіе въ избыткѣ силъ, не расточаемыхъ понапрасну, но направленныхъ къ общей спасительной цѣли.

Какъ разъ въ день моего отъѣзда изъ Харькова утромъ, звуки «Егерскаго» марша, звенящіе, увлекающіе, разбудили меня и заставили подбѣжать къ окну. Проходила рота юнкеровъ Константиновскаго военного училища, отбывавшая на фронтъ. Ровный, мѣрный шагъ, великолѣпная выправка рослыхъ молодцовъ съ загорѣвшими,

румяными лицами, — вотъ гдѣ былъ настоящій залогъ побѣды! Вечеромъ не безъ труда раздобывъ пропускъ на выѣздъ изъ Харькова и желѣзно-дорожный билетъ, я уѣзжалъ въ Ростовъ. Звуки «Егерскаго» марша еще звучали въ моихъ ушахъ; и, засыпая подъ нихъ, я думалъ о дальней Москвѣ, еще не зная того, что вскорѣ новыя переживанія всецѣло захватятъ меня и что грядущія событія надолго, а можетъ быть и навсегда оторвутъ меня отъ нея.

О томъ, что произошло на Югѣ Россіи до моего прибытія, а также и о томъ, какіе порядки установились я могъ судить только по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя я почерпалъ изъ случайныхъ бесѣдъ, разсказовъ, газетныхъ статей и личныхъ наблюденій. Многое изъ того, что мнѣ стало извѣстнымъ въ настоящее время и что объясняетъ послѣдовавшія событія было мнѣ или недоступнымъ, или неяснымъ: слишкомъ скромна была моя роль и слишкомъ сильно захватывали меня мои личныя переживанія.

Тяжела и огромна была задача главнаго командованія; а тамъ, на сѣверѣ Россіи, русскія люди ожидали освобожденія, и великихъ усилій требовалось отъ Добровольческой арміи, чтобы, выполняя эту задачу, сохранить въ себѣ уже постепенно угасающій духъ героическихъ первопоходниковъ и въ то же время вселить духъ жизни въ уже остывающее тѣло истерзанной Родины.

На Минеральныхъ Водахъ.

Все на Кавказѣ было для меня ново. То, что я переживалъ, было для меня волшебнымъ сномъ, сказкой изъ «Тысячи и одной ночи». Но какъ въ сказкахъ бываетъ чарующая фея и злая колдунья, такъ и въ моихъ переживаніяхъ свѣтлыя впечатлѣнія чередовались съ тревожными и мрачными.

Я остановился въ Кисловодскѣ. Здѣсь собралось общество, состоявшее по большей части изъ «бывшихъ» людей прежней до-революціонной Россіи, изъ которыхъ нѣкоторые сохранили, повидимому, еще кое-какія быстро угасающія средства. На курортѣ находилось также много раненыхъ или пребывающихъ въ отпуску военныхъ. Гостиницы, квартиры и виллы были все заняты. Нарядная публика сновала по длинному залу водъ и въ паркѣ, прилегавшемъ къ этому зданію; размѣщалась въ просторной колоннадѣ, гдѣ на открытомъ воздухѣ, въ ротондѣ, находился ресторанъ и гдѣ игралъ румынскій оркестръ. Въ томъ же паркѣ, чередуясь съ «румынами», игралъ симфоническій оркестръ. Въ тепломъ южномъ воздухѣ носился ароматъ цвѣтовъ и, чередуясь съ нѣжными звуками оркестровъ и съ ласкающимъ видѣніемъ безпечной публики, располагалъ къ мечтѣ. Но здѣсь, въ одной изъ широкихъ аллей, я часто встрѣчалъ изувѣченнаго юношу, котораго сестра провозила въ колясочкѣ: обѣ ноги его были ампутированы, на груди его блисталъ рядъ солдатскихъ георгіевскихъ крестовъ, сѣрая папаха была лихо заломлена на бекрень, лицо же его было радостнымъ и какимъ-то экзальтированнымъ. На сосѣдней улицѣ, изъ какого-то дома по цѣлымъ днямъ доносился все тотъ же однообразный напѣвъ подъ аккомпаниментъ зурны. На крошечной площади, передъ зданіемъ водъ, выставлены были подъ защитой цвѣтной парусины столики кофейни. А по вечерамъ, въ городскомъ саду,

на открытой сценѣ давались номера «мюзикъ холля», и рядомъ, въ ресторанѣ, рѣкою лилось шампанское. Праздная, разгульная жизнь была ключомъ. Урокъ большевизма не отрезвилъ людей. Но въ сказкѣ все было возможнымъ.

Вотъ кривоногій карла сводить меня по крутымъ ступенькамъ въ крошечный погребокъ, гдѣ смуглый кавказецъ предлагаетъ испробовать настоящаго «кахетинскаго». Отсюда крутая улица уступами ведетъ въ верхнюю часть города. Здѣсь, на базарной площади стоять и разговариваютъ между собою величавые горцы; слѣзаютъ съ коней, садятся вновь на нихъ, отъѣзжаютъ; у нихъ у всѣхъ за плечами винтовка, а за поясомъ — кинжалъ съ серебряной рукояткой; почти всѣ они старики со смуглыми, загорѣлыми лицами, изборожденными морщинами. О чемъ думаютъ эти замкнутые въ себя, молчаливые люди? Каково ихъ отношеніе къ происходящимъ событіямъ, къ Добровольческой арміи, къ только что миновавшей революціи? — Все это для меня представляло загадку.

По извилистой тропинкѣ я уходилъ изъ города въ горы. Съ вершины зеленой куполообразной горы, гдѣ находится небольшая каменная бесѣдка съ бѣлыми колоннами открывается видъ на Кисловодскъ и прилегающія долины. Волнистыя горы, однѣ — обросшія лѣсомъ, другія — совершенно оголенные, поднимаясь и опускаясь уходятъ вдаль одна за другою. Безчисленныя долины прорѣзаютъ ихъ, и тамъ, вдали, угадывается присутствіе притаившихся ауловъ. Еще не такъ давно, — менѣе года тому назадъ, — съ этихъ горъ появились отряды Шкуро, подымая возстанія горцевъ, наводя страхъ на мѣстныхъ большевиковъ. На короткое время этими отрядами былъ тогда занятъ Кисловодскъ. Послѣ ихъ ухода, большевики жестоко расправились съ мѣстной буржуазіей. Взятые заложники были отправлены въ Пятигорскъ, а когда вскорѣ затѣмъ кавалерійскія части добровольцевъ стали побѣдоносно продвигаться въ предѣлы Сѣвернаго Кавказа, то около ста заложниковъ, въ томъ числѣ генералы Рузскій и Радко-Дмитріевъ, были замучены на окраинѣ города. Среди убитыхъ, по слухамъ находился и нѣкій генералъ-майоръ И., однофамилецъ ген.-майора графа И-ва, котораго я, направляясь въ Кисловодскъ, надѣялся встрѣтить. Его жена, моя родная тетка, будто бы послѣ смерти мужа уѣхала за-границу, что показалось мнѣ правдоподобнымъ, такъ какъ дѣти ея, послѣ смерти моей бабушки, находились въ то время въ Швейцаріи.

Чтобы провѣрить эти слухи, я немедленно отправился въ Пятигорскъ. Мрачное впечатлѣніе я сохранилъ, какъ отъ этой поѣздки, такъ и отъ самаго города. Въ самомъ Пятигорскѣ оказалось невыносимо душно. Съ раскаленной мостовой подымалась тонкая пыль. А вдали, надъ мрачными горами, нависли свинцовыя тучи. Пдѣ-то, въ конторѣ «Освага», я достала списокъ убитыхъ заложниковъ. Въ немъ дѣйствительно числился ген.-майоръ И-въ, но безъ указанія имени и отчества. Не получивъ здѣсь болѣе точныхъ свѣдѣній, я отправился на братскую могилу, въ которой были похоронены убитые. Булыжная мостовая, подымаясь въ гору, вела за городъ. Здѣсь, на плоскогорѣ, раскинулось длинное зданіе казармъ, а далѣе широкимъ амфитеатромъ возвышались горы. На первомъ планѣ, на бугоркѣ, стояла бѣлая церковка, около которой находилась братская могила замученныхъ. Дойдя до церковки, я преклонилъ колѣни у братской могилы невинно погибшихъ людей. Приведенные сюда въ ночь на 16-ое октября 1918 года, въ осеннюю стужу, полумраздѣтые, измученные, они были

поставлены палачами на колѣни передъ вырытой могилой и зарублены шашками. По разсказамъ, многіе изъ нихъ, недобитые, были заживо засыпаны землей; и въ эту ужасную ночь, оставшіеся сторожа, не рѣшаясь придти имъ на помощь, долго еще слышали стоны умирающихъ. Только впоследствии, уже покинувъ Россію, я узналъ, что ген.-майоръ И., убитый вмѣстѣ съ другими заложниками, былъ только однофамильцемъ графа И., которому удалось вмѣстѣ съ моею теткой заблаговременно, но правда не безъ мытарствъ, уѣхать съ Кавказа на Украину, а затѣмъ и за-границу.

Тутъ-же на томъ же самомъ холмѣ, мнѣ въ одинъ изъ послѣдовавшихъ дней случайно пришлось самому быть свидѣтелемъ другой казни, но понятно не невиныхъ людей, а преступника. Вдали, на вершинѣ чернаго Машука, за ночь была поставлена висѣлица, и посреди ея большого четырехугольника образованнаго столбами и верхней перекладиной, поутру уже висѣло тѣло повѣшеннаго, одѣтаго въ бѣлую рубашку. Казненный былъ какъ разъ однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ октябрьскаго убійства, пятигорскимъ коммунистомъ, въ свое время терроризовавшимъ населеніе города. Пойманный контръ-развѣдкой и приговоренный къ смертной казни, онъ раннимъ утромъ былъ приведенъ на вершину Машука, откуда онъ могъ видѣть городъ, въ которомъ онъ когда-то былъ полновластнымъ тираномъ, и могилу имъ же самимъ замученныхъ жертвъ. Нераскаянный извергъ былъ казненъ, и съ утра пятигорскіе жители стали стекаться къ подножью горы, съ тѣмъ чтобы посмотреть на страшное зрѣлище. Шелъ мелкій дождь, а на фонѣ сѣрыхъ скалъ, подъ свинцовыми тучами, нависшими надъ ними, неподвижно бѣлѣлась узкая полоска, — безжизненное тѣло казеннаго.

Эти жуткія воспоминанія навсегда останутся связанными у меня съ памятью о Пятигорскѣ. Какая разница была между этимъ мрачнымъ городомъ и привѣтливымъ Кисловодскомъ, въ которомъ жизнь была ключомъ!

Въ Кисловодскѣ я пробылъ еще нѣкоторое время, желая выяснить вопросъ о моемъ призывѣ въ армію по мобилизаци. Къ тому же я случайно повстрѣчался со знакомыми москвичами, которые любезно пригласили меня бывать у нихъ на виллѣ, въ одной изъ живописныхъ окраинъ курорта. Этотъ случай доставилъ мнѣ, наконецъ, возможность подѣлиться съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ тѣми впечатлѣніями, которыя накопились у меня за послѣднее время и въ которыхъ я, вновь прибывшій, не въ состояніи былъ разобраться самостоятельно. Еще не такъ давно, я находился въ совѣтской Москвѣ, гдѣ мировоззрѣніе людей, жившихъ подъ большевизмскимъ гнетомъ, упростилось до крайности. Тамъ хотя и считали несомнѣннымъ фактъ, что все старое, до-революціонное, разрушено до тла и что все, связанное съ нимъ, ушло въ область преданія, но въ то же время именно старыя основы общественнаго и государственнаго строя признавались за тѣ, которыя, какъ нѣчто истинное и реальное, могли быть единственно противопоставлены большевизму. Всѣ же мечтанія начала мартовской революціи, все что было связано съ эпохой Временнаго Правительства, мы привыкли считать не только похороненнымъ навсегда, но и окончательно заклеяннымъ въ памяти русскихъ людей. Здѣсь же, на освобожденномъ Югѣ Россіи, приглядываясь къ новымъ условіямъ, я невольно спрашивалъ себя, что собственно явилось на смѣну большевизму и, если какъ будто бы и уничтожены плевеы большевизма, то вырваны ли корни, взростившіе ихъ? И въ этомъ послѣднемъ отношеніи, я не могъ стрѣшиться отъ мысли, что не все обстоитъ благополучно въ освобожденныхъ

областяхъ. По многимъ признакамъ, можно было заключить, что на Югѣ Россіи возрѣнія русскихъ людей вновь сильно перепутались и что революціонныя мечтанія, характерныя для начала 1917 года, не исчезли безслѣдно. Судя по газетамъ, социалисты и общественные дѣятели лѣвыхъ направлений, входившіе въ составъ новыхъ «республикъ» и самоуправлений, составляли постоянную оппозицію Правительству Юга Россіи и Добровольческой арміи. Да и само правительство ген. Деникина, по необходимости ли, или по убѣжденію, какъ будто еще отдавало, повидимому, нѣкоторую дань революціоннымъ иллюзіямъ и колебалось принять то или другое рѣшительное направленіе. «Великая, Единая и Недѣлимая Россія», этотъ символъ виталь, казалось, въ какихъ-то надгробныхъ высотахъ, лишь только слабо отражаясь въ сознаниіи людей. Дѣйственнымъ началомъ была одна только армія. Вся надежда была на нее. Но морально оторванная отъ тыла, не представлявшего ничего дѣйственного, могла ли она сохранить свой духъ до конца и побѣдить? Гдѣ была та желѣзная рука, которая могла бы обезпечить ей единство тыла, гдѣ было то лицо, въ которомъ могъ бы воплотиться реальный символъ, если и не пользующійся еще всеобщимъ признаніемъ, то, по крайней мѣрѣ, внушившій бы всѣмъ сознание своей силы и государственной мощи?

Всѣ тѣ робкія начинанія Правительства Юга Россіи, о которыхъ я случайно могъ получить нѣкоторое представленіе и которыя я невольно сопоставлялъ съ проявленіями той неизвѣстной, которую представляла изъ себя общественная и народная жизнь въ освобожденныхъ областяхъ, не могли не смущать меня, какъ должно было смущали тогда и многихъ, многихъ русскихъ людей. Совершая свои поѣздки въ Пятигорскъ, я всегда невольно вглядывался въ афиши и изображенія, расклеенныя повсюду на вокзалахъ. Почти всегда рядомъ съ героическимъ изображеніемъ ген. Врангеля, поражающаго на бѣломъ конѣ поверженнаго змія, и портретомъ ген. Шкуро, висѣли печатныя деклараціи правительства. Въ одной изъ нихъ въ принципѣ предрушался земельный вопросъ, а именно въ пользу мелкихъ частныхъ собственниковъ и на основахъ платнаго отчужденія земли, но разрѣшеніе вопроса въ окончательной формѣ передавалось тѣмъ законодательнымъ учрежденіямъ, черезъ которыя, послѣ освобожденія Россіи, «русскій народъ выразитъ свою волю». А въ то же время, въ сосѣдней Ставропольской губерніи, въ глубокомъ тылу Добровольческой арміи, происходило глухое броженіе въ народныхъ массахъ на почвѣ того же земельного вопроса. Чувствовалось, что большевизмъ еще коренился въ слояхъ народной толщи, и ежедневно мелкіе факты напоминали о недавнемъ пребываніи большевиковъ въ Предкавказьи: хотя бы даже и то, что наряду съ «кереками» на Минеральныхъ водахъ имѣли еще хожденіе совѣтскія бумажныя деньги за подписью предсѣдателя пятигорскаго совѣта!

Тщетно искалъ я вокругъ себя хотя бы обломковъ до-революціонной старины, куда не повстрѣчался со знакомыми москвичами, о которыхъ я уже упомянулъ. Черезъ нихъ я узналъ, что существуютъ еще люди, мыслящіе по старому, и что ихъ немало и въ Кисловодскѣ среди «бывшихъ людей». Узналъ я и то, что многіе члены Императорской Семьи остались въ живыхъ, но одновременно поразило меня, что всѣ они оставались въ сторонѣ отъ добровольческаго движенія. Великій Князь Николай Николаевичъ находился не у дѣлъ, пребывая за-границей, въ Италіи, тогда какъ,

казалось бы, именно въ его лицѣ должна была бы воплотиться идея возстановленія и объединенія Россійской Державы. Непонятно было мнѣ, вырвавшемуся изъ со- вѣтской Россіи, что русскіе люди, испытавшіе керенщину и большевизмъ, продолжали еще колебаться вмѣсто того, чтобы открыто и рѣшительно выйти на путь возста- новленія того государственнаго строя, который имѣлъ прочныя историческія основы и глубокий національный смыслъ!

Мои знакомые довольно холодно относились къ происходящимъ событіямъ. И подъ влияніемъ всѣхъ этихъ новыхъ впечатлѣній и свѣдѣній, постепенно овладѣ- вало пессимистическое настроеніе и мною. Тѣмъ не менѣе, мнѣ необходимо было принять то или другое рѣшеніе. С скромныя средства мои были на исходѣ, и надо было подумать о дальнѣйшемъ способѣ существованія. Кромѣ того, я по своему при- зывному возрасту подлежалъ мобилизаціи въ Добровольческую армію. И, несмотря на то, что я еще не имѣлъ случая повидаться со своимъ двоюроднымъ братомъ, ко- торого я тщетно разыскивалъ проѣздомъ черезъ Ростовъ, я рѣшилъ теперь же вы- полнить свой долгъ и явиться на призывный пунктъ въ Пятигорскѣ. Такъ я и посту- пилъ, и съ призывного пункта былъ направленъ для медицинскаго осмотра въ тѣ самыя казармы, которыя находились неподалеку отъ братской могилы убитыхъ за- ложниковъ. Послѣ медицинскаго освидѣтельствованія, я былъ освобожденъ отъ за- численія въ армію. Но судьба рѣшила иначе. Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Кисло- водска, я, проходя черезъ зданіе водъ, случайно увидѣлъ афишу, которой до того времени не замѣчалъ. Въ ней объявлялось, что Мариупольскій гусарскій Императ- рицы Елисаветы Петровны полкъ формируется въ предѣлахъ Области Войска Дон- ского, и что всѣ бывшіе офицеры полка, а также и всѣ желающіе добровольцы, пригла- шаются заявить о себѣ ротмистру такому-то въ Ростовѣ. Это былъ тотъ полкъ, въ которомъ служили мои двоюродные братья.

Такимъ образомъ, передо мною открывалась возможность повидаться съ двоюрод- ными братьями или же, по крайней мѣрѣ, узнать ихъ адресъ; случайная афиша пред- рѣшила мою судьбу. Я немедленно же отправился въ Ростовъ. Будучи официально освобожденнымъ отъ военной службы, я располагалъ полной свободой дѣйствій и могъ, по прибытію въ Ростовъ, принять то или другое рѣшеніе, въ соответствіи съ тѣмъ, что будетъ мнѣ подсказано совѣстью и личными убѣжденіями.

Во власти судьбы.

Въ Ростовѣ, мнѣ сообщили, что одинъ изъ моихъ двоюродныхъ братьевъ нахо- дится тутъ же въ городѣ, на излѣченіи въ госпиталѣ Бѣлаго Креста, второй — въ полку, формирующемся на Стрѣленкомъ государственномъ конномъ заводѣ на Дону, а третій, — старшій изъ нихъ, — недавно умеръ отъ сыпного тифа.

Ихъ было три брата; всѣ трое были военными. Въ обычное время мнѣ довольно рѣдко приходилось съ ними встрѣчаться. Братья Воиновы *) рано поступили въ ка- летскій корпусъ, а когда они иногда лѣтомъ пріѣзжали изъ своего имѣнья гостить въ усадьбу моего дѣда, то ихъ игры и увлеченія казались тогда мнѣ, изнѣженному ре-

*) Псевдонимъ.

бенку, дикими и непонятными. Впослѣдствіи мнѣ пришлось еще меньше видаться съ ними. Старшій, — Леонтія, и младшій, — Михаилъ, въ разное время окончили Николаевское кавалерійское училище и оба поступили въ Мариупольскій гусарскій полкъ. Во время всемірной войны, они съ полкомъ были на германскомъ фронтѣ. Старшій братъ былъ раненъ въ лицо осколкомъ гранаты, а Михаилъ, участвуя въ конной атакѣ противъ германскихъ пулеметовъ, какимъ-то чудомъ избѣжалъ смерти и былъ только легко раненъ пулей, избородившей ему проборъ въ головѣ. Иногда, каждый въ отдѣльности, пріѣзжалъ въ короткій отпускъ въ Москву, и тогда, въ эти рѣдкія встрѣчи съ ними, я понималъ ихъ и полюбилъ. Всегда веселые и бодрые, преисполненные чувства долга и чести, отличаясь прекрасной военной выправкой, горячіе патриоты, — они казались мнѣ настоящими героями. Второй братъ, Степанъ, еще задолго до войны поступилъ въ казачій полкъ. Съ дѣтства самостоятельный и отважный, онъ всегда искалъ новыхъ приключеній, и казачья служба пришлась ему по душѣ. Онъ также продѣлалъ всю кампанію; былъ нѣсколько разъ раненъ въ бояхъ и въ концѣ войны, въ чинѣ есаула командовалъ сотней. Его-то я и встрѣтилъ въ Ростовѣ.

Никогда не забуду этой встрѣчи, опредѣлившей всю мою дальнѣйшую судьбу. Въ лазаретѣ Бѣлаго Креста, находившемся на широкомъ Таганрогскомъ проспектѣ, я не засталъ его, такъ какъ, уже почти совсѣмъ вылечившись отъ пережитого тифа, онъ иногда уходилъ гулять въ городъ. Выйдя изъ лазарета на улицу и пройдя дватри квартала, я очутился лицомъ къ лицу съ бравымъ офицеромъ средняго роста, одѣтымъ въ походную гусарскую форму съ погонами и фуражкой Мариупольскаго полка, и сразу узналъ въ немъ Степана. Я назвалъ его по имени. При видѣ незнакомаго штатскаго, по имени обращающагося къ нему, онъ остановился въ недоумѣніи, но затѣмъ, вдругъ узнавъ меня, радостно улыбнулся.

«Леонтія, да ты ли это?» проговорилъ онъ протягивая мнѣ обѣ руки и обнимая меня: «Вотъ не ожидалъ! Откуда ты, какими судьбами?»..

«Какъ видишь, — вотъ и я! Недавно вырвался изъ Москвы»... отвѣчалъ я: «но, однако тебя, Степанъ, трудно узнать.»

Онъ казался мнѣ сильно измѣнившимся и возмужавшимъ. На рукавѣ цѣлый рядъ золотыхъ нашивокъ свидѣтельствовалъ о многочисленныхъ раненіяхъ, полученныхъ имъ, а на гусарскихъ погонахъ, подъ серебряными вензелями полка, желтѣли штабъ-офицерскія полоски.

По дорогѣ въ лазаретъ, я вкратцѣ разсказалъ ему о своихъ походахъ послѣ отъѣзда изъ Москвы. Въ лазаретѣ мы очутились вдвоемъ въ свѣтлой и опрятной палатѣ, которая, какъ оказалось, находилась въ постоянномъ распоряженіи офицеровъ Мариупольскаго полка, въ память покойнаго Леонтія, бывшаго главноуполномоченнымъ Бѣлаго Креста. Умеръ Леонтія всего шесть мѣсяцевъ тому назадъ, заразясь сыпнымъ тифомъ во время одной изъ своихъ служебныхъ командировокъ. Въ его лицѣ въ цвѣтѣ лѣтъ сошелъ въ могилу доблестный воинъ и честный патриотъ. Самъ Степанъ послѣ демобилизаціи на австрійскомъ фронтѣ, пробрался на Донъ, гдѣ принималъ участіе въ противобольшевицкой кампаніи, сперва въ броневомъ, затѣмъ въ авіаціонномъ отрядѣ, и, наконецъ, въ конномъ строю съ казачими партизанами. Въ на-

чалъ 1919 года, Донской Атаманъ, Ген. Богаевскій, — бывшій командиръ Мариупольскаго полка, — желая помочь возрожденію полка, разрѣшилъ братьямъ Степану и Михаилу Воиновымъ сформировать особую партизанскую сотню имени покойнаго Леонтія, — въ память его доблестной службы. Одновременно зародилась ячейка Мариупольцевъ при 3-емъ конномъ полку, въ который они вошли вводомъ подъ командой ротмистра Гордѣева. Лѣтомъ 1919 года Мариупольцы были сведены въ особый Дивизионъ Мариупольскаго гусарскаго полка, командиромъ котораго временно назначенъ былъ полковникъ Степанъ Воиновъ. Затѣмъ по приказу Донскаго Атамана *) 26-го августа 1919 года былъ возрожденъ Мариупольскій полкъ и командиромъ его назначенъ Ген. Штаба Генераль-Маіоръ Петръ Владиміровичъ Чеснаковъ, — бывшій командиръ полка. Въ списки полка были зачислены Ген. Лейт. Богаевскій и Командующій Донской Арміей, Ген.-Лейт. Сидоринъ, также немало опосредовавшій возрожденію полка. Полкъ формировался на Дону, на Стрѣлецкомъ Государственномъ конномъ заводѣ, а въ Новочеркасскѣ формировался пулеметный эскадронъ полка. Ротмистръ Михаилъ Воиновъ находился уже на заводѣ и командовалъ эскадрономъ. Тамъ же въ качествѣ полковой сестры находилась и его младшая сестра Наташа.

«Что же ты теперь думаешь предпринять?» спросилъ меня Степанъ, рассказавъ мнѣ о себѣ своихъ.

— «Никакого понятія не имѣю,» долженъ былъ я откровенно сознаться: «Во всякомъ случаѣ, я радъ тебя видѣть и надѣюсь, что ты мнѣ что-нибудь посоветуешь.»

— «Если ты желаешь поступить на гражданскую службу,» отвѣчалъ Степанъ, «то я могу тебя сейчасъ же устроить здѣсь же, въ Ростовѣ, въ одинъ изъ департаментовъ. Къ тому же вѣдь ты хорошо знаешь англійскій языкъ; если хочешь, поступай къ англичанамъ; — это тоже легко устроить. Но лучше всего, — поступай къ намъ въ полкъ! Скажу тебѣ откровенно, въ тылу у насъ одна гниль...»

— «Неужели же есть доля правды въ томъ, что рассказываютъ о всевозможныхъ злоупотребленіяхъ въ тылу?» полюбопытствовалъ я. «Я, напримѣръ, недавно слышалъ о какомъ-то скандалѣ съ пропажей военнаго обмундированія, поставленнаго англичанами. Правда ли это?»

— «Суди самъ,» отвѣчалъ онъ: «англичане поставили намъ всего, больше, чѣмъ нужно, — а въ арміи есть боевыя части, которыя съ наступленіемъ зимы не имѣютъ самаго необходимаго и на всѣ требованія получаютъ отвѣтъ, что на складахъ обмундированія не имѣется.»

— «Почему же союзники не установятъ контроля надъ распределеніемъ одежды по частямъ?» продолжалъ я.

— «Они только руками разводять при видѣ нашихъ порядковъ.»

— «Ну, а Правительство Юга Россіи, чего оно не смотритъ? Что это вообще за сумбуръ такой происходитъ, — всѣ эти Рады, политическіе переговоры, украинцы? Почему правительство терпитъ все это и не положить предѣла и безчинствамъ, и политической агитаціи?»

*) см. приложеніе № 1.

— «Слушай, братъ,» отвѣчалъ Степанъ послѣ нѣкотораго молчанія: «я не знаю твоихъ убѣжденій. Стоишь ли ты за будущее Учредительное Собраніе, на подобіе прежняго, — когда Москва будетъ взята?»

— «Ты смѣешься надо мной,» сказалъ я: «какая тамъ учредилка!»

— «Ну такъ вотъ: мы всѣ въ полку попрежнему стоимъ за «Вѣру, Царя и Отечество», чтимъ старыя полковыя традиции и надъ политикой не задумываемся. Когда тамъ, Богъ дастъ, тамъ видно будетъ, освободимъ Россію. А по нашему Россіей одинъ можетъ править только царь.»

— «Такъ, по твоему, есть надежда, что Москва скоро будетъ взята?» спросилъ я.

— «Видишь ли, братъ, — я лично можетъ быть немного усталъ,» отвѣчалъ онъ: «а потому на все смотрю довольно мрачно. Но дѣло военныхъ, — сражаться и не задумываться; а тамъ мы, Богъ дастъ, и Москву займемъ. Если тебѣ вся эта политика не по душѣ, то я считаю, что тебѣ лучше всего было бы поступить въ полкъ. Запишемъ тебя въ эскадронъ къ Мишѣ; полкъ скоро выступитъ на фронтъ; получишь боевое крещеніе; произведемъ тебя въ офицеры. Верхомъ ты ѣдешь молодцомъ, научишься рубить; ты увидишь, какъ весело участвовать въ конной атакѣ. А тамъ, можетъ быть, мы первыми вступимъ съ полкомъ въ Москву, подъ звонъ колоколовъ, встрѣчаемые своими... Когда же война окончится, то если захочешь, то всегда сможешь подать въ отставку, — тогда штатскіе будутъ нужны...»

Этотъ разговоръ съ двоюроднымъ братомъ, его рассказы о партизанскихъ бояхъ, происходившихъ еще такъ недавно на Дону, о безпечной и удалой полковой жизни, произвели на меня сильное впечатлѣніе. Послѣ него, я цѣлыхъ два дня провелъ въ глубокомъ раздумьи, и мысль о поступленіи въ полкъ все болѣе и болѣе захватывала меня. На фронтѣ въ то время происходили важныя событія. Послѣ головокружительнаго рейда генерала Мамонтова вглубь Воронежской и Орловской губерній, въ эти мѣстности побѣдоносно стали вступать и регулярныя части Вооруженныхъ силъ Юга Россіи. Недавно были заняты Воронежъ и Курскъ, и части ген. Кутепова подступали уже къ Орлу. Въ Ростовѣ, передъ витриной конторы газеты «Вечернее Время», въ которой была разложена карта военныхъ дѣйствій, постоянно толпилась публика, въ ожиданіи свѣдѣній съ фронта. Невольно захватывало духъ при извѣстіяхъ о новыхъ успѣхахъ Добровольческой арміи; невольно чудился уже дальній звонъ московскихъ колоколовъ; съ особой силой возрождалась надежда на скорое и окончательное пораженіе большевиковъ; закрадывалось въ душу непреодолимое желаніе принять участіе въ общемъ дѣйствіи. Казалось, что даже въ случаѣ временныхъ неудачъ на фронтѣ, легче будетъ находиться въ рядахъ арміи, чѣмъ пребывать въ бездѣйствіи въ деморализованномъ тылу. Еще всего нѣсколько дней тому назадъ, я въ Кисловодскѣ предавался сомнѣніямъ по отношенію къ Добровольческой арміи; теперь же, послѣ твердыхъ и ясныхъ словъ двоюроднаго брата, я находилъ ту моральную поддержку, которая была мнѣ такъ необходима среди путаницы происходившихъ событій. Уже смолodu я привыкъ къ верховой ѣздѣ; было даже время, когда я особенно увлекался всѣмъ тѣмъ, что относилось къ кавалерійской службѣ, манежной ѣздѣ, формамъ и наименованіямъ полковъ. Все это теперь съ особой силой увлекало меня вновь. Въ жизни каждаго человѣка бываютъ такія минуты, когда неудержимо хочется вырваться изъ рамокъ обыденной спокойной жизни, промѣнять разумъ на чувство и увлеченіе.

Зайдя къ Степану, вскорѣ послѣ первой встрѣчи съ нимъ, я засталъ у него молодого вольноопредѣляющагося прибывшаго къ нему съ донесеніемъ изъ полка. Высокаго роста, красивый, одѣтый въ солдатскую кавалерійскую шинель стараго русскаго образца, перетянутую бѣлымъ ремнемъ; отчетливый въ отвѣтахъ полковнику и во всѣхъ своихъ движеніяхъ, онъ во всемъ напоминалъ прежнихъ выправленныхъ юнкеровъ кавалерійскихъ училищъ. Когда Степанъ сказалъ ему о моемъ желаніи поступить въ полкъ, то онъ замѣтилъ мнѣ: «Отлично делаете, — это славный полчокъ!» Звонъ шпоръ, добровольная и съ удовольствіемъ подчеркиваемая дисциплина, готовность къ исполненію приказаній, — все это вводило меня въ новый, еще неизвѣданный мною міръ, въ жизни котораго, — стоило только мнѣ сдѣлать шагъ, — я могъ теперь лично принять участіе. И я уже больше не спрашивалъ себя, что собственно едѣсь, на Югѣ, противопоставляется той жизни, организованной по совѣтскому образцу, реальность которой я еще такъ недавно ощущалъ, дьявольскую силу которой видѣлъ воочию. Военный человѣкъ не задумывается; онъ дѣйствуетъ, исполняетъ приказанія и **долженъ вѣрить** въ силу свою и своей арміи. И я больше не задумывался и вѣрилъ; и отъ этого сознанія было радостно на душѣ.

Мнѣ также пріятно было видѣть, что Степанъ пользовался всеобщимъ почетомъ среди военныхъ, встрѣчавшихся когда мы гуляли съ нимъ по улицамъ Ростова. Онъ, казалось, былъ знакомъ со всѣми: онъ подолгу разговаривалъ со знакомыми генералами, полковниками, начальниками военныхъ управленій; подходили къ нему иногда и бывшіе его подчиненные, — офицеры партизанскихъ отрядовъ, случайно находившіеся въ Ростовѣ. Однажды, одинъ изъ его бывшихъ партизанъ, молодой офицеръ, одѣтый въ сѣрую черкеску съ гозырями, и которому Степанъ представилъ меня, какъ недавно сбѣжавшаго отъ большевиковъ, заявилъ мнѣ: «Хотя вы и одѣты въ штатское, по вашему рукопожатію вижу, что вы — офицеръ». Я не сморгнувъ принялъ этотъ комплиментъ: мое рѣшеніе было принято, и я надѣялся въ скоромъ будущемъ заслужить офицерское званіе.

Хотя будущее, со всѣми своими неминуемыми случайностями и новыми переживаниями, и обрисовывалось еще довольно смутно и неопредѣленно передо мною, но я уже находился во власти судьбы, когда, послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ раздумьи, я, наконецъ, сталъ въ очередь у кассы предварительной продажи билетовъ и записался на билетъ до станціи Звѣрево, откуда, уже по другой желѣзно-дорожной вѣткѣ, я долженъ былъ доѣхать до станціи Чертково, ближайшей къ Стрѣлецкому конному заводу.

Зачисленіе въ полкъ.

Томительно медленно, со скрипомъ, подергиваніями и безчисленными остановками тащился поѣздъ среди степей. Послѣ пересадки въ Звѣрево и другой ночи, проведенной въ вагонѣ, я, наконецъ, по утру, на разсвѣтѣ, прибылъ на станцію Чертково. Стояла пасмурная осенняя погода; у станціи, на обширной немощенной площади, была непролазная грязь; на противоположной сторонѣ площади, сѣрые и маленькіе дома, раскинулись въ рядъ. Я устроился на крестьянской телѣгѣ, ѣхавшей на заводъ, — ѣхать было около двадцати верстъ.

Какою грустью вѣетъ съ донской степи въ пасмурное осеннее утро! Безконечно, безпредѣльно, раскидывается вокругъ сѣрая и голая равнина. Влажный, порывистый вѣтеръ обдаётъ васъ своимъ дыханьемъ, несётъ съ собою крѣпкій запахъ земли и прѣлыхъ травъ. Маленькая лошаденка, мѣся ногами грязь, съ трудомъ тащитъ телѣгу по тяжелой дорогѣ. Если и встрѣчаются по дорогѣ подводы, то это — только минутное явленіе: возгласъ возницы, заглушенный вѣтромъ, скрипъ колеса, — и вновь тишина безпредѣльной шири.

На полпути повстрѣчалась намъ большая деревня Великоцкое. Издалека казалась она еще болѣе сѣрой, чѣмъ голая равнина, съ которой она какъ будто бы составляла одно неразрывное цѣлое. Вскорѣ, однако, она приняла болѣе опредѣленные очертанія. Широкая дорога, по которой мы ѣхали, врѣзалась въ ряды деревянныхъ домиковъ, хорошо сколоченныхъ, съ крылечками у входовъ и крытыхъ по большей части желѣзомъ. На расчищенной площадкѣ, передъ однимъ изъ домовъ, стояли въ сторонѣ какіе-то гимнастическіе аппараты; надъ воротами многихъ домовъ висѣли привязанные къ шестамъ соломенные знаки, а у крыльца наиболѣе опрятнаго дома, у котораго на пикѣ развѣвался небольшой синій флажокъ, стояли двѣ осѣдланныя лошади; по улицѣ въ одиночку проходили солдаты въ синихъ безкозырькахъ. По всему было видно, что въ этой деревнѣ расквартированъ кавалерійскій полкъ. *) Миновавъ деревню и проѣхавъ черезъ плотину, обсаженную деревьями, мы опять выѣхали въ степь. Чтобы поразмять ноги, я слѣзъ съ подводы и съ версту прошелъ пѣшкомъ. Вдали, передъ нами, виднѣлось большое село съ бѣлою церковью: при этомъ селѣ и находился Стрѣлецкій заводъ. Еще слышно доносились до насъ звуки дальняго церковнаго благовѣста. До самаго села мы повстрѣчались съ одной только живой душой. Въ верстѣ отъ него, немного поодаль отъ дороги, сложивъ котомку, сидѣла на влажной землѣ убогая старуха въ грязныхъ сѣрыхъ лохмотьяхъ и деревяннымъ гребнемъ расчесывала свои спутанные сѣдые волосы, похожіе на конскую гриву, облѣпленную репьями...

Оказалось, что заводъ находится на ближайшей окраинѣ села. Мы проѣхали мимо высокой каменной ограды, надъ которой поднимались крыши длинныхъ зданій, по видимому конюшенъ и службъ, и скорѣ выѣхали на обширную площадь, за которой начиналась деревня. Здѣсь, передъ заводской оградой, стояла каменная церковь. По ту сторону площади, у крыльца крестьянской избы, бѣлѣлся санитарный флажокъ. Расплатясь съ возницей, я направился къ избѣ, гдѣ, думалось мнѣ, долженъ былъ находиться полковой околотокъ. Проворный денщикъ, котораго я встрѣтилъ во дворѣ, узнавъ, что я — родственникъ ротмистра Воинова, провелъ меня въ домъ, который, оказывалось, былъ отведенъ подъ квартиру обѣихъ полковыхъ сестеръ: моей двоюродной сестры, Наташи, и ея подруги. Обѣ онѣ находились у обѣдни въ церкви, и я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы съ помощью денщика привести себя послѣ дороги въ надлежащій видъ. Расположась въ ожиданіи сестеръ въ чистенькихъ и опрятныхъ комнатахъ, я почувствовалъ, что въ моемъ пріѣздѣ сюда было что-то необычайное и что здѣсь меня менѣе всего могли ожидать. Сестру Наташу я видѣлъ въ послѣдній разъ въ Москвѣ, во время войны, когда она окончила курсы сестеръ милосердія и отбывала на фронтъ. Затѣмъ я уже больше не имѣлъ никакихъ извѣстій о

*) Клястицкій гусарскій полкъ.

ней. Спокойная и разсудительная блондинка, она всегда была большой идеалисткой, и бѣгство ея изъ совѣтской Россіи, какъ и настоящее пребываніе ея въ рядахъ дѣйствующей арміи, придавало ей теперь въ моемъ воображеніи отпечатокъ особаго героизма. Вскорѣ мои мысли были прерваны женскими голосами, слышавшимися во дворѣ, и черезъ минуту нерѣшительными шагами вошла въ комнату средняго роста сестра въ бѣлой косынкѣ. Это была Наташа. Какъ оказалось, денщикъ, нарочно не назвавъ меня, сказалъ сестрамъ, что ихъ въ домѣ ожидаетъ какой-то «вольный». Выходило такъ, что этотъ безцеремонный вольный притащилъ съ собою чемоданъ и расположился въ комнатахъ, какъ у себя дома. Вошедшая вслѣдъ за Наташей подруга ея, румяная и веселая брюнетка улыбаясь наблюдала.

«Вотъ и я, Наташа», заявилъ я, уже не будучи въ состояніи удержаться отъ смѣха при видѣ ея испуга.

— «Вотъ такъ казусъ... Вѣдь это мой двоюродный братъ, Мечовъ!» проговорила Наташа, обращаясь къ подругѣ.

— «Вы пріѣхали для того, чтобы поступить въ полкъ?» живо сообразила та.

— «Такъ точно, — вы угадали. Хочетъ Миша, или нѣтъ, а я намѣренъ записаться вольноопредѣляющимся въ его эскадронъ.»

Желая возможно скорѣе выяснитъ свое положеніе, я спросилъ у сестеръ, гдѣ можно встрѣтитъ Мишу.

— «Если ты уже непременно хочешь видѣть его теперь же,» отвѣчала Наташа: «то онъ еще навѣрно находится въ церкви, гдѣ остался на молебень.»

Выйдя на улицу, я замѣтилъ вдали, у церкви, небольшую группу офицеровъ. Тамъ желѣли околыши фуражекъ, блестѣли золотые галуны на синихъ рейтузахъ. Подойдя къ группѣ, я спросилъ у статнаго ротмистра, гдѣ я могу найти ротмистра Воинова. Ротмистръ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня, внезапно откуда-то появившагося штатскаго, и указалъ на молодого офицера, выходившаго какъ разъ изъ церкви. Позваивая шпорами, въ «краповыхъ» чакчирахъ, поддерживая рукою саблю, степенно спускался Миша съ церковной палерти. Я тотчасъ же узналъ его молодое, бритое лицо и строгій, но ясный взглядъ его глазъ. Онъ меня тоже узналъ, но когда, послѣ первыхъ привѣтствій, я заявилъ ему о своемъ желаніи поступить въ полкъ, то онъ къ моему намѣренію отнесся довольно холодно. Вѣдь онъ, и братья его, всегда привыкли считать меня маменькинымъ сынкомъ и уже во всякомъ случаѣ мало пригоднымъ для военной службы; а братъ теперь на себя такую обузу ему, должно быть, мало улыбалось.

«Ты желаешь поступить ко мнѣ въ эскадронъ,» отвѣчалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья: «но имѣй въ виду, что теперь вѣдь у насъ всѣ вольноопредѣляющіеся находятся на положеніи простыхъ гусаръ, спятъ въ общихъ казармахъ, получаютъ солдатскій паекъ и вообще никакими льготами не пользуются. Служба трудная, и нужно для этого крѣпкое здоровье. Но если уже ты рѣшилъ обязательно поступить на военную службу, то я лучше устрою тебя на канцелярскую должность въ штабъ полка, или въ штабъ дивизіи, по твоему выбору.»

— «Если я поступаю на военную службу, то дѣлаю это добровольно,» заявилъ я, почувствовавъ нѣкоторую обиду: «я и желаю быть зачисленъ въ строй.»

Послѣ долгихъ увѣщаній, Миша, наконецъ, согласился обсудить немного погодя это дѣло и общался зайти днемъ къ сестрамъ, чтобы повидаться со мной.

Въ своемъ уютномъ домикѣ сестры угостили меня обѣдомъ на славу. Было оживленно и весело; разспросамъ и рассказамъ не было конца, и обѣ сестры наперебой старались посвятить меня въ обязанности молодого гусара-вольноопредѣляющагося. Днемъ, предоставивъ приготовленіе чая подругѣ Наташи, мы съ моей двоюродной сестрой совершили небольшую прогулку въ окрестностяхъ станицы. Не заходя на заводъ, съ которымъ я такъ или иначе долженъ былъ вскорѣ подробно ознакомиться, и миновавъ гумно и какой-то живописный прудикъ, мы очутились въ небольшой рощѣ, прорѣзанной узкой дорогой. Тутъ, изъ-за молодыхъ деревьевъ, показался всадникъ, который, нагибаясь подъ вѣтками, скакалъ навстрѣчу намъ на великолѣпномъ рыжемъ гунтерѣ съ бѣлой звѣздой на лбу. Мелькнула сине-желтая фуражка, заблестѣли широкіе галуны и вензеля на генеральскихъ погонахъ, и въ одинъ мигъ всадникъ поравнялся съ нами.

«Начальникъ дивизіи, генералъ Чеснаковъ» шепнула мнѣ Наташа.

Моложавый на видъ, сухой и стройный, какъ бы влитый въ легкое англійское сѣдло, генералъ составлялъ, казалось, одно цѣлое со своей нервной лошадыю. Наташа представила меня и рассказала ему, что я пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы поступить въ полкъ.

— «Ну что же, — отлично,» проговорилъ генералъ: «но только вѣдь служба гусарская тяжелая.»

— «Я надѣюсь на дѣлѣ доказать, ваше превосходительство, что я могу быть настоящимъ гусаромъ,» отвѣчалъ я.

— «Въ такомъ случаѣ, поздравляю васъ съ зачисленіемъ въ полкъ.»

Повинуясь еле замѣтному движенію всадника, рыжій гунтеръ мягко поднялся съ мѣста въ галопъ, и генералъ, круто повернувъ въ боковую простѣлку, поскакалъ дальше, оставляя меня подъ впечатлѣніемъ какого-то лучезарнаго видѣнія. Впослѣдствіи онъ часто вспоминалъ эту встрѣчу и любилъ шутить, что былъ пораженъ встрѣтить мою двоюродную сестру вдвоемъ съ школьнымъ учителемъ, за котораго онъ было принялъ меня. И дѣйствительно, едва ли кто-нибудь, кромѣ сельскаго учителя, носилъ штатское платье и мягкую шляпу въ станицѣ, въ которой находились одни только военные да крестьяне.

На слѣдующій день, я уже съ согласія Миши явился въ канцелярію полка для зачисленія въ 3-ій эскадронъ, командиромъ котораго былъ ротмистръ Воиновъ. Получая свидѣтельство, я уже чувствовалъ себя строевымъ гусаромъ и измѣрялъ всю ту пропасть, которая отдѣляетъ его отъ штабнаго писаря.

Англійское обмундированіе, выданное мнѣ, оказалось слишкомъ широкимъ и какимъ-то мѣшковатымъ, и сестры посмѣивались надъ моимъ неуклюжимъ видомъ. Но такъ какъ мнѣ нужно было еще сѣздить за личными вещами въ Харьковъ, то я тотчасъ же рѣшилъ передѣлать тамъ выданное мнѣ обмундированіе, обзавестись форменной цвѣтной безкозыркой, краповыми рейтузами, гусарскими розетками и полковыми погонами...

Чтобы проѣхать на станцію, Миша предоставилъ мнѣ свою лошадь съ вѣстовымъ. Очутясь въ сѣдлѣ, я почувствовалъ новый приливъ бодрости и энергіи, и теперь я

уже безъ всякаго предчувствія принималъ свою новую роль. Однако, по дорогѣ со мной произошелъ забавный случай. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ завода, намъ повстрѣчался уже знакомый мнѣ командиръ нашего полка и одновременно начальникъ дивизіи, генералъ Чеснаковъ. Онъ, какъ обычно, ѣхалъ верхомъ, возвращаясь изъ соедѣнной деревни, въ которой стоялъ Клястицкій полкъ, входившій въ его сводную дивизію. *) Къ сожалѣнію, при выдачѣ мнѣ обмундированія, въ полковомъ цейхгаузѣ не нашлось солдатской кокарды для моей фуражки. Верхомъ на офицерской лошади, на офицерскомъ же сѣдлѣ, но одѣтый въ англійскую шинель съ солдатскими погонами и въ фуражкѣ безъ кокарды, я, съ военной точки зрѣнія, представлялъ изъ себя нѣчто совершенно неопредѣленное.

«Это кто такіе?» окрикнулъ насъ генералъ поравнявшись съ нами: «вы почему безъ кокарды?»

Я настолько опѣшилъ отъ неожиданности, что смогъ только молча приложить руку къ козырку. Отвѣчалъ за меня гусарь, ѣхавшій со мною. Узнавъ меня, генералъ весело разсмѣялся и, уже издали привѣтствуя меня рукой, поскакалъ дальше.

На Стрѣлциномъ заводѣ.

Стрѣлецкій государственный конный заводъ, имѣвшій производителей арабскихъ кровей, въ до-революціонное время считался образцовымъ не только въ Россіи, но и за границей. Однако, въ 1919 году завода, какъ такового, уже не существовало. Хотя и оставались въ цѣлости усадьба и заводскія постройки и сохранился одинъ изъ великолѣпныхъ заводскихъ жеребцовъ (онъ подѣвжался подъ сѣдло ген. Деникину «для вѣзда въ Москву»), да двѣ-три матки, но все остальные заводскія лошади и молоднякъ были угнаны большевиками за время смуты на Дону; штаты служащихъ и заводская администрація были ими упразднены, и послѣ освобожденія Дона не смогли быть восстановлены за неимѣніемъ средствъ въ донской и добровольческой казнѣ.

Представьте себѣ у самаго села большую прямоугольную площадь въ нѣсколько десятинъ, обнесенную каменной оградой. Въ западной части этой площади, въ предѣлахъ ограды, выходящей къ церкви и селу, находятся службы и помѣщенія бывшаго заводскаго управленія: барскій домъ, занятый подъ офицерское собраніе и квартиры офицеровъ-маріупольцевъ; небольшой флигель, отведенный подъ квартиру командира полка; обширныя одноэтажныя зданія, въ которыхъ размѣстились дивизионное интендантство, полковой цейхгаузъ, служба связи, а также дивизионная и полковая канцелярія. Центральную часть этой площади занимаетъ великолѣпно оборудованный манежъ, надъ воротами котораго висится бронзовая конская голова. А по другую сторону манежа открывается обширный плацъ, ограниченный съ сѣвера и востока зданіями конюшенъ. Изъ этихъ конюшенныхъ зданій, — главное, въ которомъ стоитъ сохранившійся заводскій жеребецъ, находится рядомъ съ манежемъ, а остальные пред-

*) Въ составъ нашей Сводной дивизіи входили еще Чугуевскій уланскій, Туземный конный полки и Казачій конно-артиллерійскій дивизионъ.

ставляютъ собою низкія кирпичныя постройки, которыя, каждая въ отдѣльности, занимаютъ площадь въ правильный квадратъ съ внутреннимъ дворомъ посерединѣ. Въ этихъ конюшняхъ расквартированы теперь полковые эскадроны.

Сюда я и былъ опредѣленъ на жительство по возвращеніи изъ Харькова. Прибыль я на заводъ уже въ новомъ обмундированіи. И хотя, правда, моя форменная безкозырка, — синій верхъ цвѣта опѣлой сливы, желтый околышъ и такой же кантъ, — хотя эта безкозырка и не имѣла еще настоящаго гусарскаго «пролома», хотя рейтузы, приобретенныя въ Харьковѣ, и оказались далеко не «краповыми», а какого-то неопредѣленнаго малиноваго цвѣта, но тѣмъ не менѣе на моихъ сапогахъ блестяли уже розетки, гимнастерка была туго затянута ремнемъ, и во всякомъ случаѣ теперь уже никто не могъ бы принять меня за школьнаго учителя. Къ тому же, въ эскадронѣ мнѣ выдали тяжелый англійскій палашъ, который подвѣшивался къ широкому кожаному поясу съ наплечными ремнями, холщевой патронташъ и англійскій карабинъ.

На первыхъ порахъ, служба съ непривычки оказалась и на самомъ дѣлѣ тяжелой. Третій эскадронъ, въ который я былъ зачисленъ, помѣщался въ одномъ изъ конюшенныхъ зданій, выходящихъ на плацъ передъ манежемъ. Внутренній дворъ этого зданія, представлявшій собою правильный квадратъ, съ одной стороны ограничивался глухою стѣною сосѣдняго зданія, у которой находилась коновязь, а съ трехъ другихъ сторонъ конюшенными постройками, изъ которыхъ двѣ были отведены подъ эскадронныхъ лошадей, а третья — подъ казарму для гусаръ. Въ казармѣ, на каменномъ полу, была въ два ряда постлана солома, на которой гусары располагались на ночлегъ или отдыхали днемъ въ свободное отъ занятій время. Свѣтъ поступалъ изъ небольшихъ квадратныхъ окошекъ, прорѣзанныхъ высоко въ толстой стѣнѣ; вечеромъ же въ казармѣ зажигался тусклый фонарь. Мнѣ отвели мѣсто въ крайнемъ углу, противоположномъ отъ входа, и сюда оставивъ большую часть своихъ личныхъ вещей въ околоткѣ у сестеръ, я захватилъ съ собою только самое необходимое. Кстати сказать, всѣ лишнія и непригодныя къ военной службѣ вещи я оставилъ въ Харьковѣ, воспользовавшись тѣмъ, что генераль Чеснаковъ предложилъ мнѣ присоединить мой чемоданъ къ тѣмъ его личнымъ вещамъ, которыя у него въ то время находились въ этомъ городѣ. И хотя я и не смогъ отказать себѣ въ роскоши постилать на ночь чистую простыню и покрываться мягкимъ пледомъ, но во всемъ остальномъ, я понятно, отучился на такомъ же положеніи, какъ и остальные гусары.

Часовъ въ шесть утра, когда еще чуть брезжили свѣтъ черезъ маленькія окна, съ плаца доносился заглушенный звукъ утренней зори, и вскорѣ затѣмъ въ казарму являлся эскадронный вахмистръ и принимался будить гусаръ. «Вставай... Собирайся на водопой!» слышался сквозь манящій сонъ докучливый приказъ. Гусары, пробудясь, наскоро натянувъ рейтузы и сапоги и накинувъ френчъ, отправлялись на конюшню разбирать лошадей. Внизудавъ каждый первую попавшуюся лошадь и сѣвъ на нее безъ сѣдла, — что съ непривычки оказалось для меня дѣломъ не легкимъ, такъ какъ иногда лошади попадались рослыя, — мы подъ командой дежурнаго по эскадрону отправлялись къ водоему, находившемуся въ полуверстѣ отъ конюшни. Туда ѣхали мы обычно шагомъ и въ полномъ порядкѣ, но зато на обратномъ пути гусары, напоивъ лошадей, устраивали скачку и съ гиканьемъ и криками перегоняли другъ друга. Это впрочемъ оказалось отличной тренировкой для меня, и я вскорѣ уже сталъ

чувствовать себя болѣе увѣреннымъ на неосѣдланномъ конѣ. Возвратясь на конюшню и привязавъ лошадей къ коновязи, мы отправлялись за скребищами и щетками и принимались за чистку коней. По уставу, въ нормальное время на чистку полагалось ежедневно два часа, мы же чистили въ продолженіе часа, но зато безъ минуты передышки и подъ бдительнымъ надзоромъ вахмистра, который, обходя лошадей и похлопывая ихъ рукой, неизмѣнно вызывалъ на густой шерсти ихъ остатки пыли, какъ бы хорошо онѣ не были вычищены. Наконецъ, отведя лошадей на конюшню и задавъ имъ корму, мы получали возможность умыться холодной водой во дворѣ и стать въ очередь за кипяткомъ къ чаю.

Утро обычно проходило въ учебныхъ занятіяхъ. Ученіе пѣшему строю происходило во внутреннемъ дворѣ, если это было взводное ученіе, и на плацу, передъ казармой, если оно было эскадроннымъ. Конному же строю мы, на первыхъ порахъ, обучались рѣдко, такъ какъ въ эскадронѣ еще не хватало лошадей: ихъ всего было около сорока на шесть или семь десятковъ гусаръ. Зато насъ довольно часто посылали повзводно въ манежъ. Хотя смѣнная ѣзда и не была для меня такою новостью, какъ передвиженія по три, отдѣленіямъ и взводамъ во время ученія пѣшему строю, однако это уже была не любительская ѣзда, и въ манежѣ приходилось являться въ полномъ вооруженіи, съ винтовкой за плечомъ и при палашѣ. Перекинувъ стремяна крестъ на крестъ на сѣдло, бросивъ поводья и широко разставивъ руки, учились мы здѣсь брать барьеры, держаться стоя на сѣдлѣ... Иногда же продѣлывали мы упражненія и съ длинными и тяжелыми казачьими пиками. Къ полудню занятія прерывались; трубачъ игралъ сборъ къ обѣду, и мы становились въ затылокъ для полученія изъ котла каши «шпатель» съ кускомъ варенаго мяса и чернаго хлѣба. Послѣ часового отдыха насъ опять собирали на занятія. Тогда выходили мы иногда за заводъ для изученія на практикѣ полевого устава, или же отправлялись въ конную развѣдку подъ командой молодого офицера. Вечеромъ же, послѣ ужина эскадроны выстраивались на плацу для переклички. Трубачъ игралъ вечернюю зорю, раздавалась команда дежурнаго офицера: «Смирно.. на молитву, — шапки долой!» И стройно, то затихая, то усиливаясь, звучалъ напѣвъ знакомой молитвы: «Отче нашъ.. Иже Еси на Небесѣхъ...» А затѣмъ душу захватывающе: «Спаси Боже, люди Твоя...» — «На-кройсь!» рѣзко раздавалась вслѣдъ затѣмъ команда, и эскадроны разводились по казармамъ. Но долго еще маршировалъ нашъ эскадронъ во внутреннемъ дворѣ, подъ наблюденіемъ вахмистра. Запѣвало затягивалъ какую-нибудь казачью пѣсню, а затѣмъ неизмѣнно раздавалась добровольческая пѣсня на мотивъ романа «Бѣлая акація», съ ея припѣвомъ: «Смѣло мы въ бой пойдемъ, за Русь святую, и какъ одинъ прольемъ кровь молодую...» Часовъ въ девять съ половиной тушили огонь...

Тому, на чью долю выпадало быть дежурнымъ по эскадрону, приходилось всю ночь дежурить на конюшнѣ. Въ полумракѣ, при свѣтѣ еле мерцающаго фонаря, приходилось провѣрять, всѣ ли лошади привязаны, водворять отъязавшихся на мѣсто, задавать конямъ сѣна, принося его большими охапками на конюшню. А по утру надо было собирать команду и ѣхать съ ней на водопой, по возвращеніи же наблюдать за чистотой конюшни, покуда другіе гусары чистятъ лошадей у коновязи.

Гусары третьяго эскадрона оказались по большей части всѣ юными малыми изъ хохловъ, мобилизованныхъ въ южныхъ губерніяхъ. Имѣлись среди нихъ и добро-

вольцы; всё они, какъ добровольцы, такъ и мобилизованные, несли службу добросовѣстно и съ охотой. Большевиковъ ненавидѣли всё, къ своимъ офицерамъ относились съ почтеніемъ; и я не разъ слышалъ похвальные рассказы о нихъ отъ тѣхъ старыхъ гусаръ, которые участвовали вмѣстѣ съ ними въ партизанскихъ отрядахъ. Суровая дисциплина, наведенная вахмистромъ, вызывала, правда, иногда нареканія со стороны гусаръ, но это было дѣломъ обычнымъ для всякой воинской части. Среди гусаръ было и нѣсколько дюжихъ ребятъ изъ казаковъ, которые почти всё занимали должности вѣстовыхъ при офицерахъ. Весь обычный шумъ, споры, выходки и шутки исходили обычно отъ нихъ, но зато среди нихъ были большіе мастера «играть» пѣсни. Изъ вольноопредѣляющихся я засталъ въ эскадронѣ всего двоихъ, такъ какъ вольноопредѣляющійся Гердеръ, *) котораго я встрѣтилъ въ Ростовѣ, находился въ отпуску. Одинъ изъ нихъ, по фамиліи Жуковъ, молодой парень съ угреватымъ и подвижнымъ лицомъ, поступившій въ полкъ изъ семинаріи, занималъ койку рядомъ со мной. Немного простоватый и неуклюжий, но добродушный, онъ всегда вызывалъ веселыя шутки со стороны гусаръ. Другой, — вольноопредѣляющійся Михайловъ, былъ совсемъ молоденькимъ мальчикомъ, попавшимъ въ эскадронъ прямо изъ родной семьи, несомнѣнно интеллигентной. Вахмистръ третьяго эскадрона подпрапорщикъ Дубянский, славился тѣмъ, что не особенно долбилъ вольноопредѣляющихся; и на самомъ дѣлѣ, онъ охотно назначалъ ихъ на разныя тяжелыя работы, а ему во всемъ, понятно, подражали и заводные. Перепадало кое-что и на мою долю. Однако, когда я впослѣдствіи, уже будучи офицеромъ, послѣ производства подпрапорщика Дубянского въ корнеты поближе познакомился съ нимъ, то убѣдился, что въ дѣйствительности онъ былъ не только отличнымъ служакой, знающимъ свое дѣло, но и милѣйшимъ человекомъ.

Эскадроннымъ вахмистромъ кончался нашъ солдатскій мірокъ. Несмотря на простое и доброжелательное отношеніе офицеровъ къ гусарамъ, недосыгаемо далеко отъ него, — изъ чувства дисциплины, — находилось общество офицеровъ, съ которымъ единственной связью для насъ было, понятно, только появленіе нашего непосредственнаго начальства во время занятій. Старшимъ эскадроннымъ офицеромъ былъ высокаго роста и хладнокровный ротмистръ Зеновичъ. Младшими офицерами были корнеты Гердеръ и Никитинъ, любимцы командира эскадрона, то-есть моего двоюроднаго брата Миши, который въ свою очередь былъ обожаемъ ими. Самъ же Миша въ обычное время рѣдко заходилъ въ эскадронъ, но зато всякій разъ появленіе его было настоящимъ событіемъ для насъ и при немъ гусары всячески старались подтянуться и выглядѣть молодцами. Я цѣнилъ его за его ровное отношеніе къ гусарамъ, — строгое, но вѣжливое и благожелательное ко всемъ безъ исключенія. Поэтому когда какъ-то разъ на урокъ «словесности» онъ по очереди дошелъ и до меня и задалъ мнѣ какой-то простой вопросъ, то я радъ былъ, вытянувшись въ струнку, отчетливо отвѣтить впопадъ.

Раза два въ недѣлю гусарамъ позволялось послѣ дневныхъ занятій отлучаться съ завода часа на два. Я пользовался этими короткими отпусками, чтобы изрѣдка навѣщать сестеръ. За чаемъ у нихъ иногда собирались кое-кто изъ старшихъ офицеровъ.

*) Псевдонимъ.

У нихъ я впервые встрѣтился съ пожилымъ полковникомъ Бѣлевцовымъ, старымъ гусаромъ, настоящимъ бариномъ, образованнымъ и въ высшей степени симпатичнымъ человѣкомъ, преданнымъ своему полку. Представленъ былъ я какъ-то разъ и командиру Лейбъ-эскадрона, ротмистру Пашкевичу. Воспитанный и деликатный, отличный командиръ и хорошій наѣздникъ, онъ считался однимъ изъ образцовыхъ офицеровъ полка. Съ другими эскадронными командирами, ротмистрами Гордѣевымъ и Олиференко, я встрѣчался рѣдко. Въ свободное время заглядывалъ я иногда и въ манежъ, когда тамъ по субботамъ происходила офицерская смѣнная ѣзда и рубка лозы. Однажды довелось мнѣ увидѣть полкъ въ его полномъ составѣ, — когда на Стрѣleckій заводъ прѣѣзжалъ Донской Атаманъ, генераль Богаетскій и произвелъ полку смотръ. Подготовка къ смотру, ожиданіе на плацу въ рядахъ эскадрона, построения въ пѣшемъ строю въ двѣ шеренги, появленіе Атамана въ сопровожденіи начальника дивизіи, команды и дефилированіе эскадроновъ подъ звуки Егерскаго марша, — все это произвело на меня сильное впечатлѣніе. Въ первый разъ въ жизни почувствовалъ я тогда тотъ подъемъ, который невольно испытываешь, принимая участіе въ дѣйствіяхъ стройной и дисциплинированной части.

Черезъ нѣкоторое время послѣ этого смотра, стали ходить слухи, что наша дивизія въ скоромъ времени отправится на фронтъ. Я постарался провѣрить эти слухи у сестеръ, но оказалось, что еще никто ничего опредѣленнаго не знаетъ. Видимо на фронтѣ происходили какія-то важныя событія. Насколько можно было судить по газетамъ, со значительнымъ запозданіемъ поступающимъ на заводъ, подъ Воронежемъ велись упорные бои между донцами и сильными массами противника, и самому городу, по видимому, угрожала опасность. А такъ какъ наша сводная дивизія была причислена къ Донской арміи, то насъ могли послать какъ разъ на этотъ участокъ фронта. Впрочемъ мысль о предстоящемъ походѣ въ конномъ строю мнѣ нисколько не была непріятна. Недавнее маленькое происшествіе значительно воодушевило меня. Когда какъ-то разъ, будучи дежурнымъ по эскадрону, я поутру повелъ команду на водопой, то по пути повстрѣчался намъ генераль Чеснаковъ, шедшій въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ. При видѣ его я подтянулъ каблучки, принялъ посадку и командовалъ, какъ полагается. «Молодецъ, Мечовъ,» крикнулъ мнѣ генераль: «вы теперь — настоящій гусаръ!» Я былъ на седьмомъ небѣ и готовъ былъ продолжать въ томъ же духѣ...

Сыпной тифъ.

Прошло больше мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ я поступилъ въ полкъ. Наступалъ ноябрь въ теченіе котораго не только мнѣ лично суждено было пройти черезъ испытанія, но и совершенно неожиданно для насъ всѣхъ должны были съ головокружительной быстротой разыгратъ роковыя событія, поставившія на карту судьбу всей арміи. Началось для меня это темное время съ ряда личныхъ неудачъ; затѣмъ я былъ брошенъ въ общій круговоротъ событий и очнулся отъ своихъ собственныхъ переживаній только тогда, когда всеобщая катастрофа, происшедшая на фронтѣ, стала для всѣхъ уже несомнѣнной очевидностью. Что-то мрачное и удушливое было во всемъ этомъ; что-то непонятное и роковое было въ томъ, что такъ внезапно и безповоротно

разрушилась наша увѣренность въ дальнѣйшихъ побѣдахъ, разлетѣлись мечты о скоромъ освобожденіи Россіи.

Въ концѣ октября я однажды былъ посланъ съ командой гусаръ на станцію Евстратовку для доставки въ полкъ закупленныхъ тамъ лошадей. Къ этому дѣлу я былъ совершенно не подготовленъ, да къ тому же, на мою бѣду, столько же неопытными, какъ и я, оказались и посланные со мною молодые гусары. На пріемку лошадей отъ цыганъ-барышниковъ пріѣзжалъ въ Евстратовку полковникъ Бѣлевцовъ, а послѣ его отъѣзда и начались наши мытарства. Не безъ труда заручась вагонами для перевозки тридцати купленныхъ коней, я съ гусарами доставилъ ихъ на станцію. Здѣсь мы съ грѣхомъ пополамъ погрузили ихъ въ вагоны, но вскорѣ оказалось, что половина моей команды разболѣлась, и поэтому мы не оказались въ состояніи какъ слѣдуетъ напоить по пути всѣхъ лошадей изъ тѣхъ нѣсколькихъ брезентовыхъ ведерокъ, которые мы получили на заводѣ. Бхоть же намъ предстояло цѣлыя сутки. По прибытіи на станцію назначенія мы при выгрузкѣ коней чуть было не покалѣчили ихъ, и тутъ только удалось намъ напоить ихъ у водоема. На станціи я досталъ подводу для больныхъ гусаръ, привязалъ къ ней часть лошадей, а остальныхъ, связанныхъ по пяти, мы верхами повели въ поводу. Настала ночь; лилъ проливной дождь и дулъ холодный осенній вѣтеръ. Только что мы выѣхали за станицу въ степь, какъ лошади однѣ за другими стали отвязываться отъ подводы и пропадать въ темнотѣ. На высокой и тряской вороной кобылѣ, безъ сѣдла, отыскивая лошадей въ ночной мглѣ, привязывая ихъ къ подводѣ, надрывая голосъ въ поискахъ гусаръ, исчезавшихъ куда-то съ другими конями, я за эту проклятую ночь, почти все время на рысяхъ, проѣхалъ должно быть не менѣе сорока верстъ. Нечего и говорить, что на заводѣ лошади прибыли въ отчаянномъ состояніи, — грязныя, голодныя и уставшія; на слѣдующее утро, полковникъ Бѣлевцовъ, придя въ манежъ, куда мы поставили ихъ, не смогъ повѣрить, чтобы это были тѣ самыя лошади, которыхъ онъ принялъ въ Евстратовкѣ! Но и сами гусары оказались не въ лучшемъ состояніи, чѣмъ кони. Хотя на заводѣ мы уже и привыкли къ паразитамъ, — какимъ-то особенно крупнымъ, которыхъ гусары называли «кавалерійскими», — но въ вагонѣ мы вдобавокъ набрались и мельчайшихъ, едва замѣтныхъ на глазъ насѣкомыхъ. Отъ нихъ нѣсколько гусаръ, въ томъ числѣ и я, заразились сыпнымъ тифомъ.

Черезъ недѣлю послѣ доставки лошадей, полкъ долженъ былъ перейти въ деревню находившуюся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ завода, оттуда черезъ нѣсколько дней отправиться въ походномъ порядкѣ на фронтъ. Въ день ухода полка съ завода, я уже чувствовалъ себя больнымъ, хотя и не подозревалъ еще, что у меня начинается сыпнякъ. На дворѣ было холодно, за ночь выпалъ снѣгъ, и я одѣлся потеплѣй, накинувъ овчинный полушубокъ. Уже отправляясь съ эскадрономъ на сборъ полка, я въ своихъ дослѣхахъ едва вообразился на коня; но несмотря на слабость и ломоту во всемъ тѣлѣ, я все же надѣялся какъ-нибудь доѣхать верхомъ до стоянки. Тутъ, однако, произошло слѣдующее. Когда къ полку, выстроенному на плацу въ развернутомъ фронтѣ, подѣхалъ командиръ полка, то раздалась обычная команда: «Сабли вонъ... Пики въ руку... Слушай!... Господа офицеры!...» По этой командѣ, тотъ строевой гусаръ, у котораго имѣлась пика, долженъ былъ снять ее съ плеча и взять въ руку, а тотъ, у котораго ея почему-либо не имѣлось, — обнажить палашъ. Хотя я

эту команду и зналъ, но позабывъ ли въ эту минуту, подъ вліяніемъ жара, что у меня имѣется пика, или же будучи смущенъ примѣромъ сосѣда, вольноопредѣляющагося Жукова, который, находясь при пикѣ, по оплошности обнажилъ свой палаши, я безсознательно протянулъ было руку къ палашу, выпустилъ пикку, и она своимъ верхнимъ концомъ тяжело ударила въ землю передъ конемъ. Поднять ее ногой, на которой она оставалась прикрѣпленной, не оказалось возможнымъ, и тогда, чтобы не нарушать фронта, я осадилъ коня и слѣзъ. Поднявъ пикку, я долго не въ состояніи былъ влѣзть на коня, а когда, наконецъ, слѣзъ въ сѣдло, то уже прозвучалъ грозный голосъ старшаго эскадроннаго офицера: «Вольноопредѣляющимся Мечову и Жукову стать на два часа подъ шашку по прибытіи на стоянку!...»

За заводомъ, полкъ, выйдя на узкую проселочную дорогу, построился въ длинную колонну рядами. Теперь я уже окончательно больше ничего не соображалъ и видѣлъ только, какъ впереди на фонѣ сѣраго неба, описывая причудливые зигзаги и полукруги, поблескивала обнаженная сабля ротмистра Воинова передававшего по колоннѣ приказанія командира полка.

На новой стоянкѣ полкъ расквартировался по крестьянскимъ домамъ. Въ тотъ же день мнѣ пришлось вилами вычистить хлѣвъ, отведенный подъ лошадей, а затѣмъ мы съ Жуковымъ, вытянувшись въ струнку, стали съ тяжелыми палашами на-голо передъ квартирой эскадроннаго командира. Впрочемъ черезъ часъ насъ освободили. Но вечеромъ у меня сказались всѣ признаки тифа; два дня я пролежалъ въ бреду затѣмъ былъ эвакуированъ на станцію Чертково, гдѣ находился дивизионный лазаретъ.

За эти дни наступила настоящая зима. Сильно морозило, когда, лежа на подостланномъ снѣгѣ, я выѣхалъ на деревенскихъ розвальняхъ въ бѣлоснѣжную даль. По дорогѣ мы заѣхали къ сестрамъ за вещами, еще остававшимися у нихъ, а затѣмъ сани, постукивая по накатанной дорогѣ, помчались дальше. Когда, проѣхавъ верстъ тридцать, мы очутились неподалеку отъ станціи, то стало уже вечерѣть, поднялась снѣжная вьюга, и мой возница раза два сбился съ пути, вслѣдствіе чего намъ пришлось долго блуждать по степи, разыскивая дорогу. Но, наконецъ, заблестали огни станицы; и, проѣхавъ длинной улицей, мы остановились у небольшого одноэтажнаго дома. Съ помощью вышедшихъ санитаровъ, я, въ томъ же полусознательномъ состояніи и чувству ломоту во всемъ тѣлѣ, вошелъ въ пріемную лазарета. Въ палатѣ оказалось тѣсно и душно. Для больныхъ не хватало ни мѣста, ни коекъ, и многимъ постлали матрасы на полу. Отвели и мнѣ такой же матрасъ, послѣ чего напоили меня горячимъ чаемъ изъ жестяной кружки. Тѣмъ не менѣе въ комнатѣ было свѣтло, и въ ней, несмотря на тѣсноту, царилъ порядокъ. И какъ бы ни были относительны условія комфорта, я въ этотъ вечеръ, отдаваясь на волю судьбы, испытывалъ неизъяснимое чувство блаженства отъ сознанія того, что очутился, наконецъ, въ теплѣ и попалъ въ надежныя, заботливыя руки, тогда какъ тамъ, на дворѣ, за обледенѣвшими окнами избы, свирѣпствовала зимняя вьюга.

За тѣ два дня, которые я провелъ въ лазаретѣ, я убѣдился въ томъ, насколько медицинскій персоналъ и сестры дѣлали все, что было въ ихъ силахъ, чтобы, несмотря на грудныя условія, оказать помощь больнымъ. Однако, съ прибытіемъ новыхъ больныхъ, лазаретъ оказался настолько перегруженнымъ, что вскорѣ его перевели въ другое помѣщеніе. Въ станицѣ оказался просторный двухэтажный каменный домъ, и

когда насъ въ нѣсколько очередей перевели туда, то я очутился въ большой и высокой палатѣ, гдѣ мнѣ отвели складную походную койку и гдѣ меня, какъ и остальныхъ больныхъ, окружили всяческими заботами. Несмотря на сильный жаръ и полубредовое состояніе, я все же отдавалъ себѣ нѣкоторый отчетъ въ томъ, что происходило вокругъ. Какъ сквозь сонъ, увидѣлъ я однажды и генерала Чеснакова, посѣтившаго лазаретъ. Помню, какъ что-то пробормоталъ на его привѣтствіе, но приподняться на койкѣ не смогъ.

На двѣнадцатый день у меня благополучно прошелъ кризисъ. И хотя на первыхъ порахъ я чувствовалъ себя настолько слабымъ, что безъ помощи дежурной сестры не могъ даже хотя бы и немного приподняться на подушкѣ, но организмъ сталъ мало по малу преодолевать болѣзнь, а главное морально сталъ я чувствовать себя гораздо лучше. Рано утромъ, послѣ сна, когда большія и высокія окна палаты начинали озаряться слабымъ свѣтомъ, когда изъ сосѣдней комнаты доносились заглушенные голоса санитаровъ, я въ ожиданіи утренняго чая и умыванья съ тихой радостью встрѣчалъ новый день. Однажды мнѣ передали офиціальныи пакетъ за печатью штаба дивизіи. Въ бумагѣ, за подписью генерала Чеснакова, сообщалось мнѣ, что я награжденъ званіемъ ефрейтора и назначенъ ординарцемъ начальника дивизіи. Одна бѣлая нашивка поперекъ желтаго погона, привела меня въ восторгъ. Почти одновременно пришло извѣстіе и о томъ, что вся дивизія уже отправилась въ походъ на сѣверъ. Дивизионный лазаретъ долженъ былъ послѣдовать въ томъ же направленіи за дѣйствующими частями; больныхъ же должны были эвакуировать въ Ростовъ. Однако мнѣ, какъ выздоравливающему, предоставили выборъ между отправкой въ Ростовъ и оставленіемъ при лазаретѣ. Въ дивизионномъ лазаретѣ я былъ окруженъ такой заботой, я настолько свыкся съ медицинскимъ персоналомъ, выходившимъ меня, что попасть въ другой лазаретъ мнѣ вовсе не улыбалось; къ тому же я предчувствовалъ, что если отбиться отъ своей части, то впослѣдствіи трудно будетъ ее отыскать въ походѣ на фронтѣ, а такъ какъ я только еще недавно поступилъ въ полкъ и еще ни разу не бывалъ на фронтѣ, то какъ-то совѣстно было отказаться отъ перваго же похода. Поэтому, не долго думая, я рѣшилъ послѣдовать съ лазаретомъ на сѣверъ. Такимъ образомъ, я наканунѣ отъѣзда очутился со своей койкой и двумя-тремя выздоравливающими въ вагонѣ-теплушкѣ санитарнаго поѣзда.

Поѣздъ нашъ, составленный изъ одного класснаго вагона и цѣлаго ряда теплушекъ, шелъ медленно, останавливаясь иногда по цѣлымъ суткамъ на какой-нибудь станціи; но намъ, больнымъ, спѣшить вѣдь было некуда. Такъ прошло около недѣли. Мы уже давно миновали станцію Звѣрево и все еще продолжали медленно продвигаться на сѣверъ. Теперь фронтъ былъ уже близокъ, и вскорѣ присутствіе его дало о себѣ знать. Стали ходить слухи, что наша дивизія остановилась гдѣ-то неподалеку и на дняхъ должна пойти въ бой. Въ лазаретъ стали прибывать больные изъ полковъ, и наша теплушка, какъ и другія, вскорѣ наполнилась. Рядомъ со мною положили пожилого казака, больного тяжелой формой возвратнаго тифа; онъ находился въ постоянномъ бреду, и черезъ нѣсколько дней, тутъ же рядомъ со мной, скончался. Въ сосѣднемъ углу лежалъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати, воспитанникъ кадетскаго корпуса, пошедшій добровольцемъ на войну; у него, если не ошибаюсь, были и сыпнякъ, и дезинтерія, и воспаленіе легкихъ, и силы его съ каждымъ днемъ таяли. Какъ онъ,

такъ и другіе больные, молчаливо и съ терпѣніемъ переносили свои страданія. Въ теплушкѣ, желѣзную печку санитары растапливали почти до-красна; было невыносимо душно и стоялъ смрадъ отъ больныхъ и отъ нашей «парашки». Но все же лучше было терпѣть и жару, и смрадъ, чѣмъ подолгу раскрывать дверцу вагона, изъ которой морозный воздухъ, врываясь къ намъ съ вѣтромъ въ вагонъ, обдавалъ насъ своимъ леденящимъ дыханіемъ. Зато какъ часто обращались наши взоры на ту же дверцу вагона въ ожиданіи того, что въ ней покажется дежурная сестра! Какъ только она появлялась, такъ со всѣхъ сторонъ тотчасъ же раздавались просьбы, мольбы, стоны, и сестра, обходя тяжело больныхъ, дѣловито и тихо дѣлала все, что была въ состояніи сдѣлать для нихъ. Какъ цѣнились тогда и ласковое слово, и успокоительный жестъ, и простая кружка горячаго чая, выданная ей рукой!

На какой-то глухой станціи, запруженной порожними поѣздными составами, простояли мы нѣсколько дней. Не имѣя карты, и не будучи анакомымъ съ этими мѣстами, я смутно отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, гдѣ мы находимся. Уже нѣсколько дней мы не имѣли никакихъ извѣстій о нашей дивизіи. Съ фронта не доносилось ни звука. Но въ одинъ изъ этихъ сѣренскихъ и однообразныхъ дней внезапно докатились до насъ первыя тревожныя извѣстія. Оказалось, что наша дивизія наканунѣ ходила въ бой, но, окруженная красными, вынуждена была отступить. Затѣмъ, какъ ползучій туманъ, прокрался до насъ слухъ, что красные разбѣды находятся уже неподалеку отъ нашей станціи. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ перваго извѣстія къ намъ прибѣжалъ вольноопредѣляющійся и взволнованно сообщилъ мнѣ на ухо, что на станціи происходитъ паника. Получено извѣстіе, что мы окружены красными, зашедшими намъ въ тылъ, и что путь на югъ отрѣзанъ; отъ начальства будто-бы приказъ — спастись всѣмъ, кто можетъ. Хотя я и не особенно повѣрилъ этимъ сообщеніямъ, но они все же сильно встревожили меня. Когда же вольноопредѣляющійся добавилъ, что на станцію только что прибылъ нашъ дивизионный адъютантъ, то, желая лично провѣрить всѣ эти слухи, я поспѣшно одѣлся и, несмотря на большую слабость, съ помощью вольноопредѣляющагося спустился изъ вагона на перронъ. Въ концѣ платформы я дѣйствительно засталъ среди небольшой группы офицеровъ адъютанта начальника дивизіи. Тутъ же поодаль стояли осѣдланная лошадь, а также нѣсколько подводъ, вокругъ которыхъ хлопотали наши доктора и сестры. Всѣ были растеряны и взволнованы, и отъ медицинскаго персонала я не добился никакихъ объясненій. Тогда, представаясь дивизионному адъютанту какъ ординарецъ начальника дивизіи, я спросилъ его, дѣйствительно ли мы окружены.

— «Ничего пока не извѣстно, но все можетъ быть,» отвѣчалъ онъ.

— «Въ такомъ случаѣ, господинъ ротмистръ,» сказалъ я: «прикажете дать мнѣ лошадь, и я послѣдую за вами.»

— «Если вы въ состояніи ѣхать на неосѣдланной лошади, то пожалуйста,» былъ отвѣтъ.

Но на такой шагъ я могъ рѣшиться только въ крайности, и такъ какъ сѣдла мнѣ неоткуда было достать, то я сталъ дожидаться дальнѣйшихъ событій. Къ счастью, тревога вскорѣ улеглась. Къ вечеру на станцію сообщили, что по направленію на югъ желѣзно-дорожный путь еще свободенъ, и вслѣдъ за тѣмъ нашъ поѣздъ медленно тронулся въ обратный путь. На слѣдующій день мы вновь очутились въ безопасности.

Однако слухи о нашихъ неудачахъ на фронтѣ подтверждались. Наша дивизія дѣйствительно ходила въ бой противъ наступающаго противника и попала въ критическое положеніе, изъ котораго вышла благодаря только исключительной доблести нашихъ пулеметчиковъ. Хотя эта неудача и могла оказаться чисто мѣстной и временной, но многое говорило за то, что на донскомъ фронтѣ происходило что-то неладное. Красные повели, повидимому, рѣшительное наступленіе противъ Донской арміи, и донцы не оказывались въ состояніи задержать ихъ натиска. Судя по количеству раненыхъ и больныхъ казаковъ, заполнявшихъ станціи, черезъ которыя мы проѣзжали, а главное по тому деморализованному состоянію, въ которомъ они находились, можно было бы заключить, что на фронтѣ произошла настоящая катастрофа. Но смутно предчувствуя ее, мы еще не отдавали себѣ отчета въ ея настоящихъ размѣрахъ. Впрочемъ, уже то, что мы видѣли вокругъ, представляло собою жуткую картину. На одной изъ станцій къ нашему поѣзду прицепили семь вагоновъ съ больными. Нашему медицинскому персоналу, не имѣвшему возможности справиться даже и со своими собственными больными, представилась неразрѣшимая задача. Не хватало ни рукъ, ни продовольствія, ни матерьяла, чтобы оказать новымъ больнымъ хотя бы самую элементарную помощь, а на станціяхъ не только съѣстныхъ припасовъ, но даже часто и воды не имѣлось. И въ теченіе десяти сутокъ эти несчастные на нашихъ глазахъ переживали въ холодныхъ, неоплавленныхъ вагонахъ самую отчаянную пытку. Вокругъ нашего поѣзда, на станціонныхъ перронахъ и на желѣзно-дорожныхъ путяхъ нагромождались то здѣсь, то тамъ, человѣческіе трупы. Санитары не успѣвали убирать ихъ, а изъ отворяющихся дверей злополучныхъ вагоновъ выбрасывались все новые мертвецы. Однажды, проходя мимо одного изъ этихъ вагоновъ, я засталъ въ раскрытыхъ дверяхъ его группу истощенныхъ бородачей, которые расталкивали одного изъ своихъ, лежавшаго на полу. «Померъ, ты, что-ли, или нѣтъ?» проговорилъ одинъ изъ нихъ, собираясь уже вытолкнуть лежащаго изъ вагона. Въ отвѣтъ послышался слабый стонъ, и дверь захлопнулась...

Вскорѣ предчувствія наши оправдались. Фронтъ Донской арміи былъ прорванъ красной кавалеріей Буденнаго; подъ напоромъ противника, наши части вынуждены были отступить на югъ. При переправѣ черезъ Донецъ, сильныя потери понесла и наша дивизія.

Поѣздъ нашъ, вслѣдствіе загроможденія путей, съ крайнимъ трудомъ продвигался, направляясь къ Ростову. Я еще чувствовалъ большую слабость послѣ тифа; въ глазахъ то и дѣло мелькали черныя мурашки; на шеѣ образовался гнойный фурункулъ величиною съ апельсинъ; однако, какъ официально выздоровѣвшаго, сестры перевели меня на санитарскій паекъ, и я такъ или иначе постепенно набирался силъ. На одной изъ станцій, уже недалеко отъ Ростова, я случайно узналъ, что на одномъ изъ запасныхъ путей стоитъ санитарный поѣздъ имени ген. Алексѣева и что въ немъ находятся раненые офицеры-маріупольцы. Не безъ труда отыскавъ этотъ поѣздъ и найдя въ немъ раненаго полковника Степана Воинова, я получилъ разрѣшеніе присоединиться къ нему. Такимъ образомъ, до Ростова я уже доѣхалъ въ прекрасномъ пудмановскомъ вагонѣ съ подвѣсными койками для тяжело раненыхъ. По пути, въ хирургическомъ отдѣленіи поѣзда, мнѣ оперировали фурункулъ; по прибытіи же

въ Ростовѣ, я, по настоянію Степана, былъ переведенъ въ лазаретъ Бѣлаго Креста, гдѣ послѣ бани и тщательной дезинфекціи очутился въ той офицерской палатѣ нашего полка, въ которой еще такъ недавно впервые встрѣтилъ моего двоюроднаго брата.

IV. Катастрофа.

Наступленіе красныхъ.

Въ уютной и чистой палатѣ лазарета Бѣлаго Креста находились раненые полковникъ Войновъ, полковой адъютантъ ротм. Л-въ, поручикъ К-чъ, корнетъ Ильинскій контуженный при переправѣ черезъ Донецъ и вольноопредѣляющійся Михайловъ, получившій сабельный ударъ по головѣ. Общее настроеніе въ палатѣ было подавленное: никто еще какъ слѣдуетъ не опомнился послѣ только что пережитыхъ событий. На фронтѣ, — если только еще существовала настоящая линія фронта, — события и на самомъ дѣлѣ принимали характеръ настоящей катастрофы.

Уже съ начала ноября красные, собравъ значительныя силы, повели наступленіе въ двухъ главныхъ направленіяхъ: по Московско-Курской желѣзной дорогѣ, — на югъ, и въ стыкъ Добровольческой и Донской армій, — на Воронежъ. Въ этомъ послѣднемъ направленіи наступалъ сильный кавалерійскій корпусъ Буденнаго, и отъ положенія на этомъ участкѣ фронта зависла, повидимому, вся дальнѣйшая судьба кампаніи. Ко времени выступленія нашей дивизіи въ походъ, мы уже потеряли Курскъ, а Буденный только что занялъ Воронежъ. На воронежскомъ направленіи былъ сосредоточенъ донской казачій корпусъ ген. Мамонтова, пополненный другими, не донскими частями, между прочимъ и нашей сводной дивизіей, вызванной на фронтъ въ сѣвномъ порядкѣ. Во второй половинѣ ноября наша дивизія, послѣ блестяще выполненнаго тяжелаго девятидневнаго похода въ пургу и гололедицу, прибыла въ районъ Уразово-Валуйки и была немедленно введена въ бой. Атакованная врасплохъ двумя полками красной конницы, бросившейся въ прорывъ, образованный уходомъ неправильно исполнившей приказъ донской казачей дивизіи, наша дивизія попала въ крайне тяжелое положеніе, изъ котораго вышла, благодаря только блестящимъ дѣйствіямъ Мариупольскаго пулеметнаго эскадрона и контръ-атакѣ Чугуевского уланскаго полка. Вслѣдъ затѣмъ, совершая почти ежедневные переходы, дивизія въ теченіе десяти дней несла сторожевую и развѣдочную службу въ районѣ дер. Таволжанки и затѣмъ Сватово-Миловатки. Однако, буденовская конница продолжала развивать энергичное наступленіе на Купянскъ, и донцы, сильно утомленные непрерывными боями и къ тому же деморализованные неожиданной смѣной генерала Мамонтова генераломъ Улагаетъ, не оказывались въ состояніи оказать должнаго сопротивленія и, не исполняя приказовъ, въ безпорядкѣ отступали на югъ подъ напоромъ противника. При отсутствіи артиллеріи и должной поддержки, наша сводная дивизія вынуждена была покинуть Миловатку и была вовлечена во всеобщее отступленіе къ рѣкѣ Донецъ. Къ 8-ому декабря положеніе оказалось настолько катастрофическимъ, что при переправѣ черезъ Донецъ у ст. Рубежная чуть не погибла вся наша конная группа. При переправѣ, неподалеку отъ цементнаго завода, хвостъ нашей колонны былъ

атаковать красными. Чугуевцы бросились было въ контръ-атаку, но были встрѣчены пулеметнымъ огнемъ. Справа и слѣва неслись на нихъ буденовцы на откормленныхъ и быстрыхъ коняхъ. Эскадроны дрогнули, повернули налѣво-кругомъ и бросились къ переправамъ. Генераль Чеснаковъ вмѣстѣ съ командиромъ чугуевцевъ, полковникомъ Баяковскимъ спѣшилъ, пытаясь личнымъ примѣромъ остановить эскадроны, но въ одно мгновеніе былъ окруженъ налетѣвшими красноармейцами. Полковникъ Баяковский былъ тотчасъ же зарубленъ, а генераль Чеснаковъ спасся благодаря только присутствію духа сестры Воиновой, находившейся верхомъ при полку. Замѣтивъ, что ординарцы растерялись и медлятъ подать коня начальнику дивизіи, сестра Воинова, верхомъ на своей бѣлоснѣжной лошади, подала коня генералу, и они вмѣстѣ умчались вскачь по желѣзно-дорожнымъ шпаламъ. Во всеобщей суматохѣ, дивизія при переправѣ черезъ Донецъ по льдинамъ и подъ сильнымъ обстрѣломъ понесла тяжелыя потери убитыми и ранеными и потеряла значительную часть своего конского состава... Несмотря на это, противнику за этотъ день все же не удалось занять переправы.

Корнетъ Ильинскій, лежавшій рядомъ со мною въ палатѣ, лишился при этой переправѣ лошади, убитой осколкомъ гранаты, и, контуженный, долго пролежалъ на берегу. Отнулся онъ только тогда, когда красные уже подошли къ Донцу. Скрываясь подъ откосомъ, онъ прошелъ берегомъ нѣсколько верстъ и затѣмъ переправившись черезъ Донецъ, добрался до деревни, занятой нашими частями. Офицеры, находившіеся въ палатѣ, несмотря на общее тяжелое настроеніе, подтрунивали надъ нимъ и спрашивали его въ шутку, не потерялъ ли онъ голоса при переправѣ черезъ Донецъ. И онъ, хорошій пѣвецъ, дорожившій своимъ голосомъ, пресерьезно ощущивалъ свою шею и протягивалъ высокую нотку, хрипло замиравшую въ тишинѣ палаты.

Неуспѣхъ на Воронежскомъ направленіи, казалось бы только частичный, на самомъ дѣлѣ оказался роковымъ для всего фронта. Копница Буденнаго, непрерывно наступая отъ Воронежа, врѣзалась глубокимъ клиномъ въ наше расположеніе и угрожала окончательнымъ прорывомъ фронта. Прямымъ послѣдствіемъ отступленія Донской арміи явилось отступленіе на ея лѣвомъ флангѣ и добровольческихъ корпусовъ. Харьковъ уже давно былъ оставленъ нами; Кіеву угрожала опасность; Екатеринославъ вновь былъ занятъ Махно; въ тылу стали вспыхивать возстанія; начинало казаться, что армія въ своемъ отступленіи не остановится уже до самого моря.

Правда мы могли еще надѣяться на то, что недавно назначенный командующимъ Добровольческой арміей, ген. Врангель, организуетъ фронтъ, и что ему удастся поднять духъ арміи. Но одно было несомнѣннымъ: это то, что красное командованіе сумѣло искусно воспользоваться общимъ положеніемъ на фронтѣ и выполняло наступленіе по всѣмъ правиламъ военной техники. Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что наступленіе было организовано съ помощью бывшихъ офицеровъ русскаго генеральнаго штаба, оставшихся въ совѣтской Россіи, и что старые кадровые офицеры, входили и въ командный составъ красныхъ боевыхъ частей. Это обстоятельство съ особой горечью сознавали раненые офицеры, съ которыми я находился въ палатѣ. Немало горечи накопилось среди офицерства Добровольческой арміи и по отношенію къ донцамъ и кубанцамъ, не проявившимъ той нравственной стойкости, которая ожидалась отъ нихъ и которая въ былыя времена была такъ свойственна имъ. Особенно деморализованными оказались кубанскія части: онѣ въ этотъ критическій моментъ,

когда, судьба всей кампании была поставлена на карту самовольно бросали фронтъ и возвращались къ себѣ, «на рѣдну Кубань», нагруженными добычей и всякимъ добромъ... Разлагающая политика Кубанской Рады, зараженной микробомъ большевизма, сказывалась и на ея бойцахъ. Какое темное время переживали мы!

Черезъ нѣкоторое время по нашему прибытію въ Ростовъ, полковникъ Воиновъ сообщилъ намъ, что вслѣдствіе сильныхъ потерь наша дивизія отводится для формирования въ районъ Новочеркасска, но что на фронтѣ остался 3-й эскадронъ Мариупольскаго полка, заслужившій тамъ прочную репутацію отличной боевой части и послѣ ухода нашихъ войскъ за Донъ прикомандированный къ штабу корпуса для несенія службы связи. Вскорѣ прибылъ въ Ростовъ и генералъ Чеснаковъ, зайдя въ лазаретъ, вручилъ солдатскій георгиевскій крестъ вольноопредѣляющемуся Михайлову, бѣжавшему послѣ раненія изъ плѣна. Узнали мы также, что за геройскій поступокъ подъ Рубежной и оказаніе помощи начальнику дивизіи представлена къ кресту и сестра Воинова.

Тѣмъ временемъ событія разворачивались съ потрясающей быстротой. Въ срединѣ декабря Вооруженныя силы Юга Россіи, уже наполовину растаявшія, раздѣлились на двѣ части; одна изъ нихъ, на западѣ, отступала къ Одессѣ и въ Крымъ, а другая, по распоряженію главнаго командованія, отводилась за Донъ и за рѣку Саль. Фронтъ все болѣе приближался къ Ростову, который уже начали спѣшно эвакуировать. Часть больныхъ изъ нашего лазарета отправили въ Новороссійскъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Крымъ. Госпиталь опустѣлъ. Въ городѣ чувствовалось нервное, тревожное настроеніе. Такъ какъ по послѣднимъ свѣдѣніямъ наша дивизія должна была быть переведена на Кубань для борьбы съ отрядами «зеленыхъ», наводнившихъ край и угрожавшихъ безопасности тыла, то Степанъ рѣшилъ было дожидаться прохода ее черезъ Ростовъ и уже тогда присоединиться къ ней. Но въ концѣ декабря стало извѣстно, что красные прорвали нашъ фронтъ подъ самымъ Ростовомъ, и что городъ будетъ неминуемо занятъ ими черезъ день или два.

Тогда, какъ разъ наканунѣ занятія Ростова, мы со Степаномъ и другими офицерами выѣхали на подводахъ по опустѣвшимъ улицамъ, держа направленіе на югъ. Магазины были наглухо закрыты, на мостовой, среди вороха бумагъ и разнаго сора, валялись конскіе трупы; откуда-то доносились одиночные выстрѣлы, рѣзко щелкавшіе въ наступившей тишинѣ. Городъ уже былъ оставленъ войсками, и населеніе, прячась по домамъ, должно было готовиться къ новой участи, ожидавшей его съ прибытіемъ совѣтскихъ отрядовъ и агентовъ «Чека»... Переправясь за городомъ по мосту черезъ Донъ, мы выѣхали на шоссеиную дорогу, загроможденную нескончаемыми обозами. Многія подводы шли на рысяхъ, обгоняя одна другую; возницы обмѣнивались ругательствами; слышался дѣтскій плачъ и конское ржаніе. На продолженіи нѣсколькихъ верстъ царила неописуемая суматоха: всѣ спѣшили возможно скорѣе отъѣхать подальше отъ города, въ который теперь уже, можетъ быть, вступали непріятельскіе разѣзды. Въ сторонкѣ, у поломанной подводы, напряженной еле дышащими лошадьми, расположилась на котомкахъ и сундукахъ многочисленная обывательская семья. Эти несчастныя люди съ тоской глядѣли на проѣзжающихъ, съ опаской озираясь на очертанія опустѣвшаго города. Для насъ же, съ занятіемъ Ростова, главной базы всей нашей арміи, было ясно одно: арміи предстояла новая фаза борьбы, мо-

жеть быть партизанской и во всякомъ случаѣ чисто оборонительной, на той самой Кубани, съ которой она когда-то побѣдоносно вышла для наступленія на сѣверъ. Доѣхавъ до Батайска, мы нашли на станціи побѣдной составъ, въ которомъ были погружены хозяйственные части нашей дивизіи, и, присоединяясь къ своимъ, почувствовали большое облегченіе.

На Кубани.

Послѣ кратковременной стоянки въ районѣ станицы Степная, дивизія была переведена на югъ, въ станицу Крымскую, расположенную приблизительно на полпути между Екатеринодаромъ и Новороссійскомъ. Здѣсь мы очутились хотя и въ глубокомъ тылу, но зато въ самомъ центрѣ мѣстности, наводненной отрядами «зеленыхъ». Эти таинственные отряды, существованіе которыхъ казалось мнѣ на первыхъ порахъ какимъ-то мифомъ, составляли и на самомъ дѣлѣ постоянную угрозу спокойствію тыла на Кубани. Имѣя вѣрное убѣжище въ горахъ и постоянно переходя съ мѣста на мѣсто, они оставались неуловимыми, но присутствіе ихъ сказывалось повсюду. Первоначальное ядро мѣстныхъ «зеленыхъ» образовалось изъ бѣглыхъ красноармейцевъ, оставшихся на Кубани послѣ разгрома совѣтскихъ армій за время второго Кубанскаго похода. Затѣмъ, отряды составленные ими въ горахъ, пополнились всякимъ преступнымъ элементомъ и вообще разными личностями, имѣвшими основаніе скрываться отъ придерживающихъ властей. Этими разбойничьими шайками стали, кто тайно, а кто и открыто, пользоваться многочисленные враги Добровольческой арміи. Кубанскіе самостійники, засѣдавшіе въ Радѣ, находились въ какихъ-то таинственныхъ сношеніяхъ съ зелеными и готовы были даже провозгласить ихъ защитниками кубанскихъ свободъ. Съ зеленымъ «штабомъ» находились въ связи многочисленные агенты сосѣднихъ кавказскихъ республикъ, правительства которыхъ интриговали противъ добровольцевъ. Наконецъ, ни для кого не составляло тайны, что и само красное командованіе большевѣцкихъ армій находилось съ ними въ сношеніяхъ и, въ обмѣнъ на амнистію, обѣщанную краснымъ дезертирамъ, требовало отъ нихъ исполненія своихъ директивъ. Создавшейся обстановкой зеленые воспользовались довольно искусно. Если они и производили частые набѣги на станицы и желѣзно-дорожные склады, то по большей части дѣлали это въ цѣляхъ захвата оружія и военного снаряженія; населеніе же они почти всегда оставляли въ покоѣ. Поэтому между ними и станичниками установилось своего рода сообщничество и мѣстные кубанцы, считая повидимому болѣе выгоднымъ для себя жить въ мирныхъ отношеніяхъ съ зелеными, обычно охотно укрывали ихъ и снабжали продовольствіемъ. При такихъ условіяхъ о систематическихъ облавахъ на зеленыхъ и о настоящей борьбѣ съ ними и рѣчи быть не могло. Но тѣмъ не менѣе, присутствіе въ центрѣ района ихъ дѣйствій дисциплинированныхъ частей, могущихъ во-время парализовать то или другое ихъ болѣе серьезное выступленіе, было необходимо. Такую именно задачу по охранѣ желѣзной дороги на Новороссійскъ и выполняла наша дивизія.

На фронтѣ, послѣ оставленія нами Ростова и отступленія армій за Донъ и Салъ, дѣла наши стали какъ будто поправляться. Подъ Батайскомъ большевикамъ былъ нанесенъ рядъ тяжелыхъ ударовъ: на Манычѣ была разбита конница Буденнаго. Во

всякомъ случаѣ, отступление наше временно приостановилось; армія заняла прочныя позиціи на Манычѣ, и наши части, выдержавъ продолжительные и упорные бои, доказали, что еще не совсѣмъ утратили боеспособность. Но послѣ всѣхъ недавнихъ неудачъ, прочность положенія арміи на новомъ фронтѣ не могла не вызывать сомнѣній. Если, можетъ быть, фронтъ и въ состояніи былъ еще въ теченіе нѣкотораго времени выдержать натискъ большевиковъ, то все же силы обѣихъ сторонъ были слишкомъ неравными. Большевики могли получить во всякое время свѣжія подкрѣпленія; намъ же неоткуда было ждать помощи. На востокѣ, въ нѣдрахъ Сибири, завершился разгромъ армій адм. Колчака, которымъ вслѣдъ за тѣмъ верховная власть была передана генералу Деникину. Части Добровольческой арміи, отступившія къ Одессѣ и въ Крымъ, и въ свою очередь занятыя боями на своемъ фронтѣ, находились въ такомъ же положеніи, какъ и мы. А въ тылу, намъ приходилось считаться съ мало дружескимъ отношеніемъ къ намъ мѣстнаго населенія, которое, по какому-то необъяснимому недоразумѣнію, съ затаенной надеждой ожидало прихода большевиковъ. Такимъ образомъ, наша судьба зависѣла исключительно отъ того, насколько долго удастся задержаться на естественныхъ преградахъ сѣверной Кубани. За нами же было море; а затѣмъ, можетъ быть, — эвакуація въ Крымъ, Одессу или на Кавказъ, — да и то только при томъ условіи, если къ тому времени въ этихъ мѣстахъ еще удержатся наши другія части.

Хотя эти перспективы уже и сами по себѣ были достаточно мрачными, но еще большую горечь вызывало сознаніе того — что наряду съ недавними военными неудачами, Добровольческая армія потерпѣла моральное пораженіе. Тѣ, за кого она боролась, остались въ глубинѣ Россіи, холодными къ ея призывамъ и не поддерживали ея; тѣ, которые должны были оказаться братьями по оружію, жестоко предали ее. Стараясь мысленно проникнуть въ эту тайну, я теперь невольно вспоминаю разговоръ, который имѣлъ передъ отъѣздомъ изъ Москвы съ русскимъ офицеромъ, поступившимъ на службу къ большевикамъ и занимавшимъ должность въ какомъ-то военномъ учрежденіи. Въ общемъ простой и добродушный, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ слабовольныхъ и примѣнявшихся людей, которые, хотя и продолжали гордиться передъ «бывшими» людьми своимъ знаніемъ бывшего офицера старой русской арміи, но въ то же время не скрывали и того, что военный паекъ и теплое мѣстечко при красной арміи, имѣютъ свои выгоды. Извѣстіе о моемъ отъѣздѣ на югъ, совершенно неожиданно для меня, затронуло живую струнку въ душѣ этого морально раздвоеннаго человѣка. Стоя передъ картой Россіи, уставленной флажками, обозначающими фронтъ, онъ воскликнулъ: «Какъ я вамъ завидую!..» И затѣмъ, какъ бы переводя вниманіе на другую мысль добавилъ: «Завидую вамъ, потому что вы — штатскій... Вы ѣдете на югъ, а оттуда наступаютъ н-а-ш-и. Совѣтская армія совсѣмъ не подготовлена. У деникинцевъ, поддержанныхъ англичанами, имѣются всѣ шансы... Но если они придутъ сюда, то намъ, офицерамъ, пошедшимъ въ красную армію, придется плохо. Они намъ этого не простятъ...» И этотъ офицеръ, волею судьбы очутившійся на службѣ у красныхъ, почувствовалъ вѣрно. Между офицерствомъ, вошедшимъ въ составъ красной арміи, и тѣмъ, которое съ оружіемъ въ рукахъ взялось за борьбу съ большевиками, создалась глухая стѣна взаимнаго непониманія, недовѣрія и страха. Сколько разъ приходилось мнѣ по эту сторону фронта убѣждаться въ томъ, что не только военные, но и штатскіе, а иногда даже и свои родные и близкіе, оставшіеся въ со-

вѣтской Россіи, считались измѣнниками и предателями въ силу одного только, что, хотя бы и по принужденію, они занимали какую-нибудь должность у большевиковъ. Что сдѣлали добровольцы, чтобы воодушевить, успокоить и привлечь на свою сторону оставшихся въ Россіи собратьевъ по оружію, можетъ быть менѣе крѣпкихъ духомъ, чѣмъ они, но въ глубинѣ души своей оставшихся преданными старымъ завѣтамъ? Трудно судить, кто былъ правъ и кто виноватъ. Но во всякомъ случаѣ, произошла глубокая и тяжелая трагедія. Часть офицерства, оставшаяся въ совѣтской Россіи, повинувась инстинкту самосохраненія, по совѣтскому приказу приступила къ организаціи красной арміи и своимъ участіемъ въ ней погубила тѣхъ, кто жизнь свою отдавалъ за спасеніе родины. А когда мы на Кубани нашли послѣднее убѣжище, тамъ, въ глубинѣ Россіи, нашимъ близкимъ приходилось испытывать горечь неоправданныхъ надеждъ; и, — кто знаетъ? — можетъ быть они и облегченно вздохнули по окончанію гражданской войны?..

Впрочемъ, по прибытію на Кубань, мнѣ обо всемъ этомъ долго задумываться не приходилось; непосредственныя переживанія и повседневныя служебныя обязанности оказывались сильнѣе всякихъ размышленій, которыя, къ тому же, были и бесполезными въ условіяхъ военной жизни. Съ другой стороны, и зеленые временно перестали проявлять какіе бы то ни было признаки жизни. Стояла морозная и снѣжная зима. Станица Крымская, величиною съ небольшою уѣзднымъ городкомъ, раскинулась на невысокихъ холмахъ, верстахъ въ двухъ или трехъ отъ желѣзно-дорожной станціи. Въ полувѣрствѣ отъ нея, по направленію къ станціи, находилась отдѣльная слобода; въ ней, на какомъ-то заводѣ, расквартированы были штабъ дивизіи и интендантство; тутъ же, на большой паровой мельницѣ, въ домѣ управляющаго остановился и начальникъ дивизіи. Полки же расположились въ самой станицѣ, по слободамъ, ближайшимъ къ центру. По прибытію въ дивизію, я тотчасъ же былъ зачисленъ въ ординарческую команду, старшимъ по которой оказался старый гусарь и бывшій штабъ-трубачъ Мариупольскаго полка, подпрапорщикъ Рожко. Хотя въ составъ команды должно было бы войти по одному ординарцу отъ каждого полка, но въ то время насъ въ ней оказалось всего трое: молодой вольноопредѣляющійся Чугуевского уланскаго полка, Рожко и я. Остальные, если не ошибаюсь, были больны тифомъ.

Послѣ нѣкоторыхъ самостоятельныхъ, но безуспѣшныхъ попытокъ съ нашей стороны устроиться на жительство у мѣстныхъ обывателей, намъ было отведено помѣщеніе неподалеку отъ мельницы и завода. Здѣсь, при довольно большой хатѣ, имѣлись обширный дворъ и сарай, и сюда же въ просторную конюшню были поставлены и лошади начальника дивизіи. Хотя Рожко, какъ настоящій гусарь, умѣющій устроиться при всѣхъ обстоятельствахъ, скорѣе свелъ знакомство съ сосѣдями-станичниками и развѣдалъ, гдѣ чего можно достать, но намъ на первыхъ же порахъ пришлось убѣдиться въ томъ, что, несмотря на корректное отношеніе нашихъ гусаръ къ мѣстному населенію, насъ принимали здѣсь безъ особаго воодушевленія. Немало хлопотъ доставила намъ и наша хозяйка, вдова-казачка. Сперва, правда, она молча отвела намъ въ хатѣ большую пустую комнату; но когда Рожко замѣтилъ ей, что въ комнатѣ не на чемъ спать и что въ ней, къ тому же, не имѣется даже и печки, то бойкая казачка, подбоденая, разразилась такимъ потокомъ словъ на малороссійскомъ нарѣчьи, что даже и самъ Рожко, выдавшій на своемъ вѣку разные виды, немного опѣ-

шилъ. Не менѣ словоохотливый чѣмъ хозяика, Рожко не пожелалъ дать себя въ обиду. Но какъ ни велико было его краснорѣчіе и какъ ни старался онъ, закручивая черныи усь и переходя отъ словесныхъ угрозъ къ заправской любезности, убѣдить хозяика, что мы требуемъ только самого необходимаго, казачка оставалась неумолимой. Волей-неволей, пришлось намъ устроиться своими оредствами. Въ концѣ концовъ, намъ удалось привезти со станціи желѣзную печку, взятую въ одной изъ теплушекъ, стоявшихъ на путяхъ; а изъ принесенныхъ досокъ мы въ комнатѣ подѣлали нары. И хотя проклятая печка постоянно дымила, несмотря на выводную трубу, которую мы провели черезъ окно, но зато въ комнатѣ стало тепло, и опять оказалось уже не такъ плохо на снѣгъ, посланнымъ рядномъ, которое хозяйка все-же соблаговолила выдать намъ. Впослѣдствіи, когда мы прижились, то и отношеніе къ намъ населенія стало гораздо болѣе дружелюбнымъ.

Вскорѣ я былъ посланъ съ какимъ-то порученіемъ въ Екатеринодаръ. Меньше мѣсяца тому назадъ я былъ свидѣтелемъ того, какъ безпечный и оживленный Ростовъ на моихъ глазахъ превратился въ пустующій городъ, надъ которымъ внезапно нависла смерть. Странно было мнѣ теперь, а въ особенности по прибытію изъ тихой станціи, очутиться вновь въ многолюдномъ городѣ, въ которомъ жизнь продолжала кипѣть, какъ это было раньше въ Ростовѣ, — увидѣть вновь ту же пеструю толпу, снующую по ярко освѣщеннымъ улицамъ, заполняющую магазины, кафе и рестораны. Повидимому постоянный переходъ отъ однихъ впечатлѣній къ другимъ располагаетъ переживающаго ихъ къ нѣкоторому равнодушію, граничащему съ фатализмомъ. Настоящая минута переживается остро, прошедшее кажется сномъ, а будущее отдается на волю судьбы. О будущемъ въ такомъ случаѣ праздно задумываться. И Екатеринодаръ жилъ, казалось одной только настоящей минутой. Въ немъ я встрѣтилъ нашихъ сестеръ и полковника Бѣлевцова. Здѣсь, въ городѣ, находился полковой штандартъ; здѣсь же находилась могила брата сестры Наташи, полковника Воинова; тутъ же, можетъ быть, возрождались для нихъ старыя воспоминанія, связанные съ лучшими временами. Для меня же Екатеринодаръ былъ только однимъ изъ этаповъ моей военной службы, и дальше этого я не заглядывалъ, — слишкомъ много уже было пережито. Гремя кавалерійской саблей, данной мнѣ генераломъ Чеснаковымъ, поворачивая голову направо и налево при встрѣчѣ съ офицерами и держа руку подъ козырекъ, я безпечно прогуливался по улицамъ незнакомаго города, чѣмъ постоянно вызывалъ недовольные возгласы добраго полковника Бѣлевцова: «Молодой, — опять распустилъ хвостъ!»

На обратномъ пути я случайно попалъ въ вагонъ, занятый американской торговой миссіей. Ночь я провелъ на площадкѣ, но когда поутру изъ купѣ стали появляться члены миссіи, то я не удержался и разговорился съ однимъ изъ американцевъ. Онъ какъ разъ оказался начальникомъ миссіи. Не знаю, удивило ли его мое сравнительно хорошее знаніе англійскаго языка, но во всякомъ случаѣ онъ сталъ меня подробно разспрашивать. Я рассказалъ ему вкратцѣ свои приключенія.

— «Вы имѣете также и коммерческое образованіе?» спросилъ онъ меня.

— «Я знакомъ съ бухгалтеріей», отвѣчалъ я.

— «Мнѣ такъ разъ нуженъ бухгалтеръ,» продолжалъ онъ совершенно неожиданно для меня: «если желаете, я васъ приму на службу въ миссію.»

Мнѣ пришлось указать ему на то, что если я и добровольно пошелъ на военную службу, то теперь считаюсь военнообязаннымъ, и нисколько не собираюсь покинуть полка.

— «Но если бы мы должны были покинуть Россію, то я радъ былъ бы вамъ служить,» добавилъ я на всякій случай. На это, понятно, отвѣта не послѣдовало, но зато узнавъ, что моя мать находится за-границей и не имѣетъ никакихъ свѣдѣній обо мнѣ, кромѣ можетъ быть того, что я исчезъ изъ Москвы, мой собесѣдникъ предложилъ мнѣ сообщить ей о томъ, что я живъ и здоровъ. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ свое обѣщаніе исполнилъ въ точности.

Второй разъ я ѣздилъ въ Екатеринодаръ, сопровождая генерала Чеснакова. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи вагонъ третьяго класса, передѣланный въ нѣчто вродѣ вагона-салона. Поѣздки въ этомъ вагонѣ, въ которомъ кромѣ купе начальника дивизіи имѣлось еще два небольшихъ отдѣленія и кухня, представляли всѣ удобства, если не считать одного: на такихъ большихъ станціяхъ, какъ Екатеринодаръ, вагонъ отводился на одинъ изъ многочисленныхъ запасныхъ путей, заставленныхъ порожними и нагруженными поѣздными составами, и вечеромъ, по возвращеніи изъ города, стоило неимоверныхъ трудовъ отыскать его: алополучный вагонъ, вмѣстѣ съ маневрирующими составами, по нѣсколько разъ въ сутки переводился съ одного пути на другой. Зато, послѣ долгихъ поисковъ въ темнотѣ и многочисленныхъ пролѣзаній подъ вагонами, было верхомъ блаженства очутиться вновь въ вѣрномъ пристанищѣ, которое тѣмъ болѣе казалось привлекательнымъ, что оно, какъ и мы сами, было обречено на вѣчныя скитанія. Въ Екатеринодарѣ къ намъ присоединились и сестры. Когда вечеромъ возвращался генералъ, то я иногда читалъ вслухъ рассказы Аверченко, иногда же сестры запѣвали какую-нибудь пѣсенку. Особенно хорошо удавалась имъ пѣсенка слѣпыхъ, славящихъ Христа. Такъ и вѣяло старой Москвою, съ ея тихими переулочками и барскими особняками. Много вспоминалось въ эти вечера; часто мысли невольно улетали въ дальнюю Москву.

Изъ Екатеринодара мы отправились въ томъ же вагонѣ въ Новороссійскъ, гдѣ генералъ Чеснаковъ имѣлъ въ виду выхлопотать въ англійской военной миссіи обмундированіе для дивизіи. Расположенный у обширной бухты, окруженной горами и испещренной мачтами и очертаніями многочисленныхъ судовъ, Новороссійскъ, со своими живописными окраинами, фабриками внушительнаго вида, заводами, доками, прекраснымъ мостомъ и чисто русскими широкими улицами, долженъ былъ въ прежнее время своимъ виѣшнимъ видомъ наполнять гордостью сердце всякаго русскаго человѣка, цѣнящаго національныя достиженія. Но теперь городъ создавалъ странное впечатлѣніе какой-то необычайной смѣси захудалого русскаго города съ иностраннымъ колониальнымъ портомъ. На рейдѣ стояли англійскія военные суда; по длинному мосту, набережнымъ и улицамъ, на низкихъ домахъ которыхъ пестрѣли чисто русскія желѣзныя вывѣски магазиновъ и лавокъ, сновали англійскіе солдаты и матросы, выдѣляясь своимъ новенькимъ обмундированіемъ и увѣренной походкой среди нашихъ военныхъ, болѣе скромнаго вида и одѣтыхъ въ такое же англійское обмундированіе, но поношенное. По дорогѣ на Цементный заводъ, расположенный на восточной набережной въ которомъ квартировала англійская миссія, проносились прекрасные автомобили съ иностранными офицерами и нарядными дамами; проѣзжали

на звѣроподобныхъ коняхъ, поскрипывая новенькими сѣдлами, англійскіе кавалеристы...

По порученію генерала, я отправился на Цементный заводъ, съ тѣмъ чтобы справиться о днѣ и часѣ пріема у англійскаго генерала. На обширномъ и благоустроенномъ заводѣ миссія устроилась со всѣмъ обычнымъ англійскимъ комфортомъ. На жизнерадостныхъ и безпечныхъ лицахъ офицеровъ и всего персонала, подъ маской обычнаго британскаго хладнокровія, невозможно было угадать хотя бы и тѣни тревоги о происходящихъ событіяхъ. Въ просторной пріемной, русскій переводчикъ изъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ, занятый какими-то своими мыслями, разсѣянно выслушивалъ рѣдкихъ русскихъ посѣтителей. Здѣсь я записалъ на пріемъ генерала Чеснакова, а на слѣдующій день онъ взявъ меня съ собою, прибылъ въ назначенный часъ на автомобиль. Англійскій генералъ не заставилъ насъ долго ждать, но принялъ насъ стоя и, несмотря на всѣ мои старанія въ наилучшемъ англійскомъ стилѣ передать ему прошеніе начальника дивизіи, ничего опредѣленнаго не обѣщалъ. Англійская миссія уже считала тогда кампанію проигранной и выдавала частямъ только самое необходимое. Однако, несмотря на этотъ «отказъ», черезъ нѣсколько дней въ Крымскую прибылъ поѣздъ Англійской миссіи и богато снабдилъ нашу дивизію обмундированіемъ.

Зеленыя.

Покуда мнѣ не назначили лошади, я въ Крымской чувствовалъ себя немного не у дѣла. Но ожидать долго мнѣ не пришлось. Къ намъ во дворъ вскорѣ поставили съ подюжины кровныхъ заводскихъ матокъ, выведенныхъ съ Дона при отступленіи. Лошади эти предназначались подъ офицеровъ, но трехъ изъ нихъ начальникъ дивизіи оставилъ подъ ординарческую команду. Мнѣ досталась рослая гнѣдая кобыла, которую, несмотря на ея прекрасныя статьи, никто изъ офицеровъ не рѣшился взять, настолько она имѣла запущенный видъ. Длинная шерсть на ея исхудалыхъ бокахъ и на спинѣ мѣстами повывѣзала, обнажая сѣроватую кожу, покрытую струпьями коросты. Тѣмъ не менѣе, чувствуя въ ней достоинства настоящей кровной лошади и имѣя такого опытнаго совѣтника, какъ Рожко, я немедленно же принялся за уходъ за ней. Дѣло это, сознаюсь, оказалось не легкимъ. Поставленная на хорошій кормъ и мучимая неотстающей коростой, Дѣзи, какъ я назвалъ ее, стала проявлять признаки строптиваго характера и не позволяла какъ слѣдуетъ ходить за собой. Много терпѣнія пришлось приложить, чтобы лаской и внимательнымъ обращеніемъ заслужить ея довѣріе. Приходилось даже вставать ночью, чтобы задавать ей сѣна. Но теплая и опрятная конюшня, усиленная выдача корма въ назначенные часы и тщательная чистка сдѣлали свое дѣло, и болѣзнь стала понемногу проходить. Когда на дворѣ стало немного теплѣй, то я сталъ ежедневно мыть ее зеленымъ мыломъ. Сколько хозяйскихъ ведеръ упустилъ я въ колодезь, неумѣло обращаясь съ длиннымъ шестомъ, служившимъ рычагомъ для подъема ведра, сколько разъ морозилъ себѣ руки ледяной водой! Но зато Дѣзи стала понемногу привыкать ко мнѣ и тихо ржала, когда я появлялся на конюшнѣ. Для того, чтобы ускорить леченіе, я по совѣту Рожко, черезъ нѣкоторое время остригъ ее подъ машинку, оставивъ шерсть неостриженной только на ногахъ. Въ такомъ видѣ Дѣзи стала неузнаваемой: изъ нея получился стройный «англо-арабъ» мы-

шиной масти. Затѣмъ нарядивъ ее въ теплую попону, я поручилъ дальнѣйшій уходъ за нею полковому ветеринару.

Генералъ Чеснаковъ, большой любитель лошадей, часто навѣдывался къ намъ по утрамъ. На дворѣ мы устроили небольшіе барьеры, и здѣсь, въ присутствіи генерала, мы почти ежедневно напрыгивали на кордѣ поочередно всѣхъ лошадей. Дѣзи охотно шла на барьеры и легко, съ жаромъ, брала ихъ, помахивая своей красивой головой и выгибая длинную шею. Подъ сѣдломъ, послѣ непродолжительной выѣздки, она оказалась прекрасной верховой лошадию, — горячей, но послушной на поводъ и ровной на всѣхъ аллюрахъ. Я сталъ гордиться своей Дѣзи. Въ свободное время днемъ я иногда отправлялся на ней въ станицу, гдѣ заглядывалъ къ сестрамъ, у которыхъ имѣлись всегда свѣжія новости и которыя умѣли приготовить великолѣпный горячій шokoladъ, или же заходилъ во второй эскадронъ, имѣвшій веселую кампанію молодыхъ вольноопредѣляющихся, Рачинскаго, Шахова-Корчипскаго и Великопольскаго, любимцевъ своего командира, ротмистра Пригара.

Тогда ожидалось прибытіе съ фронта третьяго эскадрона, пробывшаго въ постоянныхъ бояхъ и походахъ со времени выступленія полка со Стрѣлецкаго завода. По прибытію его генералъ Чеснаковъ намѣревался произвести смотръ полку. За время нашей стоянки въ Крымской, генералъ Чеснаковъ обратилъ особое вниманіе на внѣшній видъ полковъ и на соблюденіе строгой дисциплины въ частяхъ. Всѣмъ гусарамъ нашего полка были выданы, взамѣнъ защитныхъ, желтые погоны съ бѣлыми шефскими вензелями, а мнѣ, какъ ординарцу, была вручена пика съ полковымъ флажкомъ желтаго сукна, по которому сестры вышли бѣлымъ шелкомъ вензеля «ЕР.» и корону. *) По прибытіи третьяго эскадрона, я въ день смотра, верхомъ на своемъ «англо-арабѣ», съ винтовкой за плечомъ и флажкомъ выѣхалъ вслѣдъ за генераломъ на окраину станицы, гдѣ въ полѣ уже выстроился полкъ въ конномъ строю. Гусары третьяго эскадрона, несмотря на продолжительные походы, выглядѣли бодро и при командѣ «смирно!», видимо старались отличиться своей выправкой. Передъ ихъ стройными рядами стоялъ съ саблей наголо ихъ командиръ, уже въ полковничьихъ погонахъ, — все тотъ же, нисколько не измѣнившійся мой двоюродный братъ Михаилъ.

Генералъ повидимому остался доволенъ смотромъ. Вечеромъ же въ офицерскомъ собраніи состоялся ужинъ въ честь прибывшаго 3-го эскадрона. Въ то время много было разговоровъ о томъ, что будто бы генералъ Врангель, завѣдывавшій тогда обороной Новороссійскаго плацдарма, проѣздомъ посѣтитъ Крымскую и произведетъ смотръ нашей дивизіи. Прибытіе генерала Врангеля, популярности котораго все болѣе укрѣплялась въ арміи, а въ особенности среди кавалеристовъ, явилось бы большимъ событіемъ для насъ. Но нашимъ ожиданіямъ не суждено было осуществиться. Генералъ Врангель, вслѣдствіе постоянныхъ недоразумѣній, происходившихъ между нимъ и главнокомандующимъ, вскорѣ покинулъ Новороссійскъ и переехалъ въ Крымъ. Намъ же, въ Крымской, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, посѣтило лицо, приѣзда котораго мы менѣе всего могли ожидать. Это былъ кубанскій атаманъ ген. Букретовъ, о которомъ ходили самыя разнообразныя и тревожныя слухи. Всѣмъ была извѣстна его двуличная политика по отношенію къ Добровольческой арміи и его демагогиче-

*) Инициалы Шефа полка, Императрицы Елисаветы Петровны.

скія выступленія во враждебной намъ Кубанской Радѣ. Говорили даже, что онъ будто бы тайно покровительствовалъ зеленымъ и находился въ какихъ-то сношеніяхъ съ совѣтскими агентами. Впослѣдствіи эти слухи вполне подтвердились, такъ какъ послѣ оставленія нами Новороссійска, генераль Букретовъ уже открыто вошелъ въ переговоры съ краснымъ командованіемъ и передалъ ему дивизіи, оставшіяся на Кубани. Извѣстіе о приѣздѣ къ намъ этого начальника повергло насъ, понятно, въ немалое недоумѣніе, и менѣе всѣхъ радовался ему самъ начальникъ дивизіи. Но дисциплина требовала того, чтобы кубанскому атаману была устроена встрѣча, соответствующая его званію и чину, и поэтому полкамъ былъ отданъ приказъ въ назначенный день, за полчаса до прибытія атаманскаго поѣзда, собраться у станицы.

Въ этотъ день моей Дѣзи довелось много потрудиться. Уже съ утра мнѣ пришлось на ней выполнить нѣсколько порученій, а затѣмъ, когда передъ самымъ приходомъ атаманскаго поѣзда, одинъ изъ полковъ почему-то замѣшкался на станицѣ, то она проскакала подо мною галопомъ нѣсколько верстъ навстрѣчу полку и обратно. Только что всѣ три полка выстроились у станицы, какъ подошелъ атаманскій поѣздъ, и черезъ нѣсколько минутъ по аллеѣ, ведущей на станицу, показался одинъ, безъ свиты, небольшого роста генераль одѣтый въ коричневую череску. Поздоровавшись съ полкомъ, генераль, въ сопровожденіи начальника дивизіи и его адъютанта, вернулся въ вагонъ. Полки ушли обратно на станицу, а я остался на станицѣ въ ожиданіи генерала. Когда онъ, наконецъ, возвратился, то показался мнѣ не въ духѣ и нервнымъ. Уже и въ обычное время не легко было слѣдовать за нимъ верхомъ, когда онъ по обыкновенію пускалъ свою горячую лошадь «кэнтеромъ». Когда же въ этотъ разъ онъ поскакалъ полемъ по направленію къ станицѣ, то моя Дѣзи, съ трудомъ поспѣвая за нимъ, вскорѣ покрылась бѣлой пѣной, а адъютантъ и гусары, сопровождавшіе насъ, далеко отстали позади на своихъ запыхавшихся коняхъ. На слѣдующій день, атаманъ произвелъ смотръ дивизіи, которая по этому случаю выстроилась на Соборной площади въ центрѣ станицы. На этотъ разъ генераль предоставилъ мнѣ одну изъ своихъ лошадей, стройную трехлѣтку сѣрой масти, еще совсѣмъ невыѣзженную и горячую. Подъ легкимъ англійскимъ сѣдломъ она передъ строемъ выкидывала свѣчи и неустанно гарцовала, чѣмъ доставила мнѣ немалое удовольствіе. Поглядѣтъ на смотръ собралось много народа. Въ то время, какъ полки проходили церемоніальнымъ маршемъ передъ атаманомъ, я замѣтилъ, что среди толпы видѣлись и сѣдые головы тѣхъ станичниковъ, которые обычно, сидя у своихъ домовъ, провожали насъ, казалось, всегда такими недружелюбными взглядами.

Въ началѣ февраля вновь стала сказываться дѣятельность зеленыхъ. Ихъ отряды уже произвели нѣсколько набѣговъ на сосѣднія станицы и желѣзно-дорожныя станицы. Наши эскадроны почти ежедневно выходили въ развѣдку, но неизмѣнно возвращались ни съ чѣмъ, не повстрѣчавъ ни одного вооруженнаго зеленого; пользуясь покровительствомъ населенія, ихъ отряды тотчасъ же послѣ набѣга исчезали безслѣдно. Нахальство зеленыхъ дошло до того, что они стали ночью появляться подъ самой Крымской. Мы, въ ординарческой командѣ, находясь на дальней окраинѣ станицы, рѣшили нести ночныя дежурства во дворѣ. Первая ночная тревога произошла во время одного изъ моихъ дежурствъ. Далеко за полночь послышался дальній стукъ пулемета. Это должно быть стрѣлялъ одинъ изъ нашихъ постовъ, расположенныхъ по другую

сторону станицы. Вскорѣ затѣмъ, въ наступившей тишинѣ, со стороны станицы донесся до насъ протяжный звукъ сигнала. Это въ нашемъ полку трубачъ игралъ тревогу и сборъ. Я разбудилъ Рожко и генеральскаго вѣстового, и мы вмѣстѣ съ ними осѣдлали коней. Долго въ эту ночь мы оставались во дворѣ, ожидая дальѣйшихъ событій, но на станицѣ все замолкло. Подобныя тревоги вскорѣ стали обычнымъ явленіемъ, и мы знали, что это какой-нибудь незначительный отрядъ зеленыхъ натолкнулся на нашу заставу и былъ ею обстрѣлянъ. Мы стали было привыкать къ нимъ и перестали даже обращать на нихъ особое вниманіе, какъ однажды произошло событіе, глубоко поразившее насъ. Какъ-то разъ утромъ, послѣ очередной ночной тревоги, показавшейся намъ болѣе серьезной чѣмъ предыдущія, Рожко, возвратясь со станицы, сообщилъ намъ невѣроятную новость: въ эту ночь нѣсколько вооруженныхъ зеленыхъ явились на квартиру замѣстителя командира полка, стараго Мариупольца полковника Георгія Львовича Сухина, и, заставивъ его одѣться подъ угрозой немедленнаго разстрѣла, увели его вмѣстѣ съ его денщикомъ въ горы. Въ нѣкоторомъ удаленіи отъ станицы, они отпустили денщика, заявивъ ему, что имъ приказано доставить полковника въ зеленый штабъ. Когда была дана тревога, то уже было поздно: эскадроны, немедленно посланные вдогонку за зелеными, вернулись къ вечеру ни съ чѣмъ, а черезъ нѣсколько дней въ штабъ дивизіи было получено письмо за подписью «Партизанскій отрядъ Громъ и Молнія», въ которомъ сообщалось, что полковникъ Сухинъ разстрѣлянъ.

Зеленые, повидимому, настолько обнаглѣли, что и въ дальнѣйшемъ можно было ожидать продолжѣть съ ихъ стороны. На станицѣ были приняты всѣ мѣры для предупрежденія новыхъ набѣговъ. На ночь выставлялись на окраинахъ усиленныя заставы; ежедневно высылались въ окрестностяхъ конные разъѣзды, наряжались патрули для внутренней охраны; наконецъ, эскадроны и квартиры начальниковъ были соединены телефонными проводами со службой связи и штабомъ дивизіи. По настоянію офицеровъ, самъ начальникъ дивизіи вскорѣ переѣхалъ съ мельницы на другую квартиру въ центръ станицы. Для насъ же, ординарцевъ, тоже настало тревожное время. Собственно уже больше никакой ординарческой «команды» у насъ не существовало. Второй ординарецъ, вольноопредѣляющійся-уланъ, заболѣлъ сыпнымъ тифомъ и былъ эвакуированъ въ лазаретъ, и такимъ образомъ, мы съ Рожко остались вдвоемъ. На насъ лежала большая отвѣтственность, — охрана генеральскихъ лошадей, которыя могли во всякое время показаться зеленымъ прекрасной добычей. На вѣстового, ходившаго за лошадьми, но не ночевавшаго больше съ нами рассчитывать было нельзя и поэтому вся тяжесть охраны всецѣло ложилась на насъ съ Рожко. Хотя въ случаѣ ночного набѣга, мы даже бы изъ дома слышали неизбежный скрипъ отворяемыхъ дверей конюшни и ржаніе коней, но тогда уже было бы поздно реагировать, и зеленымъ ничего бы не стоило разстрѣлять насъ, какъ куропатокъ. Поэтому мы рѣшили усилить ночныя дежурства и сторожить по очереди во дворѣ, смѣняя другъ друга каждые два часа. Съ наступленіемъ ночи одинъ изъ насъ, обойдя конюшни, обычно устраивался на сѣновалѣ прилегавшемъ къ нимъ, а другой, не раздѣваясь и не гася свѣта, укладывался спать въ комнатѣ съ заряженной винтовкой наготовѣ. Въ дежурствахъ этихъ ничего привлекательнаго не было. Ночи стояли морозныя; въ тишинѣ слышался малѣйшій шорохъ; лунный свѣтъ озарялъ дворъ, темныя

строения и сибирскую окрестность. Съ отдаленной станицы всю ночь не переставая доносился протяжный и тревожный лай собакъ, заливавшихся на разные голоса то въ одной слободѣ, то въ другой. То и дѣло казалось, что вотъ-вотъ послышатся крадущіеся шаги по скрипучему снѣгу, изъ-за угла конюшни или у воротъ покажутся темныя фигуры непрошенныхъ гостей. У насъ съ Рожко было условленно, что въ случаѣ появленія зеленыхъ, дежурный, подпустивъ ихъ поближе, откроетъ по нимъ огонь изъ винтовки, чѣмъ подастъ сигналъ спящему. Однако, ночи проходили спокойно и никто насъ не тревожилъ. Только невыносимо холодно было дежурить во дворѣ. Отсидѣвъ свои два часа и задавъ кормъ лошадямъ, дежурный возвращался въ комнату, озаренную тусклымъ свѣтомъ небольшой керосиновой лампы, будилъ спящаго, растапливалъ печку и укладывался на нары, стараясь заснуть не слишкомъ крѣпко. Затѣмъ въ полуснѣ приходилось опять выходить на морозъ, обходить лошадей, устраиваться вновь въ одиночествѣ на сѣновалѣ; и такъ, отъ смѣны до смѣны, проводили мы ночь до утра, покуда не замолкнетъ лай собакъ на станицѣ, не встрепенется и не закричитъ, захлопавъ крыльями, пѣтухъ во дворѣ, и не покажется слабый отблескъ зари на краю высокаго звѣзднаго неба.

Но и по утру намъ долго спать не приходилось. Надо было спозаранку приниматься за чистку своей лошади и уборку ея стойла, затѣмъ заваривать чай и отправляться въ интендантскій складъ за продовольствіемъ. Въ отношеніи пропитанія, дѣла наши обстояли неважно. Мы, правда, получали свой ежедневный паекъ, но горячая пища была для насъ рѣдкостью: варить обѣдъ въ комнатѣ намъ было не на чемъ, во дворѣ разводить огонь зимою было неудобно, съ хозяйкой было трудно сговориться, до эскадронныхъ котловъ слишкомъ далеко, а ни у меня, ни у Рожко, не имѣлось достаточно денегъ, чтобы позволить себѣ роскошь столованія у станичниковъ, и намъ поневолѣ приходилось довольствоваться примитивнымъ блюдомъ изъ кусочковъ жаренаго мяса, приготовленнаго на нашей же желѣзной печкѣ. Впрочемъ иногда Рожко раздобывалъ откуда-то бутылку рыжеватата самогона и кусокъ сала, и тогда мы давали пиръ. Приходило мнѣ на помощь иногда и провидѣніе въ лицѣ черненькой курицы, пріучившейся изрѣдка заходить къ намъ на крыльцо и оставлять въ плетенкѣ теплое коричневое яйцо. Строго относясь къ охранѣ хозяйской собственности, мы тѣмъ не менѣе считали своимъ безусловнымъ правомъ пользоваться милосердіемъ черной курочки, приходившей носить свои яйца на нашей территоріи. Но и курочка вскорѣ перестала являться къ намъ. Я сталъ еще бывать на станицѣ, и вскорѣ Степанъ выхлопоталъ мнѣ разрѣшеніе являться обѣдать въ столовую офицерскаго собранія.

Встрѣчаясь съ нашими офицерами у Степана и прислушиваясь къ ихъ разговорамъ въ столовой, я убѣждался въ томъ, что настроеніе ихъ было невеселымъ. Уже въ первой половинѣ февраля положеніе арміи на фронтѣ стало критическимъ. Ни для кого уже не составляло тайны, что намъ не удержаться на Кубани. Подъ сильнымъ давленіемъ противника, наши части, утомленные непрерывными боями и деморализованныя неуспѣхами, продолжали медленно отступать къ Екатеринодару. Между нами и противникомъ оставалась уже одна только естественная преграда — рѣка Кубань. Ясно было, что если большевикамъ удастся форсировать переправы черезъ эту рѣку, то армія наша будетъ неминуемо отброшена къ морю. Эта угроза принимала

теперь такіа реальныя очертанія, что взоры всѣхъ насъ естественно обращались къ Новороссійску и настойчиво запрашивалась мысль, принимаютъ ли тамъ серьезныя мѣры на случай возможной эвакуаціи арміи. Покуда генераль Врангель находился въ Новороссійскѣ, всѣ надежды возлагались на него. Но послѣ его отъѣзда въ Крымъ до насъ стали доходить самыя тревожныя слухи объ общемъ положеніи въ Новороссійскѣ. Городъ оказался переполненнымъ всевозможными гражданскими и военными учрежденіями, въ которыхъ царила обычная въ такихъ случаяхъ путаница и безтолковщина. Среди бѣженцевъ начались эпидеміи; какими-то темными личностями распространялись въ городѣ паническіе слухи. Разгрузка города хотя и началась, но происходила она подъ знакомъ самаго лютнаго взяточничества, мародерства и шкурничества. Все это должно было неминуемо отразиться на выполненіи общаго плана эвакуаціи, если вообще такой планъ былъ выработанъ и приводился въ исполненіе. Только что происшедшая катастрофическая эвакуація Одессы невольно заставляла думать о томъ, что и въ Новороссійскѣ произойдетъ то же самое, если не худшее. А дальше была полная неизвѣстность. Послѣднимъ убѣжищемъ арміи былъ Крымъ. Но и тамъ, казалось, происходило что-то неладное. Правда, что тамъ немногочисленные отряды генерала Слащева продолжали геройски защищать перешейки отъ нашествія большевиковъ, но и тамъ въ тылу происходили какія-то непонятныя событія. Въ Севастополѣ появился нѣкій капитанъ Орловъ, который, собравъ немногочисленный отрядъ подъ предлогомъ борьбы съ не порядками, самъ производилъ какіе-то опереточныя мятежи, арестовывалъ генераловъ и должностныхъ лицъ и, то уходя въ горы, то вновь появляясь въ городахъ, смущалъ и безъ того уже нервно настроенное населеніе Крыма. Правда, въ Черномъ морѣ имѣлись еще подъ Андреевскимъ флагомъ русскія военныя суда, но и во флотѣ, по поводу назначенія новаго командующаго морскими силами, происходили какія-то тренія. Какъ у насъ, на Кубани, такъ и тамъ, въ Крыму, фронтъ могъ быть во всякое время прорванъ: послѣдній оплотъ арміи могъ быть со дня на день захваченъ большевиками... Неужели же тогда настанетъ конецъ всему? И наши взоры отъ Новороссійска и Крыма невольно обращались еще дальше: къ Константинополю, къ какимъ-то невѣдомымъ заморскимъ берегамъ.

А тѣмъ временемъ проходила зима, спадали морозы, таялъ снѣгъ, смываемый наступившими дождями. И мы, въ Крымской, уныло бродя по слободамъ и по колѣно утопая въ липкой грязи, постоянно возвращалось все къ той же мысли: что же дальше?..

Уходъ съ Кубани.

Пробывъ въ продолженіи послѣднихъ мѣсяцевъ въ сторонѣ отъ роковыхъ событій, наша дивизія, несмотря на всѣ тревожныя слухи, доходившіе до насъ, всецѣло сохранила свою боеспособность. Но наконецъ, и до насъ докатилась волна всеобщаго отступленія. Въ первыхъ числахъ марта стало очевиднымъ, что и въ нашихъ судьбахъ настали рѣшающія минуты. Въ штабѣ дивизіи со дня на день ожидали приказа о выступленіи въ походъ, и мы въ ординарческой командѣ получили распоряженіе держаться наготовѣ. Мы привели въ порядокъ свои сѣдла, приторочивъ къ нимъ самыя необходимыя вещи; пошили и заготовили торбы для лошадей; стали задавать конямъ усиленныя порціи сѣна и ячменя. Въ дивизионномъ цейхгаузѣ, находившемся неподалеку спѣшно укладывалось дивизионное имущество; то же происходило и въ канцеля-

ріи штаба дивизіи. Хотя многіе изъ насъ, гусарь, еще смутно отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ на фронтѣ, но близость его уже давала о себѣ знать. Какъ я узналъ впоследствии, наши передовыя части въ то время уже переправились на лѣвый берегъ Кубани; Екатеринодаръ палъ; а на сѣверѣ, Таманскій полуостровъ, черезъ который до сихъ поръ лежалъ свободный путь на Керчь, а оттуда въ Крымъ, могъ быть со дня на день отрѣзанъ отъ насъ наступающими красными.

Приказомъ Главнокомандующаго отъ 5-го марта, наша дивизія была включена въ составъ Добровольческаго корпуса и сведена въ бригаду 1-ой кавалерійской дивизіи генерала Барбовича. Высшее командованіе повидимому еще колебалось, идти ли намъ походомъ на Тамань, или же берегомъ моря отступить на Кавказъ. 6-го марта на станцію Крымскую прибылъ Командующій Добровольческимъ корпусомъ, генералъ Кутеповъ, и состоялся военный совѣтъ, на которомъ мнѣнія раздѣлились, но все же рѣшено было идти не на Тамань, а на Туапсе-Сочи. Во исполненіе этого рѣшенія нашъ полкъ въ тотъ же день выступилъ въ ст. Абинскую *) для прикрытія Крымской съ востока, но на слѣдующій день вернулся обратно, такъ какъ 7-го марта въ штабъ корпуса было рѣшено пробиваться черезъ Тамань...

Въ Крымскую, со стороны Екатеринодара, прибывали многочисленные обозы и отдѣльныя воинскія части; располагаясь на ночь по слободамъ или въ открытомъ полѣ, они по утру обычно отправлялись дальше, на югъ. Всѣ эти обозы и части представлявшіе собою остатки Донской арміи, въ безпорядкѣ и бросивъ все ототунали къ морю. Рослые бородачи, конные и пѣшіе, нагруженные тюками и всякимъ скарбомъ, исхудалые, съ впавшими глазами, толпами заполняли слободы, запружали дорогу, ведущую къ станціи. Это были уже не боевыя части, а какія-то орды, сибѣшная куда-то въ безпорядкѣ. На фонѣ этой деморализованной массы выдѣлялась, однако, одна часть, еще сохранившая свой воинскій обликъ. Это былъ одинъ изъ гвардейскихъ казачихъ полковъ, пришедшій на смѣну намъ, въ Крымскую. За слободой, въ открытомъ полѣ у дороги, залруженной подводами и людьми, подъ мелкимъ дождемъ, выстроились конныя сотни. Оцѣтничалъ лѣсъ пикъ, раздавались команды. Передъ ихъ строемъ полковникъ, съ черной какъ смоль бородой и горящимъ взоромъ, обернувшись къ казакамъ, рѣзкимъ голосомъ, звучащимъ какъ удары бича, отдавалъ короткія приказанія. И чувствовалось, что эта еще какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшая часть, какъ бы передъ страшнымъ судомъ и уже внѣ времени и пространства, готовится выполнить свои послѣднія заданія.

Вечеромъ 8-го марта намъ сообщили, что наша дивизія (правильнѣе называть ее бригадой) по утру выступить въ походъ. На разсвѣтѣ, я на конѣ, въ походныхъ доспѣхахъ и съ полковымъ флажкомъ прибылъ къ квартирѣ генерала Чеснакова. Въ-стовой почему-то замѣшкался съ лошадьми и не подалъ ихъ во-время. Когда я подъѣхалъ, то генералъ стоялъ уже на крыльцѣ и казался не въ духѣ. Я отправился въ поиски за вѣстовымъ и Рожко, но по дорогѣ съ ними развѣхался, и бригаду догналъ уже тогда, когда она, растянувшись въ длинную колонну, выходила изъ станицы. На равнинѣ у небольшого селенія, полевая батарея стрѣляла по какой-то невидимой цѣли. Генералъ подъѣхалъ къ ней и о чемъ-то потолковалъ съ ея командиромъ. При-

*) См. схему № 1 на страницѣ 101.

смотрѣвшись, я замѣтилъ, что бѣлые, едва замѣтные дымки нашихъ шрапнелей всплываютъ на склонахъ горъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ. Это очевидно для остротки обстрѣливали зеленыхъ. Мы же слѣдовали теперь походомъ на Тамань, — окружнымъ путемъ черезъ ст. Тоннельную, гдѣ собиралась дивизія ген. Барбовича.

Наши части, построенныя въ длинную походную колонну, слѣдовали по шоссе вдоль желѣзно-дорожнаго полотна, среди холмовъ, поросшихъ уже зеленѣющими деревьями. Насколько генераль любилъ быструю ѣзду во время своихъ личныхъ поѣздокъ, настолько во время похода старался онъ щадить лошадей. Почти цѣлый день прошли мы пѣшкомъ, ведя коней въ поводу. Какъ полагается, впередъ были посланы головные разъѣзды, по обѣимъ сторонамъ дороги, гдѣ это было возможно, слѣдовали боковые дозорные, а колонна замыкалась пулеметной командой. Генераль, подавая примѣръ, шелъ пѣшкомъ со своимъ штабомъ во главѣ колонны. Мнѣ казалось, что несмотря на привалы и тяжелую дорогу, мы за этотъ день прошли не менѣе тридцати верстъ. Къ вечеру же мы прибыли въ какую-то станицу и заночевали въ ней.

На разсвѣтъ, послѣ скверно проведенной ночи въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, мы вновь спѣшно выступили въ походъ. Мы слѣдовали теперь по направленію къ станицѣ Гастогаевской для занятія Варениковскихъ переправъ черезъ рѣку Кубань. Прекрасная шоссезная дорога вилась по склонамъ обрывистыхъ горъ, надъ нами нависали скалы, а внизу въ глубокихъ ущельяхъ шумѣли рѣчки. Дорога мѣстами была настолько узкой, что полки должны были вытянуться въ предлинную колонну рядами и даже по одному. Казалось, что среди этой гористой мѣстности, гдѣ полкамъ развернуться не было мѣста, зеленые могли бы, если только пожелали, захватить насъ врасплохъ. Но все вокругъ какъ будто замерло. Стоялъ пасмурный день, и по еле замѣтному солнцу трудно было угадать, въ какомъ направленіи мы слѣдуемъ. Несмотря на тяжелую дорогу, Дзизъ моя, когда мы сѣли на коней, горячилась и сильно тянула на поводъ. Генераль, за которымъ я слѣдовалъ, хранилъ суровое молчаніе. Не знаю, сколько времени прослѣдовали мы такъ, но на высокомъ горномъ перевалѣ, надъ какимъ-то ущельемъ и среди голыхъ и дикихъ скалъ, колонна остановилась. Отсюда открывался обширный видъ на равнину. Генераль съ ближайшей скалы обозрѣвалъ равнину въ бинокль. Получено было донесеніе, что Гастогаевская съ утра занята красными, и съ перевала было видно движеніе значительныхъ силъ красной кавалеріи и пѣхоты отъ Гастогаевской къ Анапѣ. Если въ нашу задачу заходило занятіе Гастогаевской, то очевидно было уже поздно; красные раньше насъ заняли переправы, — слишкомъ много времени было утрачено за предыдущіе дни. Цѣлый день мы пробыли въ горахъ и заночевали въ небольшой станицѣ.

По утру мы опять отправились въ горы. Мнѣ казалось, что опредѣленнаго направленія мы не придерживаемся, а постоянно описываемъ круги по одной и той же мѣстности. Въ этомъ я не ошибся: къ полудню мы вышли на лѣсистый склонъ горы, у подножья которой раскинулась та самая станица Натухайская, въ которой мы ночевали. Здѣсь, на скрещеніи двухъ дорогъ, изъ которыхъ одна вела на сѣверъ, генераль остановилъ бригаду, а самъ въ сопровожденіи своего адъютанта пошелъ по дорогѣ пѣшкомъ. Я послѣдовалъ за нимъ. Дойдя до поворота, генераль остановился и сталъ прислушиваться. Должно быть, впередъ по дорогѣ былъ посланъ разъѣздъ, и отъ него генераль ожидалъ какихъ-то важныхъ донесеній. Такъ прошло около часа,

когда, наконецъ, изъ-за поворота дороги послышался конскій топотъ и оттуда на рыскахъ выѣхалъ нашъ разъѣздъ.

Получивъ донесеніе, генераль тотчасъ же приказалъ садиться на коней, и полки стали спускаться въ долину, къ станицѣ. При въѣздѣ въ нее я случайно поравнялся съ Степаномъ Воиновымъ и спросилъ его, что собственно происходитъ.

СХЕМА №1.

— «Мы сейчас пойдемъ въ бой,» отвѣтилъ онъ мнѣ.

— «Противъ кого же?»

— «На станицу наступаетъ красная кавалерія,» былъ отвѣтъ: — «Ты еще ни разу не бывалъ въ бою,» добавилъ онъ, улыбаясь той бодрой улыбкой, которая была такъ

свойственна ему, когда онъ упоминалъ о бояхъ и атакахъ: «Ну такъ вотъ, получишь боевое крещеніе и, можетъ быть, увидишь конную атаку по кавалеріи.»

Войдя въ станицу, эскадроны расположились по дворамъ, гдѣ въ походныхъ кухняхъ ужъ готовъ былъ обѣдъ, и мы получили приказаніе немедленно накормить лошадей, не разсѣдывая ихъ и держась наготовѣ къ дальнѣйшему выступленію. Только что успѣли мы, накормивъ лошадей, наскоро пообѣдать, какъ трубачъ заигралъ сборъ, и эскадроны стали одни за другими выходить на улицу, подымая густые клубы пыли. Полки собрались на окраинѣ, у школы, въ которой генераль держалъ совѣтъ со старшими офицерами. Вскорѣ появился и онъ, и колонна шагомъ двинулась на югъ, по новороссійской дорогѣ. Пройдя версты двѣ по довольно узкой долинѣ, по сторонамъ которой подымались отлогія лѣсистыя горы, мы остановились въ томъ мѣстѣ, гдѣ долина круто поворачиваетъ на югъ.

По дорогѣ, ведущей на Новороссійскъ, навстрѣчу намъ показалась небольшая группа всадниковъ, во главѣ которой ѣхалъ генераль въ формѣ Ингерманландскаго гусарскаго полка. Это былъ начальникъ 1-ой кавалерійской дивизіи, генераль Барбовичъ. Окинувъ взоромъ выстроенную бригаду, онъ пригласилъ генерала Чеснакова отъѣхать въ сторону и сталъ съ нимъ о чемъ-то бесѣдовать. Стоя въ нѣкоторомъ отдаленіи со своимъ флажкомъ, я не могъ слышать ихъ разговора, довольно оживленнаго, но по жестамъ и отдѣльнымъ фразамъ я догадывался, что обсуждался вопросъ о томъ, какую намъ занять позицію. Наконецъ, отдавъ распоряженія, генераль Барбовичъ со своей свитой уѣхалъ обратно по новороссійской дорогѣ. Генераль Чеснаковъ приказалъ полкамъ спѣшиться, назначилъ позиціи пулеметчикамъ и распорядился выслать дозоры на ближайшіе склоны горъ ввиду возможности обхода противникомъ съ востока. Къ дозорнымъ присоединились чины телефонной команды со свертками проводовъ и аппаратами. Нѣсколько эскадроновъ вышло впередъ, по направленію къ Натухайской, и цѣпи ихъ залегли въ ложбинѣ, поросшей низкими кустарниками. Коноводы же съ остальными резервными эскадронами стали подъ прикрытіемъ за невысокими холмами. Самъ генераль вмѣстѣ съ исполняющимъ должность начальника штаба полка Козубскимъ, отправился на ближайшую возвышенность, откуда открывался видъ на долину и станицу, только что покинутую нами. Мы съ Рожко расположились поблизости. Генераль внимательно смотрѣлъ въ бинокль по направленію къ горамъ, подымавшимся непосредственно за станицей и съ которыхъ мы часа два тому назадъ спустились. Рожко указалъ мнѣ на бѣлѣвшуюся тамъ ниточку извилистой дороги, и, взглянувъ въ нее, я замѣтилъ, что по ней къ Натухайской спускается съ горъ колонна кавалеріи.

— «Ну а все таки, красивые это, или наши?» проговорилъ генераль, обращаясь къ полк. Козубскому: «что-то у нихъ пикъ не видно.»

— «У нихъ пикъ не имѣется,» отвѣчалъ полковникъ, посмотрѣвъ въ бинокль.

— «Ну такъ значитъ — они!»

Черезъ полчаса, за нами надъ долиной стали вспыхивать бѣленькіе клубки шрапнелей, заглушеннымъ взрывамъ которыхъ вторило эхо въ горахъ. На зеленую поляну, прошипѣвъ и подымая столбы чернаго дыма изъ-подъ вывороченнаго дерна, шлепнулись двѣ-три гранаты. Стали посвистывать и пули. Наша батарея, стоявшая подъ

прикрытіемъ за ближайшей рощей, отвѣчала, гдѣ-то неподалеку стали постукивать и наши пулеметы. Хотя красныхъ и не было видно, но ясно было, что они заняли позицію передъ станицей. Такъ, подъ довольно вялымъ обстрѣломъ противника, мы простояли нѣсколько часовъ. Наши цѣпи изрѣдка отстрѣливались, но и ихъ нельзя было различить въ заросляхъ ложбины. Эскадроны, стоявшіе въ резервѣ съ нетерпѣніемъ ожидали обѣщанной атаки, но приказа атаковать такъ и не послѣдовало: задача, возложенная на насъ заключалась, повидимому, только въ томъ, чтобы простоять до вечера на позиціи, въ видѣ заслона по дорогѣ на Новороссійскъ, куда уже отступили другія части арміи. Вскорѣ вся бригада снялась съ позиціи и резервной колонной, въ сѣпшенномъ строю, медленно направилась на юго-западъ, подъ затихшимъ ружейнымъ обстрѣломъ противника.

Стало быстро темнѣть. Вытянувшись опять въ длинную походную колонну, бригада вошла по новороссійской дорогѣ въ темный лѣсъ. Въ узкой долинкѣ, надъ которой уже и днемъ нависали тучи, быстро наступила ночь. Вскорѣ стало настолько темно, что и въ двухъ шагахъ нельзя было различить проходящихъ людей и коней. Часа черезъ два мы остановились. Хотя и ни зги не было видно, но чувствовалось, что въ этомъ мѣстѣ долина сузилась въ ущелье, поросшее дикимъ лѣсомъ. Здѣсь, генераль выставивъ по дорогѣ заставы съ пулеметами, приказалъ полкамъ расположиться на привалъ до утра. Было приказано соблюдать тишину и не курить. Вслѣдъ за генераломъ, я поднялся на откосъ горы и, держа Дзизу въ поводу, прилегъ на влажную траву. Уже съ часъ лиль мелкій, пронизывающій дождь. Шинель промокла, за воротъ проникали холодныя струйки воды, и, хотя меня и клонило ко сну, но съ непривычки заснуть на мокрой землѣ я оказался не въ состояніи. Пощады, подъ молодымъ деревцомъ, расположился генераль со своимъ адъютантомъ. Онъ тоже не спалъ, разговаривая и вполголоса читая при свѣтѣ электрическаго фонарика доставляемые ему донесенія и отдавая приказанія вызываемымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Между прочимъ, къ намъ на откосъ былъ вызванъ и вольноопредѣляющійся третьяго эскадрона Гердеръ, съ которымъ, послѣ первой встрѣчи въ Ростовѣ, я встрѣчался только случайно. Генераль послалъ его съ развѣдомъ по дорогѣ на Анапу, уже занятую большевиками: мы находились какъ разъ на скрещеніи обѣихъ дорогъ, — на Анапу и на Новороссійскъ. Къ утру генералу доставили пакетъ. Это былъ, должно быть, приказъ, доставленный ему изъ Новороссійска. Прочитавъ бумагу, генераль тихо проговорилъ: «Одно остается намъ — немедленно отходить на Новороссійскъ...»

Еще до разсвѣта бригада двинулась дальше. Въ полуверстѣ отъ нашей стоянки, за выступомъ большой скалы, догорали у дороги непелища двухъ большихъ костровъ: за ночь было сожжено дивизіонное имущество, и всѣ лишнія вещи, обременявшія обозъ. Несмотря на слабые проблески разсвѣта, было еще настолько темно, что вокругъ ничего нельзя было различить. Когда, наконецъ, разсвѣло, то при сѣрѣющемъ утrenomъ свѣтѣ мы увидѣли, что долина въ этомъ мѣстѣ замкнулась высокимъ горнымъ массивомъ, по склону котораго до самой вершины вилась зигзагообразная линія нашей дороги. Вскорѣ мы поднялись на значительную высоту. По мѣрѣ нашего подъема, выросли вокругъ скалистыя горы, окаймлявшія только что нами оставленное ущелье. Сѣрыя тучи нависли надъ ихъ вершинами. А по откосу, глубоко подъ нами, разбѣгалась широкими зигзагами шоссеиная дорога, по которой длинной вереницей растя-

нулись наши полки. Еще глубже, — тамъ, гдѣ дорога, сбѣжавъ съ горы, устремлялась прямой стрѣлкой вдаль, — темнѣло ущелье, поросшее лѣсомъ.

Такъ прошли мы нѣсколько часовъ, подымаясь все выше и выше и невольно озираясь внизъ, не покажутся ли тамъ, у подножья горы, передовые отряды красныхъ. Но никого не было видно. Наконецъ, мы добрались до вершины горы и вскорѣ затѣмъ вышли на плоскогорье, на которомъ въ нѣкоторомъ отдаленіи раскинулось селеніе. Это была Тоннельная. Вступивъ въ нее, мы попали въ невѣроятную суматоху. Всѣ улицы и площади оказались запруженными обозами, частями и растерянными, безъ толку снующими людьми. Наши эскадроны, одни за другими, стали протискиваться среди этой людской массы, по всѣмъ признакомъ, уже охваченной паникой.

За Тоннельной сразу охватилъ насъ сильный пордь-остъ, захватывающій дыханье. Минутами казалось, что мы, продвигаясь впередъ, продвигаемъ передъ собою какую-то невидимую упругую стѣну и что, еще немного, и новый порывъ вѣтра преодолѣтъ наши усилія и снесетъ васъ съ коней. Мой флажокъ бѣшено бился на пикѣ, которая оттягивала мнѣ руку, и тогда, замотавъ его вокругъ древка, я укрѣпилъ ее ремешкомъ. Вскорѣ я замѣтилъ, что плоскогорье впереди насъ обрывается и что за нимъ, по всей вѣроятности, начинается спускъ. Когда мы подошли къ краю его, то передъ нами внезапно открылся обширный видъ; горы круто убѣгали внизъ, а за прибрежными отрогами ихъ до самаго горизонта, раскинулась морская ширь, испещренная зыбью и бѣлыми барашками. Стало ясно, что близокъ предѣлъ нашихъ странствованій на этомъ берегу. Казалось, что море ожидаетъ насъ, чтобы принять насъ на свое лоно и понести остатки арміи къ невѣдомой судьбѣ. Эти думы и грандіозное зрѣлище настолько захватили меня, что я даже и не обратилъ вниманія на слова начальника хозяйственной части, подѣхавшаго ко мнѣ и сообщившаго, что за ночь вмѣстѣ съ другими вещами былъ сожженъ и мой чемоданъ со всѣмъ моимъ имуществомъ. Когда же мы по зигзагообразной дорогѣ стали спускаться съ горъ, то подъ нами, какъ съ птичьяго полета, обрисовались контуры широкой Новороссійской бухты, и замелькалъ и самъ Новороссійскъ, со своими зеленѣющими предмѣстьями. Въ гавани стояло два-три парохода, а у входа въ бухту отчетливо выдѣлялись очертанія военныхъ судовъ. Оставалась, повидимому, надежда, что погрузятъ и насъ, когда настанетъ наша очередь.

Чѣмъ ниже мы спускались и чѣмъ ближе подходили къ Новороссійску, тѣмъ чаще стали встрѣчаться сады и виллы, утопающія въ зелени. Мы вышли въ долину и остановились верстахъ въ двухъ отъ города. На юго-западѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ, до самаго горнаго края, отдѣлявшаго насъ отъ моря, поднимались волнистой массой холмы, поросшіе низкими кустарниками. Генераль вмѣстѣ со штабомъ расположился въ роцѣ, въ которой, у самой дороги, возвышалось нѣсколько столѣтнихъ дубовъ; полки же устроились на привалъ на сосѣднихъ лужайкахъ, гдѣ въ походныхъ котлахъ стали варить обѣдъ. Повидимому, уже были получены директивы изъ Новороссійска, такъ какъ часа черезъ два сѣдѣнные эскадроны стали занимать ближайшія позиціи. Я же, вслѣдъ за генераломъ, отправился въ Новороссійскъ.

Въ предмѣстьи мы заѣхали во дворъ какого-то фабричнаго зданія, гдѣ расположились наша хозяйственная часть и полковые обозы. Воспользовавшись тѣмъ, что генераль отправился въ штабъ генерала Варбовича я пошелъ въ городъ. Новороссійскъ

трудно было узнать. Чѣмъ ближе къ центру, тѣмъ большее запустѣніе царило въ немъ. На улицахъ — ни души: городъ будто-бы вымеръ. Порывистый вѣтеръ разносилъ по мостовой мусоръ и всякій хламъ; всѣ магазины и лавки были наглухо закрыты, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ выбиты ставни и зіяющія витрины свидѣтельствовали о томъ, что здѣсь недавно поработали мародеры. При видѣ всего этого запустѣнія и вспомнивъ, что за послѣднее время въ городѣ свирѣпствовали повальные эпидеміи, я не рѣшился идти дальше и вскорѣ вернулся на фабричный дворъ. Тутъ тоже оказалось невесело. Хотя для лошадей у насъ имѣлось достаточно корма, но для людей въ обозѣ продовольствія не хватало. Въ Новороссійскѣ ничего нельзя было достать, и мы, храня унылое молчаніе просидѣли здѣсь въ бездѣйствіи до самого вечера.

Эвакуація въ Крымъ.

На слѣдующее утро я поѣхалъ съ генераломъ на позиціи. Подъ Новороссійскомъ находились теперь уже въ арьергардѣ Добровольческой арміи, кромѣ кавалеріи генерала Барбовича, нѣсколько пѣхотныхъ частей и кое-какія полевые батареи. Какъ я узналъ позже, пѣхотныя части за послѣдніе дни отбыли въ Крымъ, а казачьи дивизіи отступали на Сочи. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ нашей бригады, занявшей подступы къ Новороссійску, по холмамъ залегли стрѣлки третьяго эскадрона Мариупольскаго полка. Лѣвѣ ихъ не имѣлось другихъ частей, и съ этой стороны единственной нашей защитой былъ горный хребетъ, отдѣлявшій насъ отъ побережья, которое тянулось къ Анапѣ, уже занятой большевиками. Правѣ третьяго эскадрона, по тѣмъ же холмамъ, залегли въ цѣняхъ и другіе маріупольцы, а еще дальше, по рощамъ, — Клястицкій и Чугуевскій полки. На нашемъ правомъ флангѣ должна была находиться пѣхота, но съ нею долго не удавалось установить связи. Другіе же части генерала Барбовича стояли, если не ошибаюсь, гдѣ-то въ отдаленіи, на самомъ крайнемъ правомъ флангѣ.

Заѣхавъ въ штабъ, генералъ поскакалъ безъ дороги по направленію къ холмамъ, занятымъ третьимъ эскадрономъ. Вскорѣ мы очутились у подножья ихъ и стали взбираться по крутымъ откосамъ, пробираясь черезъ колючіе кустарники, послѣ чего, наконецъ, добрые кони наши вынесли насъ на вершину. Мы застали гусаръ славнаго третьяго эскадрона такими же бодрыми, какъ и обычно. Эскадронъ ночью ходилъ по тревогѣ въ дер. Борисовку (въ 6 вер. сѣв.-западнѣе Новороссійска) о чемъ полк. Михаилъ Воиновъ отапортовалъ генералу Чеснакову. Отсюда мы поскакали по холмамъ, то перепрыгивая черезъ препятствія, то поднимаясь въ гору, то спускаясь по откосамъ, и объѣхали эскадроны, гдѣ тоже все оказалось въ порядкѣ. Затѣмъ генералъ вернулся въ штабъ, куда собрались и старшіе офицеры полковъ. Здѣсь мы провели нѣсколько часовъ.

Передъ нами, въ нѣкоторомъ отдаленіи, пологимъ откосомъ поднимался горный хребетъ, на вершинѣ котораго находилась Тоннельная уже занятая противникомъ. Вниманіе всѣхъ привлекала бѣлая полоска дороги, вьющейся по этому откосу. На этой дорогѣ должны были появиться авангарды большевиковъ. Батареи ихъ уже съ ранняго утра начали обстрѣль нашихъ позицій, и шрапнели ихъ то и дѣло рвались

надъ холмами. Но открыто появиться красные повидимому еще не рѣшались: на рейдѣ ожидали ихъ дальнѣйшія орудія англійскихъ судовъ. Однако, немного повыше половиннаго разстоянія между подножіемъ горы и ея вершиной, у небольшого бѣлаго домика, замѣтно было какое-то движеніе. Изъ нашего штаба даже невооруженнымъ глазомъ можно было наблюдать, какъ тамъ собирались небольшія группы людей. Среди нихъ было и нѣсколько всадниковъ, изъ которыхъ одинъ гарцовалъ на бѣломъ конѣ. Это былъ, должно быть, непріятельскій дозоръ, а можетъ быть оттуда обзрѣвалъ наши позиціи какой-нибудь красный начальникъ. Движеніе это продолжалось довольно долго, пока не произошло слѣдующее. Не знаю, замѣтили ли бѣлаго всадника съ англійскаго крейсера, или же наша батарея оповѣстила англійскихъ артиллеристовъ но вдругъ высоко надъ нашими головами загудѣлъ, потрясая воздухъ, тяжелый снарядъ, и черезъ мгновеніе у самаго бѣлаго домика поднялся высокій столбъ чернаго дыма. Послѣдовалъ громopodobный раскатъ, подхваченный многократнымъ эхо, а когда дымъ разсѣялся, то мы увидѣли, что домика уже не стало... Мы восторженно привѣтствовали удачный ударъ англійскаго двѣнадцати-дюймоваго орудія. Послѣ этого большевиковъ уже не было видно: однѣ только шрапнели ихъ продолжали рваться надъ нашими позиціями и надъ поворосійскимъ шоссе.

За этотъ день генеральъ побывалъ нѣсколько разъ въ штабѣ генерала Барбовича, находившемся въ ближайшемъ предмѣстьи города. Тамъ, повидимому, обсуждался вопросъ о предстоявшей погрузкѣ частей, еще задержавшихся подъ Новоросійскомъ. По отдѣльнымъ фразамъ, которыя я случайно улавливалъ въ штабѣ бригады, я догадывался, что и намъ не сегодня-завтра предстоитъ погрузка на суда. Но какое-то предчувствіе подсказывало мнѣ, что насъ погрузить въ самую послѣднюю очередь. Невольно напрашивалась мысль, хватить ли въ послѣднюю минуту судовъ и мѣста для всѣхъ. Въ этомъ, казалось, и въ нашемъ штабѣ не всѣ были увѣрены. Какъ бы въ подтвержденіе моихъ предчувствій, мы во время одной изъ поѣздокъ въ Новоросійскъ повстрѣчались съ частями, отправляющимися уже въ портъ на погрузку. Прошла Корниловская батарея и пѣхота, затѣмъ по направленію на Новоросійскъ потянулись въ образцовомъ порядкѣ и полки 1-ой кавалерійской дивизіи. Наша же бригада продолжала оставаться на позиціяхъ.

Когда вечеромъ генеральъ Чеснаковъ вновь поѣхалъ въ штабъ дивизіи, то я оставился въ хозяйственной части. Хотя приказа объ отступленіи мы ожидали съ часу на часъ, но никто изъ насъ, гусарь, понято ничего въ точности не зналъ; погрузка могла произойти и на слѣдующій день. Поэтому съ наступленіемъ темноты я расположился спать на конюшнѣ, неподалеку отъ своего коня, и, уставъ за день, заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Это была та самая ночь, *) въ которую намъ суждено было многое пережить. Не знаю въ точности въ которомъ часу, можетъ быть часовъ въ десять вечера, — я былъ разбуженъ всеобщимъ переполохомъ. Сообразивъ, что должно быть получены ожидаемый приказъ, я, стараясь преодолѣть дремоту, поспѣшно осѣдлалъ Дэзи и, миновавъ дворъ, переполненный обозами, выѣхалъ на улицу. По ней въ темнотѣ и въ

*) Ночь съ 13 на 14-ое марта.

глубокомъ молчаніи уже проходили наши конные эскадроны. Я тронулъ Дэзи и поѣхалъ впередъ въ надеждѣ найти генерала во главѣ колонны.

Все произошло внезапно; переходъ отъ глубокаго сна къ видѣнію на яву среди темной ночи былъ такимъ неожиданнымъ, что невольно становилось жутко. Чувствовалось, что въ эти минуты рѣшается наша судьба, и это молчаливое шестіе казалось трагичнымъ. Вѣхъ быстро по улицѣ оказалось невозможнымъ. Въ темнотѣ я то и дѣло натыкался на отдѣльныхъ всадниковъ, слышался топотъ сотенъ конскихъ копытъ. Эскадроны невидимой колонной слѣдовали между рядами домовъ, темные контуры которыхъ обрисовывались на багровомъ заревѣ дальнихъ пожаровъ. Иногда, между домами зарево слабымъ отблескомъ на мгновенье озаряло и сомкнутыя колонны всадниковъ. Тогда среди лѣса пикъ и надъ моремъ конскихъ головъ мелькало знакомое лицо; но затѣмъ все вновь погружалось во тьму. Съ грѣхомъ пополамъ обогнавъ колонну, я засталъ генерала уже при вѣздѣ на большой мостъ, соединявшій центральную часть города съ его восточнымъ предмѣстьемъ и доками. Здѣсь передъ нами открылось грандіозное зрѣлище. Налѣво въ полуверстѣ горѣли обширные желѣзнодорожные склады. Надъ длинными зданіями, обѣятыми пламенемъ, нависло розовое облако дыма, въ которомъ, изрѣдка вспыхивая изъ-подъ полуобгорѣвшихъ крышъ, подымались сонмы искръ. На мосту было свѣтло, а направо отъ насъ черныя воды бухты отливались тысячу огней отраженного пожара. Хотя отсюда за дальностью разстоянія и не должно было слышно гула пожарница, но изъ горящихъ складовъ доносилась до насъ непрерывная трескотня, то затихающая, то вспыхивающая вновь съ особой силой передъ каждымъ взлетомъ искръ. Казалось, что мы присутствуемъ при величественномъ фейерверкѣ. Это тысячами рвались въ огнѣ патроны, оставленные нами на складахъ.

Мы выѣхали на темную набережную. Здѣсь генералъ спѣшился и, пропустивъ эскадроны, приказалъ остановиться.

«Слѣзай!» скомандовалъ онъ внятнымъ голосомъ, видимо дѣлая надъ собою усилие, чтобы казаться спокойнымъ: «всѣ, — снимайте сѣдла и уздечки и въ порядкѣ эскадроновъ — на погрузку... Съ Богомъ!»

Въ томъ мѣстѣ набережной, гдѣ остановился генералъ, я замѣтилъ темныя очертанія небольшого парохода, причаленного къ берегу. Всѣ огни на немъ были погашены, но казалось, что на немъ уже была погружена какая-то часть. *) Люди спѣшились и стали поспѣшно разсѣдлывать лошадей.

Тутъ я вдругъ съ особой силой почувствовалъ всю необычайность минуты. Нѣсколько сотъ кавалеристовъ, соблюдая полный порядокъ и кажущееся спокойствіе, готовились бросить на произволъ судьбы своихъ коней, которые въ теченіе долгаго времени составляли для нихъ главный предметъ заботы, о которыхъ они на походѣ привыкли думать больше, чѣмъ о самихъ себѣ. Дэзи, настороживъ уши, съ недоумѣніемъ, казалось, смотрѣла на меня своимъ круглымъ глазомъ, когда я снималъ съ нея уздечку. Сколько разъ, разнуздавъ ее, я ставилъ ее въ теплую конюшню и задавалъ ей кормъ, а теперь не готовился ли я предать ее, моего вѣрнаго друга?.. Стараясь подавить въ себѣ непріятное чувство, похожее на стыдъ, я тихо похлопоталъ ее по глад-

*) На пароходѣ «Аю-Дагъ» уже паходились части 1-ой кавалерійской дивизіи.

кой спинѣ, провелъ по обнаженной мордѣ и съ сѣдломъ въ рукѣ направился къ пароходу. Но не прошелъ я и нѣсколькихъ шаговъ среди брошенныхъ коней, какъ услышалъ за собою знакомое ржаніе и почувствовалъ на шеѣ влажное дыханіе: это Дези слѣдовала за мной! Не оборачиваясь, я ускорилъ шагъ, сдѣлалъ два-три поворота и очутился у парохода. Генералъ съ группой офицеровъ стоялъ неподалеку и съ берега наблюдалъ за погрузкой. Въ первую очередь погрузились штабъ съ офицерскимъ эскадрономъ, сформированнымъ въ Крымской. Затѣмъ стройными рядами, въ полномъ вооруженіи, — съ винтовкой за плечомъ и держа въ одной рукѣ сѣдло, а въ другой — пику, — медленно стали выходить на погрузку уланы и гусары. Первыми вышли на погрузку чугуевцы, а за ними клястицкіе гусары; въ послѣднюю очередь должны были погрузиться маріупольцы.

Небольшое судно быстро заполнялось людьми и подъ ихъ грузомъ видимо все болѣе и болѣе осѣдало. На командномъ мостикѣ, погруженномъ во мракъ, виднѣлась фигура судового капитана, а у входа на пароходъ появилось два матроса. Все это я видѣлъ, какъ бы во снѣ. Находясь при начальникѣ дивизіи, я по правдѣ сказать не особенно волновался и терпѣливо дожидался очереди, хотя и чувствовалъ что мы погрузимся въ самую послѣднюю минуту. Однако, именно въ этой покорности судьбѣ было что-то тревожное. Помимо воли, каждая минута, каждая секунда, получала особое значеніе. И хотя не было ничего привлекательнаго въ погрузкѣ, хотя въ полную неизвѣстность пускались мы и отплытіемъ въ темную ночь на перегруженномъ пароходѣ сами подчеркивали значеніе завершившейся катастрофы, но въ этой ожидаемой секундѣ заключалось все...

Погрузка только что наладилась, какъ вдругъ люди остановились. Въ это мгновеніе судно какъ-то зловѣще накрепчилось, послышался стукъ снимаемаго мостика, и между пароходомъ и набережной внезапно образовалось зіяющее пространство.

«Что такое?» проговорилъ генералъ: «подойдите ближе.»

Послѣдовало молчаніе. Затѣмъ матросъ, стоявшій у борта, тихо отвѣчалъ: «Приказано отходить, — больше мѣстовъ нѣту...»

«Что за безобразіе!» заволновался генералъ: «Капитанъ, доложите на рейдѣ, что на берегу осталось три полка арьергардной части.»

Но пароходъ продолжалъ отчаливать, и темная масса его уже тихо колыхалась въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега.

Наконецъ, черезъ минуту, съ команднаго мостика раздался голосъ капитана, говорящаго въ рупоръ: «Я къ берегу подойти не могу, — судно не выдерживаетъ груза... Вамъ съ рейда вышлютъ судно, онъ васъ возьметъ...»

Замѣтивъ, какъ вдругъ поблѣднѣлъ генералъ, я понялъ, что совершается трагедія. Произошло то, что я наканунѣ смутно предчувствовалъ: не рассчитали мѣсть, — прислали судно, не могущее вмѣстить въ себя всей арьергардной части... Теперь уже сомнѣнія быть не могло, — пароходъ ушелъ. Онъ скрылся во тьмѣ; на мѣстѣ его были глубокія черныя воды, а надъ крышами прибрежныхъ домовъ продолжало свѣтить зарево дальняго пожара... Намъ ничего другого не оставалось, какъ терпѣливо дожидаться прибытія обѣщаннаго катера. Люди, не выражая особеннаго волненія, размѣстились у каменныхъ парапетовъ набережной, сложили на нихъ свои доспѣхи.

Черезъ нѣкоторое время съ рейда прибылъ офицеръ и доложилъ, что намъ вышлютъ пароходъ.

Долго ли мы простояли такъ, — не знаю. Помню только, какъ генералъ обратился къ стоящему рядомъ адъютанту: «Распорядитесь заставу выставить по крайней мѣрѣ, по направленію къ городу. Хотя бы одинъ пулеметъ поставить надо, — вѣдь за нами больше никого не осталось...» — Темная ночь, поглотившая городъ съ его дальними предмѣстями, таила въ себѣ молчаливую загадку. Вдали, въ горящихъ складахъ потрескивали рвущіеся патроны, но вѣдь и тамъ, около складовъ, не оставалось больше ни одной живой души... Рядомъ съ собой я вдругъ услышалъ всплескъ, какъ будто бы въ воду упало грузное тѣло. Обернувшись я увидѣлъ, что это одна изъ лошадей бросилась въ воду съ откоса набережной. Описавъ два-три круга у берега и быстро плывя и фыркая, она вдругъ устремилась въ открытое море. Неужели же и ей, брошенной лошади, передалось отчаяніе людей, и по какому-то наитію, покинувъ негостепріимный берегъ, направилась она въ невѣдомую даль? На берегу остальные лошади разбрелись по широкой набережной въ тщетныхъ поискахъ корма на мостовой и у глухихъ заборовъ.

Наконецъ, сквозь овладѣвшую было мною дремоту я услышалъ другой всплескъ, — на этотъ разъ со стороны моря. Слышался ровный стукъ машины, — это подходилъ англійскій катеръ, высланный намъ по распоряженію ген. Барбовича. Было уже около двухъ часовъ ночи. Началась опять томительная и долгая погрузка. Капитанъ англійскаго катера обѣщался сдѣлать сколько надо будетъ рейсовъ, и въ первую очередь ушелъ Чугуевскій полкъ. Во второй рейсъ были погружены конно-артиллеристы и клясицкіе гусары. На берегу еще оставалась большая часть маріупольцевъ, когда передъ самымъ отбытіемъ катера выяснилось, что по распоряженію англійскаго командованія катеръ больше не вернется... Одновременно прошелъ слухъ, что у Цементнаго завода стоитъ русскій транспортъ съ пѣхотой, но что и онъ тоже перегруженъ и готовится уйти въ море. Намъ нельзя было терять времени и оставалось только проверить слухъ. Я услышалъ, какъ генералъ прокричалъ: «Маріупольцы, за мной!» И тогда мы, пробираясь отдѣльными группами среди брошенныхъ коней, побѣжали въ указанномъ намъ направленіи. Пожилой полковникъ Бѣлевцовъ, которому больныя ноги не позволяли бѣжать, вогромоздился безъ сѣдла на взнузданнаго лошака и тихой рысцой послѣдовалъ за нами. Остальные бѣжали, обгоняя другъ друга. Тяжелое сѣдло съ притроченными къ нему вещами, пика и винтовка сильно мѣшали моему бѣгу; но надежда на спасеніе была еще не потеряна, и я продолжалъ тащить всю свою поклажу.

Миновавъ предмѣстье и пробѣжавъ еще нѣкоторое разстояніе, мы, наконецъ, добрались до Цементнаго завода. На пустынной набережной въ огромномъ количествѣ валялись въ безпорядкѣ всевозможныя пожитки, брошенные здѣсь должно быть за предыдущіе дни. Рядомъ съ сѣдлами, пиками, патронташами и даже винтовками лежали распоротые мѣшки и тюки, изъ которыхъ на каменные плиты высыпались всевозможныя товары. Мы натыкались здѣсь на груды толстой подметочной кожи. на пакеты чая, куски шоколада... Подъ ногами хрустѣли кучи сахара, крупы и всякой всячины... Изрѣдка среди этихъ разбросанныхъ вещей и тюковъ встрѣчался не-большой кованный сундучокъ, плетенка съ чѣми-то пожитками, даже кожаный чемоданъ, въ одномъ изъ которыхъ, полураскрытомъ, я мимоходомъ замѣтилъ тусклый

блескъ столового серебра... Но о томъ, откуда и какъ попали сюда эти вещи, намъ некогда было задумываться....

У набережной дѣйствительно стояло какое-то небольшое судно, но оно оказалось не русскимъ транспортомъ, а перегруженнымъ англійскимъ катеромъ. Генераль уже переговаривался съ его командиромъ. Въ ожиданіи дальнѣйшаго, мы размѣстились на берегу и стали вглядываться въ темныя очертанія парохода, прислушиваться къ переговорамъ, принимавшимъ бурный характеръ. Почти всё молчали, изрѣдка только обмѣниваясь короткими фразами, и всё старались не выдавать своего волненія; но настроеніе наше было такое, какое должно быть испытываетъ команда тонущаго судна, когда уже всё шляпки ушли въ море и осталась только слабая надежда на спасеніе... Вся надежда была на генерала. Уговорить ли онъ англійскаго капитана? Но перегруженный катеръ, брошенный на набережной вещи, физическое напряженіе отъ быстрого бѣга, тяжесть собственной поклажи, темнота, ожиданіе и контрастъ съ тѣмъ, что мы только что представляли собою стройную боевую часть, а теперь брошены на произволъ судьбы, — все это вмѣстѣ взятое приводило къ какому-то умственному оцѣпененію. Тяжелыми, враждебными и унылыми казались каменные плиты набережной, а тамъ чернѣлась поверхность водъ, — путь намъ еще недоступный... И вдругъ какъ-то сразу выяснилось, что насъ на англійскій катеръ взять не могутъ. Въ ту же минуту судно отчалило отъ берега. Одновременно вновь пронесся слухъ, что неподалеку стоитъ большой русскій транспортъ съ пѣхотой.

Прошло еще нѣсколько минутъ. Темное до этого времени небо уже стало озаряться отблесками утренней зари, и тутъ мы всё, какъ одинъ, поняли вдругъ, что помощи со стороны ожидать нечего. Ясно стало и то, что съ наступленіемъ утра настало время для каждаго изъ насъ спастись, какъ кто можетъ. На набережной люди встрепенулись. Я старался не отходить ни на шагъ отъ начальника дивизіи, около котораго находился полковникъ Михайлъ Воиномъ и поручикъ Гердеръ. Отъ насъ стали отдѣляться небольшія группы и пропадать во мракѣ. Надо было провѣрить, нѣтъ ли возможности попасть еще на русскій транспортъ. Къ тому же оставалась еще надежда и на то, что на берегу могутъ попасться намъ какія нибудь оставленные лодки или баржи, которыми мы сможемъ воспользоваться. И всё инстинктивно бросились бѣжать по дорогѣ на югъ.

Пробѣжавъ съ версту, мы, наконецъ, при слабомъ утреннемъ свѣтѣ увидали передъ собою, въ самой глубинѣ залива, очертанія большого парохода, стоявшаго у берега. *)

Передъ нами, на широкомъ берегу шумѣла многотысячная безоружная толпа, а на самомъ пароходѣ, на борту его и на снастяхъ надъ переполненной до отказа палубой, повисли грозды людей. Толпа состояла изъ донскихъ и кубанскихъ казаковъ, которые очевидно въ послѣднюю минуту, объятые страхомъ, рѣшились бѣжать къ морю. **) Толпа оборванныхъ и полуозвѣбшихъ людей встрѣтила насъ враждебно. По нашему адресу раздались недружелюбные возгласы и ропотъ.

*) Транспортъ «Николай 119».

**) Когда эвакуація морскимъ путемъ была еще возможна, многія казачьи части отрицательно относились къ мысли о посадкѣ на суда и предпочли отступить берегомъ на Сочи.

Мало было надежды попасть на перегруженный пароходъ, вотъ-вотъ готовый уйти, но генераль, выхвативъ револьверъ, сталъ протискиваться черезъ толпу. За нимъ послѣдовало нѣсколько офицеровъ, Миша, пор. Гердери и я. Неимовѣрныхъ усилій стоило намъ добраться до судна. Минутами казалось, что мы, сдавленные со всѣхъ сторонъ сплошной людской массой, со сжатыми ребрами и задущеннымъ дыханіемъ, лишимся послѣднихъ силъ и будемъ затоптаны толпой. А толпа гудѣла вокругъ, сжимая насъ все больше и больше.

Наконецъ, какимъ-то чудомъ мы добрались до стоявшаго на берегу грузового автомобиля, съ котораго на пароходъ былъ переброшенъ входной мостикъ. За бортомъ судна, возвышавшимся надъ берегомъ, въ туго сплоченной толпѣ пассажировъ мелькали малиновые фуражки дроздовцевъ. Догружались ихъ однополчане, еще оставшіеся на берегу, и офицеры Дроздовскаго полка, стоявшіе на грузовикѣ, не пропускали на пароходъ никого, кромѣ своихъ. Несмотря на всѣ просьбы генерала, ему въ категорической формѣ было заявлено, что насъ не пропустятъ. Когда же, послѣ долгихъ усилій, намъ все же удалось взобраться на грузовикъ, то въ эту минуту мостикъ былъ снятъ, и при глухомъ стонѣ толпы, оставшейся на берегу, пароходъ сталъ отчаливать.

Пропадала послѣдняя реальная надежда! Теперь только чудо могло спасти насъ! Съ разрѣшенія генерала я поспѣшно отпоролъ шашкой полковой флажокъ отъ пики, оттрочилъ отъ сѣдла свои венцы и, оставивъ сѣдло и пику на грузовикѣ, бросился опять въ толпу, вслѣдъ за нашей группой. Нервы мои, напряженные до крайности, достигли теперь того состоянія, когда уже все кажется безразличнымъ. Моимъ движеніямъ мѣшалъ какой-то твердый предметъ въ карманѣ моей шинели. Я засунулъ руку въ карманъ и досталъ изъ него большой кусокъ шоколада, подобранный на набережной. И безсознательно, въ какомъ-то умышленномъ ступѣніи, я, пробираясь съ вещами сквозь толпу, сталъ съ жадностью откусывать куски шоколада отъ толстаго куба. Когда же я, наконецъ, выбрался изъ толпы, то замѣтилъ, что отбился отъ генерала и его спутниковъ и что они куда-то исчезли.

Въ этомъ мѣстѣ начинался длинный молъ, ограничивающій бухту со стороны, противоположной городу. По нему, по направленію къ дальнему маяку, бѣжала уже группа нашихъ офицеровъ и солдатъ. На полпути до маяка стояли у мола двѣ порожнія баржи. Вмѣстѣ съ нѣсколькими гусарами я вскочилъ въ одну изъ нихъ, но тотчасъ же замѣтилъ, что она на четверть заполнена водой и что подъ нашимъ грузомъ она настолько осѣла, что бортъ ея уже едва не касается поверхности воды. Не въ лучшемъ состояніи оказалась и вторая баржа. Выйти на этихъ баржахъ не только въ море, но и просто на середину бухты, казалось дѣломъ безнадежнымъ; и поэтому, сойдя на берегъ, я побѣжалъ дальше къ маяку.

Здѣсь собралось человекъ тридцать нашей команды. Уже почти совсѣмъ разсвѣло. Впереди, по ту сторону бухты, сѣрѣли очертанія Новороссійска, въ который уже, можетъ быть, вступили передовые отряды красныхъ. Мѣстами еще подымался дымъ недогорѣвшихъ пожарищъ. Правѣ насъ, въ глубинѣ бухты, встрѣтившая насъ такъ враждебно многочисленная толпа размѣстилась на набережной въ ожиданіи своей дальнѣйшей участи. За нею и за бѣлѣющими зданіями Цементнаго завода подымались лѣсистыя, дикія горы. За нами же, за невысокой скалой, прилегающей къ молу,

и налѣво отъ насъ, — лежало открытое море, на которомъ виднѣлись на рейдѣ очертанія военныхъ судовъ, а на горизонтѣ — черные дымки уходящихъ транспортовъ...

Этотъ дальній молъ казался предѣломъ нашихъ странствованій. Не вилавъ же было пускаться въ море, подобно брошенной лошади. Тутъ однако выяснилось, что генералу удалось найти у берега брошенную моторную лодку и что онъ на ней ушелъ на рейдъ съ тѣмъ, чтобы выслать намъ помощь. Полку было приказано дожидаться на молу. Но прошло уже много времени, а съ рейда не показывалось никакого судна. На минуту наши взоры были привлечены двумя сѣрыми полосками, мелькнувшими въ туманѣ у противоположнаго берега. Подъ самымъ городомъ стояли еще два миноносца. Какъ привлечь ихъ вниманіе на такомъ разстояніи? Но вскорѣ снялись и эти миноносцы и ушли въ море. Бухта совсѣмъ опустѣла...

Гдѣ-то въ горахъ затарахтѣлъ пулеметъ. Толпа у Цементнаго завода охнула, взметнулася. Можетъ быть это зеленые обстрѣливали ее съ горъ? Съ бухты грянуло два орудійныхъ выстрѣла. *) Неужели же и на самомъ дѣлѣ не оставалось больше надежды? Большинство офицеровъ склонялось къ тому, чтобы попытаться берегомъ и по горамъ пробраться до Геленджика и оттуда пройти дальше на Сочи. Другіе, считая это предпріятіе безнадежнымъ, предлагали возвратиться въ городъ и тамъ съ честью погибнуть на барикадахъ. Какъ бы тамъ ни было, все говорило за то, что насъ ожидаетъ неминуемая смерть. Она простирала къ намъ свои леденящія руки изъ дальнихъ очертаній города надъ свинцовой поверхностью водъ, она притаилась въ горахъ среди дикихъ лѣсовъ и ущелій... Маленькой казалась наша группка у маяка. Каждый изъ насъ занятъ былъ своими мыслями, каждый изъ насъ готовился, должно быть испытать свою послѣднюю судьбу. Но чего же ожидали мы? Не чуда ли? Такъ прошло еще съ полчаса.

И вдругъ въ нашей группѣ произошло движеніе. Неожиданно со стороны города показался миноносецъ. Выйдя на середину бухты, онъ остановился, и мы увидѣли, что на его кормѣ развѣвается Андреевскій флагъ. Какъ одинъ поняли мы, что только онъ можетъ спасти насъ. Теперь намъ надо было во что бы то ни стало привлечь его вниманія.

Не долго думая, одинъ вольноопредѣляющійся Чугуевского уланскаго полка, стоявшій неподалеку отъ нашей группы, бросился вдругъ съ мола въ холодную воду и поплылъ по направленію къ миноносцу. Мы съ напряженіемъ стали слѣдить за его движеніями. Онъ плылъ ровными взмахами, то исчезая среди волнъ, то показываясь на ихъ поверхности. Но силы видимо измѣняли ему, одежда мѣшала движеніямъ. Казалось, что никогда не доплыветъ онъ до миноносца и утонетъ, окованъ въ ледяной водѣ. Вскорѣ однако, его замѣтили съ миноносца. Мы увидѣли, какъ съ военного судна спустился шлюпку, и какъ затѣмъ она подобрала изнемогающаго пловца. Тогда мы всѣ выстроились на концѣ мола и стали махать цвѣтными фуражками, въ надеждѣ, что и насъ замѣтятъ съ миноносца. Громкое «ура!» грянуло въ нашихъ ря-

*) Это дѣйствительно зеленые обстрѣливали толпу изъ пулемета. Имъ отвѣчала изъ своихъ трехдюймовыхъ орудій подводная лодка «Утка», оставшаяся еще въ бухтѣ.

дахъ, когда миноносецъ вдругъ повернулъ въ нашу сторону и сталъ подходить къ молу. Кто-то прочелъ на немъ надпись «Капитанъ Сакентъ.»

Вскорѣ въ рупоръ намъ дали знать, что миноносецъ возьметъ на бортъ человѣкъ восемьдесятъ, но не больше, и при томъ только условіи, чтобы не подпускали къ молу никого изъ толпы, расположившейся на восточной набережной. По молу къ намъ уже бѣжали группки нашихъ гусаръ, и когда миноносецъ подошелъ и причалилъ къ молу, то у перекинутого съ него мостика насъ собралось уже съ полсотни человѣкъ. Стоя въ караулѣ, я замѣтилъ, что изъ толпы выдѣлились группы людей, бѣжавшихъ по молу по направленію къ намъ. Я крикнулъ имъ, чтобы они остановились но они продолжали бѣжать, и я тогда выстрѣлилъ въ воздухъ, плохо соображая, что этимъ выстрѣломъ могу навлечь на насъ вниманіе и всей толпы. По перекинутымъ доскамъ люди одинъ за другимъ вступали на миноносецъ. Не казались ли эти платкія доски тонкой ниточкой связывающей насъ съ жизнью? Удастся ли намъ всѣмъ пройти по нимъ?

Но погрузка прошла благополучно. На палубѣ столпилась вся команда военнаго судна и отовсюду насъ встрѣчали сочувственные взоры. Когда же я въ свою очередь вступилъ на палубу миноносца, то очутился лицомъ къ лицу съ пожилымъ небольшого роста генераломъ, привѣтствовавшимъ входящихъ. Я вытянулся во фронтъ и такъ же, какъ и другіе, выразилъ ему свою благодарность за спасеніе. Но какъ я тогда далеко былъ отъ мысли, что передо мною самъ главнокомандующій, генералъ Деникинъ!

Вспоминая теперь эту встрѣчу, я вижу вновь его исхудавшее, старческое, но чисто великорусское лицо, сѣрые глаза подъ нависшими бровями и запущенную сѣдую бородку. Какъ измѣнился онъ тогда по сравненію съ тѣми снимками, которые я привыкъ видѣть! Безсонныя ночи, страданія за армію, личные невзгоды, испытанныя за послѣднія времена, положили печать на всемъ его обликѣ, такомъ простомъ, скромномъ и страдальческомъ. Во сколько разъ больше насъ всѣхъ перестрадалъ онъ за эти дни. И за то, что онъ въ послѣднюю минуту лично оказался на рейдѣ и уже не какъ главнокомандующій, но просто какъ отзывчивый человѣкъ, оказалъ послѣднюю помощь обреченнымъ на смерть, — вѣчная благодарность великодушному генералу!

Мы были спасены. Какъ только погрузилась наша команда, насъ тотчасъ же перевели въ рубку: съ миноносца готовились передъ уходомъ дать послѣдній залпъ по противнику. А черезъ полчаса мы подошли къ англійскому крейсеру, на который насъ тотчасъ же и пересаживали. На огромной палубѣ «Императора Индіи» отдѣльными группами размѣстились донцы и кубанцы, ранѣе насъ взятые на крейсеръ. Видъ они имѣли подавленный и мрачный; многіе изъ нихъ были больны и лежали неподвижно на палубѣ со страдальческимъ выраженіемъ исхудавшихъ лицъ. Вокругъ сновали опрятные англійскіе моряки, внимательно и корректно относившіеся къ нашему бѣдственному положенію. На палубѣ уже стояли большіе котлы съ горячимъ супомъ, лежали груды консервовъ и папиросъ. нашихъ офицеровъ перевели въ чистенькія каюты, а въ просторномъ лазаретѣ медицинскій персоналъ оказывалъ первую помощь больнымъ.

Утоливъ голодъ и обойдя судно, я вышелъ на палубу и предложилъ свои услуги въ качествѣ переводчика. Мы полнымъ ходомъ шли въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега. Въ виду Анапы, часть палубы очистили отъ пассажировъ, и два орудія, медлен-

но повернувшись въ башняхъ, одно за другимъ выпустили свои тяжелые снаряды по большевикамъ. Вскорѣ берегъ скрылся съ глазъ. Свѣжій морской вѣтеръ обвѣвалъ лицо. Изъ большой трубы валилъ черный дымъ, разстилаясь по морю до самаго горизонта; надъ нами возвышались стальные громады орудій; вокругъ поблескивали мѣды и свѣжія снасти. И несмотря на весь трагизмъ нашего положенія, я почувствовалъ неописуемое чувство блаженства, когда, наконецъ, со всею ясностью осозналъ, что угроза близкой и неминуемой смерти какимъ-то чудомъ исчезла и замѣнилась неожиданной дѣйствительностью спасенія. Далеко уже отошли негостепріимные берега Кубани. Закончилась мрачная кампанія, полная неудачъ и безплодныхъ скитаній. Впереди, правда, опять ожидало насъ неизвѣстное будущее; но какое-то предчувствіе настойчиво подсказывало мнѣ, что нашему душевному отчаянію насталъ конецъ и что хотя намъ и предстоитъ еще въ будущемъ всякія испытанія, но въ нихъ мы найдемъ спокойствіе духа и радость. И я всею душою приветствовалъ бѣгъ встрѣчныхъ волнъ, разрѣзаемыхъ стальною грудью быстроходнаго судна; и мысли мои уносились вдаль, къ безоблачному горизонту, гдѣ вскорѣ должны были показаться очертанія крымскаго берега...

V. Въ Крыму.

На переломѣ двухъ кампаній.

Несомнѣнно, что съ оставленіемъ арміей Кубани и Новороссійска, освободительному движенію нанесенъ былъ тяжелый, непоправимый ударъ. Съ эвакуаціей арміи въ Крымъ оставалось мало надеждъ на возможность новаго наступленія вглубь Россіи и еще меньше на то, чтобы кампанія вновь приняла тѣ размѣры, до которыхъ она была доведена, когда мы занимали Харьковъ, Орелъ, Воронежъ... Стоило только взглянуть на карту Россіи и сравнить маленькій Крымъ съ обширной территоріей, занятой красными; стоило только вспомнить, что утеряно было то время, когда противникъ былъ еще слабъ и неорганизованъ, чтобы убѣдиться въ томъ, насколько непосильной становилась дальнѣйшая борьба. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не могло быть сомнѣній и въ томъ, что кампанія не могла завершиться позорнымъ бѣгствомъ! Пока еще во многихъ частяхъ сохранился воинскій духъ, пока еще оставался клочекъ русской земли, захваченный красными, то не только возможно, но и необходимо было продолжать борьбу. Честь Русской арміи должна была быть спасена, и въ этомъ и заключается моральное значеніе всего послѣдовавшаго періода.

Составляя настоящія записки и мысленно переживая уже давно минувшія событія, я не могу не остановиться, хотя бы вкратцѣ, на тѣхъ причинахъ, которыя, по мнѣнію современниковъ, привели армію къ новороссійской эвакуаціи. Послѣ всякой катастрофы общественное мнѣніе обычно бываетъ склоннымъ слагать вину за происшедшее на отдѣльныя личности. Такъ и въ тѣ времена, какъ въ военныхъ, такъ и въ общественныхъ кругахъ, главными виновниками всего совершившагося считали самого главнокомандующаго, генерала Деникина, и его начальника штаба. Эти обвиненія, раздающіяся впрочемъ и по настоящее время, сводились въ общемъ къ слѣдующему. Генералу Деникину ставилось въ упрекъ, что онъ во время наступленія вглубь Россіи, невзирая на предостереженія изъ арміи и изъ тыла, разбросалъ свою армію

на обширномъ фронтѣ, вмѣсто того чтобы дѣйствовать ею сообща съ арміями адмирала Колчака; что своей непослѣдовательной политикой онъ возстановилъ противъ Добровольческой арміи донцовъ и кубанцевъ; что, наконецъ, не будучи достаточно твердымъ, онъ допустилъ въ глубокомъ тылу политиканство и злоупотребленія и не совладалъ съ задачами внутреннего государственнаго строительства.

Не мнѣ, какъ современнику, къ тому же принимавшему такое незначительное участіе въ событіяхъ, разбираться въ правильности всѣхъ этихъ сужденій, но все же простая логика приводитъ меня къ заключенію, что изъ раздающихся упрековъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, значительно преувеличены. На самомъ дѣлѣ, вѣдь если тогда по стратегическимъ соображеніямъ можетъ быть и правильнѣе было бы дѣйствовать въ одномъ ударномъ направленіи, то въ то же время и занятіе обширныхъ хлѣбородныхъ мѣстностей и богатаго каменноугольнаго района, въ цѣляхъ обезпеченія тыла продовольствіемъ также имѣло свое вѣсское оправданіе. Продвигаясь на широкое фронтѣ вглубь Россіи и гоня передъ собою уже сильно деморализованныя части противника, армія генерала Деникина за нѣсколько мѣсяцевъ удвоила свой численный составъ; при успѣшномъ наступленіи не исключена была возможность массовыхъ возстаній населенія въ тылу отступающей Красной арміи, а быстрое занятіе Москвы могло оказаться рѣшающимъ моральнымъ факторомъ. Что же касается арміи адмирала Колчака, то онѣ, уже наполовину разбитыя, отступали въ Сибирь, и надежды на нихъ было мало.

Если въ глубокомъ тылу и было допущено политиканство и если политика главнаго командованія по отношенію къ Донской и Кубанской казачьимъ областямъ и была нѣсколько непослѣдовательной, то задачи внутренней политической организаціи были тогда настолько сложными, что невольно спрашиваешь себя, могъ ли бы на мѣстѣ генерала Деникина какой-нибудь другой государственный дѣятель справиться съ ними. Броженіе умовъ, порожденное революціей въ тѣ времена еще далеко не изжило себя, съ нимъ приходилось считаться въ тылу, въ которомъ далеко не все обстояло благополучно. Отъ признанія права на самоуправленіе отдѣльныхъ казачьихъ областей до допущенія ихъ политической независимости былъ одинъ шагъ, а при наличіи «самостійныхъ» настроеній среди населенія этихъ областей, энергичное вмѣшательство во внутреннія ихъ дѣла, если оно и было выполнимо, могло привести къ печальнымъ послѣдствіямъ.

Но несмотря на то, что я убѣжденъ, что главныя причины неудачнаго исхода кампаніи заключались не столько въ возможныхъ ошибкахъ главнаго командованія, — а онѣ понятно были неминуемы, — сколько въ томъ, что тогда еще не созрѣли условія внутреннего самовозрожденія Россіи, мнѣ все же кажется, что въ освободительномъ движеніи былъ одинъ недочетъ, который заслуживаетъ особаго вниманія. Я имѣю въ виду то, обстоятельство что правительство Юга Россіи почему-то уклонилось отъ немедленнаго разрѣшенія тѣхъ насущныхъ вопросовъ, которые сами собою напрашивались съ освобожденіемъ новыхъ русскихъ областей. Коренное крестьянское населеніе освобожденныхъ областей въ огромномъ большинствѣ было настроено враждебно къ большевизму и совѣтчинѣ, но въ то же время равнодушно было оно и къ идеологии отдѣльныхъ политическихъ партій. Сердцу его дорого было разрѣшеніе земельнаго вопроса и утвержденіе этого разрѣшенія законной русской властью. Правитель-

ство же Юга Россіи, разрѣшеніе основныхъ вопросовъ государственнаго строительства откладывало до того момента, когда послѣ освобожденія Россіи русскій народъ выскажется самъ за ту или иную форму правленія. Это смутное обѣщаніе оставалось проблематичнымъ, — памятенъ былъ опытъ Учредительнаго собранія. Кто же могъ заранѣе предугадать, каковы будутъ первые шаги будущаго хозяина земли русской, разъ сами добровольцы, будущіе властители положенія, еще не знали въ точности, за кого и за что борятся? Не довольствуясь смутными обѣщаніями и попытками введенія новыхъ порядковъ, часто сводившимся къ однимъ только репрессіямъ, крестьянское населеніе осталось чуждымъ Добровольческой арміи. Одно отрицаніе большевизма оказалось недостаточнымъ. Самъ же народъ еще не чувствовалъ въ себѣ силъ къ самоопредѣленію, — ему нужна была твердая національная власть. Недовѣрчиво отнеслась къ Добровольческой арміи и часть русскаго офицерства, оставшагося въ соѣдѣнной Россіи. Въ этомъ отношеніи немало повредило добровольцамъ ихъ непримиримое отношеніе ко всѣмъ тѣмъ, кто хотя бы и по принужденію еще находился на службѣ у большевиковъ. Боязнь расправы и суда со стороны добровольцевъ, неувѣренность въ силахъ арміи генерала Деникина, а главное — незнаніе ея настоящихъ намѣреній, заставило русскихъ офицеровъ, въ силу обстоятельствъ явившихся въ красную армію, остаться на мѣстахъ и принять участіе въ борьбѣ на сторонѣ красныхъ. Какъ равнодушіе крестьянскаго населенія по отношенію къ Добровольческой арміи, такъ и недоувѣріе къ ней части русскаго офицерства, помогшаго создать боевую силу Красной арміи, были тѣми обстоятельствами, которыя, по моему убѣжденію, и обусловили, главнымъ образомъ печальный исходъ кампаніи.

Одно къ одному, — при первыхъ же неудачахъ Добровольческой арміи, недовольные кубанцы и донцы бросали фронтъ. Съ начавшимся отступленіемъ, армія подвергалась безнаказанной травлѣ со стороны недоброжелателей ея, засѣвшихъ въ тылу. Военныя неудачи, сѣтъ политическихъ интригъ, путаница въ системѣ управленія арміи въ новыхъ условіяхъ борьбы на Кубани, споры и разногласія среди высшаго команднаго состава, — настолько дискредитировали власть, что въ періодъ, предшествовавшій новороссійской эвакуаціи, никакой вождь не оказался бы въ состояніи возстановить положеніе.

Море положило предѣлъ отступленію. Въ Крымъ отплыли всѣ наиболѣе цѣнныя части, сохранявшія воинскій духъ. Все то, что не годилось для дальнѣйшей борьбы, осталось на новороссійскомъ берегу. Почти трехлѣтняя героическая борьба не могла завершиться пораженіемъ; русское трехцвѣтное знамя, облитое кровью, не могло быть такъ грубо и безнаказанно попорано въ грязь. Его долженъ былъ поднять въ болѣе чистыхъ условіяхъ новый вождь, пользующійся всеобщимъ признаніемъ и не замѣшанный въ послѣднихъ событіяхъ. Такимъ вождемъ оказался генералъ Врангель. Не только рѣзкая критика имъ методовъ бывшаго главнокомандующаго выдвигала его на первый планъ событій теперь, когда вся отвѣтственность за происшедшее слагалась на генерала Деникина, но и его беззавѣтная личная храбрость, чувства искренняго, горячаго патріота и способности блестящаго полководца, благодаря которымъ онъ сталъ кумиромъ арміи.

Необычайно сложной была задача новаго главнокомандующаго. Приходилось строить все заново и безъ всякой поддержки со стороны иностранныхъ державъ, считав-

шихъ дальнѣйшую борьбу безцѣльной. Но онъ поставилъ себѣ цѣлью на маленькой территоріи Крыма заложить основанія будущаго россійскаго государства, создать на ней, хотя бы временно, такіе порядки, которые наглядно показали бы русскому населенію, что собственно стремится создать въ будущемъ новая власть, въ противовѣсъ большевиизму. Въ дальнѣйшемъ улыбнулась и боевая удача, и армія вышла было за предѣлы Крыма въ хлѣбородную Сѣверную Таврію. И если и эта вторая кампанія должна была, въ силу необходимости, закончиться неудачей, то по крайней мѣрѣ на этотъ разъ армія вышла изъ нея съ сознаніемъ до конца выполненнаго долга и сохранивъ честь русскаго знамени. Если участники Бѣлой войны потомъ и разсѣялись по всему свѣту то они и на чужбинѣ сохранили преданность завитамъ старой Русской арміи, повсюду являясь выразителями принципа порядка, законности и рыцарской чести.

Первые дни въ Крыму.

Когда крейсеръ «Императоръ Индія» остановился на рейдѣ передъ Феодосіей, насъ тотчасъ же пересадили на катера и перевезли на берегъ. День подходилъ къ концу; стояла ясная и теплая погода; за гладкой поверхностью бухты городъ живописно раскинулся по склону привѣтливыхъ береговъ. Очутясь наконецъ, на набережной, я съ особой силой почувствовалъ необходимость собраться съ мыслями послѣ всего пережитаго и, пользуясь тѣмъ, что ничто собственно не заставляло меня тотчасъ же явиться въ полкъ, — на свободѣ насладиться радостью совершившагося спасенія. Ко мнѣ присоединилось двое молодыхъ вольноопредѣляющихся, и мы, довольные послѣ морского перехода ощутить подъ ногами твердую почву, отправились втроемъ на развѣдку въ городъ.

Я рассчитывалъ, побродивъ по незнакомымъ мѣстамъ, гдѣ-нибудь въ городѣ подыскать мѣсто для ночлега и затѣмъ уже по утру явиться въ полкъ. За набережной мы тотчасъ же очутились на оживленной площади, на которую выходила главная улица, тянувшаяся параллельно взморью. Но толпа насъ не привлекала, — мы искали уединенія. Дальше улица подымалась въ гору, проходя черезъ опустѣвшій базаръ, и мы, миновавъ длинныя зданія торговыхъ рядовъ и свернувъ въ сторону, вскорѣ очутились въ лабиринтъ множества маленькихъ улочекъ и переулковъ верхней части города. Всѣ кварталы, по которымъ мы проходили, были заняты войсковыми частями и это не внушало намъ надежды найти пріютъ на ночь. Но что намъ было до того, разъ на душѣ было такъ легко и привольно! Крутая улочка вывела насъ на окраину города, и мы очутились у земляного вала, надъ которымъ возвышалось какое-то большое зданіе. За валомъ дорога поднималась по откосу горы, по которой то здѣсь, то тамъ, прилѣпились одинокіе домики. Мы пошли по ней и вскорѣ съ высоты передъ нами открылась величественная картина. Подъ нами, какъ съ птичьяго полета, обрисовывался городъ со своими безчисленными улицами, площадями и садами, осяненными куполомъ бѣлѣющаго собора, а дальше разстилалась морская ширь съ ея безбрежнымъ горизонтомъ. Солнце уже низко опустилось надъ моремъ и окрашивало голубую гладь огненными отбѣнками лучезарнаго заката, среди которыхъ «Императоръ Индія», все еще стоявшій на рейдѣ, казался незначительной сѣрой полоской. Неужели же конца-

ющійся день, такой ясный и безмятежный, былъ тѣмъ самымъ, который по утру встрѣтилъ насъ пасмурною мглою разсвѣта, изъ которой почти неминуемая и близкая уже смерть протягивала къ намъ свои цѣпкія руки? Кажалось, что все недавно пережитое было только кошмарнымъ сномъ, навсегда миновавшимъ, и бурная, торжествующая радость, заставляя сердце биться сильнѣе, наполняла душу увѣренностью въ будущемъ. Долго просидѣли мы на откосѣ, любуясь видомъ. Ничто не располагало насъ такъ скоро возвратиться въ городъ и мнѣ казалось, что лучше всего было бы переночевать здѣсь, на высотѣ. Однако и здѣсь всѣ домики оказались переполненными жильцами, а большой домъ, виднѣвшійся на высотѣ и на который намъ указали мѣстные жители, утверждая, что въ немъ никто не живетъ и что сторожъ позволить намъ переночевать въ немъ, оказался наглухо заколоченнымъ и покинутымъ повидимому сторожемъ. Такъ какъ стало свѣжѣть и провести ночь подъ открытымъ небомъ не представляло особой прелести, то волей-неволей пришлось возвратиться въ городъ. Здѣсь, послѣ долгихъ поисковъ по квартирамъ, намъ, наконецъ, удалось найти пріютъ у скромныхъ, но привѣтливыхъ хозяевъ, которые, за неимѣніемъ другихъ удобствъ, разостлали для насъ на полу матрасы.

По утру мы пошли разыскивать полкъ. Оказалось, что вся дивизія расположилась на набережной, въ баракахъ портового элеватора. Когда я попалъ сюда и, проходя между двумя рядами своеобразныхъ зданій, построенныхъ цѣпкомъ изъ волнистаго желѣза, очутился среди спящихъ въ проходѣ или расположившихся группами передъ бараками солдатъ въ знакомыхъ цвѣтныхъ безкозырькахъ, когда среди нихъ я увидѣлъ знакомыя лица маріупольцевъ, тогда, я вновь ощутилъ всю свою причастность къ полку, и къ сознанию удовлетворенія отъ своего личного спасенія присоединялась теперь радостная мысль, что и полкъ остался цѣлъ. Въ одномъ изъ зданій я отыскалъ свой третій эскадронъ. На деревянномъ полу полутемнаго барака, крыша котораго, за отсутствіемъ потолка, обширнымъ сводомъ опускалась до земли, вмѣстѣ съ гусарами расположились и офицеры. У стѣнъ, влѣво и вправо отъ входа, были сложены сѣдла, винтовки и пики, вывезенные изъ Новороссійска. Мой двоюродный братъ Михаилъ привѣтствовалъ меня, какъ пропавшаго было безъ вѣсти. Оказалось, что дѣйствительно ему съ генераломъ Чеснаковымъ и поручикомъ Гердеромъ посчастливилось найти у восточнаго мола небольшой моторный катеръ. На немъ они вышли на рейдъ, подавая тревожные сигналы, и были подобраны миноносцемъ «Пылкимъ», на которомъ находился штабъ генерала Кутепова. Съ «Пылкаго» подали сигналы на «Капитана Сакенъ» и французскую канонерку «Дюгафоль». Послѣ спасенія нашей группы у маяка, «Капитанъ Сакенъ» вывезъ въ море баржу съ нашими гусарами, часть маріупольцевъ была подобрана французской канонеркой и самимъ «Пылкимъ», но съ занятіемъ города красными, эскадра ушла въ море и на берегу осталось все же около сотни гусаръ...

Здѣсь, на русскомъ берегу, на набережной густо заселеннаго города, мы находились, въ положеніи потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Всѣхъ мучилъ голодъ. Хозяйственные части въ суматохѣ прибытія еще не успѣли организовать на новыхъ мѣстахъ, всѣ продовольственные припасы остались на Новороссійскомъ берегу, въ городѣ же, съ прибытіемъ многочисленныхъ частей, цѣны на всѣ продукты поднялись до невѣроятія, и даже за большія деньги трудно было что-нибудь достать. Въ баракахъ, заня-

томъ третьимъ эскадрономъ, стоялъ уже, правда, когда я прибылъ, боченокъ съ соленой «камсой», но эта мелкая, соленая рыбешка, не утоляя голода, только вызывала жажду. Однако трудно вообразить себѣ такое положеніе, изъ котораго не вышли бы наши гусары. Многие изъ нихъ подобрали на новороссійской набережной куски подметочной кожи, запаслись сахаромъ, чаемъ и крупой и теперь, продавъ въ городѣ то что было у нихъ не съѣдобнаго и закупая у мальчишекъ, появившихся около сараевъ, жареные пирожки и папиросы, дѣлились ими съ товарищами. Черезъ сутки появился знаменитый «корнедъ бифъ», прессованная солонина въ жестяныхъ банкахъ. Скромнѣе былъ паекъ, но гусары не унижали. Большія банки разрубались шашками пополамъ и разогрѣвались на огнѣ, тутъ же передъ бараками; вокругъ самодѣльныхъ плитъ, импровизированныхъ изъ двухъ-трехъ кирпичей, слышались шутки, раздавались пѣсни. Вокругъ, на набережной, на которой тутъ же неподалеку разгружались торговые пароходы, прибывшіе изъ Новороссійска, кипѣла шумная и оживленная дѣятельность...

Пользуясь неограниченной свободой вслѣдствіе отсутствія уѣхавшаго въ Севастополь генерала Чеснакова, ординарцемъ котораго я продолжалъ оставаться, я сталъ подыскивать себѣ квартиру въ городѣ. Вскорѣ мнѣ удалось за кое-какія услуги, оказываемыя по хозяйству, получить въ скромной частной квартирѣ небольшую комнату. Отсюда, однако, я ежедневно навѣдывался въ эскадронъ, такъ какъ со дня на день ожидалась отправка полка на фронтъ. Судя по газетнымъ листкамъ, печатавшимъ оперативныя сводки, на Перекопѣ происходили жестокіе бои. Туда, на помощь частямъ генерала Слащева, геройски отстоявшимъ Крымъ до нашего прибытія, была уже направлена пѣхота, эвакуированная изъ Новороссійска; по слухамъ, туда же, въ окопы, должна была отправиться и снѣшенная кавалерія; говорили и о томъ, что нашъ полкъ будетъ пополненъ донскими казаками, отбившимися отъ своихъ частей.

Наступила Страстная недѣля. Я побывалъ на торжественныхъ великопостныхъ богослуженіяхъ въ большомъ соборѣ, всегда переполненномъ молящимися, и причастился Св. Таинствъ. Мои хозяева пекли куличи и пригласили меня вмѣстѣ съ ними разговѣться въ ночь на Св. Пасху. Но судьба рѣшила иначе: въ субботу по утру, кто изъ гусаръ, забѣжавъ ко мнѣ, сообщилъ мнѣ, что полку приказано немедленно отбыть на фронтъ. Собравъ свои вещи и не успѣвъ даже получить обѣщаннаго кулича, я отправился въ верхнюю часть города, въ которой собирались уже наши эскадроны.

Въ ожиданіи погрузки третій эскадронъ расположился въ еврейскомъ кварталѣ. Евреи въ эти дни тоже встрѣчали свою пасху. На порогѣ одного изъ домовъ, уже занятыхъ гусарами, меня остановила молодая еврейка, упорно преграждая мнѣ путь и почему-то указывая рукой на мой карманъ. Тутъ я замѣтилъ, что изъ бокового кармана моей шинели торчитъ крахча хлѣба, и вспомнилъ, что еврейскіе обычаи не дозволяютъ вносить во время ихъ пасхи не-прѣсный хлѣбъ въ жилища помѣщенія. Никому изъ насъ въ голову не пришла бы мысль нарушить чужіе религіозные обычаи, и я, понятно, тотчасъ же повиновался и оставилъ хлѣбъ въ сумкѣ на порогѣ дома. Въ комнатѣ, въ которую я затѣмъ вошелъ, я засталъ за мирной бесѣдой съ гусарами старика-еврея библейскаго вида. Оказалось, что сынъ его былъ убитъ большевиками за время ихъ пребыванія въ Крыму, и старикъ горѣлъ ненавистью къ нашимъ общимъ врагамъ.

Вечеромъ мы погрузились въ товарные вагоны, и вскорѣ нашъ поѣздной составъ тронулся въ путь. Къ полночи затихъ шумъ, смолкли пѣсни, но никто изъ насъ не спалъ; каждый изъ насъ, прислушиваясь къ постукиванію колесъ вспоминалъ, должно быть, о тѣхъ торжественныхъ минутахъ, которыя переживались когда-то въ пасхальную ночь въ кругу своихъ, въ мирной обстановкѣ родного дома. И кто знаетъ, сколько чувствъ въ одинаковомъ молитвенномъ порывѣ горѣло теперь по всей странѣ подъ однимъ и тѣмъ же покровомъ ночной темноты...

Миновавъ рано утромъ станцію Джанкой, мы къ полудню прибыли на Сиваши. Поѣздъ остановился въ открытомъ полѣ у полустанка и мы выгрузились. Неподдалеку видѣлась небольшая деревня, которая, какъ мы вскорѣ узнали, оказалась одной изъ нѣмецкихъ колоній, во множествѣ разбросанныхъ по всей территоріи Крыма. Располагаясь бивакомъ у полустанка, мы провели здѣсь весь день въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Кое-кто изъ гусаръ навѣдался было въ нѣмецкую колонію, но черезъ нее за послѣднее время прошло должно быть уже много частей, — жители ея оказались мало стоворчивыми, и гусары вернулись ни съ чѣмъ, не раздобывъ ни хлѣба, ни молока. Вечеромъ же на специальномъ поѣздѣ прибылъ и генераль Чеснаковъ, и вскорѣ намъ стало извѣстно, что на фронтъ отправляется не вся наша часть, а только сводный дивизионъ въ составѣ трехъ эскадроновъ, по одному отъ каждого полка; остальные же эскадроны, впредь до очередной отправки на фронтъ, отводились на стоянку въ районъ Симферополя. Командиромъ дивизиона, отправляемаго на Чонгаръ въ распоряженіе генерала Слащева, былъ назначенъ полковникъ Степанъ Воиновъ, который, какъ всегда радуясь предстоящему походу, тотчасъ же и приступилъ къ сбору своей части.

Ночь мы провели подъ открытымъ небомъ, у желѣзно-дорожнаго полотна. Гусары, раздобывъ соломы, развели костры. Надъ нами искрилось звѣздами чистое небо, и когда я, подложивъ сумку подъ голову, прилежъ на голую землю, то долго не могъ взоромъ оторваться отъ него. Странное ощущеніе овладѣло мною. До головокруженія захватывающе показалось мнѣ, что я уношусь въ безконечную даль, притягиваемый непонятно близкимъ мерцаніемъ звѣздъ, повинуюсь, медленному, но всепоглощающему движенію невѣдомаго міра. Казалось, что еще мгновенье, и душа отлетитъ отъ тѣла; мнѣ стало страшно, и я повернулся къ землѣ. Какъ-то впослѣдствіе старый казакъ, засыная рядомъ со мною въ полѣ, въ такую же звѣздную ночь, сказалъ мнѣ: «Развѣ можно глядѣть на звѣзды передъ сномъ: это не хорошо.» Я тогда не понялъ его. Но не заключался ли глубокой смыслъ въ словахъ стараго казака? Если воинъ загадываетъ свою судьбу, то онъ теряетъ мужество, лишается вѣры въ удачу и того чувства, которое въ минуты опасности, передъ лицомъ смерти, заставляетъ его напрячь всѣ силы къ тому, чтобы преодолѣть страхъ. И въ слѣпномъ повиновеніи судьбѣ, передъ грозной задачей всеобщаго дѣйствія, которую умъ не въ состояніи охватить, не заключается ли залогъ не только единенія и силы, но и сохраненія жизни?

По утру, простясь съ дивизиономъ полковника Воинова, мы вновь погрузились въ поѣздной составъ, присланный за нами. За Джанкоемъ, на небольшой станціи, нашимъ частямъ произвелъ смотръ генераль Слащевъ, находившійся здѣсь пробѣгомъ. Странное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ еще совѣтъ молодой человѣкъ, за которымъ установилась слава безумной личной храбрости. Высокій, блѣдный, съ расши-

ренными зрачками коканномана, одѣтый въ какую-то бѣлоснѣжную опереточную черкеску съ развѣвающимся башлыкомъ, онъ быстрыми, нервными шагами обошелъ эскадроны, выстроенные на платформѣ, «Здравствуйте братья!» привѣтствовалъ онъ насъ нараспѣвъ необычными словами, сопровождая ихъ театральнымъ жестомъ. И въ эту минуту я невольно вспомнилъ, какъ о немъ говорили въ шутку, что и слѣпой могъ бы безъ труда среди другихъ желѣзно-дорожныхъ составовъ отыскать его поѣздъ, отъ котораго будто-бы на сто шаговъ отдавало запахомъ спирта...

Чувствуя, что успѣшная оборона Крыма въ тѣ времена зависѣла главнымъ образомъ отъ подъема духа въ частяхъ и что личная храбрость полководца могла въ этихъ условіяхъ имѣть рѣшающее вліяніе я не придавалъ особаго значенія своимъ впечатлѣніямъ, которыя были вызваны смотромъ генерала Слащева. Я не могъ еще тогда предвидѣть, что впослѣдствіе, когда военныя операціи станутъ болѣе сложными, онъ могъ своими дѣйствіями, какъ это и на самомъ дѣлѣ произошло, ускорить паденіе Крыма. *)

Отдыхъ.

Мы выгрузились на станціи Сарабузъ, **) верстахъ въ пятнадцати или двадцати не доѣзжая Симферополя. Штабъ, хозяйственныя части и особый офицерскій дивизионъ, сформированный еще въ станицѣ Крымской, расположились въ нѣмецкой колоніи, находившейся у самой станціи; полки же были отведены на стоянку въ сосѣднія русскія деревни.

Колонія Сарабузъ, въ отличіе отъ тѣхъ нѣмецкихъ колоній, въ которыхъ мнѣ впоследствии пришлось побывать въ Сѣверной Тавріи и которыя обычно располагались въ живописной мѣстности, среди тѣнистыхъ роцъ, и во всемъ напоминали настоящіе старинныя германскія деревни, была еще сравнительно молодымъ поселкомъ, тянувшимся вдоль большой дороги между станціей и ровными полями. Чистенькіе домики почти всѣ были обнесены каменными оградами, за которыми съ широкой улицы виднѣлись тщательно разбитые цвѣтники, фруктовые сады, богатая гумна. Нѣкоторые изъ нихъ были украшены по стѣнамъ вьющимися розанами или дикимъ виноградомъ, что придавало имъ особо привѣтливый видъ. Въ колоніи имѣлся свой врачъ-гомеопатъ, школа и небольшая домовая церковка, въ которой по воскресеньямъ колонисты дружно и усердно пѣли свои псалмы. Мѣстные колонисты оказались всѣ менонитами. По своимъ религіознымъ убѣжденіямъ они вообще отрицательно относились къ военной службѣ, и потому ихъ въ старой русской арміи не зачисляли въ строй, а записывали въ санитары. Но отдавая можетъ быть дань тому, что въ ихъ колоніи остановился штабъ и начальство, — а не строевые эскадроны, присутствіе которыхъ ужъ черезчуръ нарушило бы ихъ привычную тихую жизнь, — насъ приняли дружелюбно, почти даже привѣтливо.

*) Заслуга генерала Слащева, психически ненормальнаго человѣка, заключалась въ томъ, что онъ отстоялъ Крымъ до прибытія частей изъ Новороссійска. Съ назначеніемъ ген. Врангеля главнокомандующимъ, онъ былъ оставленъ командиромъ корпуса. Когда же впослѣдствіи онъ допустилъ прорывъ фронта большевиками, то ген. Врангель отставилъ его отъ командованія.

**) См. схему въ концѣ книги.

Будучи посланъ квартирьеромъ въ колонію тотчасъ же послѣ нашего прибытія на станцію Сарабузъ, я облюбовалъ подъ свою собственную квартиру привѣтливый домикъ. Мой хозяинъ, старикъ колонистъ, довольный тѣмъ, что я оказался у него единственнымъ квартирантомъ, отвелъ мнѣ просторную, свѣтлую комнату, принявъ меня въ свою семью какъ добраго знакомаго и угощалъ на славу произведеніями своей доброкачественной, чисто нѣмецкой кухни.

Здѣсь я прожилъ около шести недѣль, предаваясь полному отдыху и пользуясь ничѣмъ не ограниченной свободой. Генераль Чеснаковъ все время отсутствовалъ, подпрапорщикъ Рожко куда-то исчезъ, и я всецѣло былъ предоставленъ самому себѣ. Военная служба сразу научила меня принимать случайную передышку, какъ драгоценный даръ, ниспосланный судьбой; къ тому же ничто, казалось, въ ближайшемъ будущемъ не угрожало нашей безопасности: наоборотъ, въ Крыму все какъ будто бы налаживалось. Уже въ первые дни, генераль Чеснаковъ, побывавъ въ Севастополѣ, гдѣ въ концѣ марта состоялся военный совѣтъ для обсужденія вопроса о назначеніи новаго главнокомандующаго, привезъ извѣстіе, что генераль Деникинъ, не чувствуя больше силъ оставаться во главѣ арміи и склоняясь передъ общественнымъ мнѣніемъ и пожеланіями военныхъ круговъ, передалъ власть генералу Врангелю. Теперь дѣло обороны попало видимо въ надежныя руки. На территоріи полуострова, ставшаго съ прибытіемъ арміи громаднымъ укрѣпленнымъ лагеремъ, не стало, повидному, мѣста политическимъ распрямъ, еще такъ недавно чуть было не погубившимъ насъ. Чувствовалось, что въ этой очищенной атмосферѣ свободѣ смогутъ проявиться авторитетъ новаго главнокомандующаго, вокругъ котораго сплотились дѣльные и надежныя люди и который располагалъ болѣе чѣмъ достаточнымъ количествомъ войскъ для обороны перешейковъ. Для насъ же, кавалеристовъ, съ личностью генерала Врангеля было связано что-то большее, чѣмъ только увѣренность въ его энергіи; намъ извѣстна была его привязанность къ нашему роду оружія, и слухи о томъ, что имъ разрабатывается планъ реорганизациі арміи, вызывалъ въ насъ надежду, что при первой же возможности онъ поставитъ кавалерію въ привычныя для нея условія.

Въ видѣ прогулки я почти ежедневно отправлялся версты за двѣ въ сосѣднюю деревню Софіевку, въ которой стоялъ Мариупольскій полкъ. По сторонамъ мягкой просѣлочной дороги, по которой я шелъ съ наслажденіемъ вдыхая запахъ свѣжей земли, согрѣтой солнечными лучами, видѣлись среди хорошо обработанныхъ полей, хуторки и деревни, утопающія въ зелени садовъ. По зеленымъ изрѣдка проскакивали стрѣлой крошечные тушканчики, выкидывая впередъ свое тонкое, упругое тѣло. Дойдя до деревни, я заходилъ въ дома, занятые гусарами, или шелъ въ сосѣднее поле посмотреть на тактическія занятія взводовъ. Теперь въ полкъ были влиты тѣ казаки, о которыхъ рѣчь была еще въ Θεодосіи. Съ ихъ прибытіемъ эскадроны значительно пополнились, но вмѣстѣ съ тѣмъ они приняли непривычный и какой-то слегка разношерстный видъ, что въ особенности сказывалось во время строевыхъ учений и на смотрахъ, которые изрѣдка производилъ полку генераль Чеснаковъ: казаки, непривычныя къ пѣшему строю и не безъ труда примѣнявшіеся къ строгимъ требованіямъ строевого устава, оставались равнодушными ко всемъ тонкостямъ, къ которымъ привыкли регулярныя части. Въ полку увеличился и офицерскій составъ. По прибытію въ Сарабузъ генераль Чеснаковъ привезъ изъ Севастополя приказъ о производствѣ въ полку. Этими

приказомъ, между прочимъ, производилось въ корнеты человекъ десять молодыхъ вольноопредѣляющихся и двое эскадронныхъ вахмистровъ, до этого уже давно исполнявшихъ должность взводныхъ командировъ.

Тѣмъ временемъ, по слухамъ, доходившимъ до насъ, сводный дивизионъ полковника Воинова покрылъ себя славой на Чонгарѣ, гдѣ части генерала Слащева, при поддержкѣ броневыхъ поѣздовъ, шагъ за шагомъ выбивали противника съ полуострова. Уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Чонгаръ былъ весь очищенъ отъ большевиковъ, взята была станція Сальково, а десантомъ съ моря былъ захваченъ городъ Геническъ. На Перекопѣ происходили упорные, но успѣшные для насъ бои. Положеніе на всемъ фронтѣ видимо возстановлялось въ нашу пользу; нашимъ частямъ удалось очистить подступы къ Крыму, и непосредственная угроза прорыва красныхъ черезъ перешейки на нѣкоторое время казалась устраненной.

Однако въ началѣ мая въ полку стало извѣстнымъ, что въ Севастополѣ разработанъ планъ реорганизациі арміи и что въ ближайшемъ будущемъ будетъ расформирована и наша бывшая дивизія, при чемъ наши полки войдутъ въ составъ новыхъ войсковыхъ образований. Генераль Чеснаковъ получилъ назначеніе въ ставку главнокомандующаго и я понялъ, что моему бездѣйствію, которымъ по правдѣ сказать я уже начиналъ тяготиться, скоро наступитъ конецъ. Это впрочемъ случилось еще скорѣе, чѣмъ я ожидалъ. Однажды генераль Чеснаковъ, призвавъ меня къ себѣ, спросилъ меня, не желаю ли я быть произведенъ въ офицеры. Этотъ вопросъ былъ для меня совсѣмъ неожиданнымъ; я только недавно получилъ нашивку младшаго унтеръ-офицера, никакихъ боевыхъ заслугъ за собою не зналъ и не могъ еще и мечтать о производствѣ. Это я доложилъ генералу Чеснакову, но добавилъ, что былъ бы радъ заслужить на фронтѣ офицерское званіе. «Ну вотъ и отлично,» отвѣчалъ генераль: «на дняхъ на позиціи отправляется первый эскадронъ; я зачисляю васъ въ него и желаю вамъ удачи.» Такимъ образомъ, я вновь возвращался въ строй, но уже съ надеждой быть произведеннымъ въ офицеры.

Въ день погрузки, собравъ свои доспѣхи и простясь съ хозяевами, я на ходу присоединился къ эскадрону, проходившему черезъ колонію. На станцію собрались провожать эскадронъ всѣ офицеры полка. Въ ихъ группѣ находился и мой новый командиръ, милѣйшій ротмистръ Пашкевичъ. Зная его обычную корректность и привѣтливое отношеніе ко всѣмъ, я чувствовалъ, что мнѣ будетъ хорошо служить въ его эскадронѣ. Покуда гусары быстро размѣщались по вагонамъ, явился я и старшему офицеру перваго эскадрона, ротмистру Рудичеву, и корнету Сушкову, недавно произведенному въ офицеры изъ вахмистровъ.

Добрая половина эскадрона состояла изъ казаковъ. Будучи зачисленъ ordinarily командира эскадрона и не состоя еще не при какомъ взводѣ, я могъ по желанію сѣсть въ тотъ или другой вагонъ, и я выбралъ одинъ изъ тѣхъ, въ который погрузились казаки. На душѣ у меня было легко; никакія предчувствія не омрачали моего настроенія; я принималъ какъ должное свое отправленіе на фронтъ, гдѣ, кстати сказать, теперь какъ будто-бы настало затишье, и даже чувствовалъ особое удовлетвореніе отъ того, что оказался вновь въ строю; и въ то же время я испытывалъ какое-то острое любопытство въ предвидѣніи всѣхъ тѣхъ новыхъ переживаній, которыя ожидали меня.

Этимъ «новымъ» пока-что для меня являлись казаки. Въ моей памяти, правда,

еще не сгладились воспоминанія о тѣхъ недоразумѣніяхъ, которыя еще такъ недавно происходили съ казаками на фронтѣ, но эти воспоминанія такъ плохо связывались со всѣмъ тѣмъ, что я смолodu привыкъ слышать о казакахъ, и, кромѣ того, столько непосредственнаго, чего-то цѣльнаго, самобытнаго было въ этихъ крѣпкихъ, мужественныхъ людяхъ, которые вмѣстѣ съ нами отправлялись въ походъ, что меня невольно потянуло внѣ рамокъ строевой службы соприкоснуться съ ихъ бытомъ, не лишеннымъ, казалось мнѣ, своеобразной поэзіи. Поэтому я и шедъ къ нимъ.

Въ товарномъ вагонѣ казаки уже устроились со всею своею обычной хозяйственностью. Они раздобыли свѣжей соломы, устроили нары, разложили въ порядкѣ свои доспѣхи и принялись въ ожиданіи отъѣзда за чаепитіе. Меня они приняли просто, радушно и, нисколько не стѣняясь моимъ присутствіемъ, предложили мнѣ мѣсто на нарахъ. Попавъ въ ихъ среду, я сразу почувствовалъ, что отбытіе на фронтъ захватываетъ ихъ гораздо больше, чѣмъ гусаръ, для которыхъ происходящее было вѣдь въ общемъ только очереднымъ служебнымъ эпизодомъ. Между ихъ переживаниями и нашими несомнѣнно была существенная разница. На самомъ дѣлѣ: для насъ, не казаковъ, едва ли вполне осмыслилось значеніе начавшейся кампаніи; цѣль ея для насъ, была не только такъ сказать отвлеченно идейной, но и принимала даже нѣсколько теоретическій характеръ, такъ какъ, если мечта о занятіи Москвы и объ освобожденіи Россіи и продолжала занимать наше воображеніе, то на самомъ дѣлѣ вѣдь никто изъ насъ не могъ серьезно надѣяться на то, чтобы эта мечта осуществилась въ ближайшемъ или даже и болѣе отдаленномъ будущемъ. И если каждый изъ насъ въ этихъ условіяхъ продолжалъ съ легкимъ сердцемъ выполнять свои служебныя обязанности, то уже не въ предвидѣніи конечныхъ результатовъ борьбы шелъ онъ безпечно и жизнерадостно воевать съ большевиками, но потому только, что, сознавая свою правоту, онъ инстинктивно предпочиталъ лучше идти по пути, указанному долгомъ и честью, чѣмъ сдаться на подлый компромиссъ. — Для нихъ же, для казаковъ, начавшаяся кампанія предвѣщала значительно больше возможностей, чѣмъ для насъ, и цѣль ея была для нихъ гораздо болѣе ощутительной и близкой. Еще не такъ давно покинули они свои родныя станицы, а теперь изъ Крыма до границы ихъ области, до Ростова на Дону и до Новочеркасска, вѣдь было рукой подать. На побережьи Азовскаго моря уже высадились наши десанты; въ Крымъ прибыли съ Кубани уже почти всѣ донскія части, и возможность набѣга въ предѣлы Области Войска Донскаго не только не была исключена въ ближайшемъ будущемъ, но будто бы, даже уже и теперь предусматривалась высшимъ командованіемъ. Надежда на скорое вступленіе въ родные края съ оружіемъ въ рукахъ, не могла, понятно, не волновать донцовъ; и это тѣмъ болѣе, что ихъ положеніе, если вдуматься, было въ общемъ значительно болѣе трагичнымъ, чѣмъ наше собственное; они представляли собою не отдѣльных добровольцевъ, собравшихся со всей русской земли, но — частицу русскаго кореннаго населенія, которому только что пришлось передъ лицомъ врага покинуть родную землю. Если вспомнить то, что всѣ они смолodu были воспитаны въ духѣ боевыхъ традицій, что на Дону остались ихъ семьи, что сыновья или младшіе братья многихъ изъ нихъ, предавъ казачье дѣло, сражались на сторонѣ большевиковъ, то легко будетъ представить себѣ, сколько горечи и обиды на судьбу, сколько злобы противъ врага заполонившаго ихъ край, могло накопиться въ ихъ сердцахъ.

Прошла ночь, и утро застало насъ въ Джанкоѣ. Отсюда нашъ эшелонъ отправили по только что построенной желѣзно-дорожной вѣткѣ Джанкой-Юшунь, соединявшей перекопскія позиціи съ тыломъ. Медленно двигался нашъ поѣздной составъ по высокой свѣжей насыпи, среди голой степи. Казаки, напившись чаю въ Джанкоѣ, расположились по домашнему. Кто засѣлъ играть въ карты, кто затынулъ пѣсню, кто вполголоса обмѣнивался впечатлѣніями съ сосѣдомъ. Все та же мысль точила мозгъ донцовъ: судьба донскихъ частей и возможность скорой посадки на коней. Обсуждали назначеніе генерала Морозова командиромъ корпуса, въ который мы будто-бы должны были войти, говорили о донскихъ частяхъ генерала Писарева, о готовящемся будто-бы десантѣ на Новочеркасскъ...

По пути къ намъ присѣло двое инженеровъ-путейцевъ, слѣдовавшихъ въ Юшунь на желѣзно-дорожныя работы. Разговаряясь съ ними, я полюбостествовалъ узнать, какъ обстоятъ дѣла по укрѣпленію перекопскихъ позицій. Они увѣряли, что Перекопъ сталъ теперь неприступной позиціей, что за послѣднее время тамъ подѣлали блиндажей, подвезли тяжелую артиллерію и что новая желѣзно-дорожная вѣтка должна была во многомъ облегчить оборону.

Поѣздъ ускорялъ ходъ, казаки, вслѣдъ за запѣвалой, хоромъ и съ присвистомъ подхватили лихую пѣсню. «Вотъ хорошая пѣсня, — настоящая, боевая,» замѣтилъ одинъ изъ путейцевъ, дослушавъ пѣніе и какъ бы нарочно подчеркнувъ слово «боевая». Смолкли казаки: не «вольному» было учить ихъ тому, какая пѣсня боевая, какая нѣтъ... Къ полудню же, нашъ поѣздъ остановился въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончалась еще недостроенная вѣтка, и мы выгрузились въ открытой степи.

Въ сторожевомъ охраненіи.

Послѣ часового привала и довольно продолжительнаго странствованія по степи въ пѣшемъ строю, мы къ концу дня подошли къ большой деревнѣ; если память не измѣняетъ мнѣ, это было Воинка. Деревня оказалась занятой такими же спѣшенными частями, какъ и нашъ эскадронъ. На окраинѣ позванивая шпорами повстрѣчались намъ опрятно одѣтые владимірскіе уланы въ цвѣтныхъ безкозырькахъ и съ цифрой 12 на желтыхъ погонахъ. На деревнѣ мы были пріятно удивлены встрѣтивъ часть, идущую въ конномъ строю. Это былъ эскадронъ александрійскихъ гусаръ, получившій коней. Прямо держась въ сѣдлахъ, медленно дефилировали «черные гусары» и съ высоты своего величія поглядывали на насъ, запыленныхъ пѣхотинцевъ. Это давало намъ надежду, что и насъ въ скоромъ времени посадятъ на коней.

Ночь мы провели въ деревнѣ, въ отведенныхъ для насъ квартирахъ по дворамъ. На слѣдующій день въ Воинку прибылъ маріупольскій эскадронъ сводного дивизіона, отводимого на отдыхъ. На улицѣ я встрѣтилъ ѣхавшаго на ворономъ конѣ полковника Степана Воинова, отъ котораго узналъ, что мы отправляемся на Сиваши, на смѣну только что прибывшаго сюда нашего эскадрона. Гусары, уставшіе и загорѣвшіе, привѣтствовали насъ, рассказывая о недавнихъ бояхъ на Чонгарѣ и сообщая намъ, что на Сивахахъ насъ ожидаетъ одна только голая степь, да соленые лиманы, при полномъ отсутствіи боевыхъ развлеченій. А на слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, мы двинулись въ путь.

Въ степи, уже успѣвшей выгорѣть, подъ жаркими лучами майскаго солнца растянулся эскадронъ колонной по три. За нами слѣдовала тачанка съ пулеметомъ и подвода съ вещами. Шли быстро, съ командиромъ эскадрона во главѣ, который, хотя у него имѣлась лошадь, предпочиталъ, какъ настоящій кавалеристъ, находящійся при спѣшенной части, идти пѣшкомъ. Казаки молча ковыляли, не попадая въ шагъ. Терпкій запахъ полыни и степныхъ травъ наполнялъ грудь; вокругъ была тишина и раздолье. Вскорѣ ротмистръ Пашкевичъ вызвалъ пѣсенниковъ впередъ. Нерѣшительно затянули гусары пѣсню и недопѣвъ замолкли: не дадилась кавалерійская пѣсня подъ размѣренный шагъ спѣшенной части. Попробовали было казаки, — тоже не вышло. Выручилъ молодой корнетъ находившійся съ нами. Пріятнымъ баритономъ запѣлъ онъ извѣстную пѣсенку:

«Оружьемъ на солнцѣ сверкая,
«Подъ звуки лихихъ трубачей,
«По улицѣ пыль подымая,
«Проходилъ полкъ гусарь-усачей...»

И пѣсенники подхватили припѣвъ полковой пѣсни «черныхъ гусаръ»:

«Маршъ впередъ, труба зоветъ,
Черные гусары!
««Маршъ впередъ, бой насъ ждетъ,
Наливайте чары!»

Вмѣсто «черные гусары», выговаривали «желтые гусары». Спѣли и обычную добровольческую пѣсенку на мотивъ «Бѣлой акаціи.»

Эскадронный вахмистръ Зайцевъ, хохолъ и большой шутникъ, всегда готовый философствовать на самыя неожиданныя темы, заявилъ баскомъ: «А ну-ка теперь, пѣсню позабористѣй!» Нелѣпая, но хлесткая пѣсня на чеканный мотивъ сразу пріободрила гусаръ.

Такъ мѣрнымъ шагомъ незамѣтно дошли мы до привала. Отдохнувъ въ степи, пошли дальше. Солнце сильно припекало, по спинѣ подъ нажимомъ тяжелой винтовки текли тонкія струйки, ноги скользили по сухой, горячей травѣ. Ротмистръ Пашкевичъ шелъ быстро впереди, покручивая тонкой бѣлой палочкой. Гусары слѣдовали вольно, нарушивъ стройные ряды. Изрѣдка передъ идущими проскальзывала по землѣ черненькая змѣйка, и гусары забавляясь ловили ее или убивали прикладомъ. За этотъ день мы прошли не менѣе тридцати верстъ. Въ сторонѣ обрисовались было лиманы, но мы миновали ихъ и, къ вечеру добрались до небольшой деревушки. Здѣсь насъ ожидалъ прибывшій сюда раньше насъ эскадронъ чугуевскихъ уланъ. Вмѣстѣ съ ними и подъ начальствомъ ихъ полковника мы должны были составить теперь особый дивизіонъ.

По утру оба эскадрона отправились на назначенныя имъ позиціи. Теперь мы проникали вглубь Сивашей, слѣдуя, повидимому, по широкой косѣ, такъ какъ далеко въ сторонѣ поблескивали дужи лимановъ. Черезъ нѣсколько часовъ мы добрались до

одинокое хутора, который съ прилегающими къ нему полями и еще не совсѣмъ выгорѣвшимъ лугомъ, по которому скитался табунъ коней, представлялъ изъ себя нѣчто вродѣ оазиса среди солончаковой степи. Это было мѣсто нашей стоянки. На хуторѣ гусары размѣстились по службамъ, а офицеры — въ хозяйской хатѣ. Казаки всѣ вмѣстѣ заняли большой амбаръ, въ которомъ тотчасъ же подѣлали нары. Я опять присоединился къ нимъ. Къ вечеру чугуевскій эскадронъ вышелъ на ночь въ заставу, а на слѣдующій вечеръ пришла и наша очередь отправиться туда же.

Съ версту на сѣверъ отъ хутора, по сторонамъ прогона, тянулись поля съ уже высокими зелеными. Миновавъ ихъ, мы опять вышли въ солончаки. Здѣсь стоялъ ветхій дощатый сарай и поодаль отъ него — скирдъ соломы, у котораго разбито было гумно. Дальше, на сѣверъ, тянулся лиманъ. Большія лужи стоячей воды, чередуясь съ отмелями, буроватыми въ отблескѣ заходящаго солнца, раскидывали свои причудливые узоры до самаго горизонта, гдѣ, въ дымкѣ тумана, предугадывалось присутствіе широкой водяной глади. Откуда-то издали, должно быть съ Перекопа, доносились глухіе удары тяжелой артиллеріи. На противоположной сторонѣ лимановъ, должно быть за много верстъ отъ насъ, находился противникъ. Едва ли можно было предположить, чтобы большевики въ лѣтнее время сдѣлали попытку переправиться черезъ Сивашъ, и поэтому на этомъ участкѣ фронта требовалось съ нашей стороны только наличие отдѣльных сторожевыхъ постовъ, которые, въ случаѣ появленія противника, могли бы легко отразить его пулеметнымъ огнемъ.

Много ночей, чередуясь съ чугуевцами, провели мы здѣсь. По прибытію въ заставу и сложивъ ружья въ пикеты, мы обычно тотчасъ же собирались на молитву. Всегда торжественно и вдохновенно звучалъ стройный напѣвъ знакомой молитвы, замирая въ безбрежномъ пространствѣ степей. Ощутительнѣе становилась тогда тишина, наполнявшая все вокругъ. Послѣдніе солнечные лучи бросали прощальный привѣтъ живымъ существамъ, случайно заброшеннымъ въ этотъ пустынный уголокъ земли. Становилось свѣжее; тонкой пеленой туманъ обволакивала землю; острѣй доносился ароматъ степей. И тогда казаки, образовавъ у скирда тѣсный кружокъ, начинали свои пѣсни. Какъ бы не желая нарушать торжественной тишины, какъ бы слѣдуя своимъ затаеннымъ думамъ тихо сперва и проникновенно выводили они родной напѣвъ:

«Тучки, тучки повисли,
И съ моря па-а-ль туманъ...
О чемъ, о чемъ задумался,
Скажи, нашъ атаманъ...»

— Но тѣни становились гуще, ярче мерцали звѣзды, свѣтлѣе серебрились лиманы на фонѣ темной земли. И тогда пѣсня становилась громче, властнѣе, и чеканные силуэты казаковъ тѣснѣе сближались у разведеннаго костра.

«Ай да въ Таганрогѣ, ай да въ Таганрогѣ, —
Въ Таганрогѣ сослучилася бѣда,
Тамъ убили, тамъ убили,
Молодого казака...»

Долго пѣли казаки, выводя одну пѣсню за другою, долго раздавался ихъ припевъ въ ночной тишинѣ. Иногда послушать ихъ пѣсни подходилъ и ротмистръ Пашкевичъ. Какъ-то разъ, еще засвѣтло, въ честь его казаки подхватили старинную солдатскую пѣсню.

«Эскадронный командиръ,
Нашъ Пашкевичъ господинъ,
Онъ не спалъ, не дремалъ,
Эскадронъ свой обучалъ...»

Показали казаки, что служили въ старой Русской арміи, что знаютъ обычаи, но, пропѣвъ разъ эту пѣсню, неохотно затѣмъ повторяли ее: не въ своей части служили они, не своего казачьяго командира славили...

На ночь выставлялись часовые, и гусары и казаки повзводно располагались спать, кто у скирда, кто на голой землѣ, подложивъ сумку подъ голову и покрываясь шинелью. Поутру, когда первые солнечные лучи робко пронизывали пелену осѣвшаго тумана, вставали мы продрогшіе, влажные отъ росы. Разобравъ винтовки, построаясь на перекличку и пропѣвъ молитву, возвращались мы на хуторъ. Здѣсь заваривали кипятку къ чаю, шли умываться холодной соленой водой у водоема. Обѣдъ для эскадрона варился въ походной кухнѣ, казакамъ же, всегда готовымъ заявлять претензіи въ отношеніи пищи, паекъ выдавался на руки, и они варили свой борщъ отдѣльно. Днемъ гусары и казаки располагались въ тѣни хуторскихъ амбаровъ и сараевъ, чистили и чинили свои доспѣхи, играли въ карты или въ «орелъ и рѣшку». Вечеромъ же, когда пригонялись домой хозяйскія коровы, шли за парнымъ молокомъ. Служба въ общемъ была легкой, и хотя мы и числились на передовыхъ позиціяхъ, — войны для насъ какъ будто бы и не существовало.

Тѣмъ болѣе былъ я удивленъ, когда, по прошествіи недѣль двухъ, полковникъ Степанъ Воиновъ прибывъ въ дивизионъ, сообщилъ мнѣ, что состоялось мое производство въ корнеты. Одновременно прибылъ на хуторъ конный эскадронъ александрійцевъ и вмѣстѣ съ ними ихъ полковникъ, князь Аваловъ, только что назначенный командиромъ новаго своднаго кавалерійскаго полка, въ составъ котораго должны были войти и мы. Мариупольскій полкъ, сравнительно малочисленный по составу сводился теперь въ Дивизионъ Мариупольскаго гусарскаго полка и долженъ былъ войти въ составъ 4-го кавалерійскаго полка 5-мъ и 6-мъ эскадронами. Повидимому приводилась теперь въ исполненіе уже давно ожидаемая реорганизація арміи. Казакамъ прикомандированнымъ къ намъ, былъ предоставленъ выборъ оставаться гусарами, или же отчислиться въ части, вновь образованныхъ донскихъ корпусовъ. Они всѣ, за рѣдкими исключеніями, тотчасъ же заявили о своемъ желаніи присоединиться къ своимъ частямъ. Одновременно прошелъ слухъ, что готовится общее наступленіе нашихъ частей по всему фронту. Нѣсколько смущенный быстрымъ производствомъ въ корнеты, — такимъ, казалось мнѣ, незаслуженнымъ, — я надѣялся теперь показать себя въ предстоящихъ бояхъ достойнымъ офицеромъ.

Вскоръ на смѣну намъ пришла другая часть, и мы вновь отправились въ походъ, слѣдуя къ мѣсту новаго назначенія.

Императрица
Елисавета Петровна

шефъ

4-го Гусарскаго Мариупольскаго полка

Въ ожиданіи очереди.

Гдѣ-то неподалеку отъ Юшуни, въ небольшой деревнѣ собрался весь боевой составъ маріупольцевъ. Сведенные въ дивизионъ, довольно внушительный по своему численному составу, несмотря на уходъ казаковъ, гусары готовились къ выступленію въ походъ. Сюда же прибыли и мы съ Сивашей.

На окраинѣ деревни, у школы, собрались почти всѣ наши офицеры. Какъ разъ происходили выборы въ судъ чести. Мнѣ представлялся удобный случай явиться собравшимся офицерамъ по случаю своего производства въ корнеты.

На собраніи присутствовалъ маститый полковникъ Муромскій, *) старшій изъ маріупольцевъ. Здѣсь же находились почти всѣ маріупольцы и между прочими оба брата полковники Войновы, ротмистры Пашкевичъ, Пригара, Сѣровъ, Зеновичъ и Рудичевъ; поручики Никитинъ и Гердеръ; старые корнеты Ильинскій и Пашкевичъ братъ ротмистра; корнеты Сушковъ и Дубянский, произведенные изъ вахмистровъ 1-го и 3-го эскадроновъ, и, наконецъ, цѣлая плеяда молодыхъ корнетовъ, недавно получившихъ офицерскіе погоны. Всѣ офицеры составляли большую семью, организованную на строгихъ началахъ полковой іерархіи, сплоченную общей преданностью полковому завѣтамъ и традиціямъ, передаваемымъ отъ старшихъ къ младшимъ. Вновь принятый въ нее невольно сразу проникался сознаніемъ своей причастности къ тѣмъ духовнымъ цѣнностямъ, которыя составляютъ внутреннюю сущность полковой жизни каждаго стараго полка.

Для меня вступленіе въ офицерскую семью было большимъ событіемъ; и теперь, повторяя передъ каждымъ изъ собравшихся офицеровъ обычную формулу: «Корнетъ такой-то, Маріупольскаго гусарскаго Императрицы Елисаветы Петровны полка, является по случаю производства и принятія въ полкъ,» — я испытывалъ большую радость и горѣлъ желаніемъ на дѣлѣ заслужить оказанную мнѣ честь.

Но мнѣ не суждено было на первыхъ порахъ получить боевого крещенія. Маріупольскій полкъ, — въ нашемъ сознаніи онъ оставался полкомъ, несмотря на временное переформированіе его въ дивизионъ, — хотя и долженъ былъ, отправляясь теперь на Перекопъ, принять участіе въ предполагавшемся общемъ наступленіи, но вслѣдствіе многочисленности офицерскаго состава, нѣкоторые офицеры были отчислены въ обозъ второго разряда, гдѣ должны были дожидаться своей очереди, чтобы отправиться на фронтъ. Несмотря на всѣ мои просьбы остаться при полку, я оказался среди откомандированныхъ.

Насъ собралась небольшая группа молодыхъ офицеровъ, оказавшихся въ такомъ же положеніи, какъ и я, и чтобы позабыть огорченіе, мы рѣшили, не дожидаясь утренняго поѣзда, отправиться пѣшкомъ въ обозъ, стоявшій въ какомъ-то селѣ неподалеку отъ Джанкоя; къ намъ присоединились корнеты Сушковъ и Дубянский, и подъ ихъ предводительствомъ мы еще засвѣтло отправились въ путь. До стоянки обоза идти было верстъ пятьдесятъ, но мы рассчитывали воспользоваться прохладой свѣтлой лѣтней ночи, чтобы до утра и наступленія жары пройти часть этого разстоянія. Мѣр-

*) Псевдонимъ.

нимъ шагомъ, напѣвая пѣсни, проходили мы черезъ встрѣчныя деревни, погруженные въ сонъ, выходили въ поля, покрытыя дымкой тумана, а лунный свѣтъ и телеграфныя столбы указывали намъ путь. Когда поутру вновь стало жарко, мы воспользовались крестьянскими подводами, слѣдовавшими по пути, и къ концу дня прибыли въ село Покровку, въ которомъ находился обозъ. Здѣсь встрѣтили насъ офицеры, пріѣхавшіе раньше насъ съ поѣздомъ, и разобрали насъ. Я оказался на одной квартирѣ съ молодыми корнетами Гердеромъ и Парадой.

Черезъ день-два мы съ Гердеромъ, — это былъ тотъ бывшій блестящій вольноопредѣляющійся, котораго я встрѣтилъ у Степана въ Ростовскомъ лазаретѣ Вѣлаго Креста до поступленія въ полкъ, — отправились въ колонію Сарабузъ, гдѣ я намѣренъ былъ явиться генералу Чеснакову. Генералъ, пребывавшій въ Сарабузахъ до окончательнаго расформированія своего штаба, принялъ меня радушно и ссудилъ мнѣ займы небольшую сумму денегъ для обзаведенія обмундированіемъ. Мы съ корнетомъ Гердеромъ тотчасъ же отправились на лошадяхъ въ Симферополь.

Послѣ того, что я видѣлъ и пережилъ въ тылу арміи генерала Деникина, — въ Харьковѣ, Ростовѣ или Екатеринодарѣ, — я былъ пріятно пораженъ увидѣть въ Симферополѣ совершенно иную картину. Правда, и здѣсь находились на излѣченіи или въ отпуску многочисленные военные; правда, оживленно было на улицахъ, а въ городскомъ саду, среди разбитыхъ цвѣтниковъ, гуляла нарядная публика, — но нигдѣ и намекъ не было на прежнее повышенное, нервное настроеніе и буйныя кутежи былаго времени, причинившіе столько вреда всему освободительному движенію. Жизнь, повидимому, протекала здѣсь чинно и спокойно; произошла какая-то глубокая перемѣна въ настроеніи тыла. Можетъ быть одной изъ причинъ этой перемѣны была необычайная дороговизна жизни и развлеченій въ городскихъ центрахъ Крыма, перенаселеннаго и отрѣзаннаго отъ хлѣбныхъ и промышленныхъ русскихъ областей, но видимому порядку и общей вѣрѣ въ будущее мы были обязаны самому главнокомандующему, сумѣвшему за короткій срокъ заложить въ Крыму основы твердой государственности. Какъ въ дѣйствующей арміи, такъ и въ тылу, отъ всѣхъ воинскихъ чиновъ требовалось соблюденіе строгой дисциплины; мародерство и безчинства карались быстро и рѣшительно; политическимъ распрямъ былъ положенъ конецъ. Общеніе арміи съ тыломъ стало теперь болѣе ощутительнымъ, и, кстати сказать, сама армія стала называться уже не Добровольческой, а Русской. На Крымской территоріи вводился въ жизнь новый земельный законъ, который если и не представлялъ собою совершенства, то во всякомъ случаѣ былъ болѣе пріемлемымъ для населенія, чѣмъ неопредѣленные обѣщанія правительства генерала Деникина. Въ отношеніи иностранныхъ державъ главнокомандующій держался твердой политики, съ достоинствомъ отстаивая право на существованіе арміи и свободу русскихъ людей, не желающихъ идти на компромиссъ съ большевиками. Всего этого было достаточно, чтобы и населенію и арміи внушить спокойствіе, сознаніе важности происходящихъ событій и вѣру въ своего вожда и правителя.

Проживъ въ Сарабузахъ съ недѣлю, мы съ корнетомъ Гердеромъ нѣсколько разъ навѣстили Симферополь. Въ Сарабузахъ мы встрѣтились съ новымъ офицеромъ, корнетомъ Назаровымъ, недавно перечисленнымъ къ намъ изъ корниловской батареи и только что принятымъ въ Маріупольскій полкъ. Милый и воспитанный, онъ вполнѣд-

ствѣи оказался прекраснымъ товарищемъ. Вмѣстѣ съ нимъ мы вскорѣ возвратились въ обозъ второго разряда.

Въ опрятно убранной комнатѣ крестьянскаго дома, — трудно называть избами сравнительно просторныя и благоустроенныя помѣщенія большихъ крымскихъ селъ, — насъ оказалось четверо молодыхъ офицеровъ. Между нами тотчасъ же установились самыя дружескія, непринужденныя отношенія. Впрочемъ каждый изъ насъ располагалъ своимъ временемъ, какъ хотѣлъ. Корнетъ Гердеръ, высокій, красивый брюнетъ, съ нѣсколько полнымъ бритымъ лицомъ, обладалъ пріятнымъ голосомъ и умѣлъ напѣвать подъ аккомпаниментъ гитары самыя разнообразныя романсы. Онъ пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ, и вскорѣ у него завязался романъ съ милостивою пріѣзжей фельдшерницей. Корнетъ Парада, хотя и младшій изъ насъ по возрасту, отличался спокойнымъ, уравновѣшаннымъ характеромъ и былъ большимъ домохозяиномъ. На немъ лежала отвѣтственность за наше общее хозяйство. Мы же съ корнетомъ Назаровымъ большую часть дня проводили за бриджами у ротмистра Сѣрова.

На селѣ, кромѣ нашего маріупольскаго обоза, находились еще обозы архангелогородскихъ драгунъ и Туземнаго Черноморскаго эскадрона. Всѣ вмѣстѣ эти части составляли обозъ второго разряда нашего своднаго полка. Кромѣ архангелогородцевъ и черноморцевъ въ составъ своднаго полка входили отдѣльнымъ эскадрономъ и павлоградскіе гусары, но ихъ обозъ почему-то отсутствовалъ. Однако, офицеры различныхъ эскадроновъ, находившіеся при обозѣ, вели жизнь замкнутую въ своемъ кругу, и съ архангелогородцами и черноморцами мы встрѣчались рѣдко.

По почину ротмистра Сѣрова, маріупольцы собирались обычно по утрамъ на курсы, устроенныя для молодыхъ офицеровъ. Въ этихъ бесѣдахъ, кромѣ устнаго повторенія полевого устава и схематическаго, нагляднаго изученія строевыхъ передвиженій, мы посвящались и въ заветы и традиции старой русской кавалеріи, которая, казалось, возрождалась теперь въ Крыму. Вспоминали и эпизоды изъ исторіи стараго Маріупольскаго полка, принимавшаго участіе и въ Отечественной войнѣ, и въ Турецкихъ кампаніяхъ, въ бояхъ заслужившаго Георгіевскій штандартъ и серебряныя трубы *), а за германскую кампанію представленнаго было, передъ самой революціей, къ ментикѣ.

Передъ своимъ отъѣздомъ въ Севастополь на новую должность, пріѣхалъ проститься съ нами генералъ Чеснаковъ. Въ честь его мы устроили небольшую гусарскую бесѣду. Въ липовой рощѣ, на одной изъ лужаекъ, освѣщенной разноцвѣтными фонариками, былъ сервированъ ужинъ. Миновали тѣ времена, когда на гусарскихъ бесѣдахъ рѣкою лилось шампанское, когда до самаго утра гремѣла музыка полковыхъ трубачей и когда, — какъ это бывало еще на Стрѣлецкомъ заводѣ, — торжественно «хоронили» младшаго корнета, сраженнаго чаркой, однимъ духомъ осушенной до дна... Теперь, за неимѣніемъ шампанскаго, мы раздобыли простого крымскаго вина; традиціонную чарку пришлось мнѣ, какъ младшему замѣнить простымъ стаканомъ и, поднося ее, согласно старинному обычаю, всѣмъ присутствующимъ по чину, держать ее

*) См. приложение № 2.

на серебряномъ портсигарѣ, за отсутствіемъ традиціоннаго серебрянаго подноса... Но когда, послѣ тостовъ прощальнаго привѣтствія генерала, корнетъ Гердеръ залѣлъ:

«Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ гусары коренные,
Пресѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники лихіе?»,

то всѣ присутствовавшіе громко и внятно отвѣчали: «Здѣсь гусары!» и вставъ, хоромъ подхватили знакомую гусарскую пѣсню. Корнетъ Гердеръ, репертуаръ котораго былъ неисчерпаемъ, принесъ гитару и до поздней ночи оживлялъ бесѣду пѣніемъ.

Въ обозѣ на меня вскорѣ были возложены нѣкоторыя служебныя обязанности. За отсутствіемъ коменданта села, куда-то временно отлучившагося, требовалось замѣнить его кѣмъ-нибудь изъ младшихъ офицеровъ. Это временное замѣстительство почему-то выпало на мою долю. Комендантъ села состоялъ въ распоряженіи начальника обоза, и въ обязанности его входило разрѣшеніе квартирныхъ вопросовъ и присканіе подводъ для отъѣзжающихъ изъ обоза или вновь прибывающихъ въ него. Должность эта, хотя и не была тяжелой, но требовала извѣстнаго такта. При обозѣ находились семьи трехъ прежнихъ полковыхъ единицъ. Дамы, пребывавшія при обозѣ, составляли, согласно тремъ эскадроннымъ образованіямъ своднаго полка, три совершенно обособленныя группы, которыя если и не враждовали, то во всякомъ случаѣ не желали имѣть ничего общаго между собою, и не малаго труда стоило удовлетворить всѣ просьбы такимъ образомъ, чтобы никого не обойти и никого не обидѣть. Впрочемъ должность эта имѣла и свою забавную сторону. Вскорѣ послѣ моего назначенія комендантомъ ко мнѣ на квартиру стали почти ежедневно являться мѣстные крестьянки съ прошеніями: одна жаловалась на пропажу пѣтуха, другая требовала отъ меня немедленнаго усмиренія разбуянившагося сына, вернувшагося пьянымъ домой, третья просила составить прошеніе по какой-то тяжбѣ...

VI. Боевыя дѣйствія.

Въ освобожденномъ районѣ. *)

До насъ стали доходить извѣстія о блестящихъ успѣхахъ арміи на фронтѣ. Наступленіе, предпринятое въ концѣ мая, превзошло всѣ наши ожиданія. Наши части, отбросивъ противника далеко за Перекопъ и Сиваши, овладѣли послѣ упорныхъ боевъ мѣстностью, лежащей на сѣверъ отъ Крымскаго полуострова и ограниченной съ сѣверо-запада нижнимъ теченіемъ Днѣпра, отъ устьевъ его — до Каховки. Противникъ отступалъ за Днѣпръ. На правомъ флангѣ, занявъ городъ Мелитополь, наши дивизіи продвигались къ границамъ Екатеринославской губерніи. Въ серединѣ іюня, сѣвернѣе Мелитополя былъ окруженъ и полностью уничтоженъ сильный конный со-

*) См. схему № 2 въ концѣ книги.

вѣтскій корпусъ Жлобы, пытавшагося было прорваться въ Крымъ. Такимъ образомъ, почти вся Сѣверная Таврія была очищена отъ большевиковъ. Армія заняла богатые хлѣбородныя мѣстности, и казалось, что будущій урожай надолго обезпечитъ дальнѣйшую оборону Крыма. Одновременно мы узнали, что Франція, первой изъ великихъ державъ, признала правительство генерала Врангеля и обѣщала ему свою поддержку. Миновало то мрачное, тревожное время, когда другая союзная держава, — Англія, — лишивъ армію всякой поддержки послѣ новороссійской эвакуаціи, пыталась, подъ вліяніемъ своихъ тогдашнихъ политическихъ дѣятелей, склонить главнокомандующаго къ капитуляціи передъ большевиками. Руки у арміи оказывались развязанными, и она могла свободнѣе продолжать борьбу.

Не менѣе радостнымъ событіемъ для насъ было и то, что послѣ разгрома коннаго корпуса Жлобы, стала производиться спѣшная посадка на коней нашей кавалеріи, до этого времени дѣйствовавшей въ пѣшемъ строю. Послѣ донскихъ дивизій получили коней почти всѣ наши регулярныя кавалерійскія части, реорганизованныя въ новые полки и составившія отдѣльный конный корпусъ, командиромъ котораго былъ назначенъ генералъ Барбовичъ. Въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца, вторая конная дивизія, въ составъ которой входилъ и нашъ 4-ый Кавалерійскій полкъ, перешла въ конномъ строю изъ-подъ Каховки въ районъ города Жеребца, находящагося верстахъ въ ста сѣвернѣе Мелитополя. Тогда же и нашему обозу было приказано немедленно перѣхать въ районъ, менѣе удаленный отъ дѣйствующихъ частей.

Передъ отъѣздомъ всѣмъ намъ сдѣлали противохолерныя прививки, т. е. въ Крыму объявились одиночные случаи холерныхъ заболѣваній. Хотя настоящей эпидеміи и не было, но мѣры предосторожности были, понятно, не лишними.

Большимъ оживленнымъ таборомъ двинулся въ путь нашъ обозъ и на ближайшей станціи размѣстился по товарнымъ вагонамъ поданнаго поѣзда. Въ Джанкоѣ, вѣчномъ центрѣ всѣхъ нашихъ передвиженій, мы простояли довольно долго. Было душно и жарко въ вагонахъ; многочисленные запасные пути были забиты поѣздными составами; въ небольшомъ городкѣ-поселкѣ бѣлая пыль осѣла на булыжную мостовую, покрыла своимъ налетомъ низенькіе дома и базарные прилавки.

По утру, миновавъ станцію Таганашъ и проѣхавъ длинный Чонгарскій мостъ, нашъ поѣздъ медленно шелъ по высокой насыпи, среди пустынныхъ лимановъ. По обѣимъ сторонамъ пути видѣлись глубокія воронки, свидѣтели недавнихъ боевъ. Здѣсь, всего два-три мѣсяца тому назадъ, наша пѣхота, шагъ за шагомъ и подъ жестокимъ обстрѣломъ красныхъ бронепоездовъ, выбивала противника съ Чонгарскаго полуострова. За станціей Сальково потянулись обработанные поля, и чѣмъ дальше мы продвигались, тѣмъ чаще стали появляться большія деревни и богатые хутора. Поѣздъ иногда подолгу останавливался на полустанкахъ или просто въ открытомъ полѣ, и мы пользовались этими случайными остановками, чтобы сбѣгать за молокомъ на ближайшій хуторъ или выкупаться въ одной изъ рѣчекъ, пересѣкавшихъ путь. Несмотря на всѣ эти промедленія, мы въ тотъ же вечеръ добрались до Мелитополя.

За время остановки на станціи, мы, раздѣляясь на группки, пошли осматривать городъ. Всегда бываетъ любопытно посмотреть проѣздомъ на незнакомый городъ, хотя бы даже и невзрачный. Широкія немощеныя площади, могущія вмѣстить мно-

гочисленные обозы, обширные склады и фабрики, — наглядно подтверждали, что Мелитополь былъ значительнымъ торговымъ и промышленнымъ центромъ Сѣверной Тавріи. Казалось, что здѣсь, послѣ крымскихъ переживаній, мы вновь попали на правда еще слабое, но все же внятное бѣніе пульса русской жизни, что здѣсь мы вновь вошли въ соприкосновеніе съ той дѣйствительностью, о которой мы еще такъ недавно не смѣли и мечтать. Казалось, что, попавъ сюда, мы переступили порогъ открытых, но запретныхъ дверей, ведущихъ вглубь родной обширной страны все еще спящей въ заколдованномъ снѣ. И невольно духъ захватывало при мысли, что можетъ быть теперь армія вступаетъ въ новую фазу борьбы и, позабывъ недавнее крушеніе, не считаясь съ послѣдствіями утраченного времени, принимаетъ на себя непомѣрную отвѣтственность...

Ночью нашъ эшелонъ тронулся въ путь, а на разсвѣтѣ мы, наконецъ, прибыли къ мѣсту назначенія, и нашъ обозъ выгрузился на какомъ-то полустанкѣ.

Мы находились верстахъ въ сорока на сѣверо-востокъ отъ Мелитополя, немного южнѣ Большого Токмака, крупнаго русскаго села, въ мѣстности, занятой многочисленными нѣмецкими колоніями. Одна изъ этихъ колоній Лихтенау, находилась въ полуверстѣ отъ полустанка, на которомъ мы выгрузились, и въ ней предстояла намъ стоянка. Эта колонія состояла изъ двухъ поселковъ, раздѣленныхъ глубокимъ поросшимъ лѣсомъ, оврагомъ, по которому протекалъ ручеекъ. Отъ плотины, находившейся въ оврагѣ у заброшенной водяной мельницы, узкая колѣчатая дорога вводила въ поселокъ, наиболѣе удаленный отъ станціи. Здѣсь вновь прибывающій попадалъ въ совершенно особый мірокъ. За сѣрыми каменными оградами, между которыми проходила дорога, среди фруктовыхъ садовъ и столѣтнихъ липъ возвышались черепичныя крыши причудливыхъ и массивныхъ домовъ. Изрѣдка изъ-за воротъ и тѣнистыхъ деревьевъ показывался обширный и приземистый фасадъ одного изъ этихъ домовъ, перерѣзанный крестъ накрестъ или въ формѣ трапеціи остовомъ дубовыхъ балокъ, проглядывавшихъ сквозь штукатурку, согласно архитектурѣ старыхъ германскихъ фермъ. Въ сторонѣ отъ дома ютился хлѣвъ, надъ нимъ дощатый сѣнной сарай, и все это — подъ навѣсомъ одной и той же крутой и изломленной крыши. Пахло землей, плодами, липовымъ цвѣтомъ; подъ благодатной тѣнью, среди глубокой тишины, чувствовалось дыханіе вѣкового благоденствія. Дальше, тамъ, гдѣ улица становилась шире, выстроились вдоль нея бѣлыя каменные зданія общественныхъ амбаровъ и паровой мельницы. Еще дальше, за школой, раскидывался зеленый бархатъ луговъ, окаймленныхъ тѣнистыми столѣтними рощами. Хозяйственные части заняли подъ полковой цейхгаузъ паровую мельницу, офицеры же и семьи расположились по отдѣльнымъ домамъ. Однако, до нашего прибытія прибыла сюда на формированіе маршевая команда Черноморскаго полка, и квартиръ для всѣхъ не хватало. Къ тому же колонисты оказались несговорчивыми; они неохотно впускали къ себѣ постояльцевъ сверхъ положенной нормы, и намъ, младшимъ корнетамъ, пришлось, уступивъ мѣсто дамамъ, проводить ночи какъ попало, подъ открытымъ небомъ. Съ колонистами у насъ установились довольно холодныя отношенія. Сохранивъ основныя черты своей германской самобытности, они мало или даже почти совсѣмъ не говорили по-русски, и наше прибытіе въ поселокъ едва ли вывело ихъ изъ замкнутаго круга тѣхъ своеобразныхъ переживаній, сквозь которыя они по своему оцѣнивали происходящія собы-

тія. Всего недѣли три до нашего прихода они были свидѣтелями ожесточенныхъ боевъ, когда конница Жлобы, разстрѣливаемая нашими частями и пытаясь вырваться изъ рокового кольца, въ безпорядкѣ металась изъ стороны въ сторону. Но благодаря какимъ-то непонятнымъ для меня причинамъ, эти зажиточные колонисты, повидимому, мало пострадали за время владычества большевиковъ въ Сѣверной Тавріи. И теперь, покуда ихъ колоніи находились еще въ непосредственной близости отъ фронта, — изъ скептицизма ли, или же полагаясь что германская натура сумѣетъ при всякихъ обстоятельствахъ, даже и при большевикахъ, отстоять свои интересы, — они сохраняли по отношенію къ намъ холодный нейтралитетъ. Въ поискахъ квартиры, я въ первый день посѣтилъ нѣсколькихъ колонистовъ. Къ вечеру, послѣ ряда неудачныхъ попытокъ, я забрелъ въ одинъ изъ домовъ, въ которомъ въ чистой и просторной кухнѣ, поблескивавшей мѣдной посудой, я засталъ пожилую полногрудую хозяйку, чинно совершавшую свой хозяйственный обрядъ; въ сосѣдней комнатѣ, у изразцового камина, сидѣлъ, покуривая длинную трубку, въ рѣзномъ дубовомъ креслѣ старикъ-нѣмецъ, степеннаго вида. Мои попытки разговориться съ ними по-нѣмецки не увѣчались успѣхомъ. Домъ оказался занятымъ, и мнѣ пришлось первыя ночи провести на скамьѣ въ тѣнистомъ саду. Впрочемъ ночи были теплыя, ясныя; вся природа располагала къ романтической мечтѣ. И когда мѣсяцъ, выплывая изъ-за вѣтвей высокихъ деревьевъ, освѣщаль бѣлѣющій фасадъ неуклюжаго дома, оттѣняя черныя, выпуклыя окна и темныя балки его дубоваго остова, мнѣ казалось, что вотъ-вотъ изъ-за верхушекъ столѣтнихъ липъ безшумно вылетитъ ученый воронъ и каркнувъ сядетъ на трубу, а, распахнувъ верхнее окно, покажется сѣдой хозяйинъ-алхимикъ съ колбой въ рукахъ, — точь въ точь, какъ на картинѣ видѣнной когда-то въ дѣтствѣ.

Въ другомъ поселкѣ улица была шире и прямѣе, дома были новѣе и уютнѣе, гумна — ближе къ дворамъ; однако, такія же столѣтнія липы, какъ и въ первомъ поселкѣ, бросали тѣнь по обѣимъ сторонамъ дороги, раскидывая высоко надъ ней свои могучія вѣтви. Здѣсь былъ расквартированъ эскадронъ павлоградскихъ гусаръ, только что получившихъ коней. Присутствіе конной части въ богатой колоніи, недавно переживавшей бои, еще острѣе напоминало о близости фронта. Павлоградцы готовились идти на соединеніе съ полкомъ; конные солдаты въ бирюзовыхъ безкозырькахъ на рысяхъ проносились по улицѣ; по дворамъ шла кипучая дѣятельность, раздавались пѣсни и бодрящіе, чисто военные оклики; гдѣ-то трубачъ выводилъ свои повторныя, звеняція нотки. Тутъ же, въ одномъ изъ домовъ, находился полковой околотокъ, съ которымъ прибыли и наши сестры. На окраинѣ поселка остановились въ ожиданіи вызова въ полкъ полковникъ Муромскій и кое-кто изъ нашихъ старшихъ офицеровъ. Вскорѣ сюда же перекочевали изъ сосѣдняго поселка и остальные офицеры-маріупольцы, находившіеся при обозѣ, а вмѣстѣ съ ними — и я. Но такъ какъ и здѣсь квартиръ не хватало, то на ночлегъ мы собирались всѣ вмѣстѣ на гумнѣ, у дома, занятаго старшими офицерами, которые предпочитали спать подъ открытымъ небомъ. У большого скирда соломы, защищавшаго насъ отъ дуновенія сырого вѣтерка, располагались мы вокругъ своихъ старшихъ офицеровъ, прислушиваясь къ ихъ разговорамъ и мирно бесѣдуя между собою; вѣстовые приносили намъ одѣяла, раскидывали солому на ночлегъ. Минуты эти не лишены были особой прелести. Въ своихъ мечтахъ я прѣвѣтствовалъ случайности безпечной гусарской жизни, желалъ ее видѣть такой, какой

она рисовалась мнѣ сквозь поэтическое описаніе старыхъ гусарскихъ пѣсенъ, и обликъ гусаръ минувшихъ лѣтъ живо представлялся моему воображенію. Не различалъ ли я при свѣтѣ воображаемаго костра, въ дымкѣ легкаго вечерняго тумана, подползавшаго къ гумну, силуэты «дѣдовъ», степенно «испивающихъ ковшами»?

На затылкахъ кивера,
Доломаны по колѣна,
Сабли, ташки у бедра,
И диваны — кипы сѣна.

Трубки черныя въ зубахъ,
Дымъ клубится и играетъ,
По закрученнымъ усамъ,
На виски перебѣгаетъ.

Не сочеталъ ли я предчувствіе близкаго похода, — перваго настоящаго похода въ моей жизни, — съ памятью о славной боевой жизни старыхъ гусаръ?

Но едва проглянетъ день,
Каждый по полю порхаетъ,
Киверь звѣрски на бекрень,
Ментикъ съ вихрями играетъ.

Конь кипятъ подъ сѣдокомъ,
Сабля свищетъ, врагъ валится...
Бой умолкъ, — а вечеромъ,
Снова ковшикъ шевелится!

Какъ сладко и безмятежно спалось тогда на свѣжей соломенной подстилкѣ; какимъ бодрящимъ было пробужденіе по утру, когда солнце уже начинало согрѣвать землю, а легкія вдыхали привольно ароматы полей!

Наконецъ, когда ушелъ эскадронъ павлоградцевъ, то освободились и для насъ чистенькіе дома, въ которыхъ уютныя комнаты, облицованныя кленовымъ деревомъ, манили бѣлоснѣжными пуховыми постелями. Кое-кто изъ нашихъ офицеровъ уже отбылъ въ полкъ. Я же все еще дожидался своей очереди. Жаркіе лѣтніе дни поневолѣ располагали къ дремотѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ душу вкрадывалось острое, волнующее чувство при сознаніи того, что гдѣ-то на пространствѣ тучныхъ полей, окружавшихъ насъ, шли боевыя дѣйствія. Въ сосѣднемъ поселкѣ учебная команда черноморцевъ, собираясь на лужайкѣ передъ школой, подолгу выводила на всѣ лады все ту же однообразную пѣсенку:

«Мама, мама, что мы будемъ дѣлать,
Когда настанутъ зимни холода?
У меня нѣтъ теплаго платочка-точка-точка,
У тебя нѣтъ зимняго пальта!..

Хотѣлось наконецъ, очнуться отъ этого бездѣйствія, испытать, разъ уже это необходимо, свою судьбу, принять, пока еще не поздно, участіе въ кавалерійскомъ рейдѣ по незнакомымъ, живописнымъ мѣстамъ, вмѣстѣ съ полкомъ, которому можетъ быть и теперь предстоятъ славныя дѣла.

Наконецъ, въ концѣ іюля настала желанный часъ, и я не безъ волненія узналъ, что въ числѣ четырехъ офицеровъ, вызываемыхъ въ полкъ, названъ и я.

Въ тотъ же вечеръ мы съ корнетами Дубянскимъ, Назаровымъ и Альбрандомъ, отбывающими вмѣстѣ со мною, выбрали сѣдла въ полковомъ цейхаузѣ, а по утру, на поданной намъ подводѣ, отправились въ путь. Коней мы должны были получить въ полку.

Подъ Орѣховомъ.

Отбывая въ полкъ, мы не знали въ точности, гдѣ онъ находится. Намъ удалось только узнать въ обозѣ, что онъ въ то время еще дѣйствовалъ гдѣ-то подъ Жеребцомъ. Но, по слухамъ, нѣсколько дней тому назадъ нашими частями былъ занятъ городъ Александровскъ на Днѣпрѣ, и можно было предположить, что и нашъ полкъ продвинулся впередъ. Принявъ это во вниманіе мы въ общихъ чертахъ намѣтили свой путь: верстахъ въ 35-ти сѣвернѣе Большого Токмака находился городъ Орѣховъ, за нимъ, верстахъ въ десяти, — городъ Жеребецъ, и еще верстѣ черезъ сорокъ въ направленіи на сѣверо-западъ — Александровскъ. Мы надѣялись, послѣдовательно проѣзжая черезъ эти пункты, узнать мѣстопробываніе дивизіи.

Однако, уже въ Б. Токмакѣ намъ пришлось убѣдиться въ томъ, что фронтъ находится вовсе не такъ далеко, какъ предполагалось. За эти дни боевая обстановка повидимому вновь нѣсколько измѣнилась. Въ Токмакѣ мы, не доѣзжая соборной площади, зашли напиться чаю въ какой-то пустующій трактиръ. Здѣсь, кто-то изъ насъ, желая разспросить хозяина, замѣтилъ ему, что мы намѣрены проѣхать черезъ Жеребецъ въ городъ Александровскъ. Трактирщикъ посмотрѣлъ на насъ съ недоумѣніемъ. Оказалось, что Александровскъ вновь занятъ противникомъ, и что бои происходятъ теперь южнѣе Жеребца. Это сообщеніе хотя и удивило насъ, но тѣмъ не менѣе давало намъ надежду въ тотъ же день присоединиться къ полку.

За Б. Токмакомъ потянулись поля, испещренные овражками и зелеными рощами. Въ поляхъ шла уборка хлѣбныхъ; въ деревняхъ, попадавшихся намъ по пути, не встрѣчалось воинскихъ частей, и можно было бы подумать, что мы находимся въ глубокомъ тылу. Щадя лошадей, мы ѣхали медленно. Подводчика съ нами не было, и мы сами правили парой обозныхъ лошадей, предоставленныхъ намъ въ Лихтенау. Впрочемъ у корнета Дубянского оказалась осѣдланная верховая лошадь, полученная какими-то судьбами въ обозѣ. Предвидя, что быть можетъ много верстѣ придется намъ проѣхать за этотъ день, мы по очереди садились на нее, такъ какъ этимъ мы облегчали тяжесть повозки. Несмотря на жаркій день, ѣхать было хорошо; ни о чемъ собственно не думалось, и мы благодушно прислушивались къ корнету Альбранду, бывшему гардемарину, посвящавшему насъ въ науку морской сигнализациі.

Но уже верстахъ въ двадцати за Большимъ Токмакомъ до насъ стали доноситься отголоски дальней артиллерійской стрѣльбы. Мѣстность стала холмистой, неровной; дорога, по которой мы ѣхали, проходила по склону бугра, поросшаго лѣсомъ, и трудно было судить о томъ, гдѣ происходитъ бой. Зато подъ самымъ Орѣховомъ передъ нами съ холма раскрылся обширный видъ. У подножья холма проходило желѣзно-дорожное полотно, а за нимъ раскинулся небольшой сѣренскій городокъ, изъ котораго на сѣверъ и на востокъ прямыми стрѣлками убѣгали шоссеиныя дороги. Дальше, до самаго горизонта, распростерлись волнистыя поля, и тамъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ, насколько мы могли судить по вспыхивающимъ дымкамъ, работала артиллерія.

Подѣзжая къ городу, мы на самой окраинѣ его миновали какой-то обозъ, расположившійся на убранномъ полѣ. Въ самомъ же городѣ было пустынно и безлюдно. Всѣ лавки были заперты, нигдѣ не видно было воинскихъ чиновъ, не встрѣчалось даже и прохожихъ. Зайдя въ одинъ изъ домовъ, мы справились у мѣстныхъ обывателей о томъ, гдѣ находится комендантское управленіе. Однако, указанный намъ домъ оказался пустымъ, хотя и видно было, что въ одной изъ комнатъ еще недавно находилась канцелярія. Сосѣди сообщили намъ, что комендантское управленіе по утру въ этотъ день выбыло изъ города на подводахъ. Отъ нихъ же мы узнали и что неподалеку отъ города, у восточнаго шоссе, стоитъ какая-то пѣхотная часть, и мы тотчасъ же рѣшили проѣхать туда, чтобы выяснить положеніе. Дѣйствительно, верстахъ въ двухъ отъ Орѣхова мы встрѣтили группу военныхъ. Съ небольшого холма, пожилой полковникъ смотрѣлъ въ бинокль по направленію къ сѣверу, откуда доносились звуки пулеметной стрѣльбы, а время отъ времени и раскаты рвущихся снарядовъ. Полковникъ, на минуту оторвавшись отъ бинокля, чтобы выслушать насъ, сообщилъ намъ, что наша вторая конная дивизія стоитъ на хуторахъ, всего въ нѣсколькихъ верстахъ дальше по шоссе. Обнадеженные этимъ извѣстіемъ, мы погнали лошадей, не взирая на ихъ усталость.

Однако, проѣхавъ еще версты двѣ, когда неподалеку уже обрисовалась цѣль нашего путешествія, мы повстрѣчались съ повозками, нагруженными ранеными; и, къ нашему недоумѣнію, мы повстрѣчались съ повозками, нагруженными ранеными; и, къ только что мимо этихъ хуторовъ, они видѣли, какъ конные эскадроны въ развернутомъ строю уходили съ хуторовъ въ поле, на сѣверъ. Мы стали держать совѣтъ о томъ, что намъ дѣлать дальше. Такъ какъ мы выѣхали поздно изъ Лихтенау и почти все разстояніе отъ В. Токмака до Орѣхова, изъ-за бугристой мѣстности и тяжелой песчаной дороги, проѣхали шагомъ, то день уже клонился къ концу. Судя по описанію санитаровъ, дивизія пошла въ бой или перешла на другую позицію, и въ наступающихъ сумеркахъ или ночью было безнадежнымъ дѣломъ попытаться на уставшихъ лошадяхъ догнать кавалерійскую часть, находившуюся въ движеніи. Такимъ образомъ, намъ ничего другого не оставалось, какъ вернуться въ Орѣховъ.

Такъ мы и поступили, но и тутъ намъ не повезло. Вскорѣ мы замѣтили впереди знакомые дымки шрапнельныхъ разрывовъ и поняли, что городъ находится подъ обстрѣломъ. Такіе же дымки стали вспыхивать и надъ шоссе, и санитарный обозъ, уже далеко обогнавшій насъ, пошелъ на рысяхъ. Бой въ сторонѣ какъ будто бы замѣлъ, исчезъ куда-то и только что встрѣченный нами полковникъ со своимъ шта-

бомъ. Когда мы добрались до города, то уже стемнѣло. На улицахъ, какъ и раньше, не видно было ни души, и при создавшихся условіяхъ ничего не располагало къ ночлегу здѣсь.

Выѣхавъ на окраину, мы попытались отыскать обозъ, еще недавно стоявшій здѣсь, чтобы присоединиться къ нему, но и онъ за это время куда-то ушелъ. Къ тому же, отыскивая его, мы въ темнотѣ сбились съ дороги. Пришлось долго блуждать по полю въ поискахъ дороги, и тутъ мы случайно попали въ такое мѣсто, гдѣ насъ охватилъ нестерпимо ѣдкій запахъ трупнаго тлѣнія. Мы тотчасъ же поняли, въ чемъ дѣло: корнетъ Дубянской вспомнилъ, что всего недѣли двѣ тому назадъ подъ Орѣховомъ происходили упорные бои, за время которыхъ была цѣликомъ уничтожена бригада красныхъ Петроградскихъ курсантовъ, не пожелавшихъ сдаться въ плѣнъ. Здѣсь, по всей вѣроятности, и были зарыты ихъ трупы. Въ смрадѣ, охватившемъ насъ, при глубокой темнотѣ и при ощущеніи подъ ногами рыхлой почвы, по которой наши уставшія лошади черезъ силу вывозили повозку, было что-то удручающее. Но въ этомъ было бы полъ бѣды, если бы вдругъ совсѣмъ поблизости, всего можетъ быть въ какихъ-нибудь пятидесяти шагахъ отъ насъ, не застучалъ бы громко и внятно пулеметъ; къ довершенію всего, мы повидимому очутились на линіи передовыхъ постовъ. Не время было задумываться о томъ, куда дѣвалась наша пѣхота, только что ведшая бой подъ Орѣховымъ; намъ надо было поскорѣй выбираться изъ этихъ мѣстъ, гдѣ боевая обстановка могла, повидимому, съ минуты на минуты измѣниться къ худшему. Дорогу мы наконецъ нашли, но, выйдя на нее, наши лошади стали ежеминутно останавливаться и въ концѣ концовъ отказались идти дальше. Тутъ на наше счастье догнала насъ случайно запоздавшая крестьянская фура, нагруженная сѣномъ. Наши лошади, потягиваясь за сѣномъ, шли за ней, и мы облегченно вздохнули. Подводчикъ, такъ же какъ и мы, ничего не зналъ о боевомъ положеніи подъ Орѣховомъ, но мы все-таки были рады найти попутчика, знакомаго съ мѣстностью, и, разговаривая съ нимъ, мы незамѣтно добрались до первой встрѣчной деревни. Заѣхавъ по указанію нашего спутника въ одинъ изъ дворовъ, мы остановились на ночлегъ. Хозяинъ, разбуженный нами, принялъ насъ привѣтливо и тотчасъ же задалъ сѣна нашимъ лошадямъ.

Мы рѣшили провести ночь на дворѣ. Съ фронта не доносилось теперь ни звука, но у насъ составилось впечатлѣніе, что Орѣховъ оставленъ нашими частями. Если впереди насъ, подъ городомъ, думалось намъ, и остались еще кое-какія наши прикрытія, то все же не исключена была возможность, чтобы за ночь въ нашу деревню не понавѣдались бы случайно непріятельскіе разъѣзды. Эта случайность была тѣмъ болѣе возможной, что тутъ же подъ откосомъ, къ краю котораго выходили гумна, начиналась равнина, погруженная въ тьму и едва ли занятая нашими частями. Вооруженные одними шашками, — у одного только Дубянскаго имѣлся съ собою револьверъ, — и опасаясь очутиться въ мышеловкѣ, мы всю ночь напролетъ продежурили во дворѣ. Однако, ночь прошла спокойно, и никто насъ не потревожилъ.

На разсвѣтѣ, подкрѣпясь молокомъ и хлѣбомъ, предложеннымъ хозяиномъ, мы опять стали держать совѣтъ, какъ поступить дальше. Наши мнѣнія раздѣлились. Корнеты Дубянской и Альбрандъ считали, что покуда положеніе подъ Орѣховомъ не выяснилось, намъ лучше всего было бы возвратиться назадъ по дорогѣ и гдѣ-нибудь,

напримѣръ — въ деревнѣ Сладкая Балка, дожидаться дальнѣйшихъ событій. Но насъ съ корнетомъ Назаровымъ какой-то чертикъ подговаривалъ проѣхать въ Орѣховъ и посмотрѣть, что тамъ происходитъ. Въ концѣ концовъ, мы порѣшили такъ: мы съ корнетомъ Назаровымъ на подводѣ отправимся на развѣдку въ Орѣховъ, а Дубянской съ Альбрандомъ подождутъ насъ на деревнѣ.

Лошади наши за ночь отдохнули и бодрой рысцой покатали насъ по дорогѣ. Утренняя прохлада дѣйствовала на насъ живительнымъ образомъ, а безпечность наша поддерживалась острымъ любопытствомъ. Но только что мы проѣхали съ версту, какъ корнетъ Назаровъ дернулъ меня за рукавъ. У желѣзно-дорожнаго полотна, проходившаго подъ откосомъ холма, по которому мы ѣхали, показался конный развѣдчикъ. Онъ ѣхалъ шагомъ намъ навстрѣчу, но повидимому не замѣчая насъ. Всмотрѣваясь въ него противъ солнца, уже довольно высоко поднявшагося надъ горизонтомъ, мы не могли различить, нашъ ли это или красный развѣдчикъ, и остановились въ нерѣшительности. Въ эту минуту навстрѣчу изъ-за бугра показались крестьянки и старый-престарый дѣдъ. Они, должно быть, возвращались изъ города. Остановивъ ихъ, мы стали разспрашивать ихъ о томъ, что происходитъ въ городѣ.

«Да за ночь пришли какіе-то военные,» отвѣчала одна изъ крестьянокъ: «а кто они такіе, — ваши ли, или большаки, — мы не знаемъ.»

«Да вотъ тутъ за бугромъ залегли солдаты,» добавила другая.

«Какъ такъ, — за бугромъ?!» воскликнули мы одновременно съ корнетомъ Назаровымъ: «въ какую же сторону держатъ они ружья?»

«Сюда, — въ вашу сторону...»

Мы такъ и подпрыгнули на своей подводѣ. «Такъ это значить большевики?» промолвилъ мой спутникъ.

«Должно быть, — они,» замѣтилъ дѣдъ.

Недолго думая, повернули мы лошадей и, отъѣхавъ шагомъ до поворота дороги, чтобы не навлечь на себя вниманія коннаго дозорнаго, — вскачь помчались обратно въ деревню.

Наскоро захвативъ въ ней корнетовъ Дубянского и Альбранда и объяснивъ имъ, въ чемъ дѣло, мы на рысяхъ поѣхали дальше. Теперь уже больше никто изъ насъ не сомнѣвался въ томъ, что наше положеніе въ эту ночь было серьезнымъ. Наши части уже настолько далеко отошли за это время отъ Орѣхова, что только черезъ нѣсколько верстъ попались навстрѣчу намъ два конныхъ развѣдчика съ ружьями на перевѣсъ. Отъ нихъ мы, къ своему изумленію, узнали, что не только наша пѣхота отступила отъ Орѣхова, но что и конная дивизія отходить теперь на Большой Токмакъ. Въ свою очередь разспросивъ насъ развѣдчики помчались дальше, по направленію къ Орѣхову. Мы же съ недоумѣніемъ спрашивали себя, неужели же боевое счастье настолько изменило намъ, что фронтъ оттягивается теперь къ Большому Токмаку? Этому мы не могли повѣрить и оказались правы. Уже въ Сладкой Балкѣ повстрѣчались мы съ сильнымъ отрядомъ дроздовцевъ, шедшихъ навстрѣчу противнику. Спокойный и внушительный видъ этихъ испытанныхъ бойцовъ говорилъ за то, что положеніе наше далеко не проиграно. Однако, почему же кавалерія отступала?

Въ тотъ же день мы узнали, что собственно произошло. Подъ самымъ Большимъ Токмакомъ мы нагнали арьергарды конныхъ частей. Болѣе двухъ тысячъ всадниковъ длинной колонной, въ облакѣ пыли, двигались по шоссе. Это была вторая конная дивизія... Обгоняя полемъ эскадроны, мы вскорѣ увидѣли впереди желтые околыши мариупольцевъ и, наконецъ, очутились въ своей части. Тотчасъ же по прибытію въ поселокъ, въ которомъ дивизія расквартировалась по дворамъ, мы явились ротмистру Пашкевичу, командовавшему дивизиономъ мариупольцевъ. Отъ него мы узнали, что дивизія сѣшно вызывается на западный участокъ фронта арміи, гдѣ красные только что прорвали нашъ фронтъ подъ Каховкой. Подъ Орѣховомъ же не произошло ничего особеннаго, и если съ уходомъ кавалеріи временно былъ оставленъ городъ, то теперь туда на смѣну конной дивизіи, стягивались сильные отряды пѣхоты.

Мы были настолько рады очутиться въ своемъ эскадронѣ и вмѣстѣ съ нимъ принять участіе въ походѣ, что приключенія наши подъ Орѣховомъ показались намъ забавнымъ происшествіемъ...

Походъ. — Конная атака.

Участникъ передвиженія въ строю большой конной массы испытываетъ особое чувство, не лишенное прелести, если только онъ, не будучи изнѣженнымъ, безъ труда переноситъ физическую усталость и если онъ пріемлетъ поэзію случайностей и непредвидѣннаго и любитъ понаблюдать за природой и проявленіями жизни, встрѣчающимися ему по пути. Ни при какомъ другомъ способѣ передвиженія путешественникъ не ощущаетъ такого полного равновѣсія между тѣмъ, что составляетъ суть его личнаго существованія, и тѣмъ, что онъ наблюдаетъ вокругъ себя. Мѣстность, по которой онъ, слѣдуя движенію конницы, медленно проѣзжаетъ, все время мѣняясь, при встрѣчѣ съ нимъ своей минутной, но непосредственной близостью, оставляетъ въ немъ впечатлѣніе чего-то жизненно-постояннаго, неизмѣнно существующаго внѣ его. И вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, участникъ похода, составляя одно цѣлое со своею частью и невольно чувствую себя вмѣстѣ съ нею властелиномъ времени и пространства, не только не поработается вереницей чередующихся впечатлѣній, но, сохранивъ свободу сужденія, получаетъ возможность иногда глубже оцѣнить ихъ. Постоянно созерцая себя на грани двухъ равноцѣнно выраженныхъ началъ, — покоя и движенія, — отдавъ свою волю въ руки неизбежной судьбы и сводя личные заботы о себѣ до минимума возможнаго въ условіяхъ похода, онъ получаетъ даръ судить острѣе, а можетъ быть и вѣрнѣе, чѣмъ при другихъ обстоятельствахъ. Не потому ли знакомыя ему мѣста, черезъ которыя онъ проѣзжаетъ, кажутся ему тогда иными, чѣмъ онъ привыкъ ихъ видѣть; и если тогда въ памяти его всплывутъ старыя воспоминанія, то тотчасъ же, какъ отъ непоправимой утраты, сожмется сердце, и, — еще мгновенно, — и разлетятся они, какъ дымъ, какъ облако пыли, оставляемое по пути; не потому ли и новыя, невѣдомыя дотолѣ мѣста, въ яркомъ минутномъ явленіи, раскроютъ его взору ту живую сущность свою, которая можетъ быть, останется незамѣченной многими изъ тѣхъ, кто въ нихъ провелъ цѣлую жизнь? Походъ, — это опытъ надъ природой и жизнью...

На слѣдующій день по прибытію въ Б. Токмакъ, предаваясь укачивающему шагу коней, съ утра прослѣдовали мы вмѣстѣ съ дивизіей по той самой дорогѣ, по которой

всего только сутки тому назадъ мы вчетверомъ выѣзжали на фронтъ; миновали колонію Лихтенау, въ которой на улицу вышли намъ навстрѣчу оставшіеся при обозѣ, и къ вечеру добрались до ночной стоянки.

Во второй переходъ, на смѣну привѣтливимъ при-днѣпровскимъ мѣстностямъ съ ихъ лугами, овражками, рощами, обработанными полями и богатыми селеніями, раскрылась передъ нами обширная, однообразная степь. Впереди бѣлѣющей полосой растянулась большая дорога, вдоль которой рѣдкія встрѣчныя деревни попадались только черезъ двадцать или болѣе верстъ. Но эта степь была такъ же мало похожа на мертвые, выгорѣвшіе солончаки, какъ и на колыхающийся просторъ донскихъ цѣлий. Здѣсь, куда только глазу было видно, раскинулись по равнинѣ сѣро-зеленыя бахчи. У самой дороги, какъ бы раскрывая проѣзжающему тайну несмѣтныхъ богатствъ, заложенныхъ въ степи, у пожелтѣвшихъ стволовъ низкорослыхъ растеній, на сухой и твердой землѣ, покрытой трещинами, лежали, наливаясь на солнцѣ, спѣлыя кавуны. Ихъ было такъ много вокругъ, какой обширной была степь, взростившая ихъ что невольно казалось, что человѣческій трудъ граничить адѣсь со стихійностью. Но сильно палило солнце съ безоблачнаго неба; ѣдкая пыль, подымаемая эскадронами, слѣпила глаза и, вдыхаемая съ раскаленнымъ воздухомъ, вызывала нестерпимую жажду, а отъ однообразнаго покачиванія въ сѣдлѣ во всемъ тѣлѣ ощущалась ломота. И, несмотря на вкоренившуюся въ насъ привычку сохранять строгія правила по отношенію къ частной собственности, командиры эскадроновъ изрѣдка позволяли двумъ-тремъ гусарамъ выѣхать изъ строя, чтобы набрать арбузовъ. Гусары, нанизавъ каждый съ поддюжины кавуновъ на лики и возвратясь въ строй, передавали ихъ во взводы, и сочные ломти, наръзанные пашками, на время утоляли жажду.

Эскадроны, построенные во взводную колонну (дорога была широкой), медленно продвигались впередъ. Мы, младшіе корнеты, держались на правомъ и лѣвомъ флангахъ своихъ взводовъ, изрѣдко выѣзжая впередъ въ свободное пространство между ними, когда взводные командиры собирались вокругъ командира эскадрона. Приходилось держаться прямо, чтобы кони не набили себѣ спины, а такъ хотѣлось иногда, выкинувъ ноги изъ стремянъ, устроиться поудобнѣе въ сѣдлѣ! Бывали, правда, и минуты слабости, но возгласъ старшаго офицера, слѣдовавшаго рядомъ: «корнетъ, — ногу!» — тотчасъ же призывалъ къ порядку. Впрочемъ, изрѣдка вся дивизія спѣшивалась, и тогда, ведя коня въ поводу или отдавъ его вѣстовому, мы получали возможность поразмять ноги. Когда же всадники вновь садились на коней, то, по очереди эскадроновъ, выѣзжали пѣсenniки впередъ, и молодые гусары-хохлы, заломивъ фуражки набекрень, лихо и съ присвистомъ закручивали пѣсню. Слышался знакомый напѣвъ:

« Посѣй лебеду на берегу,
Моя крупная разсадушка...
Погорѣла лебеда безъ воды,
Моя крупная разсадушка...
Пошлю казака по воду, —
Ни воды нѣтъ, ни казаченьки...»

Если бы не кавуны, то жажда одолѣла бы... Правда, что иногда на лазурномъ небѣ показывалось небольшое облачко, на минуту насъ орошалъ теплый лѣтній дождь и пріятно было ощущать струящуюся влагу на разгоряченномъ тѣлѣ. Но какъ только дивизія выходила на пространство неорошенное пробѣжавшимъ ливнемъ и изъ-подъ конскихъ копытъ вновь подымалось облако пыли, мы мгновенно покрывались густымъ сѣрымъ налетомъ. За дневной переходъ приходился обычно только одинъ болѣе или менѣе продолжительный привалъ во встрѣчной деревнѣ. Нѣкоторое время требовалось на то, чтобы размѣстить эскадроны по дворамъ. И, позаботясь о томъ, чтобы гусары накормили и напоили лошадей, мы едва успѣвали сами напиться свѣжаго молока и закусить хлѣбомъ въ прохладной хатѣ, какъ вновь подавался сигналъ трогаться въ путь.

Вечеромъ, на стоянкѣ въ другой отдаленной деревнѣ, ожидалъ насъ ночной отдыхъ. Но какимъ онъ былъ кратковременнымъ и какъ дорого доставался онъ намъ! Мой непосредственный начальникъ во время похода, ротмистръ Пригара, взыскательный къ себѣ и къ другимъ, щепетильный въ отношеніи дисциплины и служебныхъ обязанностей столько же къ остальнымъ своимъ подчиненнымъ, какъ и къ питомцамъ своимъ, корнетамъ Шахову-Курчинскому, Рачинскому и Великопольскому, любилъ порядокъ во всемъ. На мнѣ, какъ на самомъ младшемъ корнетѣ, лежала обязанность, тотчасъ же по прибытіи на стоянку, обойти вазоды и убѣдиться въ томъ, что всѣ люди и кони размѣщены и получили продовольствіе, и только послѣ того, какъ все было налажено, я могъ явиться на хату, въ которой офицеры собрались къ ужину. Тогда на столѣ появлялась долгожданная миска съ горячимъ борщомъ, крынка съ кислымъ молокомъ, свѣжія томаты и... бутылка рыжаго самогона, отъ котораго отдавало сивухой. Ночевали офицеры всѣ вмѣстѣ на гумнѣ, за скирдомъ соломы. А поутру, когда чуть начинало свѣтать, младшимъ корнетамъ полагалось первыми идти будить людей по вазодамъ, собирать ихъ въ строй передъ квартирой эскадроннаго командира. Затѣмъ эскадроны собирались въ полки, а полки — въ дивизію, и вновь начинался дневной переходъ.

Такъ, по выходѣ изъ Б. Токмака, шли мы въ продолженіе трехъ сутокъ. По пути говорили, что мы идемъ въ Нижнія Сѣрагозы на соединеніе съ прибывшей уже туда первой кавалерійской дивизіей. Но на третьи сутки мы прошли степью южнѣ этого села, не заходя въ него. По всему было видно, что дивизія спѣшно вызывается дальше. «Шире шагъ!», чаще стала раздаваться команда; спѣшивались рѣже и даже иногда подолгу шли на рысяхъ. За Нижними Сѣрагозами намъ стало извѣстно, что прорывъ красныхъ за послѣдніе дни принялъ угрожающіе размѣры. Всего нѣсколько дней тому назадъ, отвландѣвъ внезапной ночной атакой днѣпровскими переправами у Каховки и сбивъ наши пѣхотныя части, они значительными силами повели наступленіе на югъ. Ихъ присутствіе въ нашемъ глубокомъ тылу составляло непосредственную угрозу перешейкамъ, на которыхъ находились однѣ только незначительныя резервныя части. Обсуждая между собою эти событія, наши офицеры были склонны обвинять за прорывъ самого генерала Слащева, который будто-бы, послѣ очередной пирушки со своимъ штабомъ, въ ночь прорыва оказался не на высотѣ своего положенія. Намъ же повидимому, предстояла задача, отрѣзавъ пути отступленія зарвавшемуся противнику,

обрушиться на него всѣми силами и, совмѣстно съ пѣхотой, ликвидировать этотъ случайный прорывъ.

Вечеромъ, на третьи сутки похода, мы, миновавъ степное пространство, очутились въ болѣе заселенномъ районѣ и на ночь остановились въ деревнѣ Константиновкѣ. Мы находились верстахъ въ тридцати отъ Каховки, занятой противникомъ. Здѣсь нашей конницѣ, послѣ почти ста пятидесятиверстнаго перехода, былъ данъ полуторасуточный отдыхъ. Оказалось, что въ Константиновку прибыла уже и первая кавалерійская дивизія, и когда на разсвѣтѣ, въ день выступленія въ дальнѣйшій путь, полки стали являться на сборъ, то на окраинѣ деревни мы нашли не только нашу дивизію, но весь конный корпусъ генерала Барбовича въ его полномъ составѣ. Никогда не забуду этого радужнаго утра, когда на сравнительно небольшомъ пространствѣ убранныя поля собрались въ конномъ строю кадры почти всѣхъ старыхъ русскихъ кавалерійскихъ полковъ. Въ гвардейскомъ дивизионѣ мелькали фуражки конногвардейцевъ, кавалергардовъ, синихъ и желтыхъ кирасиръ, дальше яркимъ пятномъ выделялся эскадронъ изюмскихъ гусаръ, и по всему фронту обѣихъ дивизій весело пестрѣли цвѣта знакомыхъ гусарскихъ, уланскихъ и драгунскихъ полковъ. Эти кадры хранили въ себѣ залогъ будущаго возрожденія старыхъ полковъ, и въ это прекрасное утро невольно чудилось мнѣ, что надъ ними, въ золотистыхъ лучахъ восходящаго солнца, на фонѣ безоблачнаго неба, въ лучезарномъ видѣніи распростеръ свои крылья русскій двуглавый орелъ... На автомобилѣ подъѣхалъ къ частямъ командиръ корпуса съ начальникомъ штаба, и обѣ дивизіи параллельными колоннами двинулись въ путь, держа направленіе на юго-западъ. По пути первая дивизія отдѣлилась отъ насъ и пошла западнѣе.

Мы чувствовали, что въ этотъ день насъ ожидаетъ бой. Красные должны были находиться гдѣ-то неподалеку, и когда къ полудню мы остановились въ деревнѣ, которая еще по утру была занята противникомъ, то стало очевиднымъ, что близокъ часъ возможной атаки. Въ эскадронахъ, размѣщенныхъ по дворамъ, настроеніе сразу стало повышеннымъ; спѣшили управиться съ конями, наскоро закусывали, между дѣломъ обмѣнивались впечатлѣніями съ хозяевами, видимо пораженными неожиданнымъ появленіемъ такой многочисленной конницы. На привалѣ простояли не долго и вскорѣ двинулись дальше. Пройдя нѣсколько верстъ, полки построились въ резервную колонну и дивизія спѣшилась. Гдѣ-то неподалеку, сѣвернѣе насъ, явственно гремѣла артиллерія. Передъ нами широкой ложбиной спускались луга, по ту сторону которыхъ подъемъ полей закрывалъ отъ насъ горизонтъ. Здѣсь мы простояли довольно долго въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Мы уже начинали тяготиться этой продолжительной стоянкой подъ открытымъ небомъ, какъ вдругъ на противоположной сторонѣ ложбины, въ полуверстѣ отъ насъ, показался конный эскадронъ. Онъ шелъ шагомъ по направленію къ намъ, но только успѣли мы взглянуть въ него, какъ онъ, круто повернувъ поводни кругомъ и взметнувъ пылью, карьеромъ помчался назадъ. Это была повидимому непріятельская развѣдка, неожиданно для себя натолкнувшаяся на насъ. При видѣ непріятеля, гусары невольно потянулись къ конямъ, каждый эскадронъ готовъ былъ броситься вдогонку за уходящими всадниками, но дивизія продолжала оставаться на мѣстѣ. Черезъ нѣкоторое время, лѣвѣе дороги, по которой ушелъ непріятельскій эскадронъ, надъ буграми показалось дальнее розоватое облако пыли.

Это должно быть непріятельскіе обозы, предупрежденные развѣдкой, на рысяхъ спѣшили убраться подальше. Намъ стало охватывать нетерпѣніе: неужели же, думалось намъ, мы дадимъ противнику время уйти и не атакуемъ его пока не поздно?

Но вотъ, наконецъ, раздалась команда: «По конямъ!», и дивизія, миновавъ ложбину, стала подыматься на бугоръ. Выйдя на него, мы очутились въ открытомъ полѣ. Впереди, по лѣвую руку, въ одной верстѣ отъ насъ, видѣлась большая деревня. Направо, въ поле выходила первая кавалерійская дивизія, а дальше, на фонѣ голубого неба, вспыхивали бѣлые дымки шрапнельныхъ разрывовъ. Отсюда уже явственно слышалась ружейная трескотня; гдѣ-то поблизости шель оживленный бой. Корпусъ въ томъ же построеніи пошелъ рысью впередъ. Какъ на парадѣ, въ сомкнутыхъ рядахъ, неслись полки по полю. Просвистѣли надъ нами первые снаряды, гдѣ-то позади разорвались первыя шрапнели. И вдругъ, передъ самымъ взводомъ, шедшимъ впереди того, при которомъ я находился, взметнула землю граната. На мгновеніе смѣшался передній взводъ, но тотчасъ же развернулся вѣромъ, сомкнулся вновь, и мы пронеслись дальше. Деревня уже была близка, когда командиръ эскадрона передалъ намъ команду: «Строй фронтъ! Сабли къ бою, въ лаву!..» На ходу эскадроны развернулись въ лаву и пошли галопомъ.

Мнѣ еще въ Б. Токмакѣ достался небольшого роста чалый меринъ, на видъ немного неуклюжій, но крѣпкій и выносливый. За время похода я уже успѣлъ оцѣнить нѣкоторыя его достоинства, но все же я никогда не повѣрилъ бы, чтобы онъ могъ, проявить такой пылъ во время атаки. Настороживъ уши, онъ стремительно мчался впередъ. «Махайте пашкой, господинъ корнетъ! Чтобы на солнцѣ блестѣла!» прокричалъ было мнѣ скакавшій рядомъ со мною взводный, вахмистръ Федорчукъ. Но уже не будучи въ состояніи сдержать коня, выносившаго меня впередъ широкимъ карьеромъ, я отпустилъ поводъ, и взводъ тотчасъ же остался позади.

Неописуемое чувство испытываетъ скачущій на конѣ, предоставленномъ самому себѣ, когда впереди — неизвѣстность, а вокругъ, въ томъ же направленіи, какъ и онъ, несутся сотни другихъ всадниковъ. Уступивъ на мгновеніе любопытству, я посмотрѣлъ по сторонамъ. Налѣво, деревня уже поравнялась съ нами; направо, мелькнула фуражка командира дивизіона, полковника, — архангелогородскаго драгуна, — блеснули обнаженные пашки по линіи лавы, несущейся за нимъ; впереди же небольшой бугорокъ закрывалъ видъ на то, что происходило правѣе деревни. Что было за бугоркомъ, по которому проходила межа? Окопы, пулеметъ или просто канава? Но вотъ еще два-три взмаха упругаго туловища моего коня, и за бугоркомъ, перескочивъ небольшую канаву, я выскочилъ въ ровное поле. Впереди меня скакалъ на взмыленномъ конѣ другой всадникъ, въ которомъ я тотчасъ же узналъ поручика Гердера. Ни окоповъ, ни пулемета не оказалось, но зато шагахъ въ трехстахъ впереди стояла на убранномъ полѣ полубатарей въ полной запряжкѣ. Вдали уходило вскачь нѣсколько всадниковъ, а по направленію къ деревнѣ бѣжало человѣкъ двадцать невооруженныхъ солдатъ, сбившихся въ кучку. Поручикъ Гердеръ, подскакавъ къ нимъ, приказалъ имъ остановиться; въ эту же минуту и я поравнялся съ ними.

Изъ-за бугра выскакивали наши лавы, и красноармейцы испуганно озирались на нихъ. И вдругъ, указывая на уходящую вдаль группку всадниковъ, они заговорили,

умоляюще, всё вмѣстѣ: «Ваше благородіе, дозвольте повернуть орудія и пустить имъ вдогонку снарядъ!» Поручикъ Гердеръ спросилъ ихъ, есть ли у нихъ наводчикъ. «Такъ точно, — я наводчикъ,» отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Но наши лавы уже проскочили впередъ, намъ неизвѣстно было расположеііе нашихъ и непріятельскихъ частей, и, опасаясь какъ бы не натворить бѣды, мы не рѣшились безъ приказанія открыть огонь изъ захваченныхъ орудій. Я уже послѣдовалъ было за взводомъ, какъ подскочившій къ орудіямъ ротмистръ Сѣровъ, командиръ 5-го эскадрона, въ который я теперь былъ зачисленъ, приказалъ мнѣ съ нѣсколькими гусарами, оказавшимися тутъ же, отвести орудія съ плѣнными на деревню. Какъ ни досадно было, пришлось повиноваться. На околицѣ деревни, называвшейся Черненкой, мы проѣхали мимо эскадрона ингерманландскихъ гусаръ, стоявшаго въ резервѣ. Немного же дальше, повстрѣчался намъ по дорогѣ легковой автомобиль: въ немъ вмѣстѣ съ другимъ генераломъ ѣхалъ командующій корпусомъ, генералъ Барбовичъ. «Молодцы маріупольцы» поздравилъ онъ насъ, узнавъ что 5-ый эскадронъ захватилъ два орудія.

Передъ сельской школой, у которой остановился командующій корпусомъ, я оставилъ орудія и выстроилъ плѣнныхъ. Странное чувство переживалъ я, невольно вспоминая теперь рассказы о бывшихъ партизанскихъ атакахъ, когда послѣ боя все захваченное имущество дѣлилось поровну между партизанами, и я не зналъ, какъ вести себя по отношенію къ своимъ гусарамъ, просившимъ у меня разрѣшенія помѣняться сапогами съ плѣнными. Но вѣрное чувство подсказало мнѣ, что мы не являемся больше партизанами, а представляемъ собою регулярное войско, и я запретилъ гусарамъ трогать то, что было на плѣнныхъ. Зато кое-что изъ бѣлья, брошеннаго бѣжавшими комиссарами, сумки, резиновые плащи, табакъ и папиросы, находившіеся на батарейныхъ повозкахъ, я позволилъ гусарамъ разобрать по рукамъ, считая что глупо было бы отдать все это въ интендантство, когда гусары сами во многомъ нуждались. Плѣнные оказались по большей части всё уроженцами средней полосы Россіи; кто былъ родомъ изъ Рязанской, кто изъ Тульской губерніи. Одежда на нихъ была сборною; преобладали, правда, желтоватыя выцвѣтшія гимнастерки русскаго образца и такія же фуражки, но онѣ странно сочетались съ сѣрыми обмотками на ногахъ и рваными штанами; были среди плѣнныхъ и такіе, которые сохранили свою городскую одежду, — черныя суконныя тужурки и собственные сапоги, сдѣланные по мѣркѣ, — тѣ самые, на которые позарились было мои гусары. Впрочемъ среди плѣнныхъ оказалось и нѣсколько латышей; не желая ставить ихъ, вѣрныхъ сподвижниковъ большевиковъ, на равную ногу съ остальными плѣнными и зная, что имъ все равно никакого вреда не будетъ причинено, я не удержался отъ того, чтобы приказать имъ выступить на два шага впередъ изъ выстроенной шеренги. Вскорѣ изъ школы вышелъ тотъ пожилой генералъ, который пріѣхалъ вмѣстѣ съ генераломъ Барбовичемъ, и обратился съ рѣчью къ плѣннымъ, которыхъ тѣмъ временемъ привели еще съ полсотни. Онъ ласково объявилъ имъ, что имъ не угрожаетъ никакая опасность и что они, если пожелаютъ, будутъ зачислены на тыловыя должности въ армію. Они, понятно, хоромъ отвѣчали, что согласны.

Поздно вечеромъ, когда уже стемнѣло, стали прибывать на деревню эскадроны, далеко преслѣдовавшіе бѣжавшую красную пѣхоту. За этотъ день корпусомъ захвачено было еще одно орудіе, взяты были пулеметы и плѣнные, а на одномъ участкѣ ата-

ки гвардейскимъ эскадронѣмъ была зарублена цѣлая рота латышей, не пожелавшихъ сдаться. Въ нашемъ эскадронѣ легко былъ раненъ пулей корнетъ Альбрандъ, а подъ однимъ вольноопредѣляющимся-подпрапорщикомъ, нагнавшимъ бѣжавшихъ комиссаровъ захваченной нами батареи, убита была лошадь, и онъ чуть не былъ зарубленъ. Въ общемъ же, эскадронъ не понесъ потерь, и день для него оказался славнымъ: хотя и случайно, но все же это ему досталась честь захватить орудія, и если достались онѣ ему безъ особаго труда, то все же это были тѣ самыя орудія, которыя только что стрѣляли по насъ.

Въ архипелагѣ хуторовъ.

Появленіе коннаго корпуса въ районѣ Каховки положило, повидимому конецъ движенію противника на югъ. Но уже тотчасъ же послѣ атаки подъ Черненькой намъ стало ясно, что корпусу не удалось отрѣзать отъ Днѣпра зарвавшихся красныхъ; за тѣ пять сутокъ, которыя мы прошли походомъ отъ Б. Токмака, противникъ, узнавъ понятно о нашемъ приближеніи, успѣлъ отойти на укрѣпленныя позиціи у Днѣпра, и подъ Черненькой мы атаковали уже одни только его арьергарды. Положеніе далеко не было восстановлено. Каховка и мѣстность, прилегающая къ ней по эту сторону Днѣпра, продолжала оставаться въ рукахъ большевиковъ, которые, по слухамъ, выдвинули сюда значительныя силы, — между прочимъ и одну изъ латышскихъ дивизій, славившихся своей стойкостью. Казалось, что было дѣломъ нашей пѣхоты выбить противника съ занятыхъ позицій, и въ дивизіи прошелъ слухъ, что конница, выполнивъ возложенную на нее задачу, будетъ отведена въ резервъ. Однако, послѣ суточного отдыха въ деревнѣ Черненька, наша дивизія на разсвѣтѣ была вновь выведена на линію огня.

Маріупольскій дивизионъ, отдѣляясь отъ другихъ эскадроновъ, верстахъ въ двухъ сѣвернѣе Черненьки развернулся въ лаву и шагомъ пошелъ впередъ по убранному полю. Мы вступали въ мѣстность, испещренную лугами и рощами, среди которыхъ то адѣсь, то тамъ, виднѣлись хутора. Гдѣ-то впереди поблизости залегъ противникъ. Хотя его и не было видно, но вскорѣ стали посвистывать пули и высоко надъ наступающей лавой стали рваться рѣдкія шрапнели. Я ѣхалъ неподалеку отъ ротмистра Сѣрова, командира моего эскадрона. «Корнетъ», обратился онъ ко мнѣ: «возьмите гусаръ и поѣзжайте съ разъѣздомъ направо.» Взявъ шестерыхъ гусаръ и отдѣляясь отъ лавы, я поѣхалъ шагомъ по направленію къ хутору, виднѣвшемуся впереди, по правую руку отъ насъ. Между хуторомъ и нами лежала неубранная полоска кукурузнаго поля. Осторожно пробираясь черезъ нее, мы не могли видѣть изъ-за высокой ботвы, что происходило на хуторѣ. Однако, выѣхавъ на другую сторону кукурузнаго поля, мы убѣдились, что на хуторѣ спокойно. Дѣйствительно, никто не обстрѣлялъ насъ, и хуторъ оказался свободнымъ. Остановясь у него, я сталъ обозрѣвать мѣстность и наблюдать за движеніемъ дивизиона, лава котораго, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, медленно выходила на уровень съ хуторомъ. Казалось, что противникъ участилъ теперь огонь. Особенно злобно рвались его шрапнели надъ пулеметными тачанками и двумя-тремя подводами, слѣдовавшими за лавой; отсюда видно было, какъ обозныя лошади шарахались въ сторону при каждомъ болѣе близкомъ разрывѣ, какъ подводы

спутывались и подводчики понукали вожжами лошадей. Пройдя немного дальше, дивизионъ спѣшился у небольшой прогалины, засаженной тополями, и цѣпи его залегли.

Въ мою задачу теперь входило, впредь до дальнѣйшихъ приказаній, оставаться на правомъ флангѣ, то-есть на хуторѣ, и наблюдать за тѣмъ, что происходило впереди насъ. Изъ дома вышелъ къ намъ хозяинъ, еще молодой хуторянинъ-великороссъ съ русой бородкой и открытымъ взоромъ голубыхъ глазъ. Онъ былъ удивленъ нашимъ появленіемъ и сообщилъ намъ, что всего нѣсколько дней тому назадъ черезъ его хуторъ отступали наши малочисленные и истощенныя пѣхотныя части. На дворъ выбѣжали ребятишки и, выпучивъ глазенки, молча смотрѣли на насъ; хозяйка вынесла намъ кринку молока, а хозяинъ задать сѣна конямъ. Какъ по мнѣнію хуторянина, такъ и по нашимъ наблюденіямъ, правѣе насъ не имѣлось поблизости никакихъ частей, — ни нашихъ, ни красныхъ; тамъ, на свободномъ пространствѣ, рвались только изрѣдка непріятельскія гранаты. Но меня смущалъ хуторокъ, находившійся какъ разъ впереди насъ, шагахъ въ трехстахъ отъ того хутора, на которомъ мы остановились. Одинъ изъ гусаръ вызвался проѣхать по направленію къ нему, чтобы выяснитъ, заняты ли онъ кѣмъ-нибудь. Я разрѣшилъ ему это и по его возвращенію былъ немало удивленъ узнать, что на хуторѣ находится поручикъ Гердеръ съ разъѣздомъ и пулеметомъ. Я тотчасъ же поскакалъ туда. Поручикъ Гердеръ вывелъ меня въ огородъ, въ которомъ стоялъ его пулеметъ, и, указавъ рукою въ поле, сказалъ мнѣ: «вотъ и окопы большевиковъ.» Но сколько я ни вглядывался, ничего кромѣ кочекъ вспаханнаго поля различить не могъ, откуда одинокая пуля, просвистѣвъ, не подтвердила мнѣ, что онъ правъ. Возвратясь обратно къ своимъ гусарамъ, я отправилъ одного изъ нихъ въ эскадронъ за дальнѣйшими приказаніями. Оттуда отвѣтили, чтобы поручикъ Гердеръ и я оставались на мѣстахъ впредь до оповѣщенія.

На хуторѣ пришлось простоять до вечера. Днемъ прибыли артиллеристы, и поставивъ два полевыхъ орудія позади хутора, начали обстрѣль непріятельскихъ позицій. Красные отвѣчали слабо и стрѣляли все больше по прогалинѣ, занятой дивизиономъ. Передъ вечеромъ за нами прислали гусара и мы вмѣстѣ съ поручикомъ Гердеромъ и разъѣздами, проскакавъ полемъ черезъ зону ружейнаго обстрѣла, вернулись въ свою часть. Оказалось, что за день въ дивизионѣ было убито нѣсколько лошадей, стоявшихъ подъ прикрытіемъ, и всѣ офицеры недоумѣвали, почему собственно выставляли подъ самые непріятельскіе окопы конницу, и безъ того не богатую конскимъ составомъ.

Съ наступленіемъ ночной темноты, дивизионъ въ конномъ строю снялся съ позиціи. Соблюдая полную тишину, описали мы было широкую дугу по полю, а затѣмъ пошли какъ будто по направленію красныхъ позицій. Впрочемъ черезъ нѣкоторое время мы опять повернули широкой дугой налѣво. Мы все углублялись въ непроглядную тьму; внезапно передъ нами блеснуло зарево пожара; мы подходили къ хутору, у котораго только что вспыхнулъ загорѣвшійся скирдъ соломы. Я ѣхалъ при звукахъ, находившемся во главѣ колонны. Слышно было потрескиванье раскаленнаго костра, багровый отблескъ котораго, волнуя тѣни по землѣ, добѣгалъ до насъ, какъ вдругъ я замѣтилъ, что передъ пожарищемъ шагомъ разъѣзжаетъ какой-то всадникъ. Точеный силуэтъ его стройнаго коня отчетливо обрисовывался на фонѣ огненной массы скирда, объятаго пламенемъ. Всадникъ повидимому наблюдалъ за костромъ, но замѣтивъ насъ, пришипорилъ коня и, какъ стрѣла, помчался черезъ освѣщенное про-

странство; такъ испуганный заяцъ, потревоженный появленіемъ охотника мчится стремглавъ по полю впередъ. Какъ только мы сообразили, что это красный развѣдчикъ, тотчасъ же вызвались охотники погнаться за нимъ. Но было уже поздно: красный поджигатель уже унесся на быстромъ конѣ въ ночную тьму...

Заночевали мы дальше на какомъ-то пустующемъ хуторѣ, брошенномъ хозяевами, а поутру вступили въ ближайшую деревню. Отсюда нашъ 5-ый эскадронъ былъ тотчасъ же посланъ въ заставу на тотъ самый хуторъ, у котораго ночью горѣлъ скирдъ соломы. Добрались мы до него безпрепятственно, хотя уже и разсвѣло. Оставивъ коноводовъ по нашу сторону прямоугольника, образованнаго небольшою рощей съ фруктовымъ садомъ, стрѣлки съ пулеметами вышли на окраину въ сторону противника. Ротмистръ Обровъ вновь назначилъ меня въ развѣздъ, но на этотъ разъ съ порученіемъ связаться съ частями, находившимися на нашемъ правомъ флангѣ и обслѣдовать хутора, видѣвшіеся вдаль среди нѣжной зелени луговъ и полей. Со мною вызвались поѣхать тѣ самые гусары, которые ходили со мною въ развѣдку наканунѣ; кромѣ нихъ попросился поѣхать и седьмой. И въ это утро я получилъ «боевое крещеніе». Только что мы въ сомкнутомъ строю шагомъ отъѣхали шаговъ на сто отъ хутора, въ направленіи противоположномъ противнику, надъ нами что-то рѣзко и пренепріятно крикнуло, и въ то же мгновеніе вокругъ насъ забарабанили по землѣ, подымая кружки пыли, крупныя орѣшины. Это непріятель, замѣтивъ насъ, угодилъ насъ шрапнелью. Разрывъ былъ низкій, и только чудомъ оказалась раненою одна только лошадь, — какъ разъ подъ тѣмъ самымъ гусаромъ, который вызвался седьмымъ поѣхать съ нами. Этотъ гусаръ на хромящемъ конѣ пошелъ рысью по направленію къ деревнѣ, мы же, мгновенно разсыпались въ лаву, и поскакали дальше, къ ближайшему углу деревни, лежавшей передъ нами. Здѣсь, на крайнемъ гумнѣ, стоялъ съ развѣздомъ корнетъ Рачинскій, посланный отъ 6-го эскадрона.

Передъ нами раскрывалось широкое поле, на которомъ верстахъ въ двухъ отъ насъ, видѣлся тотъ хуторокъ, на которомъ наканунѣ мы съ развѣздомъ простояли цѣлый день. Противникъ не жалѣлъ снарядовъ: покуда мы ѣхали полемъ къ хутору, онъ выпустилъ вдогонку намъ, незначительному развѣзду, по крайней мѣрѣ пять гранатъ. Но въ открытомъ полѣ маленькой конной группѣ не страшны гранаты, — развѣ только случайно можетъ она подвернуться подъ разрывъ, — и мы благополучно выбрались изъ-подъ обстрѣла. Миновавъ знакомый хуторъ, я удивленъ былъ не встрѣтить на протяженіи двухъ-трехъ верстъ никакихъ нашихъ частей. И только дальше попалась намъ по пути батарея, стоявшая на позиціи. Отъ артиллеристовъ я узналъ, что верстахъ въ трехъ по дорогѣ стоитъ на хуторѣ штабъ пѣхотной дивизіи генерала Ангуладзе. Выполняя порученіе связаться съ частями, находившимися на нашемъ правомъ флангѣ, я отправился на этотъ хуторъ, благо что до него ѣхать было не далеко. Здѣсь случайно оказался и начальникъ штаба нашего коннаго корпуса, полковникъ Крейтеръ и меня принялъ его адъютантъ. Мѣсто расположенія нашего дивизіона было извѣстно адъютанту, и онъ, объяснивъ мнѣ, гдѣ находятся ближайшія отъ насъ пѣхотныя части, отпустилъ меня обратно съ порученіемъ передать въ дивизіонъ что въ этотъ день ожидается общая атака непріятельскихъ позицій. Въ эскадронъ мы вернулись безъ особыхъ приключеній, но зато оказалось, что за время нашего отсутствія былъ раненъ пулей въ ногу ротмистръ Обровъ. О предполагающейся атакѣ ему

еще ничего не было извѣстно, да впрочемъ сверхъ ожиданія весь этотъ день прошель спокойно.

Если, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, общая атака и была отмѣнена или отложена, то на слѣдующій день все же произошло какое-то движеніе нашихъ частей, которое я было принять за начало атаки.

Къ полудню весь дивизионъ перешель изъ деревни на хуторъ, знакомый мнѣ по первому разѣзду, а часа въ три пополудни два взвода подъ начальствомъ поручика Никитина были двинуты впередъ. Съ поручикомъ Никитинымъ отправилось два офицера: поручикъ Гердеръ, его «альтеръ эго» по бывшему третьему эскадрону Мариупольскаго полка, — онъ пошелъ съ первымъ взводомъ, — и я, во главѣ второго взвода.

Какъ только мы поравнялись съ хуторомъ, занятымъ двое сутокъ тому назадъ разѣздомъ поручика Гердера, противникъ встрѣтилъ насъ ружейнымъ огнемъ. Оба взвода, двумя параллельными лавами, одинъ за другимъ понеслись галопомъ по направлению къ лежавшему впереди насъ хуторку. Оттого можетъ быть, что, находясь въ быстромъ движеніи, не слышишь свиста пуль, въ конной атакѣ меньше ощущается опасность ружейнаго обстрѣла, чѣмъ во время перебѣжекъ въ пѣшемъ строю. Вокругъ на землѣ, какъ на гладкой поверхности воды, подъ которой играютъ рыбки, всплывающъ то здѣсь, то тамъ, небольшіе кружки, — удары пуль о землю; и когда несешься на конѣ, пригибаясь къ луку сѣдла, то всего только и испытываешь такое же чувство, какъ во время азартной игры, — попадешь подъ одну изъ нихъ, или нѣтъ... Но первый взводъ, доскакавъ до хуторка, быстро слѣшился; налетѣли и мы второй волной и тоже слѣшились. Снявъ пулеметъ, привьюченный къ одному изъ коней, стрѣлки выбѣжали на противоположную окраину хутора; я же, по приказанію поручика Никитина, остался съ коноводами.

Мы притаились у небольшого квадратнаго гумна, обнесеннаго соломеннымъ тыномъ; къ гумну прилегалъ крошечный хозяйскій домъ съ сараемъ при полномъ отсутствіи сада и деревьевъ въ отличіе отъ всѣхъ другихъ хуторовъ; дальше лежало открытое поле, въ которомъ залегли цѣпи противника. Не успѣли наши стрѣлки открыть огонь, какъ вокругъ началось что-то невѣроятное. Огненными цѣпами замолотили невидимыя руки по гумну. Въ одно мгновеніе мы были засыпаны сухой землей и ворохами соломы. Не слышно было разрывовъ, но повсюду, иногда шагахъ въ двухъ-трехъ отъ насъ, прилепшихъ къ землѣ, безшумно полыхали огненные языки, подымая только мощный воздушный шелестъ и какъ бы сами по себѣ вылетая изъ земли. Такъ продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, которыя показались мнѣ вѣчностью.

Когда вихрь миновалъ, я посмотрѣлъ на лошадей. Онѣ стояли смирно, но у многихъ изъ нихъ на груди и на головѣ зіяли кровавыя раны, и умные глаза ихъ свѣтились тоской. Мой конь оказался цѣлымъ. «Федорчукъ», обратился я къ взводному, стоявшему рядомъ: «ваша лошадь ранена!». Его конь стоялъ, опутивъ шею, и содрогался на ослабѣвшихъ ногахъ; на груди его, изъ открытой раны, сочилась кровь. Но взводный не отвѣчалъ. Стоя во весь ростъ на углу гумна, онъ всматривался направо въ поле. Тамъ вдали показалась лава коннаго эскадрона, продвигавшагося шагомъ по направленію къ непріятельскимъ позиціямъ. Но гдѣ же находилась наша пѣхота, цѣпи которой, въ случаѣ атаки, были-бы замѣтны издалека? Гдѣ были танки и броне-

вики, о прибытіи которыхъ за этотъ день прошелъ было слухъ? Никакого движенія, за исключеніемъ дальняго и одинокаго эскадрона, по всей линіи нашего фронта не было видно.

Такъ простояли мы съ полчаса. У хозяйскаго домика усердно работалъ нашъ пулеметъ; стрѣлки продолжали обстрѣливать бѣглымъ огнемъ близкіе непріятельскіе окопы, красные же посылали намъ отъ времени до времени по одной, по двѣ гранаты. Уже давно передали намъ изъ передовой линіи, что поручикъ Никитинъ контуженъ. Казалось бы, что при отсутствіи движенія другихъ частей, безцѣльно было долѣе оставаться здѣсь, однако мы почему-то все еще продолжали стоять. Но вотъ, наконецъ, изъ за дома появился со стрѣлками поручикъ Гердеръ и скомандовалъ: «По конямъ!» Вскочивъ на коня я послѣдовалъ за поручикомъ Гердеромъ, но, поглядѣвъ назадъ, увидѣлъ, что заводы не тронулись съ мѣста: почти всѣ лошади были ранены. Шагахъ въ ста отъ хутора, мы втроемъ остановились за стогомъ сѣна. Тогда поручикъ Гердеръ объяснилъ намъ, что у большого хутора, лежавшаго немного правѣе отъ только что занятаго нами, залегла цѣпь нашей пѣхоты, и что мы были посланы на поддержку ей. Теперь само собою напрашивалось пробраться подъ ея прикрытіе. И пустивъ коней полнымъ ходомъ, мы проскакали полемъ до рощи, лежащей между нами и противникомъ: вскорѣ сюда стали перебѣгать къ намъ и наши стрѣлки. По линіи фронта все еще никакого движенія видно не было, но зато черезъ нѣкоторое время послышался гдѣ-то позади звукъ мотора, и къ нашему хутору подѣхалъ броневой автомобиль. Это былъ старый-престарый броневичокъ; но тѣмъ не менѣе, его командиръ, провѣривъ за рощей моторъ и справясь о положеніи противника, тотчасъ же обогнулъ хуторъ и открылъ за нимъ пулеметный огонь по непріятельскимъ окопамъ.

Общей атаки за этотъ день такъ и не произошло, и мы, казалось, безцѣльно пожертвовали своимъ конскимъ составомъ. Вслѣдствіе этого настроеніе наше было невѣжливымъ, когда съ наступленіемъ темноты, давъ послѣдній залпъ по противнику, мы собрали коноводовъ и, кто ведя раненаго коня въ поводу, кто верхомъ на удѣлѣвшейся лошади, двинулись въ обратный путь. Ночь была темной и безлунной, и только зарево дальняго пожара указывало намъ путь. Съ мягкимъ шелестомъ пролетѣло надъ нами два три зажигательныхъ снаряда, пущенныхъ красными, успѣвшими за день пристрѣлаться къ намѣченнымъ пунктамъ, и здѣсь и тамъ по полю вспыхнули стоги сухого сѣна. Заколыхались вокругъ черныя тѣни; въ багровомъ отблескѣ тихо потрескивали среди глубокой тишины костры, пожираемые пламенемъ, и я готовъ было повѣрить, что мы попали въ какую-то заколдованную мѣстность... Минувавъ ярко освѣщенное пространство, среди котораго мы представляли собою удобную цѣль для противника, мы очутились у пустующаго хуторка. Смутно обрисовывались очертанія вѣтвистыхъ тополей, окружавшихъ его; слабѣющимъ свѣтомъ озаряло зарево выбѣлennыя стѣны хозяйскаго домика, зловѣще отражаясь въ темныхъ окнахъ его. Дальше была непроглядная тьма и неизвѣстность, и я уже не помню, когда и при какихъ обстоятельствахъ мы въ эту ночь добрались до стоянки нашего дивизіона.

«Подводный флотъ».

Вопросы о томъ, какой собственно оборотъ приняли наши дѣла послѣ атаки корпуса генерала Барбовича подъ Черненькой; почему наша пѣхота не приступила къ активнымъ операціямъ противъ укрѣпленныхъ позицій противника; куда дѣвался конный корпусъ, еще всего нѣсколько дней тому назадъ представлявшій собою мощную ударную группу; не расплылся ли онъ на отдѣльные эскадроны, безцѣльно выводимые подъ обстрѣлъ, подобно нашимъ — все это за послѣдніе дни немало смущало многихъ изъ насъ.

На слѣдующій день послѣ алополучнаго налета, во время котораго былъ контуженъ поручикъ Никитинъ и выбыло изъ строя столько коней, нашъ дивизионъ былъ отведенъ обратно въ деревню Черненьку и оттуда пошелъ на соединеніе съ полкомъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ сѣверо-западнѣе Черненьки, мы застали остальные эскадроны, расположенные на привалѣ у небольшой рощи. Вскорѣ офицеры собрались вокругъ командира полка на зеленой лужайкѣ, окруженной кустарниками и молодыми деревьями, и здѣсь, прислушиваясь къ разговорамъ, я смогъ до нѣкоторой степени уяснить себѣ, что произошло за эти дни. Успѣхъ всей операціи зависѣлъ повидимому отъ исхода боевъ на лѣвомъ флангѣ арміи, гдѣ наша пѣхота вела ожесточенныя атаки отъ Корсунскаго Монастыря на Днѣпръ въ направленіи на Каховку. Но тамъ наши части оказались не въ состояніи преодолѣть упорнаго сопротивленія сильно укрѣпившагося противника и понесли тяжелыя потери. Вслѣдствіе этого обстоятельства и было отмѣнено общее наступленіе, предполагавшееся въ случаѣ удачнаго исхода боевъ на Днѣпрѣ, на фронтѣ дивизіи генерала Ангуладзе. Пѣхота переходила къ оборонѣ, и, впредь до будущихъ рѣшительныхъ дѣйствій, нашъ конный корпусъ долженъ былъ отойти въ резервъ, въ деревню Нижнія Сѣрагозы.

На привалѣ мы простояли нѣсколько часовъ. Кто-то случайно упомянулъ о томъ, что въ этотъ день было 4-ое августа, и я вспомнилъ, что исполнился какъ разъ годъ съ того памятнаго для меня дня, когда атака добровольцевъ на Н-скъ спасла меня отъ большевицкаго плѣненія. Молча храня про себя свои думы и мысленно перебирая вереницу воспоминаній о пережитомъ за этотъ годъ, я сильнѣе чѣмъ обычно ощущалъ себя во власти судьбы.

Къ вечеру полкъ перешелъ въ сосѣднюю деревню, въ которую прибыли уже и остальные полки нашей дивизіи. Отсюда близокъ былъ Днѣпръ и съ нимъ вмѣстѣ и красные, и поэтому ночь мы простояли, не разсѣдывая коней. На другой день передъ вечеромъ я былъ посланъ со взводомъ версты за двѣ въ ночную заставу. Установленіе связи съ заставой 1-ой кавалерійской дивизіи, опредѣленіе позиціи для моего пулемета, маяченіе дозорныхъ по темному полю, ожиданіе возможнаго появленія непріятельскаго броневика, посѣтившаго днемъ ближайшую деревню, появленіе поутру краснаго аэроплана, — вотъ тѣ переживанія, которыя представлялись мнѣ въ эту поѣздку. Ночь прошла спокойно. Поутру полкъ отбылъ, наконецъ, въ резервъ вслѣдъ за остальными полками дивизіи, ушедшими наканунѣ.

Отправляясь на отдыхъ, хотя бы и кратковременный, всегда, испытываешь нѣкоторое удовлетвореніе. Однако, на душѣ у меня было спокойно. Что-то подсказыва-

ло мнѣ, что общее боевое положеніе остается тревожнымъ; къ тому же прошелъ слухъ, что по прибытію въ Нижнія Сѣрагозы мы можемъ быть должны будемъ сдать коней и вновь отправимся на позиціи, но уже въ пѣшемъ строю. И моимъ предчувствіямъ суждено было оправдаться въ тотъ же день. Когда мы прошли далеко за Чернеюку, до насъ дошло извѣстіе, что красные только что вновь прорвали нашъ фронтъ, — на этотъ разъ гдѣ-то сѣвернѣе деревни Дмитріевки, къ которой мы теперь какъ разъ подходили. Вступивъ въ эту деревню, мы сразу поняли, что творится что-то неладное. Красные находились уже неподалеку, и ихъ пѣхота, при поддержкѣ сильныхъ конныхъ частей и отряда броневиковъ, повела наступленіе на востокъ, по направленію къ деревнѣ Федоровкѣ, лежавшей на нашемъ пути. Мы пошли перемѣннымъ аллюромъ и къ вечеру вступили въ эту самую Федоровку, гдѣ и остановились по дворамъ. Казалось, что надъ деревней собирается гроза. Въ душномъ воздухѣ, не тревожимомъ ни малѣйшимъ вѣтеркомъ, темныя массы фруктовыхъ садовъ, окруженныхъ кустарниками, прильнули къ плетнямъ вдоль неширокихъ боковыхъ улочекъ, по которымъ, подымая пыль, пронеслись наши конные развѣдчики. Зеленый куполъ бѣлокаменной церкви выдѣлялся на фонѣ свинцоваго неба. Гдѣ-то поблизости уже появились непріятельскіе броневики. И послѣ часового привала, когда вдругъ выяснилось, что красная кавалерія обходитъ насъ съ фланговъ, полкъ, слѣдуя очевидно все тѣмъ же директивамъ, пошелъ дальше, на Сѣрагозы. Настала темная ночь. Мы взводной колонной шли по полю наугадъ. Отовсюду изъ тѣмы могла внезапно появиться красная конница, и казалось, что вотъ-вотъ завяжется ночной бой.

Разсвѣтъ, засталъ насъ въ непосредственной близости отъ Нижнихъ Сѣрагозъ. Тутъ я замѣтилъ, что мой конь захромалъ не выдержавъ послѣдняго перехода. Къ довершенію бѣды, я въ это утро оказался дежурнымъ офицеромъ по полку, и мнѣ ничего другого не оставалось, какъ помѣняться конемъ съ вѣстовымъ. Когда мы вступили въ Сѣрагозы, то оказалось, что сюда недавно прибыли обозы второго разряда, и между прочими и нашъ собственный. Запыленные, уставшіе, на заморенныхъ коняхъ, проходили мы широкой и длинной-предлинной улицей. Встрѣчались знакомыя лица. Въ обозѣ кое-кого изъ офицеровъ ожидали семьи; намъ же, молодымъ корнетами, привѣтливо мигали дымки крестьянскихъ домовъ, сулящихъ отдыхъ...

Но объ отдыхѣ и думать не приходилось. Днемъ мы получили приказаніе сдать коней, а въ тотъ же вечеръ, уже въ пѣшемъ строю, мы были отпращены навстрѣчу наступающему противнику. По дорогѣ насъ нагнали реквизируемые для насъ подводы, и мы, пользуясь ими, на разсвѣтѣ очутились подъ деревней Агайманъ.

Получивъ боевые патроны и каждый по марлевому бинту, мы заняли позицію по буграмъ; обозъ же прослѣдовалъ въ деревню. Подъ Агайманъ мы прибыли въ составѣ своднаго дивизіона, включающаго по одному эскадрону отъ мариупольцевъ, архангелогородскихъ драгунъ и черноморцевъ; павлоградцы же, сохранившіе коней, были двинуты на какой-то другой участокъ фронта. Впрочемъ немного позже я узналъ, что и мариупольцы сохранили конный взводъ, причисленный къ дивизіону.

Первый день прошелъ спокойно. Изъ деревни намъ выслали продовольствія и нѣсколько разъ съ гусаромъ оттуда появлялась бочка съ питьевой водой. Къ вечеру наступая отъ деревни Федоровки, подошла красная пѣхота и, будучи обстрѣляна нами, залегла. На разсвѣтѣ же завязалась оживленная перестрѣлка. Тогда, передъ боемъ,

ротмистръ Пашкевичъ, отправилъ меня въ Агайманъ, съ порученіемъ держать наготовѣ подводы прибывшія съ нами, а офицеры кромѣ того поручили мнѣ позаботиться о доставкѣ къ позиціи воды и продовольствія.

Агайманъ — типичное село степной части Сѣверной Тавріи: большое, сѣрое, пыльное, съ бѣлою церковью на перекресткѣ широкихъ улицъ. Ближе къ Днѣпру, села выглядятъ иначе: въ нихъ больше зелени и фруктовыхъ садовъ, улицы уже и дворы менѣе разбросаны. Обозъ я нашелъ расположеннымъ по дворамъ на ближайшей окраинѣ села и зашелъ въ домъ, занятый уже нашимъ каптенармусомъ. Отсюда съ гусаромъ, отбывавшимъ на позиціи съ бочкой воды, я послалъ въ эскадронъ арбузовъ и то, что смогъ раздобыть изъ продовольствія. Вскорѣ подъ Агайманомъ видимо разгорѣлся сильный бой. Съ фронта, то усиливаясь, то затихая, непрерывно доносилась ружейная трескотня, а съ гумна, съ котораго открывался видъ на лѣвый флангъ нашихъ позицій, я видѣлъ, какъ въ полѣ рвались непріятельскіе тяжелые снаряды. Ничего пріятнаго не было въ моемъ вынужденномъ бездѣйствіи, при полномъ незнаніи боевой обстановки. Иногда казалось, что перестрѣлка приближается къ селу и тогда невольно думалось, что наши цѣпи отступаютъ. Снаряды стали рваться все ближе отъ села, и все чаще, и какъ-то не вѣрилось, чтобы безъ поддержки артиллеріи нашъ дивизионъ удержится на своихъ позиціяхъ. Но за нами не прислали и мы просто стояли на селѣ до послѣдней минуты, когда меня вызвали на улицу. Двое гусаръ вносили во дворъ раненаго офицера, въ которомъ я тотчасъ же призналъ ротмистра Пашкевича. Гусары сообщили мнѣ, что дивизионъ съ боемъ отступаетъ за деревню, и я понялъ, что пора и намъ уходить. Уложивъ ротмистра на одну изъ подводъ, я приказалъ трогаться въ путь. Надъ деревней стали уже рваться первыя шрапнели, а когда мы ее миновали, то по нашему шоссе стали рваться гранаты. Цѣпей дивизиона видно не было, за нами никого не посылали, и я рѣшилъ отступить съ обозомъ дальше по шоссе. Ротмистръ Пашкевичъ, контуженный снарядомъ разорвавшимся всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, все еще находился въ безсознательномъ состояніи; блѣдное лицо его и вѣтелъ были покрыты густымъ налетомъ пыли; все что я могъ сдѣлать для него, это освѣжить его лицо водой и положить влажный компрессъ на голову. Когда же съ наступленіемъ сумерекъ мы добрались до деревни Санбуринъ, то я направилъ его въ сопровожденіи гусара въ село Петровское, гдѣ по моимъ расчетамъ долженъ былъ находиться лазаретъ.

Переночевали мы въ Санбуринѣ, но такъ какъ дивизиону могли понадобиться подводы, то на разсвѣтѣ мы отправились навстрѣчу своимъ частямъ. Противникъ продолжалъ развивать свое наступленіе; по слухамъ, обходныя колонны его кавалеріи уже появились гдѣ-то поблизости отъ Санбурина, въ тылу нашей пѣхоты, и намъ приходилось соблюдать крайнюю осторожность. Мѣстность намъ была незнакома; при обозѣ находилось всего только нѣсколько вооруженныхъ солдатъ, а крестьяне-подводчики, неохотно возвращаясь къ мѣсту боевъ и давая намъ сбивчивыя показанія, служили намъ только помѣхой. Проблуждавъ весь день, по большей части безъ дороги, по полямъ, испещреннымъ овражками и рощицами, мы передъ вечеромъ очутились въ непосредственной близости отъ мѣста боя. Съ холма, на который мы выѣхали, открывался обширный видъ. Впереди, пониже насъ, видѣлась за оврагомъ роща, а за ней то и дѣло вспыхивали шрапнельные дымки. Тамъ должно быть находились наши

части. Надъ ними высоко въ небѣ рѣялъ непріятельскій аэропланъ, описывая широкіе круги. Отъ него отъ времени до времени убѣгала внизъ еле замѣтная серебряная полоска, и вслѣдъ затѣмъ раздавался глухой взрывъ брошенной имъ бомбы.

По моимъ расчетамъ, впереди долженъ былъ находиться и нашъ дивизионъ. И дѣйствительно, когда мы доѣхали до той самой рощи, которую я примѣтилъ съ холма, то оказалось, что подъ ея прикрытіемъ расположился штабъ нашей дивизіи съ конными эскадронами. Дивизионъ занималъ деревушку, находившуюся поблизости. Оставивъ гусаръ съ подводами, я пѣшкомъ отправился туда. Небо заволокло тучами, быстро наступала ночь, бой уже давно замолкъ, а деревня, когда я вступилъ въ нее, показалась мнѣ какъ будто бы вымершей. Но, Боже, какое зрѣлище представилось моимъ глазамъ, когда я, опросивъ часового, вошелъ въ избу, занятую моими товарищами по эскадрону! При тускломъ свѣтѣ керосиновой лампы, которую зажегъ вошедшій со мною гусаръ, я увидѣлъ блѣдныя, запыленные и болѣзненно-искаженные лица спящихъ впереमेжку на голомъ полу. Въ этой избѣ находились одни только младшіе корнеты. Видно было, что сраженные усталостью они, послѣ дневного боя, какъ были, такъ и повалились спать на полъ, — не раздѣваясь и съ винтовкой въ рукѣ. Кое-кто изъ нихъ во снѣ бормоталъ безсвязныя слова, а при моемъ появленіи корнетъ Назаровъ приподнялся было на локтѣ и посмотрѣлъ на меня широко раскрытыми глазами, но тотчасъ же опять повалился навзничь. Чувствуя, что за день произошло что-то необычайное, и желая теперь же выяснить въ чемъ дѣло, я, несмотря на жалость къ спящему, принялся будить корнета Назарова. Послѣ долгихъ усилій, мнѣ наконецъ удалось разбудить его, и тогда онъ сквозь сонъ вкратцѣ рассказалъ мнѣ, что произошло. Оказалось, что за этотъ день красные, атаковавъ нашихъ стрѣлковъ, дважды врывались въ деревню. Произошли уличные бои, изъ которыхъ особенно ожесточеннымъ былъ второй, когда со всѣхъ сторонъ изъ боковыхъ улицъ налетѣла красная конница. Распылясь по дворамъ, офицеры и солдаты защищались каждый въ отдѣльности, кто какъ могъ, и если бы не присутствіе духа нашихъ пулеметчиковъ, взявшихъ красныхъ подъ перекрестный огонь, то весь дивизионъ былъ бы зарубленъ. Во время атаки, командиръ дивизиона, полковникъ Муромскій, очутился одинъ посреди двора и былъ окруженъ налетѣвшими красноармейцами. Онъ спасся только тѣмъ, что изъ револьвера въ упоръ уложилъ нѣсколькихъ изъ нихъ и тѣмъ самымъ обратилъ остальныхъ въ бѣгство. Обѣ атаки были отбиты. Описавъ мнѣ все это отрывочными фразами, корнетъ Назаровъ вновь повалился спать, и я прилегъ тутъ же до утра.

Но еще затемно насъ разбудили, и дивизионъ, соблюдая тишину, отступилъ изъ деревни. По порученію полковника Муромскаго, я отправился на хромой лошадеикѣ, отбитой наканунѣ у красныхъ, за своими подводами. Моросилъ мелкій дождикъ, и я не безъ труда отыскалъ ихъ. Штабъ дивизіи съ конными эскадронами за ночь уже ушелъ, и гусары, оставшіеся при подводахъ съ нетерпѣніемъ ожидали моего возвращенія. Когда же мы нагнали дивизионъ, то начало свѣтать. Доложивъ командиру дивизиона, что я прибылъ съ подводами, я присоединился съ ними къ хвосту колонны. За мною шелъ еще конный развѣдъ, замыкавшій шествіе.

Пройдя нѣкоторое разстояніе и прослѣдовавъ черезъ встрѣчную деревушку, дивизионъ почему то вдругъ повернулъ — повзводно налѣво кругомъ и пошелъ въ обратномъ направленіи. По колоннѣ пронесся слухъ, что развѣдка обнаружила впереди

непріятельскую конницу. Я со своими подводами, двигаясь за коннымъ разѣздомъ, очутился во главѣ колонны. Мы вступили было уже обратно въ деревню, только что пройденную нами, какъ внезапно впереди меня конные остановились. Посмотрѣвъ изъ-за нихъ вдоль улицы, я увидѣлъ, что на противоположномъ концѣ деревни какіе-то люди сооружаютъ поперекъ улицы нѣчто вродѣ барикады, — по крайней мѣрѣ такъ показалось мнѣ, — а за ними видѣлась какая-то неопредѣленная сѣрая масса. Въ ту же минуту кто-то спереди прокричалъ: «броневикъ!» и конный разѣздъ круто повернулъ назадъ. Въ колоннѣ, уже наполовину вступившей въ деревню, произошло смятеніе; позади раздалась команда: «Направо по дворамъ, — выходи въ поле черезъ гумна!» Прокричавъ то же самое своимъ подводчикамъ, я, одинъ на своей подводѣ и держа въ поводу свою осѣдланную лошаденку, проскочилъ черезъ ближайшій дворъ и очутился на убранномъ жнивѣ. Конные уже разсыпались лавой по полю, стрѣлки же отбѣгали за бугорокъ, чтобы занять позицію.

Въ ту же минуту въ деревнѣ раздался звукъ мотора, и вслѣдъ затѣмъ съ края деревни выскочилъ въ поле непріятельскій броневикъ. Я поглядѣлъ назадъ: никто изъ подводчиковъ-крестьянъ не послѣдовалъ за мною, — всѣ они съ подводами оставались по дворамъ. Броневикъ же остановился на одномъ уровнѣ со мною, всего въ какихъ-нибудь ста шагахъ отъ меня, и съ него красные пулеметчики тотчасъ же открыли огонь по нашимъ цѣлямъ. Этотъ скромный на видъ сѣрячокъ, тускло поблескивавшій стальными частями и врѣзавшійся колесами въ пашню, и былъ той самой угрозой, одно упоминаніе о которой приводило въ трепетъ кавалерійскія части. Я попытался было дать ходу впередъ, но не тутъ то было: слабенькая деревенская лошаденка черезъ силу вывозила шагомъ подводу по вязкому жнивью, размоченному дождемъ, и вотъ-вотъ готова была и вовсе остановиться; пересаживаться на лошадь, которую я велъ въ поводу, не имѣло смысла, — настолько она была покалѣчена. Положеніе мое среди поля было, казалось, отчаяннымъ; одного залпа съ броневика достаточно было бы, чтобы снести меня съ лица земли, никакого прикрытія поблизости не имѣлось. Однако, въ своемъ резиновомъ плащѣ, захваченномъ на батарее подѣ Черненькой, я издали могъ сойти за обознаго, и вся запряжка моя имѣла настолько жалкій видъ, что съ броневика на меня, къ счастью, не обратили никакого вниманія, и броневикъ прострѣлявъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, ушелъ обратно на деревню.

Кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, нагналъ я наши отступающія части. Весь день прошли мы полями, слѣдуя на соединеніе съ дивизіей. Подводы мои, которыя теперь могли бы такъ пригодиться для перевозки утомленной пѣхоты, такъ и пропали безвозвратно. А я съ тѣхъ поръ прослылъ среди своихъ товарищей по эскадрону — эскъ-командиромъ затопленного «подводнаго флота!»

Пѣшая атака.

Представьте себѣ, что небольшая часть, потерявшая связь съ другими частями, вовлечена въ общее вынужденное отступленіе арміи. Тѣ встрѣчные кратковременные бои, которые она испытала, не могли сами по себѣ вызвать того стремительнаго движенія, въ которое она волей-неволей втягивается: какія-то неосязаемыя нити связываютъ ея судьбу съ переживаниями всей арміи, ставшей къ тому же невидимой и не-

слышимой, какъ будто бы ея вовсе не существовало. Вообразите себѣ и то, что эта же самая армія еще не такъ давно представляла собою внушительную силу и что инициатива боевыхъ операцій до этого времени находилась въ ея рукахъ. Какимъ образомъ тогда отступающему объяснить себѣ, хотя бы и приблизительно, причину перемѣны, произошедшей съ такою внезапностью; какъ опредѣлить ему значеніе происходящаго и взвѣсить тѣ послѣдствія, которыя отступление можетъ повлечь за собою? И невольно отступающими овладѣваетъ горькая обида на судьбу за незаслуженную участь, невольно впадаютъ они въ уныніе, чувствуя надъ собою власть непонятнаго рока.

Такія чувства и сомнѣнія пережили и мы, когда нашъ дивизионъ остановился, наконецъ, у села Петровскаго, то-есть уже верстахъ въ 75 отъ Каховки. Сюда, правда, собрались уже и другія спѣшенныя части нашей второй конной дивизіи, но вмѣстѣ съ нами и онѣ оказались оторванными отъ другихъ боевыхъ единицъ. Здѣсь, въ Петровскомъ, уже чувствовалась близость лимановъ: влажный вѣтерокъ доносилъ сюда ихъ соленое дыханіе; оголенная степь распростерла вокругъ свою пожелтѣвшую, выгорѣвшую пелену; и, какъ бы напоминая о прежнихъ дняхъ нашего полуголоднаго сидѣнія въ Крыму, вновь появился скучный наекъ соленой камсы, завернутой въ клочки газетной бумаги... Съ трудомъ вѣрилось, чтобы всего за нѣсколько сутокъ мы потеряли большую часть пространства, съ такимъ трудомъ занятаго арміей по выходѣ изъ Крыма, — отъ перешейковъ до самаго Днѣпра. Неправдоподобнымъ казалось то, что вслѣдствіе одного только какого-то кажущагося недоразумѣнія и случайнаго прорыва противника, безъ особыхъ потерь съ нашей стороны и не получивъ даже возможности проявить полного усилія, мы оказались отброшенными къ самому морю. Красные разѣзды по слухамъ уже появились подъ самымъ Петровскомъ и въ непосредственной близости отъ желѣзно-дорожнаго пути Джанкой-Мелитополь. Неужели же противникъ, продолжавшій развивать свое наступленіе, вновь угрожалъ вторженіемъ въ Крымъ, и наша армія не въ состояніи была дать ему должнаго отпора? Неужели же всему насталъ конецъ?

Но не многое нужно, что приободритъ часть, сохранившую сознаніе своей отвѣтственности. Вскорѣ, какъ ясная звѣздочка, блеснула надежда. На вторые сутки по нашему прибытію въ Петровское, подъ которымъ мы было расположились бивакомъ въ открытомъ полѣ, пришло извѣстіе, что изъ-подъ Б. Токмака на помощь отступившимъ частямъ двигаются казаки и корниловцы. Одновременно узнали мы, что нашъ дивизионъ назначенъ въ ударную группу, которой поручено лобовой атакой во что бы то ни стало отбросить противника обратно къ Каховкѣ. Теперь на насъ была возложена опредѣленная задача, и едва ли не каждый изъ насъ почувствовалъ, что и для него, наконецъ, насталъ тотъ рѣшительный часъ, къ которому всякій воинъ долженъ быть готовъ, а именно, — выполнить долгъ до конца, или погибнуть. Такъ воля арміи мгновенно сказалась вновь.

На первыхъ порахъ все впрочемъ произошло довольно просто: въ первый же сутки по выходѣ изъ Петровскаго мы безъ боя заняли деревню Санбуринъ и переночевали въ ней. Противникъ повидимому уже нѣсколько оттянулъ свои силы, и только на второй день похода мы вновь столкнулись съ его передовыми частями. Дивизионъ наступалъ теперь въ такомъ порядкѣ, что эскадроны ежедневно мѣнялись мѣстомъ во главѣ ко-

лонны. Въ этотъ день впереди шли черноморцы, за ними архангелогородцы, а замыкали шествіе мы, — маріупольцы. Подъ той самой деревней, въ которой я потерялъ свой «подводный флотъ», произошла первая перестрѣлка съ непріятельскими авангардами. Затѣмъ, къ вечеру подошли мы къ Агайману, занятому красной пѣхотой. Эскадроны тотчасъ же развернулись въ цѣпи, и покуда мы позади испытывали прелести артиллерійскаго огня, черноморцы, невзирая на сильный ружейный обстрѣлъ, короткимъ ударомъ сбили противника и ворвались въ село. Когда подошли и мы, то стрѣльба уже замолкла, а на селѣ стояла уже запряженная подвода, на которую положили накрытое рядомъ тѣло только что убитаго ротмистра черноморскаго эскадрона. Черезъ полчаса красные контръ-атакой заставили насъ покинуть село, и мы заняли позицію поблизости, въ полѣ. Прошла бессонная ночь, по утру оказалось, что къ Агайману подошли и другія наши части при орудіяхъ. Красные въ свою очередь покинули село.

Миновавъ полевою батареею, стрѣлявшую по невидимому противнику, и вновь отдѣляясь отъ подошедшихъ частей, мы пошли дальше по дорогѣ, въ направленіи на западъ. Красные куда-то исчезли, но не вѣрилось, чтобы они на самомъ дѣлѣ отступили безъ боя. Втягиваясь вглубь расположенія силъ противника, мы могли съ часу на часъ оказаться въ западнѣ. Поэтому продвигались мы медленно и осторожно. Но около полудня со стороны Агаймана показался аэропланъ, летѣвшій невысоко и въ нашу сторону. Когда на крыльяхъ его обрисовались трехцвѣтныя полоски, то командиръ дивизіона приказалъ подать ему сигналъ спуститься. Гусары тотчасъ же разостлали нѣсколько шинелей вдоль дороги, и летчикъ, описавъ надъ нами кругъ, приземлился у головы колонны. Полковнику Муромскому и обступившимъ его офицерамъ онъ сообщилъ въ общихъ чертахъ, что на всемъ фронтѣ идутъ жестокіе бои и что рѣшающее значеніе для насъ имѣетъ появленіе въ тылу красныхъ донской дивизіи, подошедшей съ сѣвера, подъ угрозой которой противникъ сталъ поспѣшно оттягивать свои главные силы въ районъ деревни Дмитріевки. И хотя положеніе на нашемъ участкѣ все еще продолжало оставаться невыясненнымъ, но сообщеніе летчика видимо пріободрило всѣхъ, и дивизионъ пошелъ теперь впередъ ускореннымъ шагомъ.

Къ концу дня, не повстрѣчавъ противника, мы дошли до деревни Ново-Рѣпѣевки. Здѣсь мы вновь было развернулись въ цѣпи, но и эта деревня оказалась свободной, т. е. красные нѣсколько часовъ тому назадъ покинули ее. Въ той слободѣ, въ которой расположился на привалъ мой эскадронъ, на улицѣ была разбросана солома, виднѣлся конскій пометъ, а у оградъ кустарники были обглоданы: здѣсь поутру стояла красная конница. Красноармейцы за время своего пребыванія здѣсь не постѣснились должно быть реквизиціями, потому что на деревнѣ съ трудомъ оказалось возможнымъ достать чего-нибудь поѣсть. Крестьяне, перепуганные и обобранные какъ липки, оказались мало сговорчивыми. Мы чувствовали сильный голодъ, — за цѣлыя сутки намъ такъ ни разу не удалось чѣмъ-нибудь закусить, — но когда мы съ корнетомъ Назаровымъ зашли было въ одинъ изъ домовъ, то хозяйка-вдова наотрѣзъ отказалась продать намъ курицу изъ тѣхъ, которыя гуляли по двору, и сварить намъ борщъ.

«Что же это ты тетка такимъ волкомъ смотришь?» спросилъ ее вошедшій съ нами гусарь: «или тебѣ красноармейцы приглядѣлись?»

Хозяйка вспылила: «Всѣ вы намъ осточертели, — и ихніе и ваши. Мочи отъ васъ не стало, то однимъ подавай, то другимъ. И что проку то отъ вашей войны? Большаки видать такіе же люди, какъ и вы, — хоть бы скорѣе одинъ конецъ, одна бы сторона одолѣла!» Но изливъ потокомъ словъ накипѣвшую горечь, хозяйка все же, наконецъ, согласилась сварить намъ ужинъ. Кое-какъ устроились и остальные по дворамъ.

Тѣмъ временемъ на деревнѣ были собраны подводы, и поздно ночью, погрузясь на нихъ человекъ по десяти, по пятнадцати, мы послѣдовали дальше въ неизвѣстномъ направленіи. А послѣ безсонной ночи, проведенной на неудобныхъ повозкахъ, съ трудомъ выводимыхъ крестьянскими лошадьми по дорогѣ, размытой дождемъ, мы на разсвѣтѣ, продрогшіе и разбитые очутились на небольшомъ полуразрушенномъ хуторкѣ, неподалеку отъ деревни Дмитріевки.

Прошелъ слухъ, что на сосѣднемъ хуторѣ стоитъ рота корниловцевъ и вскорѣ затѣмъ мы стали цѣпями выходить въ поле, держа направленіе на деревню. Не прошли мы и полуверсты, какъ начала бить непріятельская артиллерія, и стало яснымъ, что деревня, къ которой мы подходимъ, занята противникомъ. Я вспомнилъ, что по словамъ летчика, встрѣченнаго нами наканунѣ, красные подѣ Дмитріевкой понарыли окоповъ. На этотъ разъ въ цѣпи шли мы, маріупольцы. За нами въ нѣкоторомъ отдаленіи слѣдовали архангелогордцы, а за ихъ цѣпью держались пулеметныя тачанки и обозъ съ командой связи. Снаряды, со свистомъ пролетая надъ нами, рвались далеко позади, надъ повозками, и казалось, что еще разъ подтверждается установившееся у насъ мнѣніе, что во время атаки безопаснѣе находиться въ передовой цѣпи, чѣмъ слѣдовать въ арьергардѣ.

Мы шли ровнымъ полемъ, — еще не вспаханнымъ и поросшимъ полынью и рѣдкой травой. Передъ нами, всего въ полуверстѣ, какъ островокъ зеленѣла деревня. По сторонамъ, подѣ сводомъ пасмурнаго неба, разстилалась вдаль до самаго горизонта равнина, по которой пробѣгали дальнія дороги и обрисовывались одинокіе хутора. Ноги скользили по влажной почвѣ, на сапогахъ накапливалась липкая глина. Но почему же красные, присутствіе которыхъ было несомнѣннымъ, не открывали ружейнаго огня по нашимъ цѣпямъ? И этотъ вопросъ въ минуты затишья передъ боемъ тревожилъ умъ, вызывая въ немъ сотни мыслей, которыя, принимая на мгновеніе живыя очертанія, такъ странно чередовались со спокойствіемъ природы, что уже не онѣ, казалось, вызывали удивленіе, но ощущеніе подѣ ногами скользкой почвы, отблескъ сосѣдняго жнивья, мерцаніе дальняго горизонта...

Отгоняя назойливыя мысли и желая дать себѣ отчетъ въ расположеніи нашихъ силъ, я посмотрѣлъ вдоль линіи цѣпей. Правѣе маріупольцевъ, немного поодаль, но на одномъ уровнѣ съ ними, двигались черноморцы; еще дальше, еле замѣтно виднѣлась другая часть, — должно быть корниловцы. Мой взводъ оказался на крайнемъ лѣвомъ флангѣ цѣпей, а еще лѣвѣе насъ шелъ въ нѣкоторомъ отдаленіи конный взводъ маріупольцевъ, подѣ начальствомъ ротмистра Зеновича, котораго легко было отличить издали по его высокому росту. Къ деревнѣ мы приблизились уже настолько, что отчетливо выдѣлялся на сѣромъ небѣ купольный крестъ ея церкви и обрисовывались отдѣльные дворы, гумна и боковыя улочки, выходившія въ нашу сторону. Передъ деревней, вдоль гумень, пробѣгала какая-то сѣрая полоска, — можетъ быть окопы противника.

И вдругъ на околицѣ деревни поднялся трескъ, какъ будто бы тамъ, за сѣрой полоской, заработали сразу сотни кузнецовъ, и въ то же мгновеніе вокругъ насъ бѣшено засвистали пули. Цѣпи прилегли, черезъ свободные промежутки между взводами проскочили впередъ наши пулеметныя тачанки, и пулеметчики, круто повернувъ коней передъ цѣпами, открыли огонь по непріятельскимъ окопамъ.

Едва затихла стрѣльба, какъ наши цѣпи поднялись и побѣжали впередъ. Равная свой взводъ, я посмотрѣлъ направо. Впереди мариупольцевъ видѣлась статная фигура командира дивизіона, полковника Муромскаго; ближе ко мнѣ бѣлѣлись гимнастерки корнетовъ Назарова, Сущкова и Дубянскаго, и безукоризненно прямою линіей растянулась цѣпь стрѣлковъ, бѣгущихъ ровнымъ шагомъ. Гусары моего взвода, поддерживая общее равненіе, съ винтовками на перевѣсѣ бѣжали за мною. По лѣвую же руку отъ меня, надъ лавой коннаго взвода то и дѣло вспыхивали шрапнельные разрывы.

Вокругъ чаще засвистали пули; взводы, одни за другими, слѣдуя примѣру справа, стали вновь залегать, а стрѣлки, поддерживаемые пулеметчиками, опять поравнявшимися съ цѣпью, отвѣчали непріятелю бѣглымъ огнемъ. Случилось такъ, что я прилежъ за невысокимъ гребнемъ межи, поросшей рѣдкой травой. Попробовавъ было взять на прицѣлъ непріятельскіе окопы изъ легкаго винчестера, случайно доставшагося мнѣ въ Петровскомъ, я послѣ двухъ-трехъ выстрѣловъ убѣдился, что затворъ его почему-то отказывается дѣйствовать; и тогда, прильнувъ къ землѣ, я сталъ прислушиваться къ музыкѣ боя. На всѣ лады переливалась его своеобразная симфонія. Но ни своевольные, рѣзкіе удары винтовокъ, бывшихъ поблизости, ни звуки, подобные пощелкиванію бича или треску ломаемыхъ вѣтвей, пробѣгавшіе по длинной цѣпи подъ какой-то странный, подпрыгивающій ритмъ, ни минутное, но внушительное поддакиваніе нашихъ пулеметовъ, ни стукъ невидимыхъ кузнецовъ, — ничто не въ состояніи было заглушить коварно-ласкающаго, невольно чарующаго журчанія какой-то прозрачной струйки, такъ низко-низко проносившейся надъ землею, что, казалось, дуновение ея срѣзывало тонкія былинки надъ самыми нашими головами. Мнѣ представилось, что это стрѣляетъ непріятельскій пулеметъ, скрытый передъ нами въ окопахъ, и я подумалъ, что можетъ быть именно въ эту минуту намъ придется встать. При этой мысли холодная дрожь пробѣжала по тѣлу...

Но заводы поднялись только тогда, когда немного затихла стрѣльба. Опять побѣжали стрѣлки, пригибаясь къ землѣ, опять залегли и вновь выѣхали впередъ пулеметчики, и началась та же боевая музыка. И такъ еще раза два-три вставали мы, бѣжали впередъ и залегали, какъ во время одной изъ нашихъ перебѣжекъ, въ уже близкихъ и отчетливо различаемыхъ непріятельскихъ окопахъ произошло какое-то движеніе, и они оцетинились сотнями штыковъ.

Прошла мучительная секунда, затѣмъ — другая, третья... Мы продолжали бѣжать; одно изъ двухъ, — или противникъ встрѣтитъ насъ штыковой контръ-атакой или же побѣжитъ. И какими жалкими показались мнѣ въ эту минуту наши кавалерійскія винтовки, лишенные штыковъ! Но вотъ густая цѣпи противника заколебались, и сѣрыя фигуры, выливаясь волной изъ окоповъ, неуклюже побѣжали къ деревнѣ. Еще мгновеніе, — и послѣднія изъ нихъ, перескочивъ черезъ плетни, скрылись за гумнами. Торжествующее «ура» раскатилось по нашимъ цѣпамъ: противникъ бѣжалъ!

Кто-то изъ гусаръ, поравнявшихся со мною, сообщилъ мнѣ, что только-что понесли назадъ къ повозкамъ раненаго корнета Назарова. Хотя меня и связывали съ нимъ самыя дружескія чувства и хотѣлось бы справиться о немъ поподробнѣе, но во время боя офицеру немислимо, понятно, покинуть свою часть, и я послѣдовалъ за общимъ движеніемъ. Дойдя до окоповъ, мы нашли въ нихъ то, чего меньше всего ожидали. Въ своемъ послѣднемъ бѣгствѣ, многіе изъ красныхъ не успѣли повидимому приладить штыковъ къ ружьямъ и побросали ихъ вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что могло помѣшать свободному бѣгу. Черезъ минуту наши гусары, приладивъ брошенные штыки къ винтовкамъ и заткнувъ за поясъ желѣзныя ручныя лопаты, приняли видъ настоящихъ пѣхотинцевъ.

Однако, нельзя было терять времени, и когда подошла цѣпь архангелогородцевъ, то мы вмѣстѣ съ ними стали обходить деревню слѣва. Я со своимъ взводомъ остановился было у высокаго тына, покрытаго старой слежавшейся соломой и окружавшаго гумна по нашу сторону деревни. За тыномъ убѣгала впередъ продольная улица, и мы тотчасъ же замѣтили, что на противоположномъ концѣ ея, у дальней церкви, стоитъ какая-то часть. Наши ли это были, или красные, задержавшіеся еще на селѣ, — это за дальностью разстоянія опредѣлить было немислимо. Тогда конный гусарь, — калмыкъ, присланный къ намъ для связи изъ коннаго взвода, — вызвался проѣхать по улицѣ, съ тѣмъ, чтобы выяснитъ положеніе. Но только что онъ выѣхалъ за тынъ, держа винтовку наготовѣ, какъ изъ боковой улицы навстрѣчу ему выскочило двое красныхъ развѣдчиковъ-черкесовъ на стройныхъ рыже-золотистыхъ кабардинскихъ коняхъ. Не успѣвъ калмыкъ прицѣлиться, какъ черкесы, круто повернувъ коней и взметнувъ алыми башлыками, скрылись изъ вида за уголъ дома.

Вопросъ о томъ, кѣмъ занята деревня, такъ и остался невыясненнымъ. Но наши цѣпи уже продвинулись далеко впередъ и заходили за противоположный уголъ слободы; сквозь наши ряды уже проходили въ тылъ плѣнные красноармейцы, только что захваченные нашимъ коннымъ взводомъ, и тогда, рѣшивъ, что положеніе такъ или иначе скорѣе выяснится, я со взводомъ послѣдовалъ за цѣпями. Однако, по приказанію одного изъ старшихъ офицеровъ, мнѣ пришлось вмѣстѣ съ нѣсколькими гусарами пойти наискосокъ черезъ гумна для прикрытія цѣпей со стороны слободы. Не прошли мы и двухъ дворовъ, какъ изъ-за высокихъ скирдъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ раздались выстрѣлы. Не долго думая, мы перескочили черезъ ближайшій тынъ, и съ сосѣдняго гумна увидѣли, что наши цѣпи послѣдно отступаютъ. Черезъ минуту мы уже послѣдно бѣжали по полю вслѣдъ за ними и, нагнавъ ихъ, уже подъ градомъ пуль, посылаемыхъ противникомъ, который опять ворвался въ слободу, залегли среди жнивья. Перестрѣлка продолжалась не долго. Вскорѣ противникъ замолчалъ, и мы вновь подошли къ слободѣ. На этотъ разъ стало извѣстнымъ, что корниловцы въ свою очередь заняли село.

Разгоряченные боемъ, уставшіе, чувствуя нестерпимую жажду, мы еще долго продвигались полемъ вслѣдъ за отступившимъ и куда-то исчезнувшимъ противникомъ. Кое-кому изъ насъ удалось напиться свѣжаго молока на встрѣчномъ хуторѣ, а затѣмъ вскадроны возвратились въ село. Хотя оно и осталось за нами, но красные повидимому отнюдь не ожидали того, чтобы имъ пришлось такъ внезапно покинуть его. Когда, пройдя до села, я со своимъ взводомъ остановился у небольшого прудика при выходѣ

на дорогу, ведущую на Каховку, то вдали по дорогѣ со стороны Днѣпра показался легковой автомобиль, катившій въ нашу сторону. Въ немъ ѣхалъ должно быть какой-нибудь красный командиръ, еще не оповѣщенный о томъ, что Дмитріевка нами занята. Приказавъ гусарамъ подпустить его возможно ближе, я вмѣстѣ съ ними скрылся за ближайшій домъ. Автомобиль быстро приближался къ намъ, и уже можно было различить шофера и двухъ сѣдоковъ. Однако, со стороны раздалось два-три неосторожныхъ выстрѣла, автомобиль остановился, повернулъ кругомъ и, къ моей великой досадѣ, полнымъ ходомъ помчался обратно... Но если наша атака явилась неожиданной для красныхъ, то все же на сѣверной окраинѣ села ихъ главныя силы оказали ожесточенное сопротивленіе нашимъ атакующимъ цѣпямъ, и корниловцамъ, понесшимъ большія потери, пришлось дважды штыковой атакой выбивать ихъ изъ окоповъ. Передъ нами же красная пѣхота побѣжала послѣ того только, какъ конный взводъ маріупольцевъ, обогнувъ село, ворвался въ него съ тыла, захватилъ плѣнныхъ и зарубилъ ихъ комиссара. Въ нашемъ эскадронѣ раненъ былъ пулей въ животъ и вслѣдъ затѣмъ скончался начальникъ связи, корнетъ Ильинскій. Навѣки замолкъ голосъ милого пѣвца, уже разъ контуженнаго при памятной переправѣ черезъ Донецъ. Корнетъ Назаровъ оказался, къ счастью, только легко раненымъ, въ ногу. Такъ въ этотъ день была взята деревня Дмитріевка.

Мертвый духъ.

Отъ Дмитріевки до Каховки всего какихъ-нибудь верстъ двадцать по прямой линіи. Мѣстность здѣсь ровная и открытая вплоть до дальнихъ бугровъ, скрывающихъ за своей складкой Днѣпръ и горизонтъ, и только рѣдко, рѣдко попадаются по пути отдѣльные хутора. На слѣдующій день послѣ нашей атаки подѣ Дмитріевкой, по этой равнинѣ развернулись длинныя цѣпи стрѣлковъ. На этотъ разъ дивизионъ шелъ не одинъ: далеко впереди и правѣ его наступали и другія части второй конной дивизіи. Противникъ, тѣснимый по всему фронту, медленно отходилъ передъ нами къ Днѣпру, и уже къ вечеру вошли мы въ зону обстрѣла съ каховскихъ заднѣпровскихъ позицій.

Присматриваясь къ взрывамъ тяжелыхъ снарядовъ, здѣсь и тамъ взмывавшихъ по полю черныя столбы земли, я уже издали замѣтилъ, что они чаще всего рвутся неподалеку отъ вѣтряной мельницы, у одинокаго хутора. Какое-то предчувствіе подсказывало мнѣ, что насъ отведутъ на ночь какъ разъ на этотъ самый хуторокъ. Такъ на самомъ дѣлѣ и оказалось: съ наступленіемъ темноты, мы подошли къ нему.

Уже въ теченіе дня я улавливалъ во влажномъ дуновеніи вѣтерка еле ощутимый запахъ тлѣнія; такъ пахнетъ въ черноземной полосѣ послѣ лѣтняго дождя испареніями тучной почвы, или на старомъ заброшенномъ кладбищѣ. Но едва мы приблизились къ хутору, какъ насъ охватилъ нестерпимый смрадъ; это былъ уже знакомый мнѣ мертвый духъ, присущій однимъ только разлагающимся человѣческимъ трупамъ. Одинъ изъ этихъ неубранныхъ труповъ, свидѣтелей недавнихъ боевъ, безформенной грудой чернѣлъ неподалеку отъ дороги, и кто знаетъ, — сколько ихъ еще было разбросано въ окрестностяхъ опустѣвшаго хутора. Темно и тихо было вокругъ; поскрипывали только повозки, да раздавались отдѣльные возгласы идущихъ людей; стрѣльба

замолкла, но этотъ душу захватывающій запахъ и невидимое присутствіе роковой мельницы напоминали о томъ, что мы вступаемъ въ царство смерти.

Миновавъ хуторъ, мы расположились на почлегъ неподалеку отъ него, въ открытомъ полѣ. Разбитые усталостью, люди повалились спать, но поздно ночью насъ разбудила дальняя канонада. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ должно было находиться Каховка, непрестанно вспыхивали, отбѣгая очертанія дальнихъ бугровъ огненные зарницы; въ темное небо поднимались оттуда тонкія желтыя ниточки, не выше былинки, и съ ихъ верхушекъ медленно спадали бѣлые шарики освѣтительныхъ ракетъ. Подъ Каховкой кипѣлъ ночной бой. Кто знаетъ, шелъ ли уже штурмъ каховскихъ позицій, или же это появленіе нашихъ частей вызвало ураганный огонь противника? Такъ или иначе, разсвѣтъ засталъ насъ на томъ же мѣстѣ. Вдали бой затихъ.

Вскорѣ мы были отведены на какой-то другой хуторъ. Въ томительномъ ожиданіи прошелъ день, прошли затѣмъ еще и другія сутки. Каховка все еще находилась въ рукахъ красныхъ, которые продолжали отъ времени до времени обстрѣливать мѣстность изъ дальнобойныхъ орудій. Отзвуковъ боя уже больше не было слышно: тѣмъ острѣе чувствовалось, что главное еще впереди.

И настала ночь, когда подъ Каховкой вновь загудѣли орудія. Я спалъ крѣпкимъ сномъ, когда поздно ночью меня разбудили. Во тьмѣ эскадроны уже поспѣшно собирались и строились. При слабомъ отблескѣ дальнихъ зарницъ, я различилъ серьезные, немного блѣдныя лица нашихъ старшихъ офицеровъ, собравшихся вокругъ командира дивизіона, и тотчасъ же я понялъ, что готовится что-то и на нашемъ участкѣ. Если подъ Каховкой разыгрывался теперь тотъ рѣшительный штурмъ, который за послѣдніе дни ожидался нами какъ неминуемое событіе, если вызовъ нашего дивизіона, находившагося въ резервѣ, свидѣтельствовалъ о томъ, что армія на всѣхъ участкахъ фронта напрягаетъ усиліе, то въ чемъ же заключалась задача, возложенная на насъ? Этого я не зналъ, да и не время было объ этомъ задумываться. Офицеры уже расходились по эскадронамъ, гусары украдкой крестились, и дивизіонъ невидимой и молчаливой колонной сталъ выходить въ поле, обѣятое мракомъ. Впрочемъ въ эту непроглядную и сырую ночь мною овладѣло глубокое безразличіе ко всему. Усталость, накопившаяся за мѣсяцъ почти непрерывныхъ походовъ, теперь впервые сказала во мнѣ съ такою силой, что отяжелѣвшій мозгъ и продрогшее тѣло зывали только къ глубокому сну. Минутами я чувствовалъ, что засыпаю на ходу, что ноги подкашиваются подо мною и вѣки закрываются помимо моей воли.

Однако, несмотря на овладѣвшую мною дремоту, я угадывалъ, что мы идемъ полемъ по направленію къ Днѣпру. «Вѣдь Любимовка была занята корниловцами?» услышалъ я сквозь сонъ, замѣчаніе кого-то изъ офицеровъ. «Да, — была...» отвѣчалъ кто-то уклончиво и недовольнымъ голосомъ. Любимовка, — это была та деревня, которая лежала немного правѣ насъ, — на берегу Днѣпра. Затѣмъ долго, долго еще шли мы быстрыми шагами впередъ. Дальній бой повидимому затихалъ, зарницы вспыхивали рѣже, и вокругъ было такъ темно, что и въ двухъ шагахъ не было видно идущихъ людей. Въ глубокой тишинѣ неприятно поскрипывала ось пулеметной тачанки, слѣдовавшей за нами. Неумѣстнымъ казался мнѣ этотъ скрипъ, когда близокъ былъ, можетъ быть, и противникъ. И вдругъ сквозь полусонъ мнѣ почудился еле внятный окрикъ: «Кто идетъ?» Я открылъ глаза; они встрѣтили было

все ту же тьму, но въ то же мгновеніе блеснуло впереди и немного лѣвѣ насъ два огненныхъ языка и хлопнуло два близкихъ выстрѣла. Не успѣли эскадроны разомкнуть рядовъ, не проскрипѣло и двухъ разъ колесо тачанки, какъ спереди запылали сотни огненныхъ языковъ, намѣчая линію совсѣмъ близкихъ непріятельскихъ окоповъ. Вторя затарахтѣвшимъ выстрѣламъ, завизжали пули. Эскадроны мгновенно прилегли. Ища прикрытія, я поползъ по рыхлой почвѣ и вскорѣ нащупалъ что-то твердое: я уткнулся въ кучу картофеля, еще не вывезеннаго съ поля. За нею я и прилежъ. Огненные языки продолжали полыхать совсѣмъ близко, близко отъ насъ; пули ткали надъ нами свой невидимый узоръ; стрѣльба разрасталась далеко вправо и влѣво по линіи непріятельскихъ окоповъ. Но мы молчали, притаясь и не выдавая своего присутствія бесполезной стрѣльбой. По какому недоразумѣнію очутились мы здѣсь? Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ находились должно быть проволочныя загражденія, которыя красные, какъ извѣстно, возвели вдоль берега Днѣпра. Но даже если бы передъ нами и не было проволоки, то настолько великъ былъ контрастъ между нашей сомкнутой группой и растянутой линіей красныхъ окоповъ, настолько неожиданно натолкнулись мы на нихъ, что понятно и рѣчи быть не могло о томъ, чтобы атаковать лежащія передъ нами позиціи. Однако и долго оставаться здѣсь также не имѣло смысла. И когда огонь сталъ немного затихать, то по первому же сигналу люди, въ одиночку и пригибаясь къ землѣ, стали отбѣгать назадъ. Въ темнотѣ произошла путаница. Смѣшались не только взводы, но и эскадроны одни съ другими, и я уже не находилъ своихъ гусаръ. Когда же черезъ нѣкоторое время стало свѣтать, то я увидѣлъ, что стрѣлки разсыпались по полю и медленно отступаютъ. Становилось все свѣтлѣй, и мы уже представляли собою видимую для противника цѣль. Пули засвистали съ новою силой. Вокругъ бѣжавшаго впереди меня корнета Сушкова, бѣлая рубашка котораго отчетливо выдѣлялась на фонѣ сѣраго поля, то и дѣло вспыхивали на землѣ знакомые кружки пыли. «Ударить или не ударить въ него?» задавалъ я себѣ вопросъ: «дай Богъ, чтобы не ударило... А можетъ быть и я самъ почувствую сейчасъ толчокъ и упаду? Говорятъ, что въ первую минуту не чувствуешь боли?» Но пульки проносились мимо или безвредно ударялись въ землю...

Отступивъ съ версту, мы за буграми заняли позицію и стали выкапывать подъ собою углубленія при помощи тѣхъ самыхъ ручныхъ лопатъ, которыя достались намъ подъ Дмитріевкой. Здѣсь пролежали мы весь день въ ожиданіи возможной контратаки противника. Настроеніе наше было неважнымъ. За буграми подъ Каховкой висѣла теперь непріятельская «колбаса», свидѣтельствуя о томъ, что ночной штурмъ не удался. Наше ночное выступленіе казалось непонятнымъ и бессмысленнымъ. Подъ влияніемъ только что пережитыхъ потрясеній, я еще не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что въ эту ночь, покуда Каховка штурмовалась нашей пѣхотой, дивизіонъ ходилъ просто-напросто въ развѣдку, нащупывая позиціи противника, и съ тѣмъ, чтобы войти съ нимъ въ соприкосновеніе. И невольно напрашивалась мысль, не произошли ли подобныя же недоразумѣнія и на остальныхъ участкахъ фронта; и не потому ли штурмъ Каховки закончился неудачей, что былъ недостаточно подготовленъ? Разъ въ душу вкрадывается сомнѣніе, то за нимъ неминуемо слѣдуетъ и безотчетный страхъ. Мнѣ казалось теперь, что мы находимся на позиціи одни и безъ связи съ другими частями, что красные, убѣдясь утромъ въ нашей малочисленности, перейдутъ въ свою очередь

въ наступленіе и подъ прикрытіемъ бугровъ обойдутъ насъ съ фланговъ. И я почувствовалъ большое облегченіе, когда поздно вечеромъ насъ, наконецъ, смѣнила другая часть, и мы были отведены на ближайшій хуторъ.

Какъ обычно, расположились мы спать повзводно подъ открытымъ небомъ. Спалъ я какъ убитый, когда рано поутру разбудилъ меня знакомый грохотъ. Привскочивъ, я открылъ глаза и увидѣлъ шагахъ въ пятидесяти ту самую вѣтряную мельницу, которая привлекла мое вниманіе дня три тому назадъ. Высокая, неуклюжая съ обдѣлатыми неподвижными крыльями, она мрачно вырисовывалась на фонѣ сѣраго неба, а передъ ней, шагахъ въ двадцати, дымилась свѣжая воронка только что упавшаго тяжелаго снаряда, неподалеку виднѣлись во множествѣ и другія старыя воронки. Съ просонья я вскочилъ было на ноги и посмотрѣлъ на спящихъ гусаръ. «Вставай!» закричалъ я своему взводу громкимъ голосомъ. Но тутъ же я понялъ, насколько бессмысленнымъ былъ мой возгласъ. Кое-кто изъ гусаръ приподнялся было на локтѣ, поглядѣлъ по сторонамъ, но тутъ же опять повалился на бокъ: если мы и находились подъ обстрѣломъ, то лежать было безопаснѣе, чѣмъ находиться на ногахъ! Сдаваясь на очевидность этого простого разсужденія и стыдясь своего испуга, я прилегъ опять; только послѣ того, какъ разорвалось поблизости еще два-три снаряда, стали просыпаться и остальные. Наконецъ, эскадроны отошли къ рощѣ, окружавшей полуразрушенный хуторъ, а офицеры собрались на окраинѣ усадьбы въ небольшомъ овражкѣ, обсаженномъ деревьями.

Отсюда открывался видъ на поля и дальніе бугры, изъ-за которыхъ красные посылали намъ съ противоположной стороны Днѣпра шестидюймовые снаряды. Но я уже не думалъ ни о Каховкѣ, ни о Днѣпрѣ, ни о роковой мельницѣ. Я только что узналъ неожиданную и потрясающую новость: наша дивизія отводилась на отдыхъ на южное побережье Крыма, и дивизионъ долженъ былъ сегодня же отправиться на соединеніе съ ней. Теперь мое вниманіе привлекалось усадьбой, виднѣвшейся верстахъ въ двухъ отъ насъ. Въ ней, по слухамъ, стоялъ штабъ дивизіи, и тамъ должно было начаться для насъ то, во что я еще не смѣлъ и повѣрить: освобожденіе отъ путъ, сковавшихъ душу, близость отдыха, чувство безопасности. Подъ вліяніемъ неожиданнаго извѣстія, мною вновь сталъ овладѣвать страхъ. Снаряды продолжали черезъ равныя промежутки времени съ грохотомъ взрывать глубокія воронки неподалеку отъ насъ или же, пролетѣвъ съ завываніемъ надъ нами, разрываться поодаль съ жалобнымъ стономъ. Мы все еще находились въ царствѣ смерти. Каждое мгновеніе одна изъ очередныхъ гранатъ могла случайно попасть въ овражекъ, занимаемый нами, и перебить весь нашъ офицерскій составъ. И при каждомъ новомъ ударѣ я съ замираніемъ сердца твердилъ одно: «уйти, поскорѣе уйти изъ этихъ проклятыхъ мѣстъ, куда случайный снарядъ не убьетъ такъ глупо, когда такъ близко спасеніе!...»

Наконецъ, настала минута, ожидаемая всѣми съ нетерпѣніемъ. Эскадроны большими пачками, чтобы не навлечь вниманія противника, могущаго обозрѣвать со своихъ наблюдательныхъ постовъ оголенную приднѣпровскую равнину, потянулись подъ прикрытіемъ насыпи шоссе на дорогу къ мѣсту сбора полка. Здѣсь, въ полуразрушенной усадьбѣ мы застали командира полка съ эскадрономъ павлоградцевъ; если не ошибаюсь, здѣсь же стоялъ и штабъ дивизіи вмѣстѣ съ остальными спѣшенными частями. Прошли еще цѣлыя сутки. Причудливыя, почернѣвшія развалины об-

горѣвшаго дома среди потрепаннаго сада, зіяющія черныя отверстія выбитыхъ оконъ просторныхъ службъ и какого-то завода, грохотъ дальнихъ разрывовъ, мертвый духъ, доносимый вѣтеркомъ, неизвѣстность въ томъ, отпустить ли насъ въ тылъ, или же пошлютъ насъ опять въ огонь, — и, наконецъ, подоспѣлъ на смѣну намъ пѣхотный полкъ, а мы погрузились на подводы, прибывшія съ нимъ.

Какъ быстро забываются недавно еще пережитыя испытанія, когда скидывается съ плечъ тяжелое бремя боевыхъ переживаній, когда начинаешь сознавать, что опасность миновала, и на смѣну нервному напряженію тихая радость вливается въ душу! Все еще не смѣя повѣрить тому, что мы на самомъ дѣлѣ отправляемся на отдыхъ, мы проѣзжали черезъ мѣстности, уже знакомыя намъ по недавнимъ блужданіямъ. Тутъ по этой дорогѣ, брели мы въ пѣшемъ строю въ полной неизвѣстности того, что ожидало насъ; тутъ, этимъ полемъ, развернутые въ цѣпи атаквали мы деревню; здѣсь въ этомъ селѣ, стояли мы на привалѣ. И всѣ эти воспоминанія, уже было собранныя въ клубокъ общаго смутнаго впечатлѣнія, чередуясь теперь, какъ обратное видѣніе кинематографической ленты, невольно вызывали улыбку, смѣшанное чувство удивленія и любопытства, какъ будто бы то, о чемъ они свидѣтельствовали, не нами было пережито. Прозвучала впрочемъ печальная нотка. Я вспомнилъ, что за послѣдній мѣсяцъ въ нашемъ эскадронѣ тяжело ранено было нѣсколько гусаръ; за это время выбыло у насъ изъ строя пять офицеровъ, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ. Вѣчная память погибшему, слава пострадавшимъ! Но жизнь, казалось, брала верхъ надъ смертью. Несмотря на всѣ испытанія, несмотря на усталость, люди вновь обрѣтали бодрость духа. Съ повозокъ раздавались пѣсни; всѣхъ насъ охватывало радостное, праздничное настроеніе.

Одни только крестьяне-подводчики сохраняли мрачный и понурый видъ. Тяжелымъ бременемъ легли военныя операціи на населеніе Сѣверной Тавріи. Отъ Перекопа до Каховки, отъ Мелитополя до устьевъ Днѣпра, не имѣлось селенія, которое бы за это лѣто не испытало боевъ. Но даже не столько постоянная угроза смерти, сколько разнообразныя и чередующіяся одніѣ за другими повинности въ конецъ измотали мѣстное населеніе. Въ условіяхъ гражданской войны, при отсутствіи правильныхъ путей сообщенія и денежныхъ средствъ, обѣ воюющія стороны кормились за его счетъ. То красные, то добровольцы реквизировали фуражъ для обозовъ и конницы; то одна, то другая проголодавшаяся часть требовала продовольствія; полевые работы терпѣли ущербъ отъ недостатка работниковъ и лошадей, мобилизованныхъ на армію; для быстрого передвиженія пѣхоты требовались многочисленныя подводы, и подводная повинность была одной изъ тяжелыхъ. Подводы иногда угонялись верстъ за пятьдесятъ, или больше, отъ той деревни, въ которой онѣ были реквизированы; тѣмъ временемъ могло случиться, что эта деревня захватывалась противникомъ. Тогда подводчикамъ выполнявшимъ свою повинность, приходилось пробираться черезъ фронтъ, и если они, наконецъ, благополучно возвращались къ себѣ домой, то тамъ, уже со стороны противника, ихъ вновь ожидала неминуемая реквизиція. Иногда подводчики, измученные мытарствами, бросали и подводы, и лошадей и уходили пѣшкомъ домой, на полевые работы; другіе же такъ и оставались по цѣлымъ мѣсяцамъ при частяхъ. Не удивительно поэтому, что и теперь наши подводчики сохраняли такой мрачный и сосредоточенный видъ. Не удивительно и то, что за послѣднее время стало остывать

и постепенно сводиться на нѣтъ въ общемъ благожелательное отношеніе къ намъ крестьянъ и въ особенности хуторянъ, вызванное было земельной реформой генерала Врангеля. Измученное населеніе жаждало только одного: скорѣйшаго окончанія гражданской войны. «Хоть бы скорѣе одинъ конецъ, и одна сторона одолѣла бы!» — вотъ то, что рѣдко высказывалось вслухъ, но было на умѣ у cadaго... Впрочемъ, несмотря на все это, я ни разу не встрѣтилъ и намека на враждебное отношеніе къ намъ крестьянъ: наоборотъ, повсюду черезъ личину страданій проглядывали добрыя человѣческія чувства; никто и никогда не отказалъ намъ въ кускѣ хлѣба. Несомнѣнно, что наши части своимъ поведеніемъ заслужили довѣріе населенія. Если онѣ въ силу необходимости и вынуждены были прибѣгать къ реквизиціямъ, то требованіе свое они выражали корректно, выдержано и соблюдая возможную справедливость; о грубомъ насилиі и мародерствѣ въ частяхъ и помину не было. Сражаясь съ большевиками, мы же вѣдь боролись за законность, правопорядокъ и устои частной собственности, — и этого, въ концѣ концовъ, не могло не понять населеніе...

Все такія же сѣрыя, печальныя и запыленные тянулись однѣ за другими встрѣчныя деревни. На вторыя сутки, мы, наконецъ добрались до села Петровскаго. Сюда скорѣй прибыла и вся вторая конная дивизія. Затѣмъ, черезъ нѣсколько дней мы были отведены на ближайшую станцію для отправки на южное побережье Крыма.

Въ день погрузки проходилъ мимо станціи кубанскій полкъ въ конномъ строю. Только теперь я узналъ, что въ теченіе августа мѣсяца нами былъ высаженъ десантъ на Таманскомъ полуостровѣ. Десантъ этотъ имѣлъ цѣлью поднять возстаніе на Кубани. Но продвиженіе кубанскихъ частей вглубь родного края по тѣмъ или инымъ причинамъ не увѣчалось успѣхомъ, и онѣ теперь вмѣстѣ съ присоединившимися къ нимъ повстанцами, пополнивъ, правда, свой конскій составъ; возвращались обратно въ Крымъ и направлялись на фронтъ въ Сѣверную Таврію. Какія еще испытанія ожидали ихъ и всю армию въ ближайшемъ будущемъ?

VII. Великій исходъ.

Опять зеленые. Стоянка въ Судакѣ.

Отдыхъ? Казалось бы, что полкъ заслужилъ его послѣ трехмѣсячныхъ походовъ и боевъ. Мы ожидали его съ нетерпѣніемъ, радуясь предстоящей стоянкѣ въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ на морскомъ берегу. Но надежда на отдыхъ въ условіяхъ мирной тыловой обстановки, надежда на хотя бы и кратковременное, но полное забвеніе боевыхъ переживаній, разлетѣлась какъ дымъ, тотчасъ же по прибытію полка въ Феодосію. Какъ это ни странно, но и здѣсь, въ глубокомъ тылу, намъ неожиданно пришлось вновь взяться за оружіе, но на этотъ разъ на внутреннемъ фронтѣ.

Въ день нашего прибытія въ городъ, командиръ полка, кн. Аваловъ, пригласилъ офицеровъ на обѣдъ въ одинъ изъ ресторановъ. На терассѣ, выходящей на набережную, просидѣли мы до вечера. Произносились обычные тосты; за мирной бесѣдой вспоминался походъ. Упомянутіе о зеленыхъ, появившихся за послѣднее время въ горахъ,

не произвело на меня особаго впечатлѣнія: не вѣрилось, чтобы ихъ незначительныя банды могли имѣть успѣхъ на небольшой крымской территоріи, въ организованномъ и прочномъ, казалось, тылу дѣйствующей арміи. Говорили, правда объ ихъ недавнемъ налетѣ на приморское мѣстечко Судакъ, но по слухамъ это ихъ выступленіе было легко ликвидировано. И тѣмъ болѣе былъ я пораженъ извѣстіемъ, полученнымъ позднимъ вечеромъ, — извѣстіемъ о томъ, что въ теченіе дня банды зеленыхъ скопились въ окрестностяхъ курорта Старый Крымъ, и что съ часу на часъ можно было ожидать ихъ налета и на Феодосію...

Все это казалось невѣроятнымъ, но въ одномъ только не было сомнѣнія, — это въ томъ, что если зеленые и на самомъ дѣлѣ появились поблизости, то заняться ими придется никому другому, какъ намъ, только что прибывшимъ съ фронта. И дѣйствительно, вскорѣ на набережную, на которой собрались наши эскадроны, прибылъ грузовой автомобиль, гусарамъ были выданы боевые патроны, и насъ тотчасъ же на грузовикахъ послали въ горы.

Проливной дождь, темная ночь. Подъ нами городъ, погруженный во мракъ. При свѣтѣ фонарей напихъ грузовиковъ, полнымъ ходомъ поднимающихъ насъ въ гору по извилистой дорогѣ, угадывается вокругъ гористая, безлюдная мѣстность и различаются очертанія скалъ, нависшихъ надъ дорогой, края обрывовъ, зіяющихъ подъ нами. Несмотря на толчки, бросающіе насъ попеременно другъ на друга, гусары держатъ винтовки наготовѣ на случай встрѣчи съ зелеными. Невольно всплываютъ ночныя переживанія подлѣ Каховкой и не хочется вѣрить, что черная смерть можетъ быть вновь близка. Такъ ѣдемъ, кажется мнѣ, около часу. Наконецъ, мы выѣзжаемъ на плоскогорье и останавливаемся въ какомъ-то поселкѣ. Это Старый Крымъ, у котораго днемъ появились было зеленые. Выгружаемся во дворѣ какого-то высокаго и обширнаго зданія. Когда-то можетъ быть въ этомъ зданіи находился отель, но больничныя койки, собранныя въ одной изъ комнатъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что недавно здѣсь помѣщался лазаретъ. Выставляемъ заставы на окраинѣ поселка, размѣщаемся на койкахъ, на которыхъ, можетъ быть, еще недавно лежали тифозные. Потру же, на тѣхъ же грузовикахъ, прибываютъ и остальные эскадроны полка.

Старый Крымъ — небольшое, заброшенное въ горахъ курортное мѣстечко. Должно быть въ мирное время онъ не представлялъ собою ничего особеннаго. Теперь же онъ принялъ совсѣмъ унылый видъ. Большая гостиница пустовала; городской садъ, подходившій вплотную къ ней, былъ запущенъ, дорожки заросли сорной травой; дощатое зданіе водъ, въ которомъ имѣлся зрительный залъ, было наглухо заколочено. Въ поселкѣ имѣлись, правда, кое-какія лавки, но все въ нихъ было необычайно дорого. На главной улицѣ открылся было ресторанъ къ нашему прибытію, но, позабывъ уже о томъ, когда въ послѣдній разъ намъ выдали жалованье, мы на первыхъ порахъ должны были удовольствоваться казеннымъ пайкомъ, и ресторанъ только разъ оживился нашимъ присутствіемъ, — когда командиръ полка вздумалъ устроить намъ небольшую пирушку.

Солдатамъ была отведена казарма въ бывшей гостиницѣ, офицеры же размѣстились по частнымъ квартирамъ. Начались опять служебные наряды, поочередно стали мы выходить въ ночныя заставы. И невольно брало зло на проклятыхъ зеленыхъ,

изъ-за которыхъ мы попали въ это захолустное мѣстечко, изъ-за которыхъ часто приходилось не спать по ночамъ...

Хотя за все наше пребываніе въ Старомъ Крыму зеленые ни разу не проявили признаковъ жизни, но все же невидимое присутствіе ихъ въ этихъ мѣстахъ ощущалось довольно остро. Мѣстные жители, по большей части армяне, избѣгали говорить о нихъ, старались держаться отъ насъ въ сторонѣ, и если и отвѣчали на наши разспросы, то при появленіи другого лица останавливались на полусловѣ или заводили рѣчь о другомъ. Мы теперь уже знали, — что не отъ мѣстныхъ жителей, а отъ нашихъ старшихъ офицеровъ, — что за это лѣто зеленые банды, уже давно скрывающіяся въ горахъ и составленныя изъ уголовныхъ преступниковъ и коммунистовъ, бѣжавшихъ изъ тюремъ, были сорганизованы краснымъ командованіемъ, которое прислало имъ особаго комиссара, оружіе и денежные средства. Дѣйствіями ихъ, въ цѣляхъ подрыванія прочности нашего тыла, руководили тайныя большевицкія организаціи, имѣвшіяся въ Севастополѣ и въ другихъ крымскихъ городахъ. Нашей контръ-развѣдкѣ удалось, правда, раскрыть кое-какія изъ этихъ организацій; въ горахъ производились облавы, но несмотря на всѣ мѣры, принимаемыя противъ нихъ, зеленые, нашедшіе поддержку среди горнаго татарскаго населенія, продолжали, какъ когда то на Кубани, оставаться неуловимыми. И при этихъ условіяхъ, какъ ихъ присутствіе въ горахъ, такъ и усиленная работа нашей контръ-развѣдки, создавали удручающее настроеніе въ тылу. Въ этомъ, а также и въ томъ, что нѣкоторые агенты контръ-развѣдки были далеко не на высотѣ своего положенія, мнѣ вскорѣ пришлось убѣдиться воочию.

Послѣ недѣльной стоянки въ Старомъ Крыму, полкъ отбылъ на подводахъ въ Судакъ, на побережье Чернаго моря, откуда онъ долженъ былъ наблюдать за дѣйствіями зеленыхъ, облюбовавшихъ эту мѣстность. На мою же долю, послѣ отъѣзда полка, выпало остаться до слѣдующаго утра въ заставѣ со взводомъ въ Старомъ Крыму. Остался со мною и юный корнетъ Дьяконовъ. Въ этотъ вечеръ сидѣли мы съ нимъ вдвоемъ на опустѣвшей квартирѣ, когда намъ передали записку отъ незнакомаго капитана, жившаго по сосѣдству. Этотъ офицеръ просилъ насъ немедленно зайти къ нему. Застали мы его въ небольшой комнатѣ за письменнымъ столомъ, заваленнымъ ворохами дѣловыхъ бумагъ. Капитанъ корректнаго вида, въ пенснѣ, безъ оправы и съ тщательно подстриженными усиками, учтиво привѣтствовалъ насъ. Дѣло заключалось въ томъ, что узнавъ, что мы остались одни въ Старомъ Крыму, онъ желалъ бы пригласить насъ провести съ нимъ вечеръ въ мѣстномъ ресторанѣ. Мы замѣтили ему, что не можемъ надолго отлучиться изъ взвода, но все же пообѣщались заглянуть на минутку. Хотя о полпойкѣ, понятно, и рѣчи быть не могло, но все же мы не прочь были побесѣдовать съ незнакомцемъ.

Отдавъ распоряженія по взводу, — гусары, къ чести ихъ будь это сказано, сами отказались отъ предложеннаго капитаномъ вина, мы черезъ нѣкоторое время отправились въ ресторанъ. Капитанъ уже сидѣлъ за столикомъ въ пустынномъ залѣ. Передъ нимъ стояла пустая бутылка, и онъ казался уже порядочно подвыпившимъ. Съ первой же минуты онъ проявлялъ на меня странное впечатлѣніе. Онъ такъ измѣнился, что я сразу даже не узналъ его. Только что мы подошли къ нему, какъ онъ заговорилъ нервно, порывисто, какъ будто бы ему не терпѣлось излить передъ кѣмъ-нибудь то, что видимо наболѣло у него на душѣ. И хотя черные и пронзительные глаза

его смотрѣли на насъ въ упоръ изъ-подъ стеклышекъ пенснэ, но и въ голосѣ его, и во взглядѣ, и во всей его фигурѣ было, казалось, что то надломленное и трагичное.

«Я счастливъ находиться въ обществѣ славныхъ кавалерійскихъ офицеровъ,» говорилъ онъ: «я люблю вашъ родъ оружія, ваши взгляды, ваши традиции... Я самъ — старый кадровый офицеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ... Вамъ можетъ быть неприятно будетъ оставаться въ моемъ обществѣ?... Вмѣстѣ съ тѣмъ я — агентъ контръ-развѣдки. Нѣтъ, правда, — вы не брезгуете мною?..»

«Если бы вы знали,» продолжалъ онъ, помолчавъ немного: «если бы вы знали, какъ тяжела моя служба! Я держу въ своихъ рукахъ всѣ нити, ведущія къ раскрытію тайныхъ большевѣдскихъ организацій; мнѣ извѣстна вся подноготная мѣстнаго населенія; меня здѣсь всѣ боятся и ненавидятъ... Вы слышали о разстрѣлѣ (онъ называлъ опаснаго большевѣдскаго шпіона, недавно разстрѣляннаго), — это я его обнаружилъ. Вотъ эти руки, вотъ видите, — эти руки, — онѣ облиты кровью, правда кровью злодѣевъ, но все-таки развѣ это легко переносить интеллигентному человѣку?»

Капитанъ схватился за голову, закрылъ глаза оперся локтями о столъ. «Человѣкъ, — шампанскаго!..» вдругъ зычнымъ голосомъ закричалъ онъ. Шампанскаго, къ счастью, не оказалось, и мы, распивъ бутылку краснаго вина и вида, что капитанъ все больше пьянѣетъ, поблагодарили его и поспѣшили откланяться. Поздно вечеромъ, мы были привлечены на улицу раздававшимися неподалеку криками. Черезъ толпу, на спинѣ одного изъ мѣстныхъ жителей и потрясая револьверомъ, пробирался окончательно охмѣлѣвшій капитанъ. Изъ толпы раздавался ропотъ и слышались недоброжелательные окрики по адресу буяна.

«Я тебя знаю, ты — большевикъ!» закричалъ вдругъ капитанъ, указывая на какого-то человѣка, стоявшаго поодаль. И соскочивъ со своей жертвы, онъ бросился на незнакомца. Толпа загудѣла, сжалась вокругъ него. Не безъ труда удалось намъ съ корнетомъ Дьяконовымъ обезоружить разбушевавшагося капитана, такъ явно позорившаго честь офицерскаго званія, такъ глупо сводившаго на нѣтъ свое же собственное дѣло. Мы отвели его на его квартиру, гдѣ онъ тотчасъ же и заснулъ крѣпкимъ сномъ; на всякій случай арестовали мы, съ помощью подоспѣвшихъ гусаръ, и того незнакомца, въ которомъ онъ призналъ будто бы большевика. Ночь, къ счастью прошла спокойно, а поутру мы на трехъ подводахъ послѣдовали за эскадронами, отбывшими на канунѣ въ Судакъ.

За Старымъ Крымомъ, мы выѣхали въ дикую и гористую мѣстность. По дорогѣ долго не встрѣчалось жилья, и вокругъ видѣлись однѣ только оголенные, облѣзлыя горы, да открывался видъ на ущелья и дальнія долины. Гдѣ-то, приблизительно на полпути до Судака, мы, проѣхавъ черезъ какое-то ущелье, очутились въ рощѣ, за которой вновь начинался подъемъ въ гору. Здѣсь поперекъ дороги сложены были свѣже срубленные деревья, и намъ пришлось съѣхать съ дороги, чтобы обогнуть ихъ. Я едва обратилъ вниманіе на то, что недоѣзжая ихъ трава на лужайкѣ была смята и что здѣсь свѣжіе слѣды подводъ круто поворачивали назадъ. Но мѣсто это было такимъ глухимъ, и такая давящая тишина стояла вокругъ, что, проѣхавъ дальше, мы почувствовали облегченіе, когда впереди показался небольшой хуторъ. Отсюда дорога пошла въ гору. Чѣмъ ниже опускались мы, тѣмъ населеннѣй становилась мѣстность;

убѣгая внизъ къ долині, зеленѣли вокругъ рощи, фруктовые сады, виноградники. До Судакъ добрались мы безъ приключеній.

Тутъ я узналъ, что наканунѣ эскадроны попали въ засаду, устроенную зелеными какъ разъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы по пути миновали свѣже срубленные деревья. Какъ только головныя подводы выѣхали на лужайку, зеленые со всѣхъ сторонъ открыли по нимъ огонь. Убито и ранено было нѣсколько офицеровъ и солдатъ, однако маріупольцы, ѣхавшіе позади, потерь не понесли. Хотя въ Судакѣ еще свѣжа была память о недавнемъ набѣгѣ зеленыхъ, не безъ труда отбитомъ офицерами, находившимися здѣсь на излѣченіи, но все же теперь, съ прибытіемъ регулярной части, возможность вторичнаго набѣга была, казалось, устранена; мы же могли разсчитывать на временный отдыхъ.

На первыхъ порахъ Судакъ произвелъ на меня довольно унылое впечатлѣніе. Этотъ когда-то значительный центръ крымскаго винодѣлія принялъ видъ захолустнаго мѣстечка. Торговля замерла, поселокъ значительно опустѣлъ. Хотя это былъ живописный уголокъ, но я, по правдѣ сказать, зная, что Судакъ въ былое время былъ небольшимъ приморскимъ курортомъ, надѣялся найти въ немъ хотя бы слѣды былой благоустроенной курортной жизни. На самомъ же дѣлѣ, въ Судакѣ всего этого не оказалось. Отъ верхней слободы, въ которой расположился полкъ, длинная и невзрачная улочка вела къ бухтѣ, окруженной скалистыми горами. Здѣсь не имѣлось ни набережной, ни намека на общественныя увеселительныя мѣста, на благоустроенные сады или гавань. На берегу стояли одни только какіе-то пустующіе дощатые сараи. По склону горы, спускающейся къ бухтѣ отъ верхней слободы, разбросаны были многочисленныя дачи, но всѣ онѣ пустовали и были заколочены. Единственнымъ общественнымъ зданіемъ, бывшимъ повидимому когда то благоустроеннымъ, являлась большая гостиница, построенная на подобіе замка на высокомъ пригоркѣ, повыше селенія. Въ этомъ зданіи помѣстился командиръ полка. Отсюда съ террасы открывался величественный видъ на горы, море, и долину, покрытую виноградниками, садами и рощами. На мигъ забывалось, что жизнь въ поселкѣ замерла, что безвозвратно прошло то время, когда еще имѣлись блестящія возможности развитія края. Но забывалось это только на мигъ: природа можетъ сгладить впечатлѣніе оставляемое смертью, которая такъ же стихійна, какъ и она сама, но она не въ состояніи затушевать картины запустѣнія и умиротворить тоски, вызываемой имъ.

Приходилось, однако, мириться съ дѣйствительностью, тѣмъ болѣе, что стоянка въ Судакѣ имѣла и свои привлекательныя стороны. Во-первыхъ, послѣ уборки винограда открытъ былъ доступъ въ виноградники, гдѣ еще можно было найти оставшіяся крупныя и сочныя грозди. Затѣмъ, на складахъ и въ погребахъ хранились въ огромныхъ бочкахъ запасы старыхъ винъ, и хотя намъ были не по карману цѣнные сорта, въ розничной продажѣ имѣлось въ изобиліи и простое мѣстное вино.

У небольшой церковки, построенной на бугрѣ, по склонамъ котораго зеленѣютъ виноградники, хоронили убитыхъ въ перестрѣлкѣ, происшедшей по пути въ Судакъ. Обнаженные головы, грустный, еле-еле слышимый, разносимый вѣтеркомъ напѣвъ... Какъ хотѣлось бы превозмочь память о смерти, развѣять тоску, закрадывающуюся въ душу! Что ожидаетъ насъ въ недалекомъ будущемъ?

«Завтра, можетъ, въ эту пору,
Насъ на пикахъ понесутъ,
И, въ могилу опуская,
Память вѣчную споютъ...»

Однажды, бродя по окрестностямъ Судака, зашли мы съ корнетомъ Д., недавно прикомандированнымъ къ нашему эскадрону, въ какой-то богатый виноградникъ. Хозяинъ, случайно встрѣтившійся намъ, пригласилъ насъ въ домъ, отвѣдать винограду. Вслѣдъ за нимъ вошли мы въ комнату нарядной виллы, въ которой европейская обстановка странно сочеталась съ восточнымъ стилемъ постройки. Хозяинъ-татаринъ оказался богатымъ мѣстнымъ купцомъ. Еще недавно, когда въ Крыму властвовали татарскій Курултай, онъ игралъ какую-то важную политическую роль въ Татарской республикѣ. Когда въ Крыму появились большевики и татарское населеніе встрѣтило ихъ враждебно, то онъ принималъ участіе и въ этомъ движеніи. Въ тѣ времена въ горныхъ ущельяхъ устраивались засады, и красныя части, проникавшія въ горы, истреблялись безпощадно. Но съ приходомъ добровольцевъ, Курултай, проявившій враждебное отношеніе и къ нимъ, былъ распущенъ. Съ этихъ поръ, отношенія между татарами-горцами и русской арміей стали натянутыми. Теперь татары покорительствовали зеленымъ. Ходили даже слухи о недавнихъ случаяхъ поголовнаго истребленія нашихъ разъѣздовъ, заѣхавшихъ въ дальніе горные аулы. И на лицѣ нашего хозяина, вѣжливо, но сдержанно привѣтствовавшего насъ и, кстати сказать, вполне интеллигентнаго и воспитаннаго, сквозила тонкая усмѣшка, какъ будто бы многое онъ зналъ изъ того, что касалось насъ, но что для насъ оставалось тайной.

Въ полкъ доставили партію только что мобилизованныхъ лошадей. Начались хлопоты по доставкѣ фуража въ нашу глухую стоянку. За сѣномъ ѣздили верстъ за тридцать, въ Карасубазаръ, а иногда и въ горные аулы. Ожидалась доставка сѣделъ и принадлежностей, необходимыхъ для конной части. Изъ Феодосіи, въ предмѣстьяхъ которой остановились наши хозяйственные части, прислали намъ и обмундированіе.

По этому случаю пришлось и мнѣ съѣздить съ гусарами въ Феодосію, а именно за ведрами, щетками и скребницами для эскадрона. Поѣхали мы туда на татарскихъ подводахъ. На востокъ отъ Судака возвышается горный массивъ, черезъ который по перевалу лежитъ ближайшій путь на Феодосію. Дорога, поднимаясь отъ Судака зигзагами по откосу горы, выводитъ въ глухую, высокую долину, каменистую, сѣрую и лежащую среди оголенныхъ и пустынныхъ горъ. Въ глубинѣ долины, дорога развѣтвляется. Одинъ путь ведетъ на Феодосію, а другой, влѣво и черезъ другую горную долину, — на Карасубазаръ. Дальше, по феодосійской дорогѣ мѣстность становится еще болѣе дикой. Надъ самой дорогой нависаютъ огромныя глыбы скалъ, поросшія лѣсомъ. Надъ ними неприступные утесы возносятъ свои вершины прорѣзая дымокъ нависшихъ тучъ. Здѣсь гдѣ-то татары однажды сбросили тяжелую каменную глыбу на проходившую по дорогѣ красную батарею. Неужели же всего года два-три тому назадъ проѣзжали по этой же самой дорогѣ нарядныя коляски съ безпечными и любопытными туристами? Многое за это время измѣнилось... Дальше же начинается зигзагообразный спускъ по ту сторону горнаго массива. Склоны горъ поросли здѣсь лѣсомъ. Подводчики-татары пускаютъ своихъ лошадеенокъ вскачь. И мы въ

Феодосіи. Принимаемъ грузъ, а поздно ночью по той же дорогѣ возвращаемся въ Судакъ.

Еще разъ ѣду съ гусарами въ горы. На этотъ разъ, — въ дальній аулъ за сѣномъ. Ъдетъ со мною и корнетъ Д. Подымаемся опять въ ту же горную долину, но у развѣтвленія дороги сворачиваемъ влѣво, на Карасубазаръ. Затѣмъ еще поворотъ, и мы по крутой дорожкѣ добираемся до горнаго аула. Тихо и глухо здѣсь. Въ маленькой долинкѣ, подъ самыми вершинами горъ, среди блѣдно зеленыхъ луговъ, притаились низкія сакли. При нашемъ появленіи высыпаетъ на улицу все мужское населеніе. Ихъ староста, узнавъ въ чемъ дѣло, не торопится отвѣчать. Но мы знаемъ, что у татаръ имѣются большіе запасы сѣна, и настаиваемъ на своемъ. На татаръ, обступившихъ насъ, присутствіе вооруженной части въ ихъ горахъ, повидимому, не производитъ особаго впечатлѣнія. Повинуются они неохотно. Поодаль молча стоятъ двѣ-три подозрительныя личности, совсѣмъ не татарскаго типа и полувоеннаго вида: поношенные солдатскія фуражки безъ кокарды, рваныя гимнастерки. Что это за личности, и какими судьбами попали они сюда? Въ концѣ концовъ татары соглашаются продать намъ требуемое количество фуража. Заходимъ съ корнетомъ Д. въ саклю къ старостѣ. Мы знаемъ, что подъ кровомъ мусульманскаго дома мы въ безопасности. Но закусывая овечьимъ сыромъ и виноградомъ, мы все же поглядываемъ черезъ маленькое квадратное окно на улицу, гдѣ вокругъ нашихъ подводъ продолжаетъ толпиться народъ. Татары какъ будто бы нарочно оттягиваютъ время, и только съ наступленіемъ сумерекъ мы трогаясь въ путь, положивъ купленнаго барашка на одну изъ подводъ, нагруженныхъ сѣномъ. Несмотря на спускъ, отяжелѣвшія подводы двигаются медленно. Наступаетъ ночь. Суровая горная долина освѣщается слабымъ луннымъ свѣтомъ. Каменистое ложе долины открыто разстилается по сторонамъ дороги вплоть до близкихъ горъ. Вадумай оповѣщенные, можетъ быть, о нашемъ присутствіи зеленые обстрѣляютъ насъ, — укрыться намъ некуда. Но и на этотъ разъ мы благополучно возвращаемся въ Судакъ.

Съ доставкой намъ лошадей, полковая жизнь вновь пошла своимъ чередомъ. Несмотря на недостатокъ въ сѣдлахъ, вторая партія которыхъ почему-то запоздала, въ эскадронахъ вновь начались сборы, занятія. Заходустное мѣстечко оживилось присутствіемъ конницы.

Начало конца.

Насколько на фронтѣ обычно тяготѣешься полнымъ невѣдѣніемъ общей боевой обстановки и испытываешь острое желаніе выяснить смыслъ развивающихся операций, настолько въ тылу, на отдахѣ послѣ боевъ, теряешь охоту слѣдить за тѣмъ, что происходитъ на фронтѣ. Тѣмъ не менѣе, просматривая изрѣдка оперативныя сводки, печатаемая въ газетахъ, я отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что уходъ нашей дивизіи изъ-подъ Каховки совпалъ съ началомъ продолжительнаго затишья на этомъ участкѣ и съ перенесеніемъ центра тяжести боевыхъ операций на востокъ. Изъ района Большого Токмака, гдѣ до этого времени положеніе нашихъ частей было нѣсколько ослаблено недавнимъ каховскимъ прорывомъ, потребовавшимъ перевода частей на лѣвый флангъ, намѣчалось теперь успѣшное продвиженіе донскихъ дивизій на Алек-

сандровскъ, Жеребецъ, Гуляй-Поле и дальше, въ предѣлы Екатеринославской губерніи. На Азовскомъ морѣ флотомъ и сухопутными частями занятъ былъ Мариупольскій портъ. Къ тому же, судя по тѣмъ же газетамъ, происходили важныя событія на польскомъ фронтѣ: поляки окончательно разгромили большевицкія арміи, дѣйствовавшія противъ нихъ, и вытѣснили ихъ изъ предѣловъ Польши. По слухамъ, тамъ, по почину генерала Врангеля, формировалась въ настоящее время русская противобольшевицкая армія, съ которой намъ будто бы предстояло начать совмѣстныя дѣйствія съ наступленіемъ весны.

Казалось бы, что передъ нами раскрывались теперь новыя перспективы. Начавъ съ обороны перешейковъ, увеличивъ затѣмъ въ теченіе лѣта, въ цѣляхъ обезпеченія Крыма продовольствіемъ, занимаемую ею территорію, армія готовилась теперь novissimo къ новому наступленію вглубь Россіи. И если бы не близость зимы, то несмотря на всю кажущуюся рискованность такой кампаніи, я бы все же порадовался ей. Но теперь, наканунѣ отправки на фронтъ, мною стали овладѣвать мрачныя предчувствія. До наступленія холодовъ оставалось не больше мѣсяца, на выдачу теплаго обмундированія надежды было мало, а ни у кого изъ насъ не имѣлось ни полшубковъ, ни даже теплаго бѣлья или приличной обуви. При такихъ условіяхъ, зимняя кампанія казалась мнѣ не только мало привлекательной, но и почти совсѣмъ не выполнимой. Моему воображенію представлялся походъ въ зимнюю стужу, въ метель или гололедицу; всадники въ сквозныхъ англійскихъ шинеляхъ, на плохо подкованныхъ, непривычныхъ къ походу коняхъ; бои за сотню верстъ отъ базы съ численно превосходящимъ противникомъ, снабженнымъ всѣмъ необходимымъ и обслуживаемымъ организованнымъ тыломъ. И не надѣясь на свое здоровье, я въ минуты сомнѣнія сталъ было даже подумывать о томъ, чтобы подать прошеніе о перечисленіи меня въ особый автомобильный дивизионъ, формировавшійся въ то время въ Севастополѣ и который, въ составѣ легковыхъ «Фордовъ» съ установленными на нихъ пулеметными платформами, долженъ былъ дѣйствовать совмѣстно съ кавалеріей. Во главѣ этого дивизиона находился полковникъ Михаилъ Воиновъ и мнѣ казалось, что въ Севастополѣ легче будетъ мнѣ обзавестись теплымъ обмундированіемъ. Но Степанъ, которому я повѣдалъ свои опасенія, сталъ такъ горячо настаивать на томъ, чтобы я остался въ полку, что у меня не хватило духа привести свой планъ въ исполненіе.

Впрочемъ зимняя кампанія внѣ крымской территоріи еще только предвидѣлась, и, по правдѣ сказать, мало было вѣроятія въ томъ, чтобы мы такъ скоро удалились отъ базы. Поэтому я смирясь сталъ спокойнѣе ожидать предстоящую отправку на фронтъ. И если бы я могъ знать тогда, что вскорѣ участь всей арміи будетъ поставлена на карту, то сталъ бы я, хотя бы на мигъ, задумываться о своей собственной участи? На самомъ дѣлѣ, тогда приближалось время трагической развязки крымской кампаніи, уже съ самаго начала обреченной на болѣе или менѣе отдаленную, но неминуемую неудачу. Случилось такъ, что какъ разъ въ то время, когда вслѣдствіе ли стратегическихъ соображеній или условій иностранной политики крымскаго правительства, армія оказалась вынужденной перейти къ операціямъ въ болѣе крупномъ масштабѣ, — силы ея уже значительно надорвались. Роковымъ ударомъ для нея оказалось то обстоятельство, что Польша прекратила военныя дѣйствія и заключила миръ съ большевиками. Подъ давленіемъ непріятельскихъ силъ, перебросенныхъ изъ

Польша на фронтъ, армія, не получивъ возможности развить предпринятое было наступленіе, оказалась вынужденной перейти къ оборонѣ. Хуже того, — съ неимоверной быстротой разыгрались событія, и съ наступленіемъ холодовъ приблизился часъ паденія Крыма. И не только не суждено было намъ увидѣть снѣжныхъ русскихъ равнинъ, но, испивъ горькую чашу до дна, мы, въ концѣ концовъ, обратили взоры къ дальнимъ берегамъ, куда судьба влекла насъ въ изгнаніе. Все это произошло въ теченіе одного только мѣсяца.

Въ первыхъ числахъ октября мы были вызваны на фронтъ. Покинувъ Судакъ, полкъ въ конномъ строю, при обозѣ и пулеметахъ, потянулся по знакомому уже мнѣ пути. Молча ѣхали всадники; невесело было у каждого на душѣ. Въ день нашего выступленія до Судака дошла вѣсть о томъ, что армія, перешедшая было въ наступленіе отъ Александровска и переправившаяся было на правый берегъ Днѣпра, отступила съ потерями въ исходное положеніе. По слухамъ, вновь первыми не выдержали кубанцы. И по мрачнымъ лицамъ старшихъ офицеровъ я предугадывалъ, что эти первыя неудачи могли повлечь за собой какія-то грозныя, но еще непонятныя мнѣ послѣдствія. О зеленыхъ уже больше никто не думалъ, хотя скалы, утесы и дикія горы обступали узкую дорогу, по которой слѣдовалъ полкъ: мысли были заняты будущей встрѣчей съ настоящимъ и значительно болѣе грознымъ противникомъ на поляхъ Оѣверной Тавриі.

Часто приходилось спѣшиваться; тяжелъ былъ подъемъ по крутой каменистой дорогѣ, длиненъ былъ спускъ по ту сторону горъ, — только къ вечеру, оставивъ горы позади, мы очутились въ долинѣ и, миновавъ луга и живописныя рощи, прибыли въ небольшой дачный поселокъ. Когда-то эта дачная мѣстность была благоустроенной, но теперь нарядныя дачи были все наглухо заколочены и пустовали. Но несмотря на то, что въ поселкѣ оказалось мало жилыхъ помѣщеній, намъ все же пришлось переночевать здѣсь.

Не безъ труда размѣстивъ взводы по тѣснымъ жильямъ, мы, младшіе корнеты, небольшой группкой пошли обследовать поселокъ въ надеждѣ найти гдѣ-нибудь пріютъ и для себя. Казалось, все вокругъ замерло. Но все же на окраинѣ навстрѣчу намъ замигалъ неожиданно огонекъ въ окнѣ большой одинокой дачи. Кто-то изъ насъ постучалъ въ массивную рѣзную дверь. Долго никто намъ не отвѣчалъ, но наконецъ на нашъ повторный стукъ съ задняго крыльца выбѣжала дѣвушка и испуганно заявила, что барыня живетъ одна и никого не велѣла пускать. Мы все же попросили разрѣшенія переговорить съ хозяйкой, и насъ провели въ домъ. Здѣсь, въ просторной комнатѣ, лишенной мебели и убранства, насъ встрѣтила представительная дама среднихъ лѣтъ. Узнавъ, что мы остались безъ помѣщенія и просимъ разрѣшенія переночевать до утра, она, указавъ рукой на пустую комнату, заявила намъ, что въ домѣ не осталось ни кроватей, ни дивановъ, но что если мы согласны переночевать на полу въ одной изъ комнатъ, то она противъ этого ничего не имѣетъ. «Извините», добавила она: «у меня у самой ничего не имѣется, и я не могу васъ ничѣмъ попомочь». Однако, на дворѣ было холодно, возвращаться въ тѣсно набитыя помѣщенія не хотѣлось, и намъ ничего другого не оставалось, какъ поблагодарить хозяйку и остаться. Вскорѣ хозяйка вызвала насъ къ себѣ. Въ гостиной, въ которой еще сохранилось кое-что изъ мебели стиля «ампиръ», былъ сервированъ для насъ чай. Хо-

зайка оказалась москвичкой. Послѣ октябрьской революціи она проѣхала въ Крымъ и все смутное время до прихода добровольцевъ прожила на своей дачѣ. Средства, вырученные отъ продажи мебели и другихъ личныхъ вещей уже давно истощились, и теперь она вела полуголодное существованіе, пользуясь помощью мѣстныхъ обывателей, сохранившихъ къ ней доброе отношеніе. За чаемъ, понятно, разговорились о Москвѣ; у меня съ нашей собесѣдницей нашлись и общіе знакомые; вспомнили и мрачные дни революціи.

«Предположимъ, что мы не удержимся въ Крыму,» невольно задалъ я вопросъ хозяйкѣ: «придуть сюда большевики, — что же вы тогда возвратитесь въ Москву?»

«Да, тамъ у меня есть близкіе,» подумавъ отвѣчала она: «у меня вѣдь лично ничего не осталось, такъ ужъ лучше быть со своими.»

Повѣяло холодомъ. Для насъ, офицеровъ, возврата быть не могло; даже если бы и представилась возможность возвращенія домой, то всѣми силами души мы воспротивились бы ей. Но не прозвучало ли признаніе хозяйки невольнымъ укоромъ для насъ? Укоромъ за то, что, покинувъ своихъ, мы до сихъ поръ не оказались въ состояніи помочь имъ; укоромъ за то, что въ борьбѣ оскудѣли чувства наши, очерствѣли сердца?

Простясь съ хозяйкой и переночевавъ въ предоставленной намъ комнатѣ, мы утромъ вмѣстѣ съ полкомъ покинули поселокъ. Дойдя же до желѣзно-дорожнаго пути Феодосія — Джанкой, полкъ расположился въ ближайшей деревнѣ. Здѣсь мы простояли нѣсколько дней въ ожиданіи погрузки въ вагоны. Настала ненастная осенняя погода; подуть свѣжій порывистый вѣтеръ. И подобно тучамъ, гонимымъ вѣтромъ, стали доходить до насъ тревожныя вѣсти. Кромѣ попытки нашихъ частей перейти на правомъ флангѣ въ наступленіе за Днѣпръ, не удался и штурмъ каховскихъ позицій. Тогда же дошли до насъ свѣдѣнія, что Польша заключила миръ съ большевиками и что красные стягиваютъ значительныя силы къ Днѣпру. Никто не сомнѣвался, что въ Сѣверной Тавріи насъ ожидаютъ жестокіе рѣшающіе бои.

Въ ожиданіи погрузки я пользовался свободнымъ временемъ, чтобы подѣлать свою новую лошадь. Въ Судакѣ я выбралъ себѣ изъ партіи коней, доставленныхъ въ полкъ, молодую кобылку, стройную и рослую. Уже на первомъ переходѣ изъ Судака она попривыкла къ сѣдлу, а теперь начинала послушно повиноваться поводьямъ и шенкелямъ.

Наконецъ насталъ день отъѣзда. Напа дивизія поспѣшно вызывалась на фронтъ навстрѣчу непріятелю, который, по слухамъ, началъ уже переправляться черезъ Днѣпръ. Положеніе на фронтѣ повидимому обострилось, и мы ускореннымъ ходомъ и почти безъ остановокъ прошли разстояніе до Джанкоя. Здѣсь, въ товарный вагонъ, занятый офицерами, подсѣло нѣсколько молодыхъ нѣмцевъ. Они оказались германскими офицерами, получившими изъ ставки разрѣшеніе побывать на фронтѣ. Дѣло въ томъ, что послѣ расформированія германской арміи, многіе нѣмецкіе офицеры оказались не у дѣла и расплылись по бѣлому свѣту въ поискахъ службы. Такихъ искателей приключеній занесла судьба и къ намъ. Но такъ какъ мира съ нѣмцами Россія небольшевицкая никогда не заключала, и нѣмцы теоретически продолжали оставаться нашими врагами, и была памятна еще помощь, оказанная ими большевикамъ, то мы безъ всякаго энтузіама встрѣтили этихъ случайныхъ попутчиковъ, хотя

и ѣхали они на положеніи штатскихъ. Молчали и они, не чувствуя видимо охоты вступать съ нами въ разговоръ. «Ну что же,» замѣтилъ Степанъ: «если они желаютъ посмотрѣть на бой, то мы имъ дадимъ коней, — пусть слѣдуютъ за нами!»

Миновавъ Сальково, эшелонъ остановился на станціи Рыково, гдѣ мы и выгрузились. Отсюда, послѣ короткаго привала полкъ долженъ былъ въ конномъ строю идти на соединеніе съ дивизіей. Прощелъ слухъ, что можетъ быть черезъ одинъ или два перехода мы вступимъ въ бой. Хозяйственные же части полка должны были временно остаться на станціи. Станнымъ показалось мнѣ, что уже теперь предвидѣлись близкіе бой, тогда какъ фронтъ, по моимъ соображеніямъ долженъ былъ находиться у Днѣпра. Но было не время объ этомъ задумываться, прозвучала команда «по конямъ», эскадроны стали поспѣшно строиться и ничего другого не оставалось, какъ отдаться въ руки судьбы. Совершенно неожиданно для себя я былъ посланъ съ разъѣдомъ гусаръ вереть за пятнадцать, съ порученіемъ раздобыть подводы для хозяйственной части. Такъ на первыхъ же порахъ мнѣ суждено было оторваться отъ полка. И хотя я и зналъ по опыту, что нелегко будетъ его нагнать на походѣ, но все же я радъ былъ очутиться вновь на привольи, во главѣ разъѣзда и на хорошей лошади. Поѣхали мы крупной рысью, согрѣваясь на ходу отъ холоднаго встрѣчнаго вѣтра, обвѣвавшаго сѣрую равнину, погруженную въ осенній сонъ, а съ наступленіемъ темноты, добрались мы до большого села, въ которомъ предстояло намъ озаботиться полученіемъ подводъ.

Переночевавъ съ гусарами въ крестьянской избѣ, я поутру отправился въ имѣвшееся на селѣ комендантское управленіе. Комендантъ выдалъ мнѣ ордеръ на полдюжины подводъ, но предоставилъ мнѣ самому собрать ихъ въ селѣ. Дѣло это оказалось далеко не простымъ. Много подводъ было уже угнано частями, побывавшими здѣсь раньше насъ. Крестьяне, въ ожиданіи новыхъ реквизицій, угоняли на день оставшихся лошадей далеко въ поле или запрятывали ихъ такъ, что и послѣ долгихъ поисковъ по дворамъ, ихъ съ трудомъ удавалось отыскать. Гусары, которымъ я приказалъ во что бы то ни стало раздобыть лошадей, пригнали съ поля двухъ-трехъ коней, но хозяева ихъ, несмотря на всѣ мои разспросы, не откликались. Пришлось запречь доставленныхъ лошадей въ чужія подводы. Весь день прошелъ въ поискахъ по дворамъ и въ переговорахъ съ крестьянами. На одномъ дворѣ гусары ухитрились отыскать лошадь, запертую въ небольшой чуланъ, входъ въ который былъ заложенъ дерномъ; на другомъ пара лошадей оказалась скрытой за скирдомъ, подъ навѣсомъ изъ жердей, заваленныхъ соломой. Лошади, найденныя по дворамъ тотчасъ же запрягались въ телѣги, а хозяева получали приказъ собираться въ путь. Я вполне сознавалъ, что при такихъ условіяхъ реквизиція подводъ принимала характеръ открытаго грабежа, — но что же было мнѣ дѣлать, разъ мнѣ приказано было не возвращаться безъ подводъ? Впрочемъ за весь день я смогъ заручиться всего только семью-восемью подводами.

На станцію Рыково мы возвратились уже поздней ночью. Поставивъ подводы подъ навѣсъ станціонныхъ складовъ и сдавъ ихъ на храненіе караульному, мы съ гусарами отправились на поиски помѣщенія для ночлега. Сильно морозило, мы успѣли уже порядочно прозябнуть, а жалкія лачужки, разбросанныя около станціи, оказались уже переполненными. И только на окраинѣ случайно набрали мы на неза-

нятый дворъ, гдѣ многочисленная семья хуторянина потѣсняясь предоставила намъ мѣсто въ сѣняхъ и на полу въ жарко натопленномъ помѣщеніи.

Попутру я повстрѣчался на станціи съ маріупольцемъ корнетомъ Коробовымъ, *) и мы вмѣстѣ съ нимъ отправились къ начальнику хозяйственной части, полковнику архангелогородскихъ драгунъ, съ тѣмъ чтобы попросить у него разрѣшенія отбыть въ полкъ. Но въ отвѣтъ на нашу просьбу полковникъ заявилъ намъ, что мы оба, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, прикомандированы къ нему и что о нашемъ возвращеніи въ полкъ пока что не можетъ быть рѣчи. Пришлось остаться и примѣниться къ своему новому положенію.

Нашей главной обязанностью стала доставка подводъ для хозяйственной части, которой требовалось ихъ порядочное количество. Но мнѣ, какъ обычно, съ подводами не везло. Развѣзжая по цѣлымъ днямъ по хуторамъ и деревнямъ, мы ежедневно возвращались ни съ чѣмъ, — самое большое съ одной или съ двумя подводами. Какъ то разъ впрочемъ удалось намъ въ дальней деревнѣ собрать нѣсколько повозокъ, но и тутъ приключилась бѣда: подводы эти, отправленные нами въ Рыково въ сопровожденіи гусара, были отбиты у него по дорогѣ проходившей артиллерійской частью. Но все это было бы еще полъ бѣды, если бы событія не развернулись съ такою неожиданной быстротой.

Дня черезъ четыре по прибытіи на станцію Рыково, мы узнали, что гдѣ-то подѣ Нижними Сѣрагозами дивизія ходила въ бой. Обстрѣлинные жестокимъ артиллерійскимъ огнемъ, атакованные широкими лавами непріятельской конницы корпусъ Буденнаго, недавно прибывшаго съ польскаго фронта, полки были смяты и отступили, не успѣвъ даже подобрать убитыхъ и раненыхъ. Во время боя пропалъ безъ вѣсти раненый новый полковой адъютантъ, — маріуполець, штабсъ-ротмистръ К-чъ. Дивизія, съ трудомъ слерживая натискъ буденовцевъ, отступала на югъ, по направленію къ Рыково.

Слухи были тревожные, но все же съ трудомъ вѣрилось, что станція Рыково, отстоявшая всего въ какихъ-нибудь тридцати верстахъ отъ перешейковъ, могла съ часу на часъ стать театромъ военныхъ дѣйствій. Однако, почти одновременно дошло до насъ и еще болѣе неожиданное извѣстіе: часть буденовской конницы прорвалась къ Сальскому, и мы въ обозѣ оказались отрѣзанными отъ Крыма.

Отступленіе.

Прошли сутки. Уже не могло быть сомнѣнія, что мы отрѣзаны отъ Крыма: желѣзно-дорожное движеніе пріостановилось, связь съ Сальково была прервана. Черезъ поселокъ, съ сѣвера на югъ, потянулись обозы съ эвакуируемыми тыловыми частями, потерявшими всякій воинскій обликъ и представлявшими собой кучки продрогшихъ, голодныхъ и иступленныхъ людей. Прибывали и одиночные воинскіе чины, отбившіеся отъ своихъ частей. Какъ то ночью въ нашу жалкую лачужку ворвались заиндевившіе, закутанные во что попало, озвѣрѣвшіе люди. Пришлось взяться за оружіе, чтобы не быть выброшенными на улицу.

*) Псевдонимъ.

Постепенно положеніе нѣсколько выяснилось: стало извѣстнымъ, что прорывъ красныхъ подѣ Сальковомъ ликвидированъ и что буденовцы, окруженные нашими частями подѣ Ново-Алексѣевкой, разбиты. Одновременно пришло извѣстіе, что Мелитополь спѣшно эвакуируется. Мимо станціи потянулись на югъ поѣзда, перегруженные до отказа людьми и воинскимъ имуществомъ; черезъ поселокъ все еще продолжали проходить нескончаемые обозы. Наша хозяйственная часть, готовая къ отъѣзду, стала грузиться.

Днемъ мы съ корнетомъ Коробовымъ и гусарами напоследокъ попытались раздобыть еще нѣсколько добавочныхъ подводъ. Какъ я уже упомянулъ, за эти дни внезапно настали сильнѣйшіе морозы, исключительные для Крыма. Морозило и теперь, но вѣтеръ, къ счастью, улегся. Мы поѣхали наугадъ, держа направленіе на сѣверъ. Медленно двигались наши кони, осторожно переступая по мерзлымъ кочкамъ вспаханнаго поля. На дорогѣ земля подѣ подковами коней звенѣла, какъ стекло. Тихо было въ поляхъ; не видно было здѣсь, ни частей, ни обозовъ. Такъ тихо было, что казалось, что напряженное вниманіе улавливало въ чистотѣ морознаго воздуха и отзвуки, недоступные слуху. Хотя при отсутствіи всякихъ данныхъ я не былъ въ состояніи, да и не имѣлъ ни мужества, ни желанія вывести обоснованныхъ заключеній изъ создавшагося положенія, но тѣмъ не менѣе въ глубинѣ души своей я чувствовалъ, что непоправимое уже совершилось. Безъ всякихъ доказательствъ, на основаніи одной только оцѣнки наиболѣе вѣроятнаго соотношенія силъ и возможностей, такъ естественно сочетавшихся съ видомъ печальной осенней равнины, я не только чувствовалъ, но уже съ несомнѣнной увѣренностью зналъ, что бой на поляхъ Сѣверной Тавріи нами проигранъ, что силы арміи надорвались. Я былъ увѣренъ, что удачи уже быть не могло, и я зналъ, что разбился драгоценный сосудъ, полный мечты, надеждъ и трепета жизни... Мы продолжали одиноко ѣхать, предаваясь теченію невеселыхъ думъ. Молчали безлюдныя поля. Вскорѣ повстрѣчались болѣе опредѣленные признаки совершившейся катастрофы. Въ отдаленной деревнѣ уже носился слухъ о близости непріятельскихъ разбѣдовъ.

Когда къ вечеру мы возвратились на станцію, стало извѣстнымъ, что красные заняли Мелитополь. Мимо станціи, правда, все еще проходили длинные и перегруженные поѣздные составы, но по словамъ очевидцевъ въ Мелитополѣ остались невывезенными неисчислимые запасы хлѣба, а также большая часть интендантскаго имущества и военнаго снаряженія. Пронесся слухъ, что будто бы красные разбѣды появились неподалеку отъ станціи Соколо-Горной, верстахъ въ двадцати отъ Рыкова. Прошелъ, наконецъ, и послѣдній эшелонъ, забравъ съ собою станціонныхъ служащихъ, а поздно ночью двинулся въ путь и нашъ обозъ.

Мы уходили на югъ, покидая мѣстность, еще такъ недавно бывшую нашимъ глубокимъ тыломъ. Морозная ночь оказалась непроглядно темной. Проѣзжая мимо станціонныхъ складовъ, при свѣтѣ догорающихъ костровъ я замѣтилъ, что у вагоновъ, брошенныхъ на запасныхъ путяхъ, копошатся какіе-то люди. Слышался трескъ взламываемыхъ ящиковъ, изъ тьмы раскрытыхъ дверей вагоновъ выбрасывались мѣшки, должно быть съ мукой или съ сахаромъ. Это кое-кто изъ мѣстныхъ жителей спѣшилъ до прихода большевиковъ разобрать по рукамъ товары, оставленные на станціи. Все

это было въ порядкѣ вещей, — за послѣдней чертой начинались разрушеніе и разложеніе.

Обозъ слѣдовалъ по дорогѣ вдоль желѣзно-дорожной насыпи. Мы съ корнетомъ Коробовымъ и гусарами замыкали пествиѣ. Поселокъ остался позади, погруженный во тьму. Онъ уже казался мнѣ чужимъ, большевицкимъ. И когда отъ послѣдней повозки оторвалась привязанная къ ней корова, накануне купленная хозяйственной частью, и, метнувшись въ сторону, исчезла въ ночной темнотѣ, то у меня уже не хватило духа погнаться за ней до самаго поселка. Слѣдуя за обозомъ, я невольно спрашивалъ себя, остались ли еще за нами какія-нибудь наши части. Но разъ желѣзно-дорожное движеніе замерло, разъ не видно было уже другихъ обозовъ, то при отсутствіи вокругъ насъ воинскихъ частей можно было заключить, что армія или уже отступила стороной, или же вела бой въ какомъ-нибудь другомъ направленіи. За нами вслѣдъ всего въ какихъ-нибудь нѣсколькихъ верстахъ, продвигались бытъ, можетъ непріятельскіе разъѣзды. Насъ понемногу сталъ прохватывать морозъ, достигавшій должно быть градусовъ двадцати. Окоченѣли руки и ноги, и несмотря на овчинные полушубки, полученные нами въ Рыковѣ, ознобъ сталъ пробѣгать и по тѣлу. Миновали мы по дорогѣ полустанки, у которыхъ вокругъ костровъ грѣлись какіе-то солдаты: запоздавшие ли обозники, или казаки, отбившіеся отъ своихъ частей, — кто ихъ знаетъ? Мы продолжали безостановочно двигаться за обозомъ, потерявъ уже надежду, что и мы въ свою очередь отогрѣмся у костра. И только уже засвѣтло остановились мы на привалѣ на какомъ-то полустанкѣ.

Вслѣдъ за нескончаемой вереницей обозовъ двигались мы все утро медленнымъ, черепашинымъ шагомъ. Около полудня я былъ посланъ съ гусарами квартиреромъ въ большое село, видявшееся впереди. Это село оказалось Ново-Алексѣевкой, гдѣ всего сутки тому назадъ стояла красная конница, а накануне произошелъ бой. Въ селѣ мы не застали ни воинскихъ частей, ни обозовъ; всѣ квартиры оказались свободными, и мы, облюбовавъ одну изъ слободъ, заняли въ ней помѣщенія подъ хозяйственную часть. По всему было видно, что мѣстные обыватели еще не пришли въ себя отъ событій, пережитыхъ накануне; они казались перепуганными, избѣгали разспросовъ и неохотно принимали насъ. Закусивъ съ гусарами чѣмъ попало въ одномъ изъ домовъ, я поѣхалъ въ волостное правленіе, гдѣ мнѣ было приказано дожидаться обоза. Домъ, въ которомъ оно помѣщалось, оказался открытымъ и пустымъ. Поодаль, на площади и на улицахъ небольшими группками собирался народъ. Я подошелъ и спросилъ, въ чемъ дѣло. «Да вотъ, говорятъ, большевики подходятъ,» неожиданно заявилъ молодой парень, одѣтый въ черную суконную тужурку и сапоги городского образца: «въ концѣ улицы у насъ поставленъ дозорный, ждемъ ихъ съ часу на часъ... Всѣ ваши ушли, — чего же вы дожидаетесь, господинъ офицеръ?» Хотя я и былъ пораженъ этими словами, но не придалъ имъ особаго значенія, приписавъ ихъ вполнѣ понятному паническому настроенію обывателей, и переждалъ еще нѣкоторое время. Однако обозъ не появлялся. Тогда я послалъ одного изъ гусаръ ему навстрѣчу. Добѣхавъ до окраины села онъ прискакалъ обратно и я былъ немало удивленъ узнавъ, что обозы на рысяхъ проходятъ мимо села по направленію на Сальково. По всей вѣроятности, прошелъ дальше, не заходя въ село, и нашъ обозъ. Дальше оставаться не имѣло смысла, и я съ разъѣдомъ двинулся въ путь. За слободой, въ которой мы только что

было заняли помѣщенія подѣ обозъ, мы выѣхали въ поле, изрытое свѣжими воронками, между которыми здѣсь и тамъ валялись вздутыя конскія туши, свидѣтели пораженія, нанесеннаго здѣсь наканунѣ буденовской конницы. Судя по глубинѣ воронокъ, можно было заключить, что буденовцы были атакованы нашими частями при поддержкѣ броневыхъ поѣздовъ. Выѣхавъ на шоссе, мы вскорѣ нагнали и свой обозъ. Оказывалось, что дѣйствительно гдѣ-то неподалеку появились авангарды противника, за ночь было занято Рыково. Въ Ново-Алексѣевкѣ останавливаться было рискованно, и обозъ спѣшно двигался на Сальково. Туда и я былъ тотчасъ же посланъ квартирмейстеромъ вмѣстѣ съ молодымъ корнетомъ павлоградцемъ, также прикомандированнымъ къ нашей хозяйственной части. Оставивъ гусаръ съ корнетомъ Коробовымъ, я взялъ съ собою одного только вѣстового, гусара-кадмыка, и мы широкой рысью поѣхали впередъ.

Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ Салькову, тѣмъ внушительнѣй становилась лавина обозовъ, загромождавшихъ дорогу. Подѣ самой станціей шоссе перекидывалось черезъ желѣзно-дорожное полотно и затѣмъ прямою стрѣлкой устремлялось къ платформѣ и низкимъ станціоннымъ сараямъ. У переѣзда, около желѣзно-дорожной будки валялся полураздѣтый, мерзлый и скрюченный трупъ убитаго красноармейца; поодаль въ степи видѣлись, какъ и подѣ Ново-Алексѣевкой, вздутыя конскія туши: буденовцы прорвались, повидимому, подѣ самую станцію. Сальково оказалось перегруженнымъ не только обозами, но и всевозможными воинскими частями; стояла здѣсь и пѣхота, и артиллерія; видѣлись и отдѣльныя конныя группы. Всѣ части перемѣщались, кое-какія изъ нихъ отбывали дальше по направленію къ Чонгару, другія еще чего-то выжидали, а на станцію безостановочно прибывали все новыя и новыя повозки. Уже нельзя было сомнѣваться въ томъ, что армія отступаетъ за перешейки въ Крымъ и что если наши главные силы еще и продолжаютъ гдѣ-то сѣвернѣе вести бои съ наступающимъ противникомъ, то и онѣ безъ сомнѣнія тоже должны будутъ вскорѣ отойти за ворота той осажденной крѣпости, которой вновь становился Крымъ.

Безнадежнымъ дѣломъ были бы поиски помѣщенія въ Сальковѣ. Вдали, на буграхъ, видѣлись, правда, одинокіе хутора, но забираться туда обозу было бы не безопаснымъ ввиду близости непріятеля. Для очистки совѣсти обследовали мы ближайшія постройки, но онѣ, понятно, всѣ оказались занятыми другими частями. Пріостановивъ безплодные поиски, мы стали дожидаться обоза у дороги. Но обозъ опять куда-то исчезъ. Безпрерывной лентой растягивались передъ нами однѣ только чужія части. Послѣ короткаго и пасмурнаго осенняго дня, быстро стало смеркаться. Стало холодиѣе. Въ предвечерней мглѣ встреленулась лавина обозовъ и понеслась быстрѣе; части, расположившіяся было на привалѣ у станціи, одна за другой снимались и уходили дальше. По дорогѣ мимо насъ проходили конныя кубанцы, и появленіе конницы, напоминающая о близости противника, создавало еще болѣе тягостное настроеніе. Наконецъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло и мы убѣдились въ томъ, что обозъ уже давнымъ давно прошелъ мимо станціи, не заходя въ поселокъ, мы въ свою очередь послѣдовали за общимъ движеніемъ.

Проѣхавъ версты двѣ и не нагнавъ обоза, мы заночевали у костра на какомъ-то полустанкѣ. Ночью мимо насъ прошелъ по направленію къ Салькову донской казачій

полкъ въ конномъ строю. Въ глубокой тишинѣ, еле освѣщаемые отблескомъ костровъ, молча проходили ровными рядами донцы, слѣдуя навстрѣчу врагу. Чернѣли пики, доносился глухой топотъ сотенъ конскихъ копытъ о мерзлую землю, еле слышный лязгъ оружія и удиль, — и это видѣніе и эти звуки на минуту было умиротворили мои сомнѣнія, подали надежду на то, что отступление не приняло еще характера паническаго бѣгства. Казалось, что за Сальковскими укрѣпленными позиціями обозы очутились въ безопасности, и хотѣлось вѣрить, что, прикрывъ отступление тыловыхъ частей въ Крымъ, армія въ эти грозные дни еще сохранить свободу дѣйствій и еще окажется способной дать отпоръ зарвавшемуся противнику.

Еще до разсвѣта вышли мы дальше. По нашимъ расчетамъ, обозъ хозяйственной части не могъ за это время уйти далеко и мы надѣялись застать его на привалѣ у какого-нибудь встрѣчнаго полустанка. Но у разведенныхъ костровъ, мимо которыхъ мы проходили, попрежнему виднѣлись однѣ только чужія части. Сѣрое утро вновь освѣтило картину отступления. Все та же нескончаемая лавина обозовъ тянулась по шоссе. Отдѣльныя вереницы повозокъ и группы конныхъ и пѣшихъ людей разбрелись по голой равнинѣ, по которой виднѣлись сѣрые хутора. Мы находились на Чонгарскомъ полуостровѣ, всего въ какихъ-нибудь двадцати верстахъ отъ Чонгарскаго моста, соединявшаго полуостровъ съ Крымомъ.

Весь день провели мы въ поискахъ безслѣдно пропавшей хозяйственной части навѣдываясь по пути въ ближайшіе хутора, въ которыхъ, думалось намъ, она могла остановиться. Намъ начиналъ уже мучить голодъ, и мы надѣялись на хуторахъ чѣмъ-нибудь закусить. Но о нашей хозяйственной части не было ни слуху, ни духу, а на хуторахъ оказалось невозможнымъ раздобыть и куска черстваго хлѣба. Двадцатиградусный морозъ давалъ себя знать, и я благословлялъ судьбу за то, что въ Рыковѣ передъ отъѣздомъ мнѣ выдали овчинный полушубокъ.

Къ концу дня, когда мы оказались уже неподалеку отъ Чонгарскаго моста, на какомъ-то хуторкѣ мы узнали отъ проходящей части, что черезъ Чонгаръ отступаетъ уже и регулярная конница. По слухамъ, гдѣ-то неподалеку какой-то спѣшенный эскадронъ вывозилъ на коняхъ автомобильный отрядъ, для котораго будто бы не хватило бензину. Кто знаетъ, не былъ ли этотъ автомобильный отрядъ тѣмъ, которымъ командовалъ мой двоюродный братъ? И въ надеждѣ встрѣтиться съ маріупольцами, мы вновь выѣхали на шоссе. Обозы уже почти всѣ прошли, по дорогѣ слѣдовали однѣ только одиночныя повозки, но зато въдали, на равнинѣ, показались колонны кавалеріи. Навстрѣчу намъ показался одинокій всадникъ, и, взглянувъ въ него, я тотчасъ же призналъ въ немъ ротмистра Пашкевича. Отъ ротмистра и узнали мы свѣжія новости. Оказалось, что маріупольцы слѣдуютъ полемъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ шоссе и что и на самомъ дѣлѣ вся кавалерія отводится въ Крымъ, тогда какъ пѣхотныя части, отбившія авангарды противника, уже занимаютъ сальковскія позиціи. Свѣдѣнія эти были въ общемъ скорѣе успокоительными. Армія повидимому уцѣлѣла; миновалъ критическій моментъ поспѣшнаго отступления; ворота крѣпости, пропустивъ армію, закрылись вновь, и пѣхота приступила къ оборонѣ укрѣпленныхъ позицій. Но если положеніе до нѣкоторой степени и выяснилось для насъ, если у насъ на душѣ стало легче, то все же голодъ и холодъ продолжали мучительно напоминать намъ о себѣ. А такъ какъ неподалеку видѣлся богатый хуторъ, около котораго

не замѣтно было ни частей, ни обозовъ, то мы рѣшили еще разъ попытать счастье, и, простясь съ ротмистромъ Пашкевичемъ, поскакали по направленію къ хуторку.

На этотъ разъ намъ повезло. На хуторѣ мы застали командира полка, князя Авалова, случайно остановившагося здѣсь со своимъ конвоемъ. Командиръ принялъ насъ ласково, предложилъ намъ закусить и сообщилъ намъ, что хозяйственной части отведена стоянка въ русскомъ селѣ верстахъ въ двадцати отъ Джанкоя. Спѣшить намъ было некуда, и мы рѣшили переночевать на Чонгарѣ, въ ближайшемъ селеніи.

Но и тутъ нашимъ мытарствамъ еще не насталъ конецъ. Нѣмецкая колонія, въ которую мы заѣхали съ наступленіемъ ночи, оказалась занятой пѣхотнымъ полкомъ. Несмотря на то, что по домамъ уже было расквартировано человѣкъ по десяти, по пятнадцати, колонисты безъ особаго труда размѣстили бы и насъ троихъ, но свои же офицеры оказались неумолимыми: ожидалось прибытіе въ колонію второго полка, мѣста всѣ были распределены, и постороннихъ въ дома не впускали. Узнавъ случайно, что мѣстная школа еще никѣмъ не занята, мы рѣшили временно устроиться въ ней. Разсѣдлавъ коней и поставивъ ихъ подъ ближайшій навѣсъ, мы расположились на полу и, несмотря на холодъ нетопленнаго помѣщенія, тотчасъ же заснули крѣпкимъ сномъ. Но глубокой ночью мы были разбужены голосами вошедшихъ людей. Кто-то недовольнымъ басомъ спрашивалъ, кто мы такіе. Вскочивъ на ноги, я при свѣтѣ лампы, принесенной въ комнату вновь прибывшими, увидѣлъ передъ собою высокаго роста генерала въ сѣрой барашковой папахѣ, надвинутой на брови, и закутаннаго въ башлыкъ. За нимъ стояла группа офицеровъ, такихъ какъ и онъ заиндевелѣвшихъ и продрогшихъ. «Прошу васъ удалиться,» обратился къ намъ генералъ: «здѣсь собирается военное совѣщаніе.» Генералъ оказался начальникомъ пѣхотной дивизіи, готовящейся поутру занять позиціи, и намъ ничего другого не оставалось, какъ осѣдлавъ коней, ѣхать дальше. Полъ ночи уже миновало, и мы надѣялись до утра продержаться въ сѣдлѣ. Однако ночь оказалась еще болѣе морозной, чѣмъ предыдущія. Уже давно окоченѣли руки и ноги, фуражка стальнымъ кольцомъ до боли сжимала лобъ, а ледяной вѣтеръ, давая холоду доступъ подъ овчинный полушубокъ, пронизывалъ тѣло, еще объятые дремотой недоспанной ночи, безжалостно забирался въ легкія, замораживалъ, казалось, и самую кровь... Ёхать было невыносимо мучительно. Но на наше счастье, впереди у желѣзно-дорожнаго полотна засвѣтились костры вокругъ огней которыхъ расположились кубанцы. Молча сидѣли они, сбитые въ тѣсные кружки; поодаль понуро стояли ихъ заиндевелѣвшія лошади. Присѣли было и мы къ костру, но въ эту проклятую ночь и огонь, казалось, не грѣлъ. Кое-какъ удалось намъ затѣмъ проникнуть въ станціонную будку, биткомъ набитую людьми, но зато жарко натопленную. Выходя по очереди къ конямъ, пробыли мы здѣсь до утра.

Вслѣдъ за кубанцами мы поѣхали дальше, миновали длинный Чонгарскій мостъ и за нимъ путь нашъ шелъ по безконечной дамбѣ, тянувшейся среди полузамерзшихъ лимановъ. Миновавъ ее, мы очутились, наконецъ, на крымскомъ берегу. На равнинѣ, поодаль отъ дороги, возвышалась стройная желѣзная наблюдательная вышка; неподалеку виднѣлись очертанія фортовъ, жерла тяжелыхъ орудій. Это была вторая линія укрѣпленныхъ позицій, послѣдній оплотъ Крыма, подъ защитой котораго, хотѣлось вѣрить, обезпечена была наша зимняя стоянка. Проѣхавъ еще версты двѣ, мы добрались до Таганаша. Въ поселкѣ, забитомъ обозами и тыловыми частями, царила обыч-

ная въ такихъ случаяхъ неразбериха и суматоха; никто и здѣсь ничего не слышалъ о нашемъ обозѣ.

Отъ Таганаша до Джанкоя пришлось проѣхать не менѣе двадцати пяти верстъ по оголенной степи. Сперва по пути попадались изрѣдка однѣ только татарскія деревушки. Издали онѣ казались большими комками глины, разсѣянными по степи; вблизи жилища оказывались крайне примитивными лачужками. Проѣзжая верхомъ на коняхъ по кривой пустынной улчкѣ среди низкихъ саклей, вылѣпленныхъ изъ глины, мы невольно чувствовали себя какими-то великанами, попавшими въ селеніе лилипутовъ. Но несмотря на то, что татарское населеніе сѣверной части Крыма живетъ крайне бѣдно, занимаясь почти исключительно овцеводствомъ и оставляя необработанной неплодородную степь, мѣстные татары, въ отличіе отъ своихъ соплеменниковъ южнаго побережья, оказались привѣтливыми и гостепріимными. Если доводилось намъ замѣтить на какомъ-нибудь дворѣ татарина, закутаннаго въ овчинный тулупъ, и вслѣдъ за нимъ проникнуть черезъ низкую дверь въ жарко натопленную комнату, то здѣсь мы неизмѣнно встрѣчали вѣжливый, почти даже радужный пріемъ. и хотя видно было, что хозяева сами нуждаются во всемъ, но послѣ минутной застѣнчивости съ ихъ стороны, обычно тотчасъ же на низкомъ столикѣ, передъ цыновками, разложенными на полу, появлялась неизмѣнная брынза и ржаные лепешки. Хозяинъ зная, что мы не въ состояніи отблагодарить его за гостепріимство, задавалъ сѣна нашимъ конямъ и затѣмъ присутствовалъ при нашей трапезѣ.

Ближе къ Джанкою стали попадаться по пути или видѣться поодаль отъ дороги и русскія села или нѣмецкія колоніи. Оголенные или отдыхающія поля смѣнили степь. Доѣхавъ до Джанкоя, въ который прибыли уже многіе обозы, мы повернули на востокъ. Миновавъ большое татарское селеніе съ одностороннимъ минаретомъ землистаго цвѣта, проѣхавъ черезъ рядъ благоустроенныхъ нѣмецкихъ колоній, оставивъ въ сторонѣ многочисленныя хуторки, мы къ вечеру очутились въ просторномъ русскомъ селѣ, въ которомъ оказалась уже расквартированной и наша хозяйственная часть. Простясь съ корнетомъ-навроградцемъ и побывавъ съ рапортомъ у начальника обоза, я очутился въ чистой и просторной избѣ, въ которой расположился уже въ ожиданіи меня корнетъ Коробовъ.

Послѣдніе дни въ Крыму. — Босфоръ.

Хотя вскорѣ и стало извѣстно, что красные, занявъ Сальково, прорвались на Чонгаръ, но все же такъ вѣрилось въ неприступность таганашскихъ и перекопскихъ позицій и такой преждевременной казалась возможность окончанія крымской кампаніи послѣ всѣхъ напряженныхъ и въ общемъ успѣшныхъ лѣтнихъ боевъ, что трагическіе дни, предшествовавшіе паденію Крыма, прошли для меня почти незамѣтно. Если отступление арміи въ Крымъ на зимовку и произошло подъ натискомъ противника и безъ должной подготовки, то все же оно представлялось мнѣ логической развязкой лѣтнихъ операцій, имѣвшихъ цѣлью обезпеченіе Крыма продовольствіемъ, и уходъ арміи за укрѣпленныя позиціи казался мнѣ гораздо болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ предпринятое было ею нѣкоторое время тому назадъ рискованное наступленіе за Днѣпръ, вглубь Россіи. Къ тому же, хозяинъ мой, домовитый великороссъ, съ кото-

рымъ корнетъ Коробовъ успѣлъ уже подружиться еще до моего прибытія, предоставилъ намъ такую уютную и свѣтлую комнату съ мягкими и удобными постелями, и кормилъ насъ такъ хорошо, что постепенно стали сглаживаться воспоминанія только что пережитаго отступленія. Тѣмъ болѣе неожиданной оказалась для меня наступившая такъ скоро роковая развязка.

Приблизительно черезъ недѣлю послѣ своего возвращенія въ обозъ, я, побывавъ за это время раза два въ командировкахъ за продовольствіемъ для хозяйственной части, въ предпоследній день октября былъ посланъ съ гусарами въ Джанкой для доставки въ обозъ убойныхъ воловъ изъ дивизионнаго интендантства. Коней мы оставили на сѣлѣ и отправились на двухъ подводахъ. Выѣхали мы довольно поздно, и я торопился еще засвѣтло добраться до Джанкой. День былъ удачный, не слишкомъ морозный. Въ поляхъ стояла благодатная осенняя тишина, и только гдѣ-то вдали невинито бухали орудія. Мнѣ было извѣстно, что красные за послѣдніе дни усиленно и непрерывно штурмовали перешейки, но что всѣ ихъ ожесточенныя атаки до сихъ поръ были отбиты и на Перекопѣ, и у Чонгарскаго моста. Ничего удивительнаго не было въ томъ, что бои продолжались и теперь, и какъ далека была я отъ мысли, что въ послѣднюю ночь совершилось уже паденіе Крыма! Но уже въ тотъ же вечеръ намъ было суждено узнать частицу правды. Верстахъ въ пяти отъ Джанкой повстрѣчались мы съ воинскимъ обозомъ. Уже издалека различилъ я знакомыя цвѣтныя фуражки павлоградцевъ, архангелогородцевъ и маріупольцевъ. Это былъ обозъ съ ранеными офицерами и солдатами нашего полка. Поравнявшись съ обозомъ, мы остановились. На передней повозкѣ лежалъ съ перевязанной головой полковникъ архангелогородскихъ драгунъ, временно замѣнявшій на фронтѣ командира полка, князя Авалова. Оказалось, что полкъ дважды участвовалъ въ конныхъ контръ-атакахъ на Перекопѣ и понесъ тяжелыя потери. По словамъ раненыхъ, подъ Перекопомъ за послѣдніе дни происходилъ настоящій адъ; но хуже того, — проѣжая теперь черезъ Джанкой, они узнали, что предыдущей ночью красные переправились черезъ замерзшій Сивашъ и прорвались въ Крымъ; таганашская позиція пала, а Джанкой спѣшно эвакуируется. Несмотря на всю мою привычку къ неожиданностямъ, извѣстіе это поставило меня въ тупикъ. Правда, что на мой вопросъ, стоитъ ли намъ ѣхать дальше, полковникъ отвѣчалъ неопредѣленно, но по выраженію его лица и по усталому движенію руки его было видно, что онъ считаетъ дѣло проиграннымъ. Однако, подумавъ, что раненые бываютъ склонны иногда преувеличивать значеніе событій и не желая предаваться преждевременной паникѣ, я все же рѣшилъ проѣхать въ Джанкой. Вскорѣ по пути стали встрѣчаться намъ другіе обозы, а затѣмъ съ пригорка открылся видъ на городъ и на дальнее шоссе. Тамъ въ облакѣ пыли растянулась съ сѣвера на югъ нескончаемая вереница повозокъ. Джанкой, повидимому, и на самомъ дѣлѣ эвакуировался. Тогда, проѣхавъ большую татарскую деревню, перегруженную обозами, и замѣтивъ, что быстро наступаютъ сумерки, я все же счелъ болѣе благоразумнымъ заѣхать на ближайшій хуторъ, чтобы уже затѣмъ утромъ выяснить положеніе.

Переночевавъ на какомъ-то хуторѣ, я на разсвѣтѣ приказалъ ѣхать дальше, на Джанкой. Не слышно было уже орудіяной стрѣльбы, не встрѣчалось уже больше обозовъ по пути, и отсюда, издали, сѣрѣющий городокъ казался опустѣвшимъ. Не будучи въ состояніи побороть любопытства и до послѣдней минуты не вѣря тому, что грозное

событіе уже совершилось, я продолжалъ ѣхать впередъ. Въ верстѣ отъ Джанкою попался намъ навстрѣчу солдатъ, одиноко бредшій въ сторонѣ по полю держа винтовку въ рукѣ. Посланный ему вдогонку конный гусарь, сопровождавшій насъ, сообщилъ мнѣ, что, по словамъ солдата, на разсвѣтъ покинувшего Джанкою, въ городѣ не осталось больше ни одного военного и что тамъ съ часу на часъ ожидаютъ прихода красныхъ. Тутъ только я понялъ, что положеніе наше дѣйствительно стало серьезнымъ. Если пали укрѣпленныя позиціи на перешейкахъ, если красные продвигаются уже къ Джанкою, то уже ничто не въ состояніи остановить ихъ до самого моря. До южнаго побережья, не считая прибрежныхъ горъ, не имѣлось уже больше никакихъ естественныхъ преградъ, и единственнымъ спасеніемъ для арміи могла явиться только посадка на суда.

Нельзя было терять ни минуты, и, повернувъ кругомъ, мы на рысяхъ пошли обратно. Но какъ на бѣду наши слабыя обозныя лошаденки бѣжали медленно, одна изъ нихъ даже прихрамывала, а кто знаетъ, сколько верстъ предстояло намъ проѣхать за этотъ день? Волей-неволей пришлось на первомъ попавшемся хуторѣ реквизировать пару свѣжихъ и крѣпкихъ лошадей. На нихъ мы поѣхали бодрѣе. Вѣсть о прорывѣ красныхъ докатилась уже до селеній, черезъ которыя мы проѣзжали. Во встрѣчныхъ нѣмецкихъ колоніяхъ, обсуждая новое положеніе, собирались на улицѣ группками колонисты; лица ихъ выражали недоумѣніе, тревогу. Нигдѣ уже не было видно воинскихъ частей. На окраинѣ села, въ которомъ только наканунѣ еще стояла наша хозяйственная часть, застали мы еще какую-то запоздавшую батарею, но какъ нашъ, такъ и всѣ остальные обозы уже за ночь покинули село. Наскоро обследовавъ цейхгаузъ хозяйственной части и забравъ кое-что изъ брошеннаго имущества съ собою на повозки, мы покатали по той самой слободѣ, въ которой мы еще наканунѣ были расквартированы. На крыльцѣ того дома, въ которомъ мы съ корнетомъ Коробовымъ прожили съ недѣлю, стоялъ нашъ хозяинъ.

Верстахъ въ двадцати къ югу, мы, наконецъ, догнали вереницу отступающихъ обозовъ. Нашей хозяйственной части въ хвостѣ обозовъ не оказалось, она уже должно быть успѣла продвинуться впередъ, и такъ какъ изъ-за многочисленныхъ повозокъ, загромождавшихъ намъ путь, догнать ее уже не представлялось возможнымъ, то намъ волей-неволей пришлось втннуться въ общее медленное шествіе. Вечеромъ мы вслѣдъ за обозами добрались до какой-то желѣзно-дорожной станціи. Здѣсь царилъ суматоха. Площадь передъ станціей была загроможжена повозками и людьми, и прибывающія подводы съ трудомъ пробивали себѣ путь. Желая на всякій случай навести справки о хозяйственной части, я остановился у станціи. Хотя лавина обозовъ и продолжала двигаться впередъ по направленію къ Феодосіи, но отсюда, оказывалось, можно было проѣхать и на Севастополь или Ялту, куда, по слухамъ, отступали главные силы нашей арміи, и мнѣ необходимо было выяснить, въ какомъ направленіи вѣроятнѣе всего прослѣдовалъ нашъ обозъ. Контора начальника станціи, тускло освѣщенная фонаремъ, оказалась переполненной до отказа воинскими чинами. Начальникъ станціи, блѣдный и растерянный, не въ состояніи былъ отвѣчать на вопросы, задаваемые ему со всѣхъ сторонъ. Кто-то объяснилъ мнѣ, что ближайшая станція по пути на Джанкою уже не отвѣчаетъ на вызовы. Все это такъ, думалось мнѣ, но какъ разузнать объ обозѣ? Послѣ долгихъ и тщетныхъ разспросовъ мнѣ удалось узнать отъ полковника, сохранившаго

видимое спокойствіе, что согласно опубликованному приказу главнокомандующаго объ отводѣ арміи въ порты на погрузку, регулярная конница должна идти на погрузку въ Ялту, а донцы — въ Феодосію. Узналъ я и то, что путь на Ялту длиненъ и проходитъ черезъ гористую мѣстность, наводненную зелеными. Хозяйственная часть едва ли пошла по этому пути, и, не чувствуя никакой охоты подвергать себя и гусаръ случайностямъ встрѣчи съ зелеными, я уже больше не задумываясь послѣдовалъ за общимъ движеніемъ.

Вскорѣ лошади, прошедшія за день не менѣе шестидесяти верстъ, начали проявлять признаки усталости. До Феодосіи оставалось еще верстъ сорокъ, если не больше, и намъ пришлось переночевать, какъ попало, во встрѣчной нѣмецкой колоніи.

Отдохнувъ за ночь, наши добрыя лошадки вновь пошли бодрой рысцой. Вхаты было свободнѣй; за ночь обозы успѣли насъ обогнать, и уже теперь, спереди и позади насъ, мчались вмѣстѣ съ нами однѣ только отдѣльные подводы. Но что же ожидало насъ въ Феодосіи? Невольно напрашивался вопросъ, удастся ли намъ погрузиться на суда, предназначенныя чужимъ частямъ, найдемъ ли мы въ Феодосіи свою хозяйственную часть, хватитъ ли вообще судовъ для всѣхъ и не ушли ли они уже всѣ въ море? Невольно вспоминалась новороссійская эвакуація. Но какъ ни тревожны были эти мысли, — какой-то внутренній голосъ все же подсказывалъ мнѣ, что на этотъ разъ все обойдется благополучно и что мы не переживемъ того отчаянія, которое съ такой кошмарной реальностью охватило насъ въ Новороссійскѣ. Тогда роковымъ образомъ завершился длительный процессъ разложенія арміи и тыла; неорганизованность, растерянность и беспомощность военныхъ и гражданскихъ властей въ трагическіе дни новороссійской эвакуаціи являлись послѣдствіемъ всеобщей неразберихи, достигшей предѣловъ возможнаго. Теперь же дѣло обстояло иначе. Еще совсѣмъ недавно чувствовали мы себя здѣсь, въ Крыму, полными хозяевами; тылъ остался цѣлъ; армія до конца выполнила свой долгъ; и если внезапно надорвались ея силы, если Крымъ палъ, то уже виною тому являлись и подавляющая численность противника, рѣшившаго во что бы то ни стало прорваться въ Крымъ, и небывалые морозы, отъ которыхъ впервые послѣ многихъ лѣтъ замерали Сиваши, — однимъ словомъ, чисто вишія, объективныя условія, а не внутренній, моральный недугъ. При полномъ отсутствіи признаковъ безпорядочнаго бѣгства отдѣльныхъ воинскихъ частей, которые уже неминуемо дали бы себя знать, можно было съ несомнѣнностью заключить, что армія, давъ послѣдній бой и слѣдуя приказу своего главнокомандующаго, въ полномъ порядкѣ отступаетъ къ намѣченнымъ портамъ. И если главнокомандующій, сохранивъ армію въ рукахъ, не дѣлалъ попытокъ къ тому, чтобы временно пріостановить наступленіе противника, то слѣдовательно все уже было готово для погрузки, и мѣста на судахъ должно было хватить на всѣхъ.

На серьезныхъ и спокойныхъ лицахъ гусаръ, сопровождавшихъ меня, я читалъ отвѣтъ на этотъ же вопросъ, который не могъ не затронуть и ихъ. Если мнѣ, офицеру, уже въ силу одного только чувства самосохраненія немыслимо было сдаться на милость большевиковъ и остаться въ Крыму, когда исключена была всякая возможность дальнѣйшей борьбы, то тѣмъ болѣе цѣннымъ было въ гусарахъ то, что, имѣя несравненно меньше основаній опасаться за свою жизнь въ большевицкомъ плѣну, они безъ колебаній и слѣдуя чувству долга и голосу совѣсти, спѣшили на погрузку. А вѣдь мнѣ

было извѣстно, что наканунѣ вечеромъ они прочитали расклеенное на станціи обращеніе генерала Врангеля къ арміи и къ гражданскому населенію, въ которомъ главнокомандующій, считая кампанію проигранной, разрѣшалъ остаться въ Крыму всѣмъ тѣмъ, кто пожелалъ бы этого и считалъ бы это для себя возможнымъ! Едва ли нашлось много желающихъ воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ. Неподалеку отъ Феодосіи повстрѣчались намъ, правда, двѣ-три подводы съ солдатами, крики и пѣсни которыхъ мы услышали уже издалека и которые, проѣжая мимо насъ, прокричали было намъ, чтобы мы послѣдовали ихъ примѣру и повернули оглобли назадъ, но минутное видѣніе это, вызвавъ презрительную усмѣшку на лицахъ гусаръ, тотчасъ же исчезло, и уже до самой Феодосіи не встрѣтили мы больше ни одной подводы съ бѣглецами. Все несло въпередъ, на погрузку.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, дорога пошла подъ гору по бугристой и оголенной мѣстности. Вскорѣ открылся видъ на море, а затѣмъ и на рейдъ и портъ, въ которомъ у набережной видѣлись пароходы. Предмѣстья города оказались забитыми подводами; на улицахъ валялось брошенное имущество. Ѣхать дальше было невозможно. Зайдя на какой-то постоялый дворъ, оставивъ на немъ подводы съ лошадьми и объяснивъ хозяину, кому онѣ принадлежать, я вмѣстѣ съ гусарами пѣшкомъ пошелъ по направленію къ набережной. Въ ожиданіи погрузки огромная толпа загрозила улицы, выходящія на нее. Но все же мы какимъ-то чудомъ очутились на набережной. Передъ нами стоялъ причаленный къ берегу пароходъ, уже переполненный людьми. Проволочное загражденіе, возведенное вдоль набережной, отдѣляло его отъ толпы, и часовые, вооруженные винтовками, никого безъ пропуска не пропускали за проволоку. Тутъ же рядомъ, у берега, стояло и какое-то небольшое военное судно.

Въ надеждѣ встрѣтить кого-нибудь изъ своей части, я сталъ пробираться дальше вдоль берега. Толпа, довольно молчаливая и спокойная, состояла преимущественно изъ донцовъ, но вдругъ мнѣ почудилось, что впереди мелькнули знакомые цвѣта фуражки александрійскаго гусара. Не вѣря своимъ глазамъ, я бросился въ этомъ направленіи и послѣ недолгихъ поисковъ очутился лицомъ къ лицу ни съ кѣмъ другимъ, какъ съ командиромъ нашего полка, княземъ Аваловымъ, какими-то судьбами попавшимъ сюда. Благодаря этой счастливой случайности, мы съ гусарами тотчасъ же были посажены на стоявшую у набережной канонерку «Кавказъ.»

Вечеромъ канонерка отчалила отъ берега и, выйдя на рейдъ, стала на якорь. Вскорѣ мертвая зыбь настолько укачала меня, что цѣлыя сутки я пролежалъ безъ движенія въ матросской рубкѣ. На второе утро раздалась дальняя канонада. Мы все еще стояли на Феодосійскомъ рейдѣ. Пронесся слухъ, что на рейдъ прибылъ на военномъ суднѣ генералъ Врангель и что это французскія суда отдають салютъ Русской арміи, покидающей Крымъ. Собравшись съ силами, я вышелъ на верхнюю палубу. На горизонтѣ видѣлись очертанія и дымки уходящихъ судовъ. Бухта опустѣла, на берегу уже не видно было больше толпы, печально сѣрѣли дома по склону горы. Въ нѣкоторомъ отдаленіи проходилъ мимо насъ, дымя обѣими трубами, «Владиміръ», громадный, перегруженный людьми до отказа. Вслѣдъ за «Владиміромъ» вышли въ море и мы. Черезъ нѣкоторое время оказалось, что мы своими средствами идти дальше не можемъ, — не то испортилась машина, не то еще что-то приключилось. Съ нашей канонерки подали «Владиміру» сигналъ остановиться и взять насъ на буксиръ. Раза три

подавали мы ему стальные канаты, но они всякій разъ отказывались служить и лопались. Тогда намъ объявили, что команда «Кавказа» съ пассажирами будетъ пересажена на «Владимірѣ». Канонерку же рѣшили затопить, чтобы она не досталась большевикамъ.

Очутясь, на «Владимірѣ», я, наконецъ, понялъ весь трагизмъ нашего положенія. Какъ на «Владимірѣ», такъ и на десяткахъ другихъ транспортовъ собралась теперь въ открытомъ морѣ вся Русская армія вмѣстѣ съ гражданскимъ населеніемъ, бѣжавшимъ отъ большевиковъ. Уже давно скрылись за горизонтомъ русскіе берега, покидаемые на этотъ разъ окончательно и безвозвратно тѣми силами, которыя еще вели неравную борьбу за возрожденіе Россіи. Эвакуація прошла сравнительно гладко, планомерно и безъ излишней паники; миновали тѣ страшныя минуты, когда подъ напоромъ сѣрой стихійной волны, захлестнувшей уже почти цѣликомъ послѣдній свободный клочокъ русской земли, каждый искалъ спасенія на судахъ. Спасеніе, правда, совершилось, и призракъ смерти исчезъ. Но не хуже ли смерти было сознаніе того, что десятки тысячъ русскихъ людей, преданныхъ своей родинѣ, готовыхъ во имя ея на подвигъ и самопожертвованіе, оказались сразу выброшенными изъ предѣловъ ея, лишились внезапно смысла и цѣли жизни, превратились въ жалкихъ бѣженцевъ, образовавшихъ на пловучихъ островахъ безпомощную, громоздкую толпу? Мы, правда, еще находились на русской территоріи, — на русскихъ транспортахъ; армія еще правда, сохранила оружіе, остались у насъ еще и кое-какія суда военнаго флота. Но надолго ли и къ какимъ невѣдомымъ берегамъ несла насъ судьба? Гдѣ за предѣлами родной страны сможемъ мы, никому уже ненужные, лишніе люди, найти пріютъ? Избѣжавъ смерти, мы казалось, очутились въ настоящемъ аду. Отъ глубокихъ и обширныхъ трюмовъ, полутемныхъ и смрадныхъ, отъ отдѣлений перваго и втораго класса, предоставленныхъ женщинамъ, дѣтямъ и больнымъ, отъ глубинъ парохода до самаго верха его, до самыхъ снастей, копошился людской муравейникъ. Томясь въ трюмахъ и въ нѣдрахъ парохода, сжатые на верхней палубѣ высокимъ бортомъ и образовавъ компактную толпу, черезъ которую и двухъ шаговъ ступить было невысказано, всѣ эти пассажиры, подъ неумолчный и равномерный стукъ мощныхъ машинъ, ожидали своей участи.

Случайно узнавъ, что на «Владимірѣ» находится и наша хозяйственная часть, я послѣ долгихъ усилій очутился на томъ мѣстѣ палубы, на которое мнѣ указали. Здѣсь я нашелъ начальника обоза, офицеровъ и солдатъ, собравшихся въ пространствѣ ограниченномъ командной рубкой и основаніемъ высокой паровой трубы. Было такъ тѣсно, что я съ трудомъ нашелъ мѣстечко, чтобы присѣсть. Невесело и тоскливо было здѣсь. Всѣ сохраняли угрюмое молчаніе, предаваясь теченію своихъ собственныхъ думъ. Всю ночь пришлось провести въ неудобномъ, скрюченномъ положеніи среди переплетенныхъ тѣлъ дремлющихъ людей, образовавшихъ клубокъ изъ торчащихъ рукъ ногъ и головъ. Понутру же голодъ и жажда съ особою силою напомнили о себѣ. Кромѣ чая и сахара, ни у кого изъ насъ не имѣлось продовольствія, но даже и чаю напиться не представлялось возможнымъ. Кипятокъ выдавался на противоположномъ концѣ парохода, и чтобы добраться туда, надо было стать въ очередь съ котелкомъ и обойти вдоль борта весь пароходъ, на что требовалось не менѣе двухъ-трехъ часовъ. Днемъ впрочемъ нѣсколькимъ счастливицамъ изъ нашей группы удалось этимъ пу-

темъ раздобыться и кипяткомъ, и горячимъ супомъ. Такая же нескончаемая очередь вела и въ уборныя. И хотя на палубѣ все же было легче, чѣмъ въ трюмахъ, но къ концу дня прошелъ слухъ, что какая-то женщина, не выдержавъ испытанія, бросилась за бортъ...

Прошла еще одна ночь. На разсвѣтѣ по обѣимъ сторонамъ парохода показались сѣрыя, мрачныя скалы. Мы входили въ Босфоръ. По склонамъ невысокихъ скалистыхъ и обрывистыхъ горъ видѣлись береговыя укрѣпленія, за которыми всего года три тому назадъ скрывались, должно быть, во время войны турецкія батареи. Медленно и долго шелъ нашъ пароходъ по узкому проливу. Но вотъ, наконецъ, скалы раздвигаются; на берегу стали показываться деревушки съ причудливыми сѣрыми деревянными домами, какъ бы слѣпленными между собою, и чѣмъ дальше, тѣмъ шире становился проливъ. На правомъ берегу, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ обрисовались очертанія древнихъ стѣнъ. Здѣсь когда-то на «Вратахъ Цареграда» прибилъ свой щитъ побѣдоносный князь Олегъ. И тутъ же впереди насъ стояла уже на якоряхъ флотилія судовъ, привезшихъ русскихъ бѣженцевъ въ изгнаніе... Миновавъ русскій крейсеръ и два-три большихъ транспорта, такихъ же перегруженныхъ, какъ и «Владиміръ», стали на якорь и мы.

Вскорѣ къ «Владиміру» подошелъ французскій катеръ. Отъ насъ потребовали сдать оружія. На нашей палубѣ появились французскіе сержанты. Производя приѣмку оружія, они старались казаться твердыми, даже излишне твердыми, но по всему было видно, что они нервничаютъ. Молчаливо, но не безъ затаенной горечи, стали офицеры, солдаты и казаки сдавать винтовки, револьверы, пашки...

Подъ вечеръ подошли къ намъ и другіе катера. «Владиміръ» съ разоруженными донцами долженъ былъ немедленно отправиться дальше въ неизвѣстномъ намъ направленіи, другія же, не донскія части, а также и гражданское населеніе, эвакуированное изъ Крыма, должны были пересѣсть на другіе пароходы, стоявшіе на Босфорѣ. Тогда, вмѣстѣ съ хозяйственной частью своего полка, я на одномъ изъ прибывшихъ катеровъ отправился на турецкій пароходъ «Решидъ-Паша», на который уже была пересажена часть кавалеристовъ, прибывшихъ изъ Ялты, въ томъ числѣ и маріупольцы.

Стоя у борта большого парохода, когда-то, должно быть, наряднаго и чистаго, гляжу я поверхъ синихъ и спокойныхъ водъ бухты, на которыхъ въ лучахъ утренняго солнца обрисовываются дымчатые силуэты военныхъ судовъ союзной эскадры, на дальнія очертанія волшебнаго города. «Решидъ Паша» стоитъ на рейдѣ передъ Константинополемъ. У самаго парохода, осаждая его, снуютъ, какъ водяные науки, черные, длинныя кайки, съ которыхъ смуглые, сухощавые люди предлагаютъ обитателямъ парохода разложенные на лодкахъ товары: рахатъ лукумъ, связки имбиря, халву, апельсины, лимоны, папирсы, банки сгущеннаго молока, бутылки греческой анисовой водки «дузико»... На палубу судна ловкой рукой перекидывается веревка, и турецкій торгашъ, продолжая держать въ рукѣ прикрѣпленную къ веревкѣ небольшую корзиночку, завязываетъ куплю-продажу съ солдатами, столпившимися у борта. Когда послѣ обмѣна русскихъ и турецкихъ фразъ, поясненныхъ жестами, сдѣлка наконецъ заключена, то корзиночка подается на палубу, и въ нее укладывается плата за купленный товаръ. Деньгами обитатели парохода не богаты, да и имѣются у нихъ однѣ

только обезцѣненные крымскія бумажки, которыя, правда, еще находятъ сбытъ въ городѣ, но которыхъ требуется цѣлая пачка для покупки кусочка шоколада или халвы; и въ корзиночку плата по большей части поступаетъ натурой. «Загоняють» пару лишнихъ сапогъ, карманные часы, перочинный ножикъ, кусокъ подметочной кожи, и даже изрѣдка, но съ предосторожностью, — и револьверъ, утаенный отъ французскихъ сержантовъ... Корзиночка же возвращался по большей части съ банкой сгущеннаго молока или съ бутылкой «дузико».

Но вотъ, разгоняя кайки, подходить къ «Решидъ Пашѣ» французскій военный ка-теръ. Съ него сѣро-голубые солдаты начинаютъ перекидывать нашимъ пріемщикамъ круглыя булки бѣлаго хлѣба, разбирая ихъ изъ пирамидокъ, сложенныхъ на палубѣ катера; за булками слѣдуютъ и банки съ консервами. Французскія оккупационныя власти приняли на себя снабженіе продовольствіемъ русской арміи, эвакуированной на Босфоръ.

Волей-неволей приходится оторваться отъ борта и отправиться въ рубку, возвышающуюся надъ палубой, куда зовутъ меня обязанности переводчика. Въ рубкѣ живетъ комендантъ парохода. Сюда же въ рубку складывается и продовольствіе для дальнѣйшаго распредѣленія его по командамъ. Пассажирами парохода являются почти исключительно кавалеристы корпуса генерала Варбовича и офицерскія семьи, эвакуированныя изъ Крыма. Имѣются, впрочемъ, семейные и изъ солдатъ, главнымъ образомъ изъ калмыковъ, жены и дѣти которыхъ еще за время денкинской кампаніи покинули вмѣстѣ съ ними свои родныя стени; — имъ отведено мѣсто на палубѣ, на носу парохода. На пароходѣ, временно предоставленномъ нашимъ частямъ, осталась, понятно, и турецкая судовая команда, между прочимъ и поварь. — турокъ, сохранившій власть надъ своей просторной кухней, освѣщаемой алыми огнями плитъ. «Решидъ Паша» — довольно большой пассажирскій пароходъ, но случайные пассажиры его, за исключеніемъ впрочемъ женщинъ, дѣтей и больныхъ, которымъ предоставлены каюты и салонъ перваго класса, предпочитаютъ ночевать на палубѣ, подъ открытымъ небомъ, такъ какъ погода стоитъ теплая и безоблачная, а въ трюмахъ душно и грязно.

Выполнивъ свои обязанности, возвращаюсь на верхнюю палубу. Здѣсь, въ кормовой части, въ проходѣ между лоцманской будкой и бортомъ парохода, помѣщается группа нашихъ офицеровъ; здѣсь же находится и моя «койка», то-есть одѣяло, разостланное на палубѣ и сумка съ вещами. Поодаль, на товарной платформѣ среди подъемныхъ крановъ и свернутыхъ снастей расположились солдаты хозяйственной части. Уже давно разспросилъ я очевидцевъ послѣднихъ крымскихъ боевъ о ночныхъ атакахъ подъ Карповой Балкой на Перекопѣ, уже давно узналъ о томъ, какъ продрогшія и голодные части пытались на заморенныхъ коняхъ и подъ ураганнымъ огнемъ противника въ послѣдній разъ отбить красный штурмъ, какъ противникъ обошелъ укрѣпленныя позиціи по внезапно замерзшимъ Сивашамъ и какъ затѣмъ наши части, сохраняя полный порядокъ, отступили въ Ялту и погрузились на суда... Эти кошмарные дни казались теперь уже давно миновавшими. Больше никому не было охоты вспоминать ихъ: кампанія закончилась, спало съ плечъ непосильное бремя; врагъ уже далеко и безсиленъ добраться до насъ, а сознаніе безопасности, хотя и нечаянной и нежеланной, но тѣмъ не менѣе осуществленной, невольно располагаетъ къ отдыху, къ сладкой мечтѣ... Кто-то изъ насъ раздобылся планомъ Константинополя, и, руко-

ходясь имъ, мы въ дальнихъ очертаніяхъ города уже распознаемъ и Айя-Софію, и Стамбуль, и Галату, и Пера. Однако съѣздъ на берегъ намъ запрещенъ, — на пароходѣ мы — узники. Но какъ заманчиво было бы побывать въ незнакомомъ, загадочномъ городѣ, испытать тѣ невѣдомыя впечатлѣнія, которыя сулитъ намъ издали волшебная панорама. Какъ хотѣлось бы воспользоваться случаемъ занесшимъ насъ сюда, чтобы воочию сличить представленія, сложившіяся на основаніи слышаннаго и читаннаго о знаменитомъ городѣ, съ живымъ и настоящимъ видѣніемъ! И какимъ контрастомъ съ нашими обычными впечатлѣніями являются для насъ, полуодичавшихъ за послѣдніе годы скитаній, видимые признаки цивилизованной жизни, раскрывающіеся нашему взору въ бухтѣ! Близокъ отъ насъ, и недоступенъ намъ этотъ міръ. Единственной непосредственной связью съ нимъ является ежедневное появленіе въ опредѣленные часы нарядной моторной лодки, поблескивающей мѣдными частями и зеркальными стеклами каюты, на которой въ сопровожденіи англійскаго офицера обычно прибываетъ элегантно одѣтая дама. Съ лодки намъ подають два дымящихся котла: одинъ съ горячимъ супомъ, другой съ подслащеннымъ молокомъ для дѣтей. Помимо французскихъ оккупационныхъ властей печется о насъ и англійская благотворительность. И глядя на голодныхъ людей, которые, не стѣсняясь присутствіемъ сѣдшащихъ отчалить отъ парохода иностранцевъ набрасываются на горячую пищу, мнѣ всякій разъ кажется, что мы, какъ прокаженные, обречены на вѣчное изгнаніе...

На «Решидъ Пашѣ» объявились два-три случая сыпно-тифозныхъ заболѣваній. Насъ отправляютъ на дезинфекцію на малоазіатскій берегъ. Гдѣ-то на Босфорѣ высаживаютъ насъ на дикій, скалистый берегъ. Въ деревянныхъ баракахъ дезинфецируютъ нашу одежду, покада матросы американскихъ миноносцевъ, командированныхъ Краснымъ Крестомъ, чистятъ и моютъ нашъ пароходъ. Проводимъ ночь въ какомъ-то большомъ пустующемъ зданіи, прислушиваясь сквозь сонъ къ лаю шакаловъ, доносящемуся изъ сосѣдняго ущелья. Поутру же по горной тропинкѣ, ведущей надъ обрывистымъ берегомъ, идемъ всѣ вмѣстѣ длинной вереницей въ ближайшій городокъ, гдѣ на рейдѣ ожидаетъ уже насъ «Решидъ Паша». По дорогѣ попадаются намъ проволочныя загражденія, свѣже понастроенныя по склонамъ горъ. Берегъ занятъ англійскими войсками. Намъ извѣстно, что изъ глубины страны ведетъ наступленіе освободительная турецкая армія Кемалъ-Паши, доставляя немало заботъ союзникамъ, оккупировавшимъ Константинополь. Къ Кемалю, пользуясь сообщничествомъ турокъ, перебѣжало уже немало добровольцевъ. Если бы и теперь кто изъ насъ пожелалъ бы попытать счастья въ арміи Кемалъ-Паши, то ему не стоило бы большого труда убѣдить кого-нибудь изъ мѣстныхъ жителей провести его по дикимъ тропинкамъ до передовыхъ турецкихъ позицій. Но никому изъ насъ, понятно, до этого нѣтъ дѣла. Мы достигаемъ цѣли нашего путешествія, — турецкаго города, съ его кривыми улицами, высокими и узкими деревянными домами, похожими на зерновые элеваторы. На оставшіеся гроши стригусь и бреюсь у мѣстнаго фигаро. На пристани, послѣ долгихъ торгашествъ, «заго-няю» какому-то турку свой овчинный полушубокъ, только что продезинфецированный. Полученную турецкую лиру припрятаваю для будущей поѣздки въ Константинополь.

Уже кое-кто изъ насъ ухитрился побывать въ турецкой столицѣ. Отъ одного полковника случайно узнаю, что въ русскомъ посольствѣ уже больше года живутъ старые

знакомые моей семьи. Въ надеждѣ получить отъ нихъ точный адресъ моей матери, находящейся за-границей, принимаю рѣшеніе во что бы то ни стало навѣстить ихъ, Пропуска для сѣзда на берегъ выдаются на какомъ-то судиѣ, стоящемъ тутъ же на рейдѣ, и, пользуясь случаемъ, что на это судно съ «Решидъ-Паши» отправляютъ шлюпку для доставки оттуда партіи сгущеннаго молока для дѣтей, отпрашиваюсь туда же и я, въ качествѣ переводчика. Наша гребная лодка причаливаетъ къ крошечному пароходику, причаленному къ французскому крейсеру. На палубѣ его, какъ и на сосѣднихъ баржахъ, смежныхъ съ нимъ, выстроилась уже внушительная очередь просителей. Пропуска выдаютъ туго, и чтобы заручиться имъ, слѣдуетъ предварительно подать письменное прошеніе; къ тому же, къ моему прибытію какъ разъ кончаются присутственные часы. Но порѣшивъ непремѣнно въ тотъ же день получить пропускъ, я мимо зазѣвавшася часового проникаю въ каюту, занятую русскимъ контръ-адмираломъ, завѣдующимъ выдачей пропусковъ. Здѣсь въ канцеляріи, къ моему величайшему удовлетворенію, адмиралъ выслушавъ мое признаніе въ томъ, что мнѣ въ городѣ необходимо сѣздить для того, чтобы устроить свиданіе съ матерью, улыбаясь выдаетъ мнѣ свидѣтельство, разрѣшающее мнѣ во всякое время сѣзжать на берегъ.

По возвращенію на «Решидъ Пашу», составляю письмо къ матери. А на слѣдующій день, на французскомъ катерѣ, привезшемъ продовольствіе, отправляюсь въ Галату. Константинополь со своимъ уличнымъ гамомъ, сутолокой и стремительно несущейся толпой прохожихъ, занятыхъ своимъ дѣломъ и равнодушныхъ къ чужой бѣдѣ, при моемъ безденежьи производитъ на меня удручающее впечатлѣніе. Въ Русскомъ посольствѣ застаю своихъ знакомыхъ, которые мило принимаютъ меня, сообщаютъ мнѣ адресъ моей матери и общаютъ свое содѣйствіе для подысканія временной службы, если бы я захотѣлъ окончательно сѣхать на берегъ. На всякій случай подаю прошеніе въ русское консульство о выдачѣ мнѣ бѣженскаго свидѣтельства. Проведя ночь въ комнатѣ, отведенной подъ дежурный взводъ конногвардейцевъ, я безъ сожалѣнія возвращаюсь поутру на «Решидъ Пашу», гдѣ вновь ожидаютъ меня тишина и спокойствіе.

Проходить еще цѣлый мѣсяцъ. Съ «Решидъ-Паши» насъ тѣмъ временемъ перевели на русскій транспортъ «Ріонъ». Въ глубокихъ полутемныхъ грюмахъ, въ которыхъ насъ размѣстили, и сирадно и грязно. «Ріонъ» въ скоромъ времени отправляется въ Галлиполи, гдѣ наши части будутъ распределены въ концентраціонномъ лагерѣ. Константинопольскіе знакомые пересылаютъ мнѣ отвѣтное письмо отъ матери, которая начала хлопоты о визахъ для меня, и сообщаютъ мнѣ, что мой гражданскій паспортъ уже выправленъ. Тогда, съ разрѣшенія своихъ старшихъ офицеровъ и простясь со своими однополчанами, я, наконецъ, сѣзжаю въ Константинополь. Закончилась моя гусарская служба, и я перехожу на бѣженское положеніе, постылое, томительное...

Гдѣ правда?

Едва ли есть въ мірѣ другой городъ кромѣ Константинополя, исторія котораго была бы такъ богата контрастами, и едва ли другой историческій городъ, прошлое котораго связано съ многочисленными преданіями и поэтическими легендами, способнѣе съ такою силою возбуждать одновременно и глубоко національныя, и чисто утилитар-

ныя вождѣнія различныхъ народовъ и государствъ. Для грековъ онъ — древняя византійская столица, освященная мученичествомъ первыхъ христіанъ и поруганная затѣмъ нашествіемъ иновѣрцевъ; для турокъ онъ — столица когда-то грозной непобѣдимой Великой Порты, султаны которой создали въ немъ твердыню мусульманскаго міра; для западно-европейцевъ — онъ интернаціональный портъ, ключъ къ міровой политикѣ. Для русскихъ же онъ не только въ теченіе вѣковъ являлся предметомъ религіозной мечты, общей всѣмъ православнымъ, конечной цѣлью въ длительномъ процессѣ экономическаго утвержденія Россіи на Черномъ морѣ и залогомъ свободнаго выхода черезъ проливы, — но для многихъ изъ нихъ и понынѣ съ именемъ его связана мысль объ идейной преемственности русскаго самодержавія отъ послѣднихъ византійскихъ императоровъ. Для нихъ Царьградъ — символъ былого величія Россіи.

Однако міровая война въ значительной степени умалила мечту, замѣнивъ ее холоднымъ расчетомъ. По окончаніи ея, интернаціональная политика великихъ державъ временно положила предѣлъ на Босфорѣ различнымъ національнымъ чаяніямъ. Померкла неограниченная власть султановъ надъ древней столицей, замолкли и голоса идейныхъ претендентовъ на нее, — Греціи, ослабленной войной, и Россіи, сраженной революціей. Національный турецкій вождь, Кемаль-Паша, ведя борьбу въ Малой Азіи, еще не создалъ новой турецкой державы, и въ то время осуществлялись какъ будто бы чаянія западно-европейскихъ государственныхъ дѣятелей, — Константинополь сталъ интернаціональнымъ портомъ. И не потому ли, что сталъ онъ таковымъ, что замерли въ немъ проявленія національной жизни, съ которой обычно приходится считаться эмигрантамъ, — не потому ли русскіе бѣженцы, попавъ на Босфоръ, почувствовали, что морально и въ силу историческаго прошлаго Россіи они имѣютъ несравненно больше правъ на свободное жительство въ немъ, чѣмъ временные фактическіе завоеватели его, явившіеся въ него въ качествѣ только представителей безпринципной и эгоистической міровой политики? Къ тому же между бѣженцами и кореннымъ турецкимъ населеніемъ, съ которымъ связывало его общее имъ подневольное и почти безправное положеніе, вскорѣ установились довѣрчивыя и добрыя отношенія. Эти обстоятельства въ значительной степени облегчали бѣженцамъ задачу борьбы за существованіе, и такъ или иначе по прошествіи какихъ-нибудь двухъ-трехъ мѣсяцевъ завершилось временное мирное завоеваніе Константинополя русскими.

При всемъ своемъ многогранномъ обликѣ, при всей своей самобытности, скрывающейся подъ этимъ обликомъ, городъ на нѣкоторое время преобразился. И въ тихомъ Стамбулѣ, съ его величественными мечетями, пестрымъ и многолюднымъ базаромъ, съ его узкими, колѣчатymi переулочками, то вздымающимися уступами въ гору, то разбѣгающимися по сторонамъ главныхъ и болѣе широкихъ улицъ; и въ шумной Галатѣ, среди многотысячной толпы греческихъ спекулянтовъ, матросовъ и солдатъ союзныхъ армій, среди уличнаго гама и при звукахъ шарманокъ, раздающихся въ безчисленныхъ кабакахъ, разукрашенныхъ флагами воѣхъ націй міра; и на богатой Пера, гдѣ снуютъ болѣе нарядная публика, — повсюду слышался тогда русскій говоръ, повсюду бросались въ глаза русскія военныя и гражданскія формы. На центральныхъ улицахъ, а въ особенности на Пера, повсюду видѣлись вывѣски русскихъ магазиновъ, мастерскихъ, бюро общественныхъ организацій, справочныхъ отдѣловъ, конторъ и ресторановъ. На дворѣ у зданія Россійскаго посольства, выходящаго на Пера и охра-

няемаго взводомъ конногвардейцевъ, по цѣлымъ днямъ толпились народъ. Посольскій дворъ представлялъ изъ себя настоящую справочную контору. Здѣсь передавались изъ устъ въ уста злободневныя новости; здѣсь можно было получить всё свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ начать хлопоты о паспортѣ или о визѣ, какъ и гдѣ записаться въ очередь для полученія бѣлья и одежды изъ складовъ Краснаго креста; здѣсь же можно было иногда случайно узнать адреса знакомыхъ и во всякое время услышать рассказы о безчисленныхъ мытарствахъ въ поискахъ заработка, службы, квартиры... А въ небольшую и уютную посольскую церковь по субботамъ и воскресеньямъ или же въ первопрестольные праздники стекалось столько народа, что запоздавшему съ трудомъ удавалось проникнуть въ нее. Такъ же многолюдно было въ опредѣленные часы и на дворѣ русскаго консульства, гдѣ выдавались бѣженскія свидѣтельства, и въ отдѣлѣ Союза городовъ, гдѣ записывались въ очередь для полученія бѣлья, и передъ зданіемъ американскаго Краснаго креста, выдававшего пособія, и въ Николаевскомъ госпиталѣ на Таксимѣ, и въ общественныхъ столовыхъ-палаткахъ, организованныхъ американцами въ различныхъ частяхъ города. Все это русское движеніе, такъ странно сочетавшееся съ присутствіемъ союзныхъ оккупационныхъ войскъ, настоящихъ хозяевъ города, придавало Константинополю своеобразный, еще невиданный дотолѣ отпечатокъ.

Однако русскіе бѣженцы, проходившіе на новыхъ мѣстахъ черезъ всевозможныя мытарства и въ первое время поставленные въ необходимость прибѣгать къ помощи благотворительныхъ организацій и томиться въ очередяхъ для выполненія различныхъ формальностей, далеко не представляли собою праздною и безпомощною толпы. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, каждый изъ нихъ заручился скромнымъ заработкомъ и такъ или иначе прилагалъ усилія къ тому чтобы найти работу. Находили занятія и у англичанъ, и у американцевъ, у французовъ, у турокъ. Вскорѣ почти вся мелочная уличная торговля изъ рукъ греческихъ разносчиковъ перешла къ русскимъ, къ которымъ вслѣдствіе ихъ честности покупатели обращались охотнѣе, чѣмъ къ другимъ. Работали русскіе и въ порту по выгрузкѣ баржъ и торговыхъ пароходовъ. Возникли въ городѣ и русскія рабочія артели, и организованныя на кооперативныхъ началахъ или на средства благотворительности разнообразныя мастерскія, которыя не только доставляли работу мало-мальски знакомымъ съ какимъ-нибудь ремесломъ, но и давали возможность бѣженцамъ за скромную плату обзаводиться предметами первой необходимости.

Когда раннимъ утромъ открывался доступъ на разведенный на ночь Галатскій мостъ и черезъ него шумливо проносились встрѣчныя лавины городского населенія, спѣшащаго къ своимъ занятіямъ, то по обѣимъ сторонамъ моста выстраивались русскіе импровизированные разносчики въ защитныхъ англійскихъ военныхъ шинеляхъ. Группы офицеровъ и солдатъ спѣшили на портовые работы. Многолюдная крутая улочка, ведущая изъ Галаты въ Пера, съ утра занималась русскими торговцами, предлагавшими прохожимъ всякую мелочь, взятую на комиссію, и коллекціи русскихъ ассигнацій, всегда находившихъ любителей. Небольшой трактирчикъ «Медвѣдь», открытый добродушнымъ и дѣловитымъ крымскимъ татаринкомъ неподалеку отъ Галатской башни, являлся излюбленнымъ мѣстомъ для многихъ изъ тѣхъ, кто за день заработалъ нѣсколько пиастровъ. Тутъ за стаканомъ чая, за тарелкой борща или вареныхъ бо-

бовъ, запиваемыхъ рюмкой водки, можно было встрѣтить и инженера, торгующаго на Галатскомъ спускѣ дамскими чулками, и моряка, служащаго водолазомъ у французовъ, и престарѣлаго генерала, днемъ продающаго прохожимъ жареные пирожки, а вечеромъ разносящаго газету «Вечернее Время», и старого банковскаго служащаго, какими-то судьбами ухитрившагося попасть на службу въ монетный дворъ и обижавшагося на то, что французскій директоръ, проходя мимо него, не отвѣчаетъ на его поклонъ, и актера, работающаго грузчикомъ въ порту. Всѣхъ ихъ за мирной бесѣдой по окончаніи дневного труда связывало здѣсь непосредственно воспринимаемое чувство бѣженской солидарности: каждый изъ нихъ находилъ здѣсь моральную поддержку въ томъ, что онъ, какъ и остальные бѣженцы, причастенъ къ тѣмъ духовнымъ и нравственнымъ, чисто національнымъ цѣностямъ, благодаря которымъ русскій человѣкъ не пропадаетъ ни при какихъ обстоятельствахъ. И выпутываясь изъ сѣтей полуголоднаго существованія, посѣтители «Медвѣдя», за рѣдкими исключеніями почти всѣ изо дня въ день улучшали свое положеніе. Когда же черезъ полгода хозяинъ-татаринъ открылъ, наконецъ, болѣе просторный и благоустроенный ресторанъ на улицѣ Пера, то многіе изъ нихъ успѣли въ свою очередь принять настолько болѣе представительный видъ, что смогли появляться и тамъ.

Ресторанчикъ «Медвѣдь» съ его посѣтителями я привожу только въ видѣ примѣра. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, несмотря на нищету и на все оскорбительное безправіе, въ которомъ они очутились въ Константинополѣ, русскіе бѣженцы съ частію выдержали тяжелое испытаніе. Всѣ они болѣе или менѣе приспособились къ новымъ условіямъ жизни, и если долго еще царила вопіющая нищета среди нѣкоторыхъ менѣе приспособившихся, то въ общемъ рѣдко кто унывалъ или падалъ духомъ. Нанболѣе удачливые изъ бѣженцевъ поступили на службу къ французамъ, англичанамъ или американцамъ, кто въ качествѣ шофера, переводчика или секретаря, кто, сохранивъ форму, даже и на полуголосныя должности. Не говоря уже о многочисленныхъ русскихъ ресторанахъ, привлекавшихъ нарядную публику, или о комиссіонныхъ магазинахъ, открываемыхъ по большей части русскими евреями, пооткрывались и частныя дѣловыя, торговыя, техническія или юридическія конторы; появились клубы, читальни и общежитія.

Но если жизнь такъ или иначе постепенно налаживалась, то все же правовое положеніе русскихъ бѣженцевъ въ Константинополѣ было настолько непрочнымъ, такимъ случайнымъ и непостояннымъ былъ ихъ заработокъ, что мечтою каждого стало раздобыть себѣ визу и выѣхать на жительство въ какую-нибудь болѣе спокойную страну. И хотя нелегкимъ дѣломъ было получить разрѣшеніе на вѣздъ въ то или другое иностранное государство, и приходилось для этого не только выполнять нескончаемыя формальности, но и вносить крупныя денежныя залоги, хлопотать черезъ знакомыхъ или родственниковъ, живущихъ въ странѣ, въ которую желаешь отправиться, — но тѣмъ не менѣе по прошествіи года многіе разѣхались, — кто въ Сербію, кто въ Болгарію, Румынію, Западную Европу и даже въ Америку и другія части свѣта.

Тѣмъ временемъ, благодаря энергіи генерала Врангеля, продолжавшаго пользоваться моральнымъ авторитетомъ у союзнаго командованія, на Лемвосѣ и въ Галлиполи сохранились еще послѣдніе кадры Русской арміи. Ведя спартанскую жизнь въ лагеряхъ, сохраняя строжайшую дисциплину и бодрость духа, галлиполійцы генерала

Кутепова высотой своихъ нравственныхъ силъ подавали всему міру примѣръ настоящей воинской доблести.

Съ тѣхъ поръ миновали годы. Уже давно опредѣлились формы эмигрантской жизни и не лишенная оригинальности проявленія ея. Образовавъ многочисленныя колоніи, вкрапленныя въ города всего міра и связанныя между собою общей ненавистью къ большевизму, продолжая отстаивать свои права на существованіе и въ огромномъ большинствѣ случаевъ являясь повсюду выразителями принциповъ порядка, чести и благонамѣренности, русскіе эмигранты съ достоинствомъ несутъ тяжелое бремя, наложенное на нихъ изгнаніемъ. Кадры Русской арміи, разбросанныя по всему міру, по-прежнему готовы по первому зову собраться вокругъ своихъ вождей. На мировой биржѣ труда, несмотря на послѣдствія экономическаго кризиса и увеличеніе безработицы во всѣхъ странахъ, русскій трудъ все же цѣнится по достоинству. Вмѣстѣ съ собою эмигранты перенесли въ изгнаніе частицу русской души. Проявленія религіозной жизни не только не оскудѣли на чужбинѣ, но и углубились и приобрѣли особое значеніе, какъ главная цѣнность національнаго достоянія. Русское искусство нашло во всѣхъ своихъ проявленіяхъ выразителей и получило міровое признаніе. Въ главнѣйшихъ центрахъ возникли русскія школы, университеты, бібліотеки и больницы. Эмигрантская пресса, хорошо освѣдомленная и получившая широкое распространеніе, идейно, хотя правда и преломляя слово черезъ призму различныхъ политическихъ воззрѣній, продолжаетъ бороться съ большевизмомъ. Несмотря на разногласія и разнѣ отдѣльныхъ политическихъ партій и общественныхъ группировокъ, намѣчается въ общихъ чертахъ будущее строительство русскаго государства. Русская исторія, бывшее величіе Россіи, ея славное прошлое, памятники старины и культурныя цѣнности составляютъ предметъ многочисленныхъ лекцій, научныхъ изслѣдованій, журнальныхъ статей... Въ эпоху еще полную послѣдствій мировой войны, насыщенную оппортунизмомъ колеблющихся умовъ, русская эмигрантская мысль немало способствуетъ всеобщему прозрѣнію и утвержденію принципа дѣятельной борьбы съ угрозой мірового коммунизма.

Миновали годы. Уже давно замкнулся для насъ умозрительный кругъ, неумолимо заставившій насъ обратить взоры на истерзанную Россію, увидѣть ее уже не такой, какою она представлялась намъ въ мечтахъ, но такую, какою она стала въ дѣйствительности, подъ гнетомъ кровавыхъ тирановъ. Въ первое время послѣ злополучнаго окончанія освободительной кампаніи, когда уже немного сгладилась личная обида на судьбу, все же вѣрилось, что стараніями и работою честныхъ людей, оставшихся въ Россіи, тамъ произойдетъ перемѣна къ лучшему. Но послѣ временнаго затишья, въ совѣтской Россіи съ небывалой силой вспыхнули гоненія на всѣхъ тѣхъ, кто въ силу своей любви къ родинѣ, своихъ религіозныхъ убѣжденій или своего дореволюціоннаго прошлаго, оказался подозрительнымъ въ глазахъ чекистовъ. Вновь и съ особой силой начались массовые разстрѣлы ни въ чемъ неповинныхъ людей и тѣ изъ преслѣдуемыхъ, которые еще избѣжали разстрѣла, томятся и понынѣ въ тюрьмахъ или влачатъ жалкое существованіе подлѣ бдительнымъ окомъ агентовъ ГПУ. Тѣ, которые въ первые годы большевизма надѣялись на то, что совѣтчина въ скоромъ времени изживетъ себя, и старались оставаться на мѣстахъ, уже давнымъ давно замѣнены коммунистами и ихъ приспѣшниками. Опытъ насажденія коммунизма въ Россіи завелъ страну въ ту-

чикъ экономическаго оскудѣнія; систематическое разрушеніе семейныхъ устоевъ, анти-религіозная пропаганда, идущая въ ногу съ гоненіями на религію, матеріалистическіе принципы, вводимые въ жизнь, все болѣе и болѣе деморализуютъ населеніе, нравственныя силы котораго уже давно парализованы голодомъ, нищетою, эпидеміей, безправіемъ и грубымъ насиліемъ надъ личностью.

И вспоминая здѣсь, на чужбинѣ, о родныхъ, близкихъ и знакомыхъ, оставшихся въ Россіи; сопоставляя ихъ жизнь безпросвѣтную, лишенную и призрака надежды и сводящуюся къ ежедневному трепетному примѣненію къ подлой дѣйствительности, сопоставляя ее съ нашимъ несравненно болѣе сноснымъ существованіемъ въ эмиграціи; взвѣсивая, наконецъ, все безсиліе наше изъ-за рубежа въ чемъ либо помочь имъ, — невольно испытываешь страшное и мучительное чувство. Вѣдь мы отсюда ничего не въ состояніи сдѣлать для Россіи и можемъ только готовиться для будущаго; мы, сохранивъ душу и тѣло, но потерявъ родину, обречены на томительное ожиданіе того еще далекаго момента, когда наконецъ какимъ-то чудомъ въ Россіи произойдетъ сдвигъ. Они же въ родной странѣ, потерявшіе духъ и измотавшіе тѣло, — страдалцы и мученики; и не ихъ ли загубленными жизнями окупится въ будущемъ возрожденіе Россіи, въ которое мы пламенно вѣруемъ? Русскій народъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова; онъ слишкомъ чутокъ, чтобы не осознать всей глубины вопиющей несправедливости, творящейся въ Россіи; онъ въ глубинѣ души своей слишкомъ честенъ, чтобы рано или поздно, когда настанетъ время, не воздать за потоки невинно пролитой крови. Россія возродится въ силу тѣхъ нравственныхъ законовъ, которые лежатъ въ основѣ русской національной души и которые, несмотря на всѣ усилія подорвать ихъ, не смогутъ не проявиться вновь со стихійной силой. И неземное счастье выпадетъ на долю тѣхъ, кто, пребывая въ Россіи, страдая вмѣстѣ съ нею, день за днемъ, вмѣстѣ съ нею же не вѣдая того приближается къ великому дню, когда колокольный звонъ возвѣститъ по всей странѣ о совершившемся спасеніи. Я вѣрю въ это...

И на мучительный вопросъ о томъ, не прошла ли безслѣдно, не подлежитъ ли безславному забвенію такъ печально окончившаяся вооруженная борьба русскихъ ополченій съ большевизмомъ, — изъ самыхъ нѣдръ нашего народа увѣренный голосъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ, и тысяча разъ — нѣтъ!» И тотъ же голосъ, когда совершится, наконецъ, спасеніе Россіи, прозвучитъ громовымъ и торжествующимъ признашемъ: «Русская армія, русскіе люди, выполнили свой долгъ!» Вооруженная борьба была необходима, — этого требовала честь. Если и закончилась она рядомъ неудачъ, если обрѣкла она на длительное изгнаніе сотни тысячъ русскихъ людей, то она же спасла отъ гибели величайшую цѣнность, — идею русской правовой государственности, освятивъ ее и укрѣпивъ жертвою самоотверженно пролитой крови защитниковъ ея. Эта идея жива въ сердцахъ русскихъ эмигрантовъ. Какъ чистый кристалль блистаетъ она огнями, сіяетъ внутреннимъ блескомъ, всѣмъ тѣмъ, что было великаго, цѣннаго, культурнаго и самобытнаго въ вѣковыхъ русскихъ національныхъ достиженіяхъ. Въ сѣрой, туманной мглѣ всеобщаго разрушенія теплится она на чужбинѣ, какъ свѣточъ. Да поможетъ Господь Богъ бережно донести святое пламя до святилища, которое откроется, когда въ Великую Пасхальную ночь по всѣмъ російскимъ городамъ и весямъ торжественно прозвучитъ великая вѣсть: «Христовъ Воскресе!»

П Р И К А З Ъ

Мариупольскому Гусарскому Императрицы Елисаветы Петровны Полку.

(По строевой части).

№ 10.

Г. Новочеркасскъ. 27 августа 1919 года.

§ 1.

Счастливъ объявить полку нижеслѣдующій приказъ по Всевеликому войску Донскому отъ 26 августа с. г. за № 1306:

«Въ срединѣ іюля мѣсяца сего года моимъ приказомъ за № 1136 Всевеликому войску Донскому былъ призванъ къ возрожденію одинъ изъ старѣйшихъ полковъ доблестной русской кавалеріи, имѣющій за собой свыше 150 лѣтъ славной боевой исторіи. Какъ бывший командиръ этого полка, дѣлившій съ нимъ радости успѣховъ и печали боевыхъ невзгодъ въ недавне минувшую Великую войну, проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ крѣпкимъ служебнымъ и боевымъ традиціямъ полка, я счастливъ тѣмъ, что имѣлъ возможность помочь возродиться славному полку на Донской землѣ.

И онъ, далеко еще не сформированный, оборванный, нуждаясь во всемъ, уже не одинъ разъ въ горячихъ бояхъ съ красными измѣнниками, защищая Донъ своею кровью, доказалъ свое право на возрожденіе.

Отъ всего сердца желая воскресшему старому полку скорѣе вернуть свой Георгіевскій штандартъ и полковыя реликвіи, съ которыми его дѣды ходили въ бой съ врагами Великой Россіи, я съ чувствомъ гордости и радости зачисляю себя и Командующаго Донской Арміей Генераль-Лейтенанта Сидорина въ списки полка.

Отъ имени Дона шлю привѣтъ и благодарность за доблестную боевую службу офицерамъ, старымъ и молодымъ гусарамъ, и утверждаю историческое имя полка: «Мариупольскій гусарскій Императрицы Елисаветы Петровны полкъ», номеръ его будетъ добавленъ впоследствии, по номеру дивизіи, куда полкъ будетъ зачисленъ въ составъ Великой Россійской Арміи».

Донской Атаманъ, Генераль-Лейтенантъ **Богаевскій.**

Настоящій приказъ въ ясной и опредѣленной формѣ закрѣпляетъ преемственность нашего возрождающагося полка отъ стараго Мариупольскаго гусарскаго.

Нисколько не сомнѣваясь, что всѣ офицеры и гусары самой неутомимой работой въ періодъ формированія полка и доблестной, самоотверженной службой на фронтѣ, не посрамятъ память своихъ храбрыхъ отцовъ и дѣдовъ **старыхъ мариупольцевъ**, отдавшихъ свою жизнь Родинѣ, и оправдаютъ этимъ оказанное намъ великое довѣріе.

Гордые честию вновь числится въ своихъ рядахъ нашего бывшего командира полка **Генераль-Лейтенанта Богаевского**, нынѣшняго Донскаго Атамана, и занести въ списки полка Командующаго Донской Арміей **Генераль-Лейтенанта Сидорина**, коимъ полкъ столь обязанъ какъ своимъ возрожденіемъ, такъ и мощной поддержкой при формиро-

ваніи, мы должны напречь **всѣ усилія**, чтобы въ кратчайшій срокъ въ полномъ составѣ полка принять участіе въ бояхъ за возрожденіе **Великой, Единой, Недѣлимой Россіи**.

Какъ бывшій командиръ стараго Мариупольскаго гусарскаго полка, принявшій его отъ Генераль-Лейтенанта Богаевского, безмѣрно счастливъ вторично стать во главѣ Мариупольцевъ и отдать Вамъ всѣ свои силы и знанія, я увѣренъ, что коренные офицеры, **мариупольцы**, внесутъ въ полкъ наши старыя, прочныя, полковыя гусарскія традиціи, что новые офицеры примутъ и поддержать ихъ, и что гусары проникнутся ими и достойны будутъ носить высокую честь именоваться **Мариупольскими Императрицы Елисаветы Петровны гусарами**.

Приказъ этотъ прочесть и разъяснить передъ фронтомъ эскадроновъ и командъ и когда будетъ позволять обстановка имѣть на видномъ и почетномъ мѣстѣ во всѣхъ взводахъ.

§ 2.

Бывшаго командира полка и нынѣшняго Донскаго Атамана, Генеральнаго Штаба **Генераль-Лейтенанта Богаевского** и Командующаго Донской Арміей, Генеральнаго Штаба **Генераль-Лейтенанта Сидорина** занести въ списки полка и числить въ **Лейбъ-эскадронѣ**.

Командиръ полка, Генераль-Маіоръ
Чеснаковъ.

Приложеніе № 2.

Историческая памятка 4-го Гусарскаго Мариупольскаго Императрицы Елисаветы Петровны полка.

Старшинство «1748 года, октября 27». Полковой праздникъ 9 мая.

1748 г. учрежденъ Бахмутскій Казачій полкъ.

1764 г. переформированъ въ Луганскій пикинерный полкъ.

1776 г. учрежденъ Полтавскій пикинерный полкъ.

1783 г. іюня 28, изъ Луганскаго и Полтавскаго пикинерныхъ полковъ сформированъ Мариупольскій легко-конный полкъ въ составѣ 6 эскадроновъ.

1796 г. ноября 29, полкъ названъ Гусарскимъ Генераль-Маіора Боровскаго.

1797 г. октября 16, — Гусарскимъ Генераль-Маіора князя Багратіона.

1798 г. сентября 23, — Гусарскимъ Генераль-Маіора Кекутова.

1799 г. іюня 20, — Гусарскимъ Генераль-Маіора графа Витгенштейна.

1801 г. января 1, — Гусарскимъ Генераль-Маіора Мелиссино.

1801 г. марта 31, — Мариупольскимъ Гусарскимъ.

1826 г. января 28, — Гусарскимъ Генерала—отъ Кавалеріи графа Витгенштейна.

1826 г. августа 22, — Гусарскимъ Фельдмаршала графа Витгенштейна.

1833 г. марта 31. — къ полку присоединенъ 3-й дивизіонъ упраздненнаго Дерптскаго конно-егерскаго полка (учрежденъ въ 1806 году), старшинство и знаки отличія котораго сохранены въ полку.

- 1834 г. іюня 16, — полкъ названъ Гусарскимъ Фельдмаршала князя Витгенштейна.
- 1843 г. іюня 7, — Мариупольскимъ Гусарскимъ.
- 1843 г. іюня 30, — Гусарскимъ принца Фридриха Гессенъ-Кассельскаго.
- 1857 г. марта 10, — Мариупольскимъ Гусарскимъ принца Фридриха Гессенъ-Кассельскаго.
- 1864 г. марта 25, — полкъ названъ 4-мъ Гусарскимъ Мариупольскимъ принца Фридриха Гессенскаго.
- 1867 г. іюля 1, — Гусарскимъ Мариупольскимъ Ландграфа Фридриха Гессенскаго.
- 1882 г. августа 18, — 12-мъ Драгунскимъ Мариупольскимъ Его Королевскаго Высочества Ландграфа Фридриха Гессенскаго.
- 1884 г. октября 20, — 12-мъ Драгунскимъ Мариупольскимъ.
- 1891 г. марта 25, — 12-мъ Драгунскимъ Мариупольскимъ Генераль-Фельдмаршала князя Витгенштейна.
- 1907 г. декабря 6, — 4-мъ Гусарскимъ Мариупольскимъ Генераль-Фельдмаршала князя Витгенштейна.
- 1915 г. въ апрѣлѣ, — 4-мъ Гусарскимъ Мариупольскимъ Императрицы Елисаветы Петровны.
- 1917 г. въ декабрѣ, — въ городѣ Верро полкъ, подъ давленіемъ интернаціональных большевицкихъ силъ и обезумѣвшаго народа, разсыпается «въ лаву» по всей Россіи и разстается со своимъ боевымъ Штандартомъ.
Въ боевомъ разсѣяніи, малыми группами и въ одиночку, въ горячихъ партизанскихъ бояхъ съ красными измѣнниками, Мариупольцы защищаютъ честь Родины и имя свое, продолжая длинный путь полка и обезпечиваютъ ему право на жизнь.
- 1919 г. въ августѣ 26, — приказомъ Атамана Всевеликаго Войска Донскаго, Генераль-Лейтенанта Богаевскаго (командира полка въ 1915 г.), разсѣянные части призваны и собраны въ полкъ подъ именемъ «Мариупольскаго Гусарскаго Императрицы Елисаветы Петровны полка».
Полкъ собрался въ составѣ 4 эскадроновъ.
- 1920 г. въ іюнѣ, — въ д. Софіевкѣ (Крымъ) приказомъ Генерала Врангеля полкъ переформировывается въ дивизионъ 4-го Гусарскаго Мариупольскаго Императрицы Елисаветы Петровны полка и входитъ въ составъ 4-го Кавалерійскаго полка (5 и 6 эскадронами).
- 1920 г. въ ночь съ 31-го октября на 1-ое ноября дивизионъ Мариупольцевъ въ составѣ 4-го Кавалерійскаго полка грузится въ Ялтѣ на пароходъ «Русь». На разсвѣтѣ 1-го ноября «Русь» снимается съ якоря и Мариупольцы покидаютъ Родину.
- 1920 г. ноября 8, — прибываютъ въ Галлиполи и располагаются въ лагерѣ Кавалерійской дивизіи въ долину «Розъ и смерти».
- 1920 г. ноября 12, — дивизионъ переформировывается въ 5-й эскадронъ 3-го Кавалерійскаго полка съ сохраненіемъ своего имени, приказомъ Начальника Кавалерійской Дивизіи Генераль-Лейтенанта Барбовича.

- 1921 г. лѣтомъ, — эскадронъ Мариупольцевъ въ составѣ 3-го Кавалерійскаго полка грузится на пароходъ «Иерансундъ» для переѣзда въ Сербію.
- 1921 г. въ концѣ лѣта эскадронъ Мариупольцевъ въ составѣ 3-го Кавалерійскаго полка прибываетъ черезъ Салоники-Гевгели въ Сербію и отправляется на пограничную стражу (Итальянская граница-Адриатическое побережье). Въ борьбѣ за хлѣбъ насущный Мариупольцы вновь разсѣиваются съ цѣлью сохранить себя для дальнѣйшей борьбы за Родину.
- 1932 г. іюня 10, — приказомъ Генерала Миллера учреждено «Единеніе 4-го Гусарскаго Мариупольскаго Императрицы Елисаветы Петровны полка». Въ обстановкѣ разсѣянна Мариупольцы собираются въ полковую семью для продолженія жизни полка «въ разсѣянніи», сохраненія своихъ полковыхъ традицій, завѣтовъ своихъ предковъ и подготовки къ предстоящей борьбѣ за Родину.
- 1932 г. іюля 2, — приказомъ Начальника Кавалеріи и Конной Артиллеріи Русскаго Обще-Воинскаго Союза Генераль-Лейтенанта Варбовича, полковое единеніе зачислено въ составъ Кавалеріи Р.О.В.С. Жизнь Мариупольцевъ продолжается.

Награды и знаки отличія.

- 1) Полковой Георгіевскій Штандартъ съ надписью: «За отличіе въ турецкую войну 1877-1878 гг.» съ Александровской юбилейной лентой. Высочайшая грамота 28 іюля 1878 г.
- 2) 27 серебряныхъ трубъ съ надписью: «Мариупольскому полку за отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи 1812 г.» Пожалованная 13 апрѣля 1813 г. Высочайшая грамота 4 іюля 1826 г.
- 3) 8 серебряныхъ трубъ съ надписью: «Дерптскаго Конно-Егерскаго полка 21 февраля 1846 г.» Высочайше пожалованныя 4 іюля 1846 г.
- 4) За отличіе въ сраженіи при Лейпцигѣ, и въ особенности при Феръ-Шампенуазѣ, знаки на головные уборы съ надписью: «За отличіе 14 августа 1813 г.» Высочайше пожалованные 15 сентября 1813 г.
- 5) Полковой нагрудный знакъ. Высочайше утвержденъ въ апрѣлѣ 1914 г.

Бывшіе шефы полка.

Генераль-Фельдмаршалъ князь Витгенштейнъ съ 1821 г. января 8, по 1843 г. іюня 16, и съ 1891 г. марта 25, по 1915 г. апрѣля.

Генераль-отъ Кавалеріи баронъ Оффенбергъ, 2-мъ Шефомъ полка, съ 1861 г. ноября 13, по 1869 г. февраля 15.

Ландграфъ Фридрихъ Гессенскій съ 1843 г. іюля 30, по 1884 г. октября 10.

Числился въ спискахъ полка Ландграфъ Вильгельмъ Гессенскій съ 1873 г. іюля 22, по 1900 мая 11.

Числится въ спискахъ полка Донской Атаманъ, Генераль-Лейтенантъ Богачевскій, съ 27 августа 1919 г.

Письмо въ редакцію

Милостивый Государь

Господинъ Редакторъ.

Только на дняхъ я имѣлъ возможность достать IV-й томъ, редактируемаго Вами журнала «Бѣлое Дѣло», а потому такъ сильно запаздываю съ моимъ письмомъ.

Въ IV-мъ томѣ, въ статьѣ Капитана 2 ранга Г. Е. Чаплина «Два переворота на сѣверѣ», въ описаніи перваго переворота авторъ дважды полностью упоминаетъ мою фамилію и читатель, сопоставляя, сказанное обо мнѣ на стр. 21 («... красный командующій флотомъ...») и на стр. 23 («... съ уходомъ большевиковъ немедленно подалъ въ отставку...»), вправѣ вывести заключеніе о тогдашнемъ моемъ поведеніи по меньшей мѣрѣ для меня не лестное, а потому считаю своимъ законнымъ правомъ просить дополнить сказанное обо мнѣ слѣдующимъ: во флотиліи Сѣвернаго ледовитаго океана я находился на высшихъ командныхъ должностяхъ съ 3-го августа 1915 г. въ командованіе флотиліей вступилъ 15 апрѣля 1917 года и оставался въ этой должности безъ малѣйшаго перерыва до 2-го августа 1918 года, — такъ какъ считалъ это своимъ долгомъ.

Когда большевики, передъ заключеніемъ Брестъ-Литовскаго мира, заключили перемиріе на всѣхъ фронтахъ, то флотилія, командуемая мною, оставалась официально въ состояніи войны, потому что германское командованіе не согласилось на условія перемирія на сѣверѣ, представленныя мною въ Морской генеральный штабъ, а на измѣненіе этихъ условій не соглашался я. Послѣ заключенія большевиками мира флотилія продолжала враждебныя дѣйствія; въ этотъ періодъ нѣмецкой подводной лодкой въ сѣверной части Бѣлаго моря было утоплено наше промысловое судно «Харитонъ Лаптевъ». Въ самомъ началѣ лѣта 1918 года, появившаяся въ районѣ нѣмецкая подводная лодка была нами обстрѣляна, на что нѣмецкое командованіе пожаловалось въ Москву. Несмотря на приказаніе изъ Москвы флотилія не вступила въ переговоры съ нѣмецкимъ командованіемъ ни непосредственно ни, какъ указывалось, черезъ посредство нѣмецкаго консула въ Норвегіи. На основаніи изложеннаго полагаю, что нѣтъ основаній называть меня краснымъ, тѣмъ болѣе, что о моемъ поведеніи должно было быть извѣстно отъ союзниковъ, съ которыми, послѣ большевизкаго переворота въ Петербургѣ, я дѣйствовалъ въ тѣсномъ контактѣ — съ англичанами главнымъ образомъ черезъ ихъ генеральнаго-консула въ Архангельскѣ Юнгъ, а съ французами черезъ ихъ военную миссію въ Архангельскѣ, кромѣ того, въ этотъ же періодъ я имѣлъ свиданія съ англійскимъ адмираломъ Кемпъ и французскимъ морскимъ агентомъ Капитаномъ 2 ранга — фамилію точно не помню (кажется Гилло).

Съ уходомъ большевиковъ я въ отставку не подавалъ и моя смѣна въ дѣйствительности произошла слѣдующимъ образомъ: въ день переворота 2-го августа 1918 г. въ мой кабинетъ въ штабѣ флотиліи пришелъ контръ-адмиралъ Л. Л. Ивановъ и, заявивъ, что онъ назначенъ правительствомъ командующимъ флотиліей, спросилъ меня не буду ли я протестовать — я отвѣтилъ, что протестовать не собираюсь. Черезъ нѣко-

торое время адмиралъ Ивановъ предложилъ мнѣ мѣсто старшаго морского начальника въ Мурманскомъ районѣ — на что я согласился. 23 сентября того же года, постановленіемъ правительства я былъ вновь назначенъ командующимъ флотиліей и пребылъ въ этой должности до 16 іюля 1919 года, когда былъ назначенъ состоять при генералѣ губернаторѣ Сѣверной области и главнокомандующемъ Русскими силами на сѣверѣ. Кромѣ того, постановленіемъ правительства Сѣверной области я въ началѣ октября 1918 года былъ назначенъ вр. и д. генералъ губернатора и командующаго Русскими войсками на сѣверѣ, **въ кановыхъ должностяхъ** пребылъ до пріѣзда въ область Генерала Марушевскаго, въ ноябрѣ.

Прошу принять увѣренія въ полномъ уваженіи и преданности

Контръ-адмиралъ Н. Э. Викорстъ.

16 апрѣля 1931 г.

Указатель именъ.

- Аваловъ, князь, полковникъ — 128, 167, 183, 185, 188.
Альбрандъ, корнетъ — 137, 139, 140, 147.
Ангуладзе, генералъ — 149, 152.
Баграціонъ, князь, генералъ — 200.
Барбовичъ, генералъ — 99, 102, 104, 105, 106, 109, 133, 144, 146, 152, 191, 201, 202.
Баяковский, полковникъ — 86.
Бобаевскій, атаманъ — 69, 79, 199, 200, 201, 202.
Боровской, генералъ — 200.
Буденный — 84, 85, 86, 88, 178.
Букретовъ, атаманъ — 94, 95.
Бѣлѣцовъ, полковникъ — 79, 80, 91, 109.
Великопольскій, корнетъ — 94, 143.
Викорстъ, адмиралъ — 204.
Витгенштейнъ, князь, ген.-фельдмаршалъ — 200, 201, 202.
Воинова (псевд.) Н., сестра милос. — 69, 72, 73, 74, 86, 87, 91.
Воиновъ (псевд.) Л., полк., уполномоч. Бѣлаго Креста — 67, 68, 69, 91.
Воиновъ (псевд.) М., полковникъ — 67, 68, 69, 70, 72, 73, 74, 78, 81, 94, 105, 110, 111, 118, 129, 174.
Воиновъ (псевд.) С., полковникъ — 67, 68, 69, 70, 71, 84, 85, 87, 97, 101, 120, 123, 125, 128, 129, 130.
Врангель, генералъ, Главнокомандующій, — 86, 94, 98, 116, 121, 122, 133, 167, 174, 188, 196, 201.
Гердеръ, корнетъ — 78, 103, 130, 131, 132.
Гердеръ, поручикъ — 78, 110, 111, 118, 129, 145, 146, 148, 150, 151.
Гессенъ Кассельскій, Вильгельмъ, Ланд-графъ — 202.
Гессенъ Кассельскій, Фридрихъ, Ланд-графъ — 201, 202.
Гилло, морской агентъ, франц., — 203.
Гордѣевъ, ротмистръ, — 69, 79.
Громовъ, коммунистъ — 22, 23, 24, 34, 36, 37, 41, 42, 47, 59.
Деникинъ, генералъ, Главнокомандующій — 7, 39, 41, 42, 43, 66, 75, 89, 113, 114, 115, 116, 122, 130.
Дубянский, корнетъ — 78, 129, 137, 139, 140, 160.
Дьяконовъ, корнетъ — 169, 170.
Елисавета Петровна, Императрица — 67, 94, 129, 199, 200, 201, 202.
Жлоба — 133, 135.
Жуковъ, вольноопред. — 78, 81.
Зайцевъ, вахмистръ — 126.
Зеновичъ, ротмистръ — 78, 129, 159.
Ивановъ, адмиралъ — 203, 204.
Ильинскій, корнетъ — 85, 86, 129, 162.
Икутово, генералъ — 200.
Иемаль-Паша — 192, 194.
Кемпъ, адмир., англійскій — 203.
Козубскій, полковникъ — 192.
Колчакъ, адмиралъ, Верх. Правитель — 10, 13, 53, 89, 115.
Коробовъ (псевд.), корнетъ — 178, 179, 180, 181, 184, 186.
Крейтеръ, полковникъ — 149.
Кутеповъ, генералъ — 70, 99, 118, 197.
Мамонтовъ, генералъ — 70, 85.
Маннергеймъ, генералъ финскій — 10.
Марушевскій, генералъ — 204.
Махно — 86.
Мелиссино, генералъ — 200.
Мечовъ (псевд.) Л., корнетъ — 7, 68, 73, 79, 81.
Миллеръ, генералъ — 202.
Михайловъ, вольноопред. — 78, 85, 87.
Морозовъ, генералъ — 125.
Мураловъ, солдатъ — 8.
Муромскій (псевд.), полковникъ — 129, 135, 155, 158, 160.
Назаровъ, корнетъ — 130, 131, 137, 140, 155, 158, 160, 161, 162.
Никитинъ, поручикъ — 78, 129, 150, 151, 152.
Николай Николаевичъ, Вел. Князь — 27, 66.

- Окуневъ, офицеръ — 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57.
 Олиференко, ротмистръ — 79.
 Орловъ, капитанъ — 98.
 Оффенбергъ, баронъ, генераль — 202.
 Парада, корнетъ — 130, 131.
 Пашкевичъ, корнетъ — 129.
 Пашкевичъ, ротмистръ — 79, 123, 126, 128, 129, 141, 154, 182, 183.
 Петлюра, атаманъ — 10.
 Писаревъ, генераль — 125.
 Пригара, ротмистръ — 94, 129, 143.
 Пономаревъ, заводчикъ — 23, 25, 26, 29, 35.
 Радко-Дмитріевъ, генераль — 64.
 Рачинскій, корнетъ — 94, 113, 149.
 Рожко, подирпорщикъ — 90, 91, 93, 96, 97, 99, 102, 122.
 Рудичевъ, ротмистръ — 123, 129.
 Рузскій, генераль — 64.
 Рябцевъ, полковникъ — 8.
 Сандокъ, галиціецъ — 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 53, 55, 56, 57.
 Семеновъ, коммунистъ — 22, 23, 24, 41.
 Сидоринъ, генераль — 69, 199, 200.
 Скоропадскій, гетманъ — 10.
 Слащевъ, генераль — 98, 119, 120, 121, 123, 143.
 Старченко, заводчикъ — 23, 25, 26, 27, 30, 31.
 Ступа, коммунистъ — 34, 35, 37.
 Сухинъ Г. Л., полковникъ — 96.
 Сушковъ, корнетъ — 123, 129, 160, 164.
 Сѣровъ, ротмистръ — 131, 146, 147, 149.
 Терешниченко, коммунистъ — 23, 28, 35, 38, 41, 59.
 Троцкій, Л. — 36.
 Улагай, генераль — 85.
 Федорчукъ, вахмистръ — 145, 150.
 Фогелькампфъ — 28, 34, 57, 59.
 Юнгъ, консулъ, англ. — 203.
 Юсуповъ, князь — 21, 28.
 Чаплинъ, кап. I ранга — 203.
 Чеснаковъ, П. В. генераль — 69, 74, 75, 76, 79, 82, 86, 87, 91, 92, 93, 94, 99, 102, 105, 106, 118, 119, 120, 122, 123, 130, 131, 200.
 Шаховъ-Корчинскій, корнетъ — 94, 143.
 Шкуро, генераль — 64.

Указатель иллюстрацій.

- Генераль Баронъ П. Н. Врангель и Герцогъ Г. Н. Лейх-
 тенбергскій въ замкѣ Сееонъ между стр. 4—5
 Императрица Елисавета Петровна между стр. 128—129

Къ сотрудникамъ Лѣтописи

Шестая книга Лѣтописи вышла въ свѣтъ въ концѣ 1928 года, седьмая выходитъ только теперь, въ 1933 г. Живое слово лѣтописи бѣлыхъ затихаетъ. А между тѣмъ красныя интенсивно выпускаютъ книги по исторіи Гражданской войны въ Россіи и конечно освѣщаютъ ее съ своей, злостной точки зрѣнія. Исторія героической борьбы бѣлыхъ за Россію не только замалчивается, но и намѣренно извращается!

Такъ продолжаться не должно. Среди бѣлой русской эмиграціи не мало участниковъ и свидѣтелей подвиговъ бѣлыхъ и они могутъ и должны сказать свое слово! Но матеріальное положеніе таково, что продолжать выпускать исторію бѣлой борьбы въ ея Лѣтописи, попрежнему исключительно на средства собираемыя редакціей Лѣтописи — невозможно.

И потому редакція, не считая возможнымъ покорно сложить оружіе въ борьбѣ, намѣтила новый, нынѣ впервые примѣняемый путь продолженія начатого дѣла и предложила своимъ сотрудникамъ, настоящимъ и будущимъ, помочь ей по мѣрѣ силъ и возможности!

Планъ работы слѣдующій:

Вмѣсто книгъ по 15-20 листовъ, редакція предполагаетъ печатать очередныя книги отдѣльными выпусками въ 2-3-4 и болѣе листовъ въ зависимости отъ размѣра того или иного выпускаемого труда. Каждый такой выпускъ оплачивается авторомъ труда и весь комплектъ выпускъ (предположительно по 1.000 экземпляровъ), принадлежитъ автору и либо передается въ его полное распоряженіе, либо, по его указанію, пересылается за его счетъ, любой книжной фирмѣ для дальнѣйшей продажи въ пользу автора труда.

При этомъ редакція Лѣтописи:

1. Сохраняетъ за собою право выбора и редактированія трудовъ изъ числа предложенныхъ авторами для изданія за ихъ счетъ.
2. Свой трудъ по редактированію, изданію и переговорамъ съ книжными фирмами предоставляетъ авторамъ трудовъ — безвозмездно.
3. Удерживать въ своемъ распоряженіи сто экземпляровъ каждаго выпуска, изъ коихъ разсылаетъ часть въ Государственныя бібліотеки и книгохранилища различныхъ странъ, а часть сохраняетъ, въ архивѣ Лѣтописи при полныхъ комплектахъ выпущенныхъ книгъ.

Быть можетъ общія усилія не дадутъ **заглохнуть общему «Бѣлому Дѣлу»!**

Относительно подробностей изданія редакція готова вступить въ переписку съ авторами работъ, какъ находящихся въ портфель редакціи, такъ и могущихъ поступить въ ея распоряженіе.

Всю корреспонденцію надлежитъ направлять на имя редактора-издателя Лѣтописи А. А. фонъ-Лампе по адресу: Berlin-Zellendorf, Zinnowweg 8.

Продолжается подписка на 1933 годъ
на единственный иллюстрированный
двухнедельный
военный и военно-морской журналъ

5-й ГОДЪ

„ЧАСОВОЙ“

ИЗДАНІЯ

Органъ связи русскаго воинства за рубежомъ подъ редакціей В. В. ОРЪХОВА.
Редакторы отдѣловъ: Военно-Морского С. К. Терещенко, Литературнаго: Евгеній Тарусскій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ВО ФРАНЦІИ:		ЗА ГРАНИЦЕЙ:		Въ С.А.С.Ш.:	
На 3 мѣс.	15 фр.	На 3 мѣс.	20 фр.	На 3 мѣс.	1 долларъ
» 6 мѣс.	30 фр.	» 6 мѣс.	40 фр.	» 6 мѣс.	1 дол. 75 ц.
Годовая	60 фр.	Годовая	80 фр.	Годовая	3 дол. 25 ц.
Цѣна отд. №-ра . . .	3 фр.	Цѣна отд. №-ра . . .	4 фр.	Цѣна отд. №-ра . . .	20 ц.

Примѣчаніе: Для Болгаріи — французскій тарифъ.

Всѣ вообще подписчики въ 1933 году получаютъ право на пріобрѣтеніе по льготной цѣнѣ двухъ книгъ «Бѣлаго Дѣла» I, II, III, IV, за приплату 25 франковъ за обѣ книги и 15 фр. на пересылку, или одной книги «Бѣлаго Дѣла» за 15 фр. и 10 фр. на ея пересылку.

Томы V и VI (Записки Ген. Врангеля) продаются на особо льготныхъ условіяхъ: одна книга — 10 фр., двѣ книги — 18 франковъ; пересылка одной — 5 фр., двухъ — 7 франковъ.

Томъ VII въ продажу по льготнымъ цѣнамъ не поступитъ.

Подписка принимается чеками, переводами и заказными письмами.

Адресъ для почтовой корреспонденціи:

„LA SENTINELLE“ Boîte Postale 21, Asnières (Seine).

ЕСЛИ Вы дорожите связью съ вашими соратниками, разсѣянными по всему міру,
ЕСЛИ Вы не оставили надежду на возвращеніе въ Россію, освобожденную отъ красныхъ тирановъ,
ЕСЛИ Вамъ дорога Исторія Россійскихъ арміи и флота и традиціи Бѣлаго Движенія,
ЕСЛИ Вы интересуетесь военнымъ дѣломъ и новѣйшими его усовершенствованіями, жизнью и бытомъ Красной Арміи и Флота,
ЕСЛИ въ Васъ бьется сердце русскаго,

Вашъ долгъ — быть подписчикомъ
„ЧАСОВОГО“